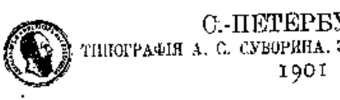
ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ

СЪ 70 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

И. П. МИРОЛЮБОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

Рисунки дозволены цензурою 19 октября 1900 г. С.-Петербургъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автору предлагаемыхъ очерковъ пришлось прожить на островѣ Сахалинѣ восемь лѣтъ. Испытавъ лично всевозможныя положенія ссыльной жизни, онъ рѣшилъ описать наиболѣе выдающіяся событія сахалинскаго «чистилища». Въ 1898 г. А. П. Саломонъ, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, посѣтилъ этотъ островъ отверженныхъ, и вотъ къ какому грустному заключенію привело его подробное обозрѣніе всѣхъ условій каторжной жизни ссыльныхъ:

«Тюремныя учрежденія Сахалина въ отношеніи внутренняго порядка и дисциплины, въ отношеніи всѣхъ отраслей хозяйства и довольствія, въ отношеніи, наконецъ, постановки работъ, не выдерживаютъ даже снисходительнаго сравненія съ наименѣе благоустроенными изъ мѣстъ заключенія Европейской Россіи» (см. «Тюремный Вѣстникъ», 1899 г., № 6).

Такимъ образомъ, различныя реформы послѣдняго времени мало коснулись этого мѣста изгнанія, и жизнь ссыльныхъ до сихъ поръ остается почти въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и во времена пребыванія автора на Сахалинѣ.

Предлагаемые очерки печатались въ первыхъ семи книгахъ «Историческаго Вѣстника» 1900 года. Въ текстѣ настоящаго изданія сдѣланы нѣкоторыя исправленія и дополненія.

Рисунки воспроизведены съ фотографій, снятыхъ съ натуры и любезно сообщенныхъ редакціи «Историческаго Вѣстника» гг. Б. О. Пилсудскимъ, А. А. Суворовымъ, В. Л. Комаровымъ, В. В. Сахаровымъ и фотографомъ изъ Владивостока г. Будагіанцомъ.

22 августа 1900 года.

С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

СТРАН.

ЧАСТЬ III.

ЧАСТЬ IV.

СТРАН.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

ЧАСТЬ III.

ЧА ТЬ IV.

ЧАСТЬ I.

I.

Первыя впечатлѣнія отъ сахалинскихъ береговъ. — Прибытіе парохода на рейдъ Александровскаго поста.—Перевозка каторжныхъ на пристань. — Арестантскій багажъ.—Видъ сахалинскихъ береговъ.—Первая встрѣча со смотрителемъ Л—ъ.—Ожиданіе обѣда.—По дорогѣ въ Александровскій постъ.—На тюремномъ дворѣ.—Размѣщеніе по казармамъ.

Въ началѣ августа 188* года, на пароходѣ Добровольнаго флота, наполненномъ ссыльно-каторжными, я подходилъ къ берегамъ Сахалина. Этотъ островъ всегда представлялся мнѣ не иначе, какъ угрюмымъ, пустыннымъ мѣстомъ ссылки. Въ молодые годы моему воображенію рисовались каменистыя скалы съ прослойками угля, голый берегъ да безграничное, холодное море. И какъ я обрадовался, когда черезъ иллюминаторъ арестантскаго отдѣленія мелькнули гористые берега острова, густо заросшіе зеленымъ лѣсомъ! Это первое впечатлѣніе отъ сахалинской зелени у меня вызвало радостную надежду, что, послѣ многолѣтняго тюремнаго заключенія, наконецъ-то я здѣсь найду и солнечный свѣтъ, и тепло, и непосредственное общеніе съ природою. Впрочемъ, не у меня одного видъ сахалинскихъ береговъ вызывалъ радостное настроеніе: многіе изъ ссыльныхъ, чрезвычайно истомившись тяжелымъ плаваніемъ на пароходѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали его окончанія.

— Въ каторгѣ не такъ трудно, какъ здѣсь, на пароходѣ,— говорили старые бродяги, уже побывавшіе на каторжныхъ работахъ.

Рано утромъ пароходъ подошелъ къ Александровскому посту, главному городу на Сахалинѣ. Не успѣли арестанты привести

себя въ порядокъ послѣ сна, какъ имъ подали легкій завтракъ, а затѣмъ началась перевозка ихъ съ парохода на пристань.

Вмѣстѣ съ другими арестантами вызвали и меня на палубу парохода. Небо было ясно, и августовское солнце заливало яркимъ свѣтомъ многоголовую толпу на пароходѣ, далекое море и красивыя горы острова. Однако разсматривать было некогда. При подневольныхъ передвиженіяхъ, обыкновенно бываешь занятъ соображеніями: куда итти, гдѣ встать, куда положить вещи и пр. Въ этой арестантской сутолокѣ боишься получить незаслуженный пинокъ или услышать грубое слово отъ какого нибудь солдата, а потому все вниманіе напрягаешь, чтобы избѣгнуть легко возможныхъ столкновеній.

У борта парохода уже стояли деревянныя баржи, и намъ приказали немедленно спускаться въ нихъ. Каждый изъ насъ несъ на себѣ сѣрый мѣшокъ съ казенными вещами. Мнѣ, обезсиленному казематною жизнью, трудно было сходить по трапу съ грузнымъ мѣшкомъ. Тюремное начальство посовѣтовало моимъ роднымъ дать мнѣ на дорогу только самыя необходимыя вещи и не тяжелыя, чтобы не стѣснить меня при передвиженіяхъ, а само надавало цѣлую кучу ненужныхъ вещей. По старому порядку, когда каторжные шли по «владимиркѣ», имъ выдавалось нѣсколько паръ чирковъ (кожаныя туфли), подкандальники и другіе предметы для дальней дороги. Должно быть, по этому положенію и намъ насовали всѣ эти вещи въ нѣсколькихъ экземплярахъ, тогда какъ на пароходѣ совершенно довольно было и одной пары чирковъ. При томъ мы обязаны были подъ угрозой строгаго наказанія беречь эти вещи во все время пути и сдать счетомъ тюремному начальству на Сахалинѣ.

Баржами управляли каторжные въ обычныхъ своихъ сѣрыхъ костюмахъ. Это были первые сахалинцы, съ которыми мы заговорили. Съ ихъ стороны чаще слышались вопросы: «Какой губерніи?» «На сколько лѣтъ?» А съ нашей—«Каковъ смотритель?» «Водки можно достать?» «А въ карты играютъ?» и т. п.

Море было тихо. Послѣ получасового плаванія мы вышли на длинную деревянную пристань. Сотни арестантовъ сѣрою полосой растянулись на большое пространство. Я присоединился къ нимъ и усѣлся на свой мѣшокъ рядомъ съ молодымъ студентомъ, съ которымъ пріятельски сошелся въ дорогѣ.

Мы залюбовались картиной береговъ. Недалеко отъ пристани изъ воды красиво выступаютъ три высокихъ скалы, очень по-

хожихъ одна на другую, а потому названныхъ «Тремя братьями». Далѣе виднѣется рядъ грандіозныхъ темныхъ мысовъ, закрывающихъ старѣйшій постъ Дуэ. По другую сторону пристани опять рядъ отлогихъ мысовъ съ мягкими очертаніями контуровъ перспективно растягивается далеко къ сѣверу и теряется въ бѣловатомъ горизонтѣ моря. Нѣсколько отступя отъ берега, на холмахъ раскинулся городъ, а кругомъ его огромнымъ кольцомъ высятся горы. Извилистая рѣка блестящею лентой огибаетъ селеніе и, прежде чѣмъ броситься въ волны Татарскаго пролива, круто поворачиваетъ вдоль морского берега, образуя песчаную косу.

Для меня, четыре года имѣвшаго предъ своими глазами голую стѣну тюремнаго каземата, было неизъяснимымъ удовольствіемъ любоваться картинами природы. Каждая мелочь занимала и приковывала надолго мое вниманіе. Я не могъ оторвать глазъ отъ птички, прыгающей по периламъ пристани, или отъ случайно занесенной вѣтки дерева. Въ тюрьмѣ приходилось видѣть только желтоватые да сѣроватые тоны при слабомъ свѣтѣ маленькаго окна съ матовыми стеклами; а теперь подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ цѣлое море всевозможныхъ красокъ— синихъ, зеленыхъ, желтыхъ, съ ихъ безчисленными, едва уловимыми, переливами.

Уже полдень. Выгрузка все еще продолжается. Многіе выражаютъ нетерпѣніе, когда ихъ поведутъ на новыя квартиры да накормятъ обѣдомъ. Нѣкоторые вытащили припрятанные куски судовыхъ галетъ и ѣли.

По пристани медленно расхаживала маленькая, сутуловатая фигура въ полицейской формѣ и зорко посматривала на арестантовъ. Вдругъ этотъ чиновникъ направляется прямо ко мнѣ.

— Какъ фамилія?

Я поднялся и сказалъ. Спросилъ онъ фамилію студента и также тихо удалился отъ насъ. Мы подивились его прозорливости. Хотя я и мой товарищъ костюмами не отличались отъ общей массы сѣрыхъ арестантовъ, онъ подошелъ только къ намъ, людямъ изъ привилегированнаго сословія.

Кто-то изъ кучи арестантовъ сказалъ намъ, что этотъ невзрачный на видъ человѣкъ есть смотритель здѣшней тюрьмы Л—ъ, страхъ и ужасъ всего Сахалина.

Еще дорогой я безпокоился вопросомъ, какого-то смотрителя пошлетъ мнѣ судьба. И теперь, слыша разговоры о грозномъ смотрителѣ, я сильно призадумался.

Группы арестантовъ о чемъ-то оживленно перебрасывались словами. Вѣроятно, на свѣжемъ морскомъ воздухѣ голодъ давалъ себя чувствовать сильнѣе. Но никто не осмѣлился попросить ѣсть. Жизнь въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ научила всѣхъ выжидать, но не просить.

— Начальство лучше знаетъ, что надо дѣлать, и обо всемъ позаботится въ свое время,—обыкновенно съ ироніей говорили каторжники.

Наконецъ, къ вечеру скомандовали намъ выстроиться въ ряды и по одному стали пропускать мимо стола, за которымъ сидѣли смотритель и еще кто-то изъ тюремнаго начальства. По примѣру другихъ протащился и я мимо нихъ, безъ шапки и съ мѣшкомъ за плечами. Эта дефилировка заняла немало времени; и когда послѣдній арестантъ прошелъ въ общую кучу, солнце закатилось.

Отъ пристани до самаго города шелъ рельсовый путь по краю большой шоссейной дороги. По немъ ходили съ грузомъ вагонетки, подталкиваемыя рабочими. Предложено было слабымъ арестантамъ положить на нихъ свои вещи, а очень больнымъ разрѣшено и сѣсть на нихъ. Сразу бросилось впередъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ немало и здоровыхъ, и заняли всѣ мѣста на вагонеткахъ. Я не покушался сложить свой мѣшокъ на вагонетку и хорошо сдѣлалъ, потому что по приходѣ въ городъ нѣкоторые не нашли своихъ вещей.

Темно было, когда мы всей гурьбой въ полтысячи человѣкъ двинулись въ путь. Около меня шелъ высокій здоровый плотникъ, Егоръ Павловъ. Я его любилъ за кроткій нравъ и за множество услугъ, оказанныхъ имъ мнѣ на пароходѣ. Онъ понялъ, что я изнемогаю отъ своего мѣшка, схватилъ его сильною рукою и присоединилъ къ своему.

Дорога шла въ гору. Пройдя версты двѣ, мы вступили въ ворота двухъэтажнаго зданія съ башней. Это и была Александровская тюрьма. Насъ ввели въ большой дворъ, огражденный со всѣхъ четырехъ сторонъ деревянными одноэтажными строеніями. Тамъ опять мы выстроились въ длинные ряды. Арестанты побаивались, что сейчасъ начнется имъ пріемъ, и придется всю ночь провести безъ сна подъ открытымъ небомъ; но, къ общей радости, этого не случилось. Смотритель сказалъ внушительную рѣчь; между прочимъ предлагалъ въ продолженіе трехъ дней не сообщаться съ старокаторжными и не слушать ихъ ложныхъ слуховъ.

— Поживете,—сами увидите!—кричалъ онъ намъ рѣзкимъ голосомъ:—а теперь надзиратели покажутъ вамъ временно назначенныя для васъ казармы. Завтра съ утра начнется пріемъ.

А объ обѣдѣ или ужинѣ ни слова.

Всѣ бѣгомъ бросились къ указаннымъ зданіямъ. Я съ кружкомъ интеллигентныхъ ссыльныхъ вошелъ въ первую попавшуюся казарму, и мы заняли рядъ свободныхъ мѣстъ на нарахъ.

Казарма была чисто выметена и обставлена срубленными елками, распространявшими пріятный смолистый запахъ. Въ углу красовалась большая икона съ лампадой. На первый взглядъ, еще незараженный баракъ производилъ пріятное впечатлѣніе; но я тогда не имѣлъ понятія, что̀ онъ представляетъ изъ себя зимою, переполненный людьми, пришедшими съ работы изъ лѣса!

II.

Исканіе пищи.—Приглашеніе къ смотрителю.—Его любезный пріемъ.—Ужинъ.—Утреннія впечатлѣнія.—Наказаніе розгами.—Пріемъ каторжныхъ по списку.—Раздраженіе смотрителя.—Положеніе лишеннаго всѣхъ правъ.

У всѣхъ прибывшихъ стоялъ неотвязчиво вопросъ: гдѣ бы поѣсть? Это легко было бы исполнить, еслибы у насъ съ собою были деньги, потому что въ каждой казармѣ у каторжныхъ есть майданы-лавки, гдѣ можно достать хлѣба, булокъ, молока, рыбы, сахару и табаку. Но деньги при отправкѣ въ дорогу отбираются отъ арестантовъ, и у моей группы товарищей не было ни одной копейки.

Я вышелъ на дворъ. Немного странно было чувствовать относительную свободу. Обыкновенно позади или впереди себя я привыкъ видѣть солдата или жандарма, которые своеобразно и направляли мой путь; а тутъ иди, куда хочешь! Можешь направо, можешь налѣво, можешь въ другую каза̀рму зайти. Зашелъ. Тамъ стоитъ стонъ и гамъ, смѣхъ и ругань, и все затянуто, какъ туманомъ, табачнымъ дымомъ. Ищутъ земляковъ. Многіе уже собрались въ небольшія группы.

Узнавъ положительно, что до завтрашняго дня не дадутъ намъ ни куска хлѣба, я пошелъ къ своему мѣсту и сталъ было

располагаться на ночлегъ, какъ вдругъ среди шума ясно пронеслась моя фамилія. Мои сосѣди указали на меня. Подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ пиджакѣ, съ небольшою претензіей на франтовство, и проситъ меня пройти съ нимъ къ смотрителю. Это былъ тюремный писарь изъ ссыльно-каторжныхъ. Вмѣстѣ со мною онъ пригласилъ еще одного офицера, кавказскаго героя турецкой войны, сосланнаго сюда за оскорбленіе начальника.

Въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ съ желтыми тузами на спинѣ, въ сѣрыхъ шапкахъ безъ козырьковъ, въ желтыхъ чиркахъ, некрасиво сидящихъ на ногахъ поверхъ сѣрыхъ подвертокъ, въ коротких куртках и грубыхъ штанахъ съ прорѣзами для кандаловъ, мы стѣсняемся пройти въ комнаты смотрителя и останавливаемся въ передней въ ожиданіи, что будетъ дальше.

— Господа, пожалуйте сюда!—зоветъ насъ самъ смотритель въ столовую.—Пожалуйста, поужинайте у меня; только извините, что не могу угостить васъ мясомъ. Солонина, вѣроятно, надоѣла вамъ и въ морѣ, а свѣжее мясо у насъ бываетъ случайно, когда убьютъ лишняго бычка или застарѣвшую корову. Пожалуйста, извините!

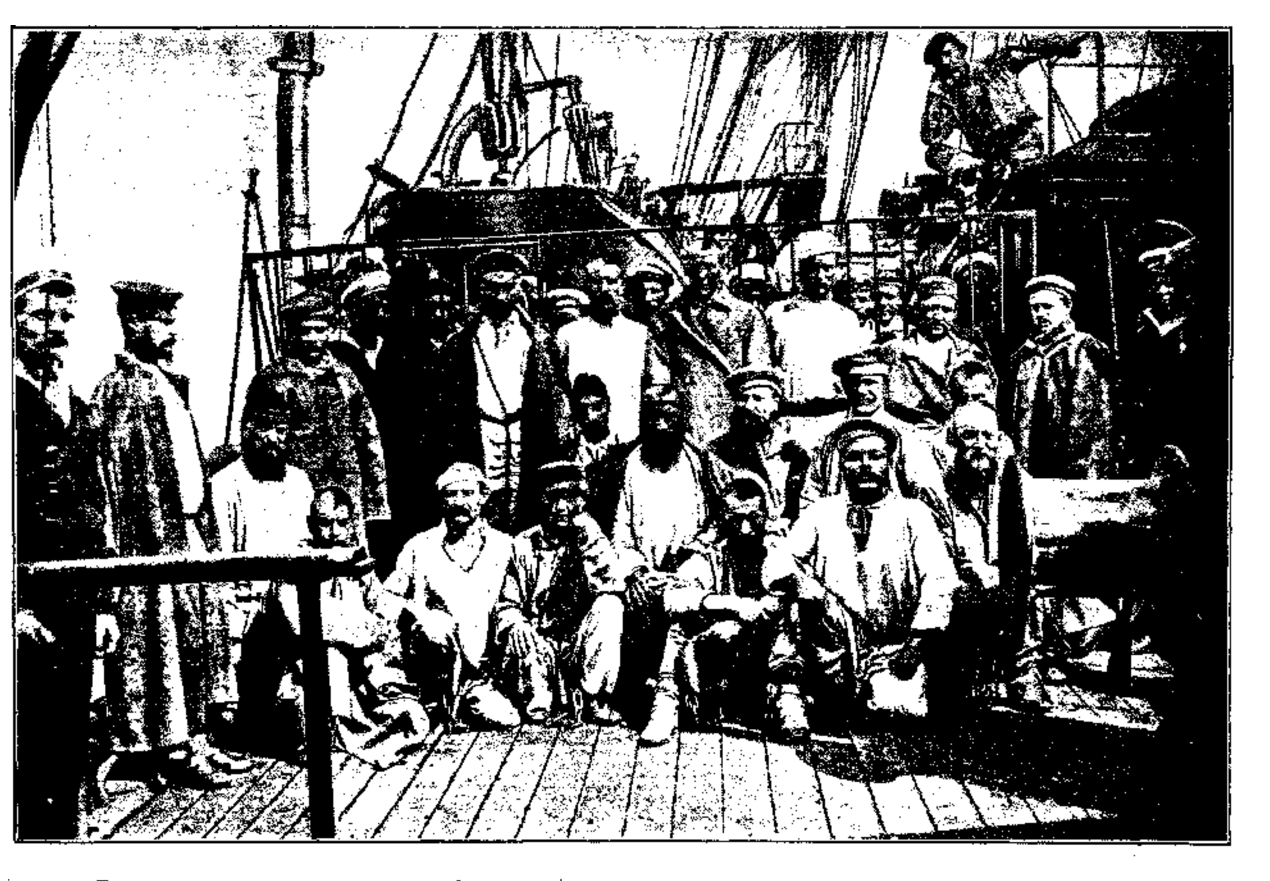
Я взглянулъ на длинный столъ. Онъ былъ весь уставленъ разнообразными блюдами. Видна рыба, напоминающая своимъ розовымъ мясомъ семгу или лососину.

— Ну, чего онъ извиняется? — подумалъ я. — Мы голодны, какъ собаки, и рады были бы куску хлѣба, а тутъ стоитъ полный столъ изысканныхъ блюдъ! Да я четыре года ничего подобнаго не ѣлъ.

— Вы меня извините, господа!—продолжалъ смотритель:—я пойду соснуть немного. Уже поздно, а завтра мнѣ надо подняться въ три часа на раскомандировку.

Глядя на его тщедушную фигуру, я его искренно пожалѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я,—онъ цѣлый день до глубокой ночи въ хлопотахъ около рабочихъ и въ заботѣ объ ихъ чистотѣ и довольствѣ. Говорятъ, онъ гроза ссыльныхъ. Напротивъ! Я поражаюсь, какой онъ предупредительный, вѣжливый, любезный, добрый...

— Повѣрьте,—какъ бы угадывая мои мысли, говоритъ смотритель: — я иногда такъ устаю, что приду домой, стану около стола, да такъ и засну стоя... Пожалуйста, господа, садитесь и угощайтесь.

Группа арестантовъ на пароходѣ Добровольнаго флота во время слѣдованія на о. Сахалинъ.

Онъ попрощался съ нами и ушелъ.

Мы были очень довольны не столько тѣмъ, что могли утолить свой голодъ, сколько вниманіемъ къ намъ смотрителя. Мучительный вопросъ—наше отношеніе къ сахалинскому начальству—до нѣкоторой степени разрѣшился. Будущее намъ представлялось не такимъ тяжелымъ.

За столомъ я вспомнилъ своихъ голодныхъ товарищей и предложилъ кавказскому герою взять для нихъ чего нибудь, хотя бы по куску хлѣба.

— Нѣтъ, ни за что! Еще увидитъ кто нибудь изъ слугъ, донесутъ смотрителю, сочтутъ насъ за воровъ, и всю репутацію мы сразу испортимъ.

Какъ я ни убѣждалъ его, что смотритель самъ съ удовольствіемъ послалъ бы имъ и хлѣба, и рыбы, еслибы онъ узналъ о состояніи нашихъ товарищей, — кавказскій герой не соглашался. Я ему доказывалъ, что тутъ кроется недоразумѣніе: на суднѣ основательно не кормили насъ, полагая, что мы пообѣдаемъ на берегу. А здѣсь, вѣроятно, убѣждены, что насъ накормили на цѣлый день на пароходѣ, да, пожалуй, еще дали галетъ въ запасъ. Не тронулъ моего застольника и философскій афоризмъ, что безъ нарушенія закона не проявишь любви.

Нашихъ товарищей очень заинтересовало, зачѣмъ насъ позвали къ смотрителю, а потому мы застали ихъ въ казармѣ не спящими. Они тоже закусили немного: какой-то рабочій досталъ имъ нѣсколько галетъ, въ надеждѣ получить потомъ отъ «господъ» существенную благодарность.

Мнѣ не спалось всю ночь. Съ разсвѣтомъ я уже поднялся и сталъ наблюдать, глядя въ окно. По двору спѣшно ходили взадъ и впередъ старокаторжники. Раскомандировка ихъ на работы уже была въ три часа ночи. Вновь прибывшихъ не велѣно будить. По установившемуся обычаю имъ дается три дня отдыха по прибытіи на Сахалинъ. Издали доносились до меня слабые крики, правильно раздѣленные небольшими паузами:

— Ай!.. ай!.. ай!..

— Что это за странные звуки?—недоумѣвалъ я. Мнѣ казалось, они доносились съ противоположнаго конца двора.

— Что это такое?—спрашиваю вошедшаго въ казарму рабочаго.

— Это Л—ъ нашу кровь пьетъ! Каждый день онъ начинаетъ съ крови. Хватитъ ему сегодня: полная кандальная насажена нашимъ братомъ.

Пристань Александровскаго поста.

— Да за что же это?

— А вотъ увидите сегодня.

Теперь внимательно прислушавшись, я понялъ, что эти отдаленные крики испускаетъ человѣкъ при каждомъ ударѣ розогъ. Невыносимое чувство охватило меня. Мнѣ хотѣлось бѣжать. Но куда убѣжишь? Я заметался, какъ въ кошмарѣ: какъ будто что-то тяжелое давитъ меня, я стараюсь освободиться и не могу... Тутъ только представился воочію весь ужасъ каторги.

— Боже мой, куда мы попали!—молился я.

Въ это время въ казармѣ всѣ поднялись съ наръ и стали быстро одѣваться. Черезъ часъ мы уже стояли на дворѣ съ мѣшками въ рукахъ. Смотритель спѣшно расхаживалъ по нашимъ рядамъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Лицо его нервно передергивалось. Сѣрые глаза неумолимо смотрѣли, перебѣгая по лицамъ каторжныхъ. Несмотря на сотни народа, тишина стояла невозмутимая, какъ въ морѣ передъ бурей. Въ страшномъ угнетеніи стоялъ и я безъ шапки въ рядахъ каторжныхъ, инстинктивно ожидая чего-то ужаснаго отъ раздраженнаго смотрителя. Онъ, какъ хищный звѣрь, искалъ, на кого броситься; но всѣ замирали при его приближеніи. Наконецъ, онъ сѣлъ за столъ. Рядомъ съ нимъ усѣлись еще два чиновника. Писарь поочередно вызывалъ по фамиліямъ.

— Петръ Сморчукъ!

— Я!—откликался Сморчукъ и шелъ къ столу. Тамъ онъ вынималъ изъ мѣшка казенныя вещи и передавалъ ихъ счетомъ надзирателю. Одинъ изъ чиновниковъ дѣлалъ отмѣтку по статейному списку о пріемѣ ссыльно-каторжнаго и отпускалъ его.

— Ну, вотъ опять придется стоять весь день на солнцѣ. Когда же накормятъ насъ? — уныло спрашивали каторжные другъ друга.

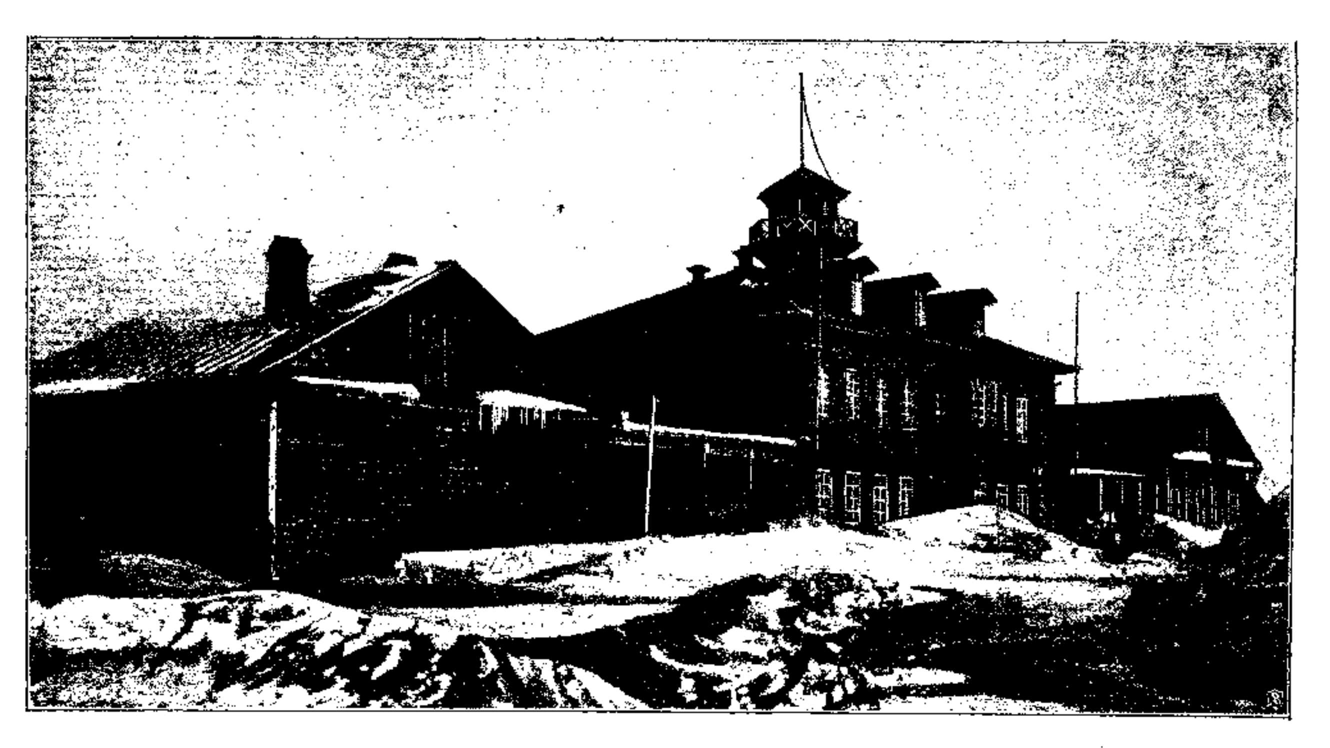
Писарь продолжалъ вызывать по списку:

— Семенъ Хоменко!.. Семенъ Хоменко!

— Я! я!—нѣсколько замѣшкавшись, выступалъ изъ заднихъ рядовъ толстый парень съ мѣшкомъ.

— Ахъ, ты, гадина! — вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста смотритель.—Ты что же не отзываешься? Я тебѣ уши раскрòю! Взять его въ кандальную!.. Я вамъ уши раскрòю!—обращается онъ ко всей массѣ каторжныхъ.

Хоменка надзиратели повели въ кандальную, гдѣ сидятъ провинившіеся и потому закованные каторжные. Это значитъ завтра утромъ онъ познакомится на кобылѣ съ розгами.

Александровская тюрьма зимою.

Смотритель съ раздраженнымъ лицомъ нервно прошелся по рядамъ каторжныхъ и гнѣвно покрикивалъ: «Я вамъ уши раскрою»... Когда онъ усѣлся, писарь опять сталъ вызывать по списку. Всѣ стояли, напряженно прислушиваясь къ фамиліямъ. Нѣкоторые съ явнымъ трепетомъ подходили къ столу и спѣшили, по примѣру другихъ, скорѣе выкладывать изъ мѣшка чирки, подкандальники и прочее.

Но вотъ вызвали одного смирнаго деревенскаго парвя. На пароходѣ я училъ его грамотѣ и успѣлъ хорошо познакомиться съ нимъ. Никогда до ареста не выѣзжавшій изъ своей волости, онъ не умѣлъ говорить съ господами или съ начальствомъ, а только боялся ихъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ столу и дрожащими руками сталъ развязывать свой мѣшокъ. Смотритель о чемъ-то спросилъ его. Не отвѣчая ему, бѣдняга неуклюже спѣшилъ сперва выложить свои вещи. Можетъ быть, впопыхахъ онъ и не слышалъ вопроса смотрителя.

— Да ты что же мнѣ не отвѣчаешь, гадина?! Я тебя научу разговаривать! Взять въ кандальную!..

Повели и его мимо рядовъ каторжныхъ въ другой конецъ двора. На немъ лица нѣтъ, какъ говорится. А ужъ онъ-то навѣрно больше всѣхъ старался угодить начальству.

Вскорѣ повели въ кандальную еще и еще... Всѣхъ ихъ завтра будутъ наказывать розгами.

— Ну, чирки,—кто-то тихонько замѣтилъ въ толпѣ:—тяжело было васъ нести, а разставаться съ вами еще тяжелѣе!

— Да, это похуже кавказскихъ полушубковъ,—отвѣтилъ ему бывшій на турецкой войнѣ солдатъ:—когда за Кавказомъ мы зимой простуживались и умирали отъ тифа, у насъ не было полушубковъ, а лѣтомъ вдругъ приходитъ съ ними цѣлый транспортъ. Роздали намъ полушубки на походѣ и заставили нести ихъ на себѣ назадъ домой. А тутъ безъ того отъ жары не знаешь, куда дѣваться...

— Однако, братцы, дадутъ ли намъ ѣсть сегодня?—перебиваетъ его молодой ярославецъ.

— Поди-ка, подступись къ нему. Онъ тебѣ дастъ поѣсть! Будешь сытъ!

Нѣкоторые, какъ сошли съ парохода, ничего еще не ѣли, а до конца переклички еще было далеко. Послѣ видѣнныхъ сценъ мнѣ было не до обѣда. Эта фраза «лишенный всѣхъ правъ» только теперь стала мнѣ понятна во всемъ ея ужасномъ зна-

Дворъ Александровской тюрьмы зимою.

ченіи. Передо мною возстали картины будущихъ непрерывныхъ сценъ насилія, страшныхъ казней и ежедневныхъ издѣвательствъ надъ человѣкомъ... Здѣсь, думалъ я, надо забыть свою личность, спрятать свое самолюбіе и, какъ скотина, покорно исполнять волю господина. Я въ какомъ-то отупѣніи стоялъ безъ шапки, не слушая замѣчаній своихъ товарищей.

III.

Обѣдъ.—Тревожный шумъ въ столовой.—Покушеніе на жизнь смотрителя.—Злорадство арестантовъ.—Смерть простреленнаго каторжника.—Прогулка внѣ тюрьмы.—Назначеніе въ Тымовскій округъ.—Мнѣніе чиновниковъ о раненомъ смотрителѣ.—Свиданіе съ нимъ.

— Пожалуйте наверхъ обѣдать!—зоветъ меня слуга смотрителя, выводя изъ тяжелаго раздумья.

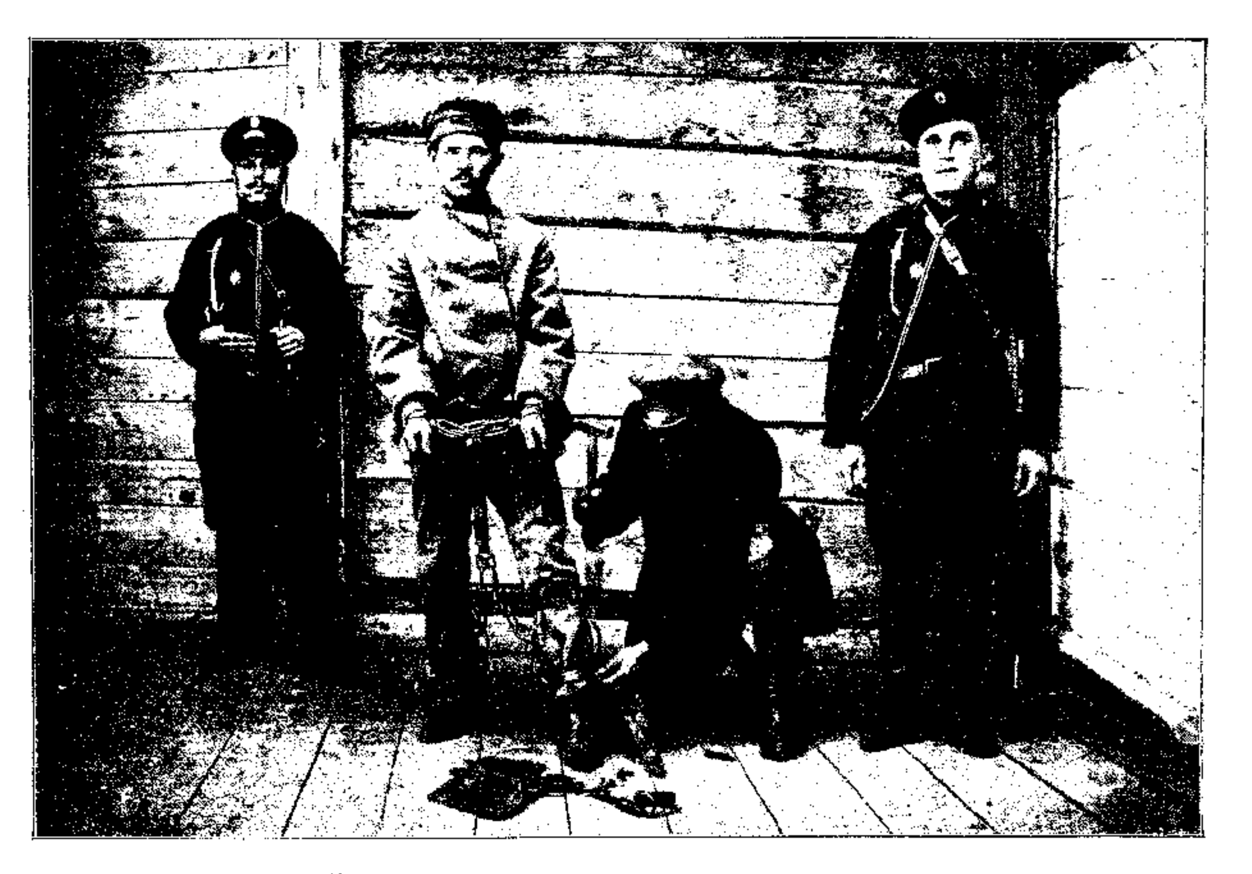
— Обѣдать? Я не хочу ѣсть.

— Какъ же не обѣдать? Нельзя-съ! Пожалуйте!

Чтобы не раздражать смотрителя, я пошелъ за слугой. Меня онъ привелъ въ ту же комнату, гдѣ я вчера ужиналъ. Въ ней никого не было. Столъ былъ накрытъ. Не притронувшись къ поданному обѣду, я подошелъ къ окну, изъ котораго виденъ былъ весь дворъ съ толпой каторжныхъ, смотрителемъ и всѣми окружающими постройками. Звонили къ обѣду. Рабочіе потянулись вереницами изъ всѣхъ казармъ въ столовую, которая находилась на противоположномъ концѣ двора, какъ разъ противъ моего окна. Чрезъ нѣкоторое время смотритель поднялся изъ-за стола и тоже направился въ столовую. Съ его уходомъ сѣрая масса каторжныхъ нѣсколько оживилась. Я узналъ, что тѣмъ, которыхъ выкликали, позволено обѣдать въ столовой. Мои товарищи все еще стояли въ общей кучѣ.

Вдругъ раздался сильный трескъ и шумъ въ столовой.

— Ну, опять скандалъ какой нибудь!—подумалъ я:—вѣроятно, своимъ издѣвательствомъ смотритель вывелъ изъ терпѣнія голодную толпу, и она взбунтовалась. Мнѣ послышался какъ бы трескъ отъ битой посуды. Но вскорѣ все объяснилось. На крыльцѣ столовой показался смотритель съ револьверомъ въ рукахъ,

Заковка каторжника въ ручные и ножные кандалы.

безъ шапки, съ блуждающими глазами. Къ нему бѣжали солдаты съ ружьями и надзиратели. Смотритель сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ впередъ и, хватая себя за бокъ, опустился на землю.

«Очевидно, его ранили, — мелькнуло у меня въ головѣ: — надо скорѣе остановить у него кровь».

Въ одно мгновеніе я уже былъ на дворѣ и направлялся къ смотрителю; но вспомнивъ, что на мнѣ арестантскій костюмъ, я остановился, не покушаясь пробраться сквозь толпу надзирателей къ раненому, а онъ безпомощно лежалъ на землѣ, пока не прибѣжали фельдшеръ и докторъ. Смотрителя перенесли въ его квартиру и тамъ ему сдѣлали перевязку.

Какъ молнія, облетѣла вѣсть по всему городу, что одинъ изъ старыхъ каторжниковъ бросился на смотрителя и нанесъ ему ударъ ножемъ. Когда же онъ хотѣлъ повторить свой ударъ, смотритель успѣлъ вынуть изъ кармана револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Тутъ подскочили солдаты и освободили раненаго.

Между тѣмъ каторжные на дворѣ сбились въ кучу и затихли, выжидая конца всѣхъ этихъ тяжелыхъ сценъ. Вскорѣ прибылъ генералъ, начальникъ острова. Онъ быстро прошелъ въ столовую, гдѣ только что разыгралась кровавая драма, взглянулъ на умирающаго каторжника, сказалъ что-то въ родѣ: «собакѣ собачья смерть», и вышелъ опять на дворъ, гдѣ выстроилась въ линію новички арестанты. Онъ окинулъ всѣхъ грознымъ взглядомъ и, потрясая рукой, крикнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— За такіе поступки вѣшать! Повѣшу! Повѣшу!..—и ушелъ.

Многіе въ душѣ ликовали, отдѣлавшись отъ такого смотрителя.

— Онъ, ребята, поправится, такъ еще злѣе будетъ,—говорилъ какой-то пророкъ.

— А Гурчевъ на что? У насъ еще Гурчевъ есть!—съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчали ему.

Гурчева я зналъ на пароходѣ и не разъ наблюдалъ, какія страсти въ немъ бушуютъ. У всѣхъ составилось мнѣніе, что ему задавить человѣка такъ же просто, какъ курченка. Впрочемъ напрасно Гурчевъ хвастливо потряхивалъ головой. Такихъ извѣстныхъ субъектовъ, какъ онъ, обыкновенно переводятъ въ Воеводскую падь [1]), гдѣ они болѣе изолированы, и гдѣ за ними

---

[1]) Описываемыя событія относятся къ тому времени, когда еще существовала тюрьма въ Воеводской пади.

Наиболѣе тяжкіе преступники, прикованные къ тачкамъ.

болѣе строгій присмотръ, чѣмъ въ Александровской тюрьмѣ. Тамъ можно встрѣтить особенно тяжкихъ преступниковъ, прикованныхъ къ тачкамъ.

Я пришелъ къ умирающему каторжнику. Онъ лежалъ на землѣ въ концѣ двора и дышалъ еще. Кромѣ смотрителя, въ него стрѣляли и солдаты, такъ что грудь несчастнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ была пробита пулями. Около него я не видѣлъ ни священника, ни фельдшера. Покинутый всѣми, онъ къ вечеру скончался.

«Боже мой, въ какой адъ попали мы!—подумалъ я.—Сколько здѣсь и нравственныхъ и физическихъ страданій! А у меня впечатлѣніе только одного дня. Что же дальше будетъ?!...»

Вмѣсто раненаго Л—а временно назначили смотрителемъ тюрьмы добродушнаго старика. Мнѣ и моимъ товарищамъ онъ отвелъ въ казармѣ небольшую отдѣльную комнату, предназначенную для надзирателей. Намъ позволено было выходить со двора въ городъ, въ лѣсъ, на рѣчку. Пока присмотра не было никакого.

На другой день послѣ описанныхъ событій я воспользовался возможностью убѣжать отъ тяжелыхъ картинъ тюремной жизни и вышелъ чрезъ заднюю калитку ограды на берегъ небольшой рѣки.

Что за счастье быть хоть на минуту свободнымъ! Я, какъ ребенокъ, катался по травѣ, бѣгалъ по обрывамъ крутого берега, купался въ водѣ и жадно, жадно вдыхалъ душистый воздухъ лѣса. Я сразу забылъ всѣ невзгоды, и смотрителя Л—а, и крики наказываемыхъ людей, и цѣлодневное издѣвательство намъ ними. Вотъ она всеисцѣляющая мать-природа! Какъ я долго томился по тебѣ! Вѣдь я жилъ только мечтою. Бывало упрешься глазами въ сѣрую стѣну тюрьмы, а мысль летитъ далеко въ благоухающіе лѣса Кавказа или привольныя степи Малороссіи и съ любовью останавливается на каждой травкѣ, на каждой букашкѣ... Но вотъ теперь не мечта, а сама дѣйствительность. Можетъ быть, въ другое время сахалинская природа произвела бы совсѣмъ иное впечатлѣніе, но теперь она казалась удивительно привлекательною!..

Меня или другихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ позвали къ генералу. Онъ сдѣлалъ намъ внушеніе вести себя хорошо и назначилъ мѣсто жительства въ Тымовскомъ округѣ, въ самой срединѣ острова.

— Значитъ, намъ предстоитъ еще дорога?

— Да, верстъ шестьдесятъ. Надо перевалить чрезъ хребетъ Пилингу.

Собственно мнѣ безразлично было, гдѣ бы ни жить, лишь бы оставили меня въ покоѣ. Объ одномъ я пожалѣлъ—придется разстаться съ моремъ, навѣвавшимъ мнѣ грезы о былой жизни, о свободѣ.

Встрѣчаю сосланнаго кавказскаго героя.

— Вы были у смотрителя Л—а?—спрашиваетъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Сходите! Надо навѣстить больного. Онъ будетъ очень радъ васъ видѣть. Не откладывайте, идите сейчасъ!

Послѣ видѣнныхъ мной грубыхъ сценъ расправы и слыша, кромѣ того, со всѣхъ сторонъ, какъ отъ каторжныхъ, такъ и отъ чиновниковъ, дурные отзывы о Л—ѣ, я отъ души желалъ, чтобы его здѣсь не было. Признаюсь, меня повергало въ недоумѣніе его, повидимому, безкорыстное вниманіе ко мнѣ и къ моему товарищу.

— Это его хитрая политика—оказывать вниманіе и поддержку ссыльнымъ изъ привилегированнаго сословія, — объяснилъ мнѣ одинъ чиновникъ:—потому что они здѣсь очень нужные люди, да, кромѣ того, есть и другія причины.

Я попробовалъ найти резоны, извиняющіе раздражительность Л—а. Безсонныя ночи, переутомленіе, масса заботъ — все это должно имѣть свое вліяніе на слабый организмъ уже посѣдѣвшаго смотрителя. Наконецъ, онъ, можетъ быть, только на первое время хочетъ казаться строгимъ, чтобы установить дисциплину среди всей этой массы отчаянныхъ людей.

Мнѣ горячо возражали, обвиняя его не только въ жестокости, хитрости, лицемѣріи, но и во многихъ другихъ порокахъ, такъ что я подумалъ: однако, ты не только каторжнымъ, но, какъ видно, и чиновникамъ немало насолилъ!

Мнѣ пришла мысль подать ему благой совѣтъ выйти въ отставку, воспользовавшись только что происшедшимъ грустнымъ инцидентомъ, который давалъ ему, какъ раненому при исполненіи служебныхъ обязанностей, право на пенсію.

Онъ, повидимому, обрадовался моему приходу, но едва я заговорилъ объ отставкѣ, какъ онъ пришелъ въ раздраженіе.

— Въ отставку?! Ни за что! Я имъ покажу, что я не боюсь ихъ... Я ихъ!..—задыхаясь закричалъ смотритель и гнѣвно посмотрѣлъ въ сторону казармъ.

Когда онъ успокоился, я ему разсказалъ о нашемъ свиданіи съ генераломъ и о назначеніи насъ въ Тымовскій округъ.

— Мнѣ хотя и жалко съ вами разстаться, но я радуюсь за васъ. Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе, да и порядку больше, чѣмъ въ Александровкѣ. Жаль, что покидаете меня, а какъ бы вы были нужны мнѣ здѣсь!

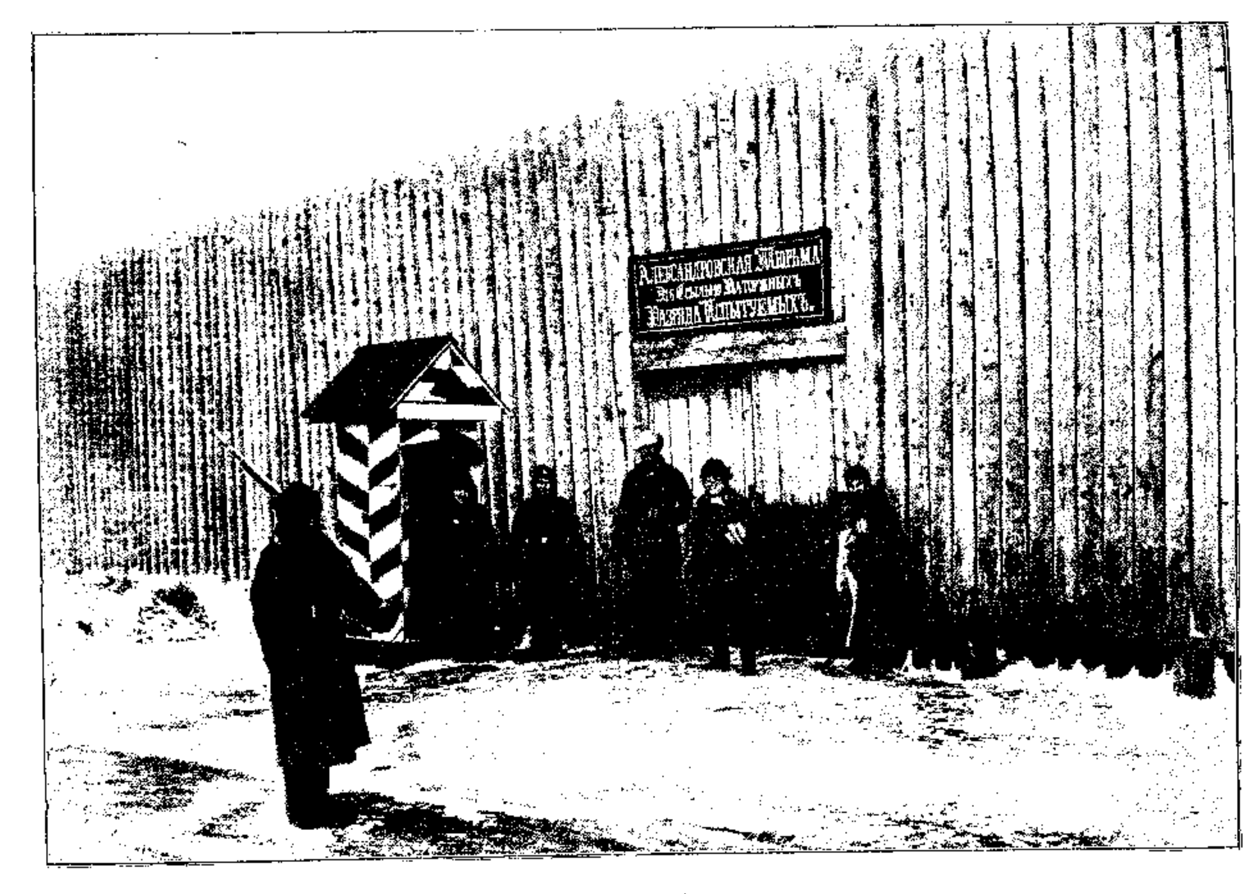
Мы простились. Я полагалъ, что больше его никогда не увижу, но случилось иначе: мы не только встрѣтились, но и прожили вмѣстѣ въ одномъ селеніи долгое время.

IV.

Знакомство съ интеллигентными ссыльными.—Ихъ заботливость и вниманіе.—Примѣры столкновеній изъ-за шапочнаго вопроса.—Священникъ Георгій Сальниковъ.—Прошенія каторжныхъ.—Арестантскій обѣдъ.—Тяжелое положеніе хлѣбопековъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ Тымовскій округъ, намъ пришлось прождать дней шесть въ Александровкѣ. За это время мы успѣли хорошо познакомиться съ интеллигентными ссыльными, прибывшими на Сахалинъ годомъ или двумя раньше насъ. Они спѣшили оказать намъ помощь и вниманіе, кто чѣмъ могъ: одинъ несъ полотняную рубашку, другой — носовой платокъ, третій— молока или хлѣба и т. п. Особенно памятенъ мнѣ низенькій коренастый полякъ съ угловатыми манерами, П. Д—ій. Его некрасивый, широкій лобъ, нескладно торчащіе усы и рыжесѣрые глаза не мѣшали ему быть для меня самымъ симпатичнымъ человѣкомъ изъ всей группы ссыльныхъ. Съ ранняго утра онъ первымъ появлялся къ намъ въ комнату, таща въ обѣихъ рукахъ всевозможные продукты, и поздно вечеромъ послѣднимъ уходилъ отъ насъ. Добротѣ его, казалось, не было предѣла. Онъ какъ будто искалъ случая пожертвовать собою для товарища. Да такъ это и случилось впослѣдствіи.

Визиты ссыльныхъ держали насъ цѣлые дни въ камерѣ, и мы рѣдко выходили за ворота тюрьмы, да къ тому же и побаивались, услышавъ, сколько непріятныхъ столкновеній разыгралось въ послѣднее время изъ-за «шапочнаго вопроса». Интеллигентному

Тюремная ограда изъ бревенъ—«пали».

ссыльному тяжело выполнять всѣ требованія, предъявляемыя сахалинскими чиновниками каторжнымъ, относительно внѣшняго почтенія. Обыкновенно при встрѣчѣ съ чиновникомъ, ссыльно-каторжный сходилъ съ тротуара и не за двѣнадцать шаговъ, какъ солдаты, а за двадцать и болѣе, снималъ шапку и съ обнаженной головой проходилъ мимо начальства со страхомъ и трепетомъ. Не всякій, однако, рисковалъ пройти такимъ образомъ на улицѣ мимо смотрителя Л—а. Многіе предпочитали уклоняться въ сторону и итти въ обходъ дальними проулками. Дошло до того, что стали проходить съ обнаженной головой не только мимо чиновниковъ, но даже и мимо домовъ ихъ.

— Неравно кто нибудь смотритъ въ окно. Нѣтъ, ужъ лучше снять шапку: цѣлѣе будешь! — замѣчали каторжные. На этомъ основаніи они снимали шапку передъ каждымъ незнакомымъ лицомъ, одѣтымъ въ приличный европейскій костюмъ, будь это купецъ, любопытствующій пассажиръ, или иностранецъ-морякъ съ парохода.

Пробовали иногда ссыльные изъ привилегированнаго сословія раскланиваться при встрѣчѣ съ чиновниками. Нѣкоторые снисходительно терпѣли такія привѣтствія, но другіе возмущались.

— Ровня что ли мнѣ, чтобы раскланиваться со мною, какъ со знакомымъ на Невскомъ проспектѣ?!—кричали такіе господа.

Еще тяжелѣе было для интеллигентныхъ каторжныхъ стоять на улицѣ безъ шапки, когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. А какъ просто создаются цѣлыя исторія изъ пустяковъ! Напримѣръ, стоитъ толпа рабочихъ (ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ обыкновенно зовутъ рабочими) у склада съ провизіей въ ожиданіи пайка. У всѣхъ руки заняты или мѣшками, или полученной провизіей (кто не пользуется готовой пищей въ тюрьмѣ, ежемѣсячно получаетъ на руки слишкомъ полтора пуда муки, нѣсколько рыбъ, иногда солонину и немного крупы для приварка). Завѣдующій складомъ чиновникъ дѣлаетъ карандашемъ отмѣтки въ книгѣ. По временамъ онъ обращается къ какому нибудь рабочему съ замѣчаніемъ или вопросомъ, при этомъ, конечно, не стѣсняется подборомъ словъ. И тутъ-то, среди этой сутолоки, вдругъ чиновникъ озлится на близъ стоящаго ссыльно-каторнаго, занятаго процедурою пріема муки, и крикнетъ:

— Шапку долой, такой-сякой!

И бѣда, если обиженный рабочій отвѣтитъ что нибудь: ему тогда не миновать розогъ.

Характеръ сахалинской рѣки.

Потомъ мнѣ случалось видѣть и слышать болѣе возмутительныя картины изъ-за шапочнаго вопроса, но и въ первые дни на Сахалинѣ у меня составилось рѣшеніе — лучше избѣгать встрѣчи съ чиновниками. Впрочемъ, я до нѣкоторой степени чувствовалъ себя свободнѣе въ арестантскомъ платьѣ. Правда, этотъ сѣрый халатъ уничтожалъ личность, званіе, имя, но за то гораздо легче снималась предъ начальствомъ круглая сѣрая шапка безъ козырька. Вотъ почему, хотя у меня съ собою было вольное платье, и мнѣ, вѣроятно, позволили бы его надѣть, я долго не снималъ казеннаго халата съ тузомъ на спинѣ. Здѣсь стѣсняться было некого. Чиновники и солдаты привыкли къ виду арестантскаго костюма, а всѣ остальные пришельцы Сахалина когда-то носили сами такой же халатъ.

Съ первымъ праздничнымъ днемъ нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ поспѣшили въ маленькую деревянную церковь [1]) служить молебенъ. Священникъ о. Георгій Сальниковъ всѣмъ служилъ даромъ. Одинъ я едва могъ уговорить его принять отъ меня немного денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ мое время безпримѣрнымъ священникомъ на Сахалинѣ. Отецъ Георгій довольствовался своимъ жалованіемъ (1,000 руб. въ годъ) отъ тюремнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, рано овдовѣвъ, онъ не могъ примириться съ здѣшней горемычной жизнью и ушелъ на Амуръ.

Въ эти дни нашего пребыванія въ Александровской тюрьмѣ мы мало имѣли общенія съ другими арестантами. Впрочемъ, меня еще они осаждали просьбами—написать имъ прошенія на имя государя или министра. Я охотно сочинялъ просьбы арестантовъ, а за неграмотныхъ не стѣснялся подписывать свою фамилію. Въ короткое время моими прошеніями наводнилась канцелярія. Узнавъ объ этомъ, меня позвалъ старичекъ-смотритель и довольно откровенно объяснилъ, что я даромъ тружусь, потому что этимъ прошеніямъ они не дадутъ хода. Только тѣ ссыльные, о которыхъ позаботится самъ начальникъ округа, могутъ расчитывать, что прошенія пошлютъ въ Петербургъ.

Иногда я заходилъ въ общую столовую (она же и кухня) съѣсть порцію похлебки, а еще болѣе изъ любопытства. Каждому наливали одинъ черпакъ (кружка на длинной палкѣ) похлебки

[1]) Она сгорѣла 28 ноября 1890 года. Огонь уничтожилъ ее въ одинъ часъ. Въ золѣ нашли только обгорѣвшее евангеліе, а подъ нимъ антиминсъ.

прямо изъ огромнаго котла. Это варено, или баланда, какъ здѣсь называютъ, чаще всего представляла густую сѣрую массу изъ кусковъ разваренной рыбы, костей, картофеля и лавроваго листа. Если рыба была свѣжая или соленая, но не сильно попорченная, баланду кое-какъ еще можно ѣсть съ голодухи, только надо помириться съ тою степенью чистоты, какая здѣсь допускается при приготовленіи этого кушанья. Нечищенный картофель обыкновенно мыли въ ушатахъ палками, а затѣмъ рубили сѣчками, какъ капусту. Впослѣдствіи придумали чистить картофель машиной (изъ деревянныхъ палокъ цилиндръ, вращающійся въ водѣ), но и она смывала только землю съ картофеля, но не сдирала шелухи.

Собственно главную пищу для рабочаго составляла пайка, т.-е. три фунта ржаного хлѣба. Мнѣ рѣдко когда приходилось видѣть хорошій хлѣбъ въ тюрьмѣ. Обыкновенно онъ сырой, съ закаломъ, крайне тяжелый для желудка. И не мука въ этомъ виновата, которая доставлялась на пароходахъ изъ Одессы, и даже не пекари, запираемые на ключъ во время работы, чтобы не расхищали тѣста, а сами смотрители тюремъ, составляющіе экономію на чрезмѣрномъ припекѣ. Я очень жалѣлъ бѣдныхъ хлѣбопековъ. Помимо того, что они исполняли тяжелую работу, замѣшивая квашни на десятки пудовъ хлѣба, должны были еще выполнить два другъ друга отрицающія условія: чтобы и хлѣбъ былъ хорошъ, и припекъ былъ бы въ требуемомъ размѣрѣ. Исторія Сахалина имѣетъ нѣсколько примѣровъ, какъ пекарь, получая розги или за худой хлѣбъ или за малый припекъ, наконецъ не выдерживалъ и убивалъ смотрителя.

V.

Походъ каторжныхъ въ Тымовскій округъ.—Бивуакъ въ селеніи Ново-Михайловскомъ.—Непріятный урокъ.—Подъемъ на Пилингскія горы.—Сахалинская флора.—Перевалъ черезъ хребетъ.—Откровенность конвоировъ.—Начальникъ округа Бутаковъ.—Утомленіе.—Тымовская долина.

Въ воскресенье, утромъ, 9-го августа, былъ объявленъ походъ для ссыльно-каторжныхъ, отправляющихся въ Тымовскій округъ. Туда обыкновенно назначались малосрочные съ тѣмъ расчетомъ, чтобы они, окончивъ срокъ каторги, скорѣе заселяли долину

р. Тыми. Такъ какъ я плылъ въ первомъ отдѣленіи парохода Добровольнаго флота, гдѣ сидѣли долгосрочные, то отправляемая партія для меня была совершенно незнакома. Всѣ поспѣшили запастись казенной провизіей на четыре дня и накупили жестяныхъ чайниковъ или котелковъ мѣстнаго издѣлія. Мнѣ и моимъ товарищамъ была назначена для вещей подвода, запряженная по-малороссійски волами.

Среди дня тронулись въ путь. Я съ товарищами шелъ въ хвостѣ сѣрой толпы, человѣкъ въ 200. Въ конвой назначенъ взводъ солдатъ мѣстной команды. Сзади всѣхъ верхомъ на лошади ѣхалъ молодой чиновникъ тюремнаго вѣдомства. Дорога ровная, шоссейная. День теплый, солнечный. Общее настроеніе было очень хорошее: съ одной стороны мы уходили отъ страшнаго смотрителя Л—а, съ другой — сравнительно мирная жизнь земледѣльческой колоніи Тымовскаго округа сулила намъ въ перспективѣ отдохновеніе послѣ всѣхъ перенесенныхъ мытарствъ.

Дорога шла къ югу, по прямому направленію, къ селенію Ново-Михайловскому, извѣстному у старожиловъ болѣе подъ названіемъ Пашни. Идя налегкѣ, я и мои товарищи имѣли громадныя преимущества предъ другими ссыльными. Вскорѣ чиновникъ слѣзъ съ лошади и сталъ съ нами разговаривать. Это былъ очень словоохотливый человѣкъ, но я ограничился только немногими разспросами о сахалинской жизни, предоставивъ бесѣдовать съ нимъ моимъ товарищамъ. Къ вечеру подошли къ Пашнѣ. По краю селенія протекала рѣка. Она имѣла общій характеръ сахалинскихъ рѣкъ: то суживалась въ тѣсныхъ густозаросшихъ берегахъ, образуя быстрое теченіе, то шумно бурлила въ пѣнистыхъ порогахъ, то широко разливалась въ низменныхъ мѣстахъ и открывала большія отмели изъ чистаго голыша.

Намъ объявили ночевку на большой полянѣ у самой рѣки. Скоро запылали костры. Для экономіи топлива на каждомъ изъ нихъ кипятилось по десятку и болѣе котелковъ и чайниковъ, подпертыхъ для устойчивости кирпичами и камнями. Мнѣ нравились такіе общественные очаги. Кругомъ нихъ сидѣли на корточкахъ съ трубками въ зубахъ каторжные. Нѣкоторые подкладывали въ огонь хворостъ и щепки. Я тоже поусердствовалъ для своихъ товарищей, досталъ изъ рѣки воды, поставилъ на костеръ чайникъ и потянулся къ кучѣ тутъ же лежащихъ щепокъ, чтобы подложить въ огонь. Но одинъ изъ моихъ сосѣдей слегка стукнулъ щепкой по моей рукѣ. Я понялъ: это его соб-

Старая дорога черезъ хребетъ Пилингу.

ственность, онъ собралъ щепу, онъ и распоряжается ею. Кругомъ сидѣли все незнакомыя лица, и я молча принялъ урокъ. Этотъ случай, однако, заставилъ меня поосторожнѣе входить въ общее дѣло съ каторжными.

Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ ночевать подъ открытымъ небомъ на разостланномъ полушубкѣ. Мы кое-какъ сбились въ кучу и закрылись халатами. Къ счастью, погода была хорошая, и я покойно заснулъ среди двухсотъ каторжныхъ.

На другой день изъ Ново-Михайловскаго направились къ востоку на Пилингскій хребетъ [1]). Дорога подымалась въ гору все выше и выше. Итти было очень тяжело, и я порядочно утомился. Мои товарищи поочередно присаживались къ мѣшкамъ на подводу. Нѣсколько поддерживала мою бодрость постоянная смѣна восхитительныхъ горныхъ картинъ. Особенно мнѣ нравилось слѣдить за извивавшейся около дороги рѣкой, какъ она пряталась отъ насъ или въ зелени кустовъ и деревьевъ, или за изгибами горъ. Иногда она подойдетъ совсѣмъ близко съ своими широколиственными лопухами, затѣмъ вдругъ скроется, а чрезъ пять минутъ уже далеко внизу поблескиваетъ по долинѣ среди тальника и ивъ.

Намъ давали часто останавливаться для отдыха. Утомившіеся путники спускали съ своихъ плечъ мѣшки и курили табакъ. Здѣсь на Пилингѣ солдаты-конвоиры были не такъ строги, какъ въ долинѣ, и позволяли каторжнымъ собирать ягоды по склонамъ горъ. На этомъ подъемѣ къ Пилингскому перевалу я познакомился съ интересными видами сахалинской флоры. Тогда лѣса еще не были уничтожены пожарами, и они красиво оттѣняли далекіе хребты въ 2.000 футъ высотою. Въ долинахъ мы встрѣчали гигантскіе тополи и ильмы въ два-три обхвата толщиною. Иногда, какъ на подборъ, удивительно высокія и стройныя ивы растягивались вдоль рѣки красивой, точно искусственной аллеей. Выше смѣняли ихъ вязы, осины, лиственницы и березы. Еще выше—ели, пихты да иногда такъ называемая черная береза (Betula Ermani). Наконецъ, мы достигли самой верхней точки дороги. Здѣсь граница двухъ округовъ. Я оглядѣлъ горизонтъ: страшная высота! Но когда замѣтилъ надъ собою въ голубомъ небѣ, какъ маленькую точку, парящаго орла, я поду-

[1]) Тогда еще не было нынѣшней дороги въ Тымовскій округъ чрезъ Арково.

малъ: съ какимъ величіемъ ты смотришь съ недосягаемой высоты на насъ, пресмыкающихся на землѣ! Если мы видимъ воды Татарскаго пролива,—навѣрно, ты видишь и Охотское море!

Переночевавъ въ Ведерниковскомъ станкѣ, мы стали спускаться къ Тымовской долинѣ. Теперь охрана была нѣсколько слабѣе. Да и кто убѣжитъ здѣсь, въ горахъ! Солдаты не шли строго цѣпью по одному. Желаніе побесѣдовать сводило ихъ попарно. Около меня шли два бойкихъ рядовыхъ и не стѣсняясь вели громкій разговоръ о поимкѣ бѣглыхъ каторжныхъ, о денежной наградѣ за это, о производствѣ въ надзиратели. Сколько было зависти у нихъ къ другимъ, которымъ удалось поймать бродягъ, и сколько цинизма, когда говорили объ убійствѣ ихъ въ лѣсу. Меня коробило отъ этихъ откровенныхъ разсказовъ.

Вечеромъ мы пришли въ Малое Тымово, небольшое, но старѣйшее въ округѣ селеніе. Здѣсь мы встрѣтили самого начальника округа, А. М. Бутакова. Въ его нѣсколько суровомъ лицѣ была замѣтна примѣсь азіатской крови, какъ у многихъ уроженцевъ Забайкалья. Происходя изъ казаковъ, Бутаковъ былъ сначала писаремъ. Вскорѣ его произвели въ офицеры, а затѣмъ въ чинѣ сотника перевели на службу по тюремному вѣдомству. Заявивъ себя хорошимъ смотрителемъ Александровской тюрьмы, онъ получилъ въ 1885 году мѣсто начальника только-что открывшагося Тымовскаго округа. Бутаковъ считался на Сахалинѣ образцовымъ хозяиномъ и неусыпнымъ дѣятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ всѣхъ поселенцевъ каждаго по фамиліи, зналъ, сколько у кого дѣтей, какое хозяйство, сколько скота, его прилежаніе къ работѣ, поведеніе. Будучи прекраснымъ семьяниномъ, Арсеній Михайловичъ напоминалъ хорошаго помѣщика временъ крѣпостного права. Съ 7 часовъ утра онъ обыкновенно сидѣлъ въ канцеляріи и принималъ ежедневно толпу просителей. Каждому онъ умѣлъ помочь не однимъ только совѣтомъ. При такихъ отзывахъ о нашемъ начальникѣ мы довольно успокоительно смотрѣли на свое будущее.

Бутаковъ провѣрилъ насъ по списку, пропустилъ мимо себя каждаго арестанта по одиночкѣ и уѣхалъ. Мы не слышали отъ него ни одного слова.

Оставался послѣдній переходъ по хорошей грунтовой дорогѣ, постоянно спускающейся къ долинѣ рѣки Тыми. Погода намъ удивительно благопріятствовала. Бывали годы, когда насчитывали 20 дождливыхъ дней въ августѣ мѣсяцѣ, но вотъ уже

четвертый день, какъ мы идемъ при ясномъ небѣ. Я порядочно усталъ. Тутъ только понялъ, насколько я ослабѣлъ въ тюрьмѣ. То, что прежде прошелъ бы въ одинъ день, я иду четыре дня и изнемогаю. Только сознаніе, что скоро конецъ этому походу, давало мнѣ силы кое-какъ тащиться вмѣстѣ съ другими.

Довольно суровый пейзажъ горъ съ хвойнымъ лѣсомъ постепенно сталъ смягчаться. Высокіе хребты отодвинулись къ горизонту. Открылась широкая и длинная долина въ зелени лиственнаго лѣса. Широкая рѣка чрезвычайно извилистой лентой обхватывала Рыковское селеніе, мелькавшее своими избенками среди чащи ильмовъ, тополей, березъ и осинъ. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ трава выше и гуще. Толстыя дудки (зонтичное растеніе Angelophyllum ursinum Rup.) съ своими удивительными зонтиками подымались на сажень отъ земли и болѣе. Кусты красныхъ піоновъ издали красовались, какъ садовыя и махровыя розы. Попадались и ягодные кусты черники, голубики и смородины. У самой рѣки виднѣлись красивыя купы громадныхъ деревьевъ. Вся эта сверкающая на солнцѣ яркозеленая растительность мирила меня съ печальною мыслію жить здѣсь долгіе годы...

Переходя черезъ рѣку по большому деревянному мосту, мы встрѣтили нѣсколько поселенцевъ, женщинъ и ребятишекъ, занятыхъ ловлею рыбы. И эта встрѣча мнѣ понравилась. Красные ситцы ихъ напоминали русскую деревню, а не ожидаемую каторгу. Впрочемъ, у меня было своеобразное зрѣніе послѣ многолѣтнихъ стѣнъ каземата. На фонѣ природы все мнѣ казалось въ смягченномъ видѣ.

Я уже успѣлъ переброситься нѣсколькими словами съ ребятами и узналъ отъ нихъ, что въ этомъ году урожай на ягоды.

— А черемуха—во какая! Чуть-чуть не съ вишню... восторженно замѣчали они.

VI.

Рыковское селеніе. — Естественная ограда сахалинскихъ тюремъ. — Гостепріимство художника К.—Водвореніе въ его мастерской.—Баня.—Первыя каторжныя работы.

Незамѣтно для себя мы скоро вошли въ Рыковское селеніе. Вдали высился новый срубъ строящейся церкви. Кругомъ его стѣснились главныя казенныя зданія. Тымовская дорога, по которой мы шли, привела насъ къ самой тюрьмѣ, т. е. къ собранію деревянныхъ бараковъ для каторжныхъ. Рыковская тюрьма, не такъ, какъ въ Александровкѣ, ничѣмъ не была огорожена. Здѣсь болѣе вѣрили въ естественную ограду: труднопроходимыя горы, лѣса, болота, рѣки, а кругомъ всего сердитое море. Дѣйствительно, куда убѣжишь?! Чаще всего соблазняются видимымъ привольемъ каторжники-новички и тотчасъ же по прибытіи на Сахалинъ бѣгутъ въ тайгу, не познакомившись хорошо ни съ дорогой, ни съ мѣстными условіями. Однако, рѣдко кому удается пробраться на материкъ; обыкновенно же они погибаютъ или съ голоду, или отъ пуль солдатъ и гиляковъ, или, что чаще всего, возвращаются назадъ въ тюрьму. Если каторжный недолго былъ въ отсутствіи, то и не дѣлаютъ помѣтки въ его статейномъ спискѣ о попыткѣ убѣжать, а ограничиваются обыкновенною порціею наказанія—25 розогъ.

Только что мы пришли на тюремный дворъ, какъ намъ указали казармы для нашего жительства. Всѣ бросились въ камеры занимать мѣста на нарахъ. Я со своими товарищами опоздалъ и не нашелъ свободныхъ наръ. Мы сложили свои вещи въ уголъ камеры прямо на полъ и стали дожидаться прихода смотрителя К—аго.

Еще входя въ камеру, я замѣтилъ на крыльцѣ молодого человѣка въ синей блузѣ. Онъ меня заинтересовалъ своимъ не совсѣмъ русскимъ лицомъ, и я вышелъ съ нимъ познакомиться. Это былъ ссыльный художникъ К., шведъ по матери. Здѣсь въ казармѣ ему отвели отдѣльную комнату (такъ называемую надзирательскую), гдѣ онъ занимался рисованіемъ и рѣзьбой деревяннаго иконостаса для здѣшней церкви. Узнавъ наше положеніе, онъ любезно пригласилъ къ себѣ меня и моихъ товарищей для совмѣстнаго сожительства. Конечно, мы съ благо-

дарностью воспользовались его гостепріимствомъ и немедленно перебрались со своими мѣшками въ его комнату, заставленную большимъ столомъ съ работой и кусками ильмоваго дерева, приготовленными для рѣзьбы.

Вскорѣ посѣтилъ насъ смотритель тюрьмы, переведенный въ чиновники тюремнаго вѣдомства изъ фельдшеровъ.

— А, вы тутъ расположились? Ну, и прекрасно!

И ушелъ. Онъ былъ доволенъ, что вопросъ относительно нашего помѣщенія такъ скоро самъ собою рѣшился безъ его участія.

Художникъ К., хорошо знакомый съ условіями здѣшней жизни, охотно помогалъ намъ устроиться поудобнѣе. Каждому изъ насъ сколотили изъ досокъ по койкѣ. Пищу взялся варить одинъ изъ товарищей К. на всю компанію въ шесть человѣкъ. Носить дрова для камина и воду изъ колодца, а также убирать комнату, согласились поочередно. Болѣе крупныя работы, напримѣръ, принести провизію изъ склада, производили совмѣстными усиліями.

Хотя мы и спѣшили предупреждать другъ друга во взаимныхъ услугахъ, все-таки жизнь при такихъ условіяхъ была очень неудобна: шесть человѣкъ постоянно на виду другъ у друга, въ тѣснотѣ, среди стружекъ и древесной пыли отъ работы рѣзчика. Одно было пріятно: мы отдѣлены были отъ остальной массы рабочихъ.

По обычаю, первые три дня каторжныхъ не тревожили и предоставили имъ свободу устроиваться и гулять по селенію. Была открыта для всѣхъ тюремная баня. Вмѣстѣ съ другими поспѣшили и мы вымыться послѣ дороги. Нечистоплотность сосѣдей въ тѣсной раздѣвальной и едва выносимая жара умывальной немало насъ мучили. Одновременно баня служила рабочимъ и прачешной. Нѣкоторые, вымывшись и постиравши бѣлье, сейчасъ же его мокрое и надѣвали на себя. Но другіе ограничивались однимъ выжиганіемъ насѣкомыхъ изъ бѣлья, развѣшивая его передъ парильной печкой.

Въ моихъ товарищахъ мнѣ нравилась покорная выносливость. Говорить нечего, какъ тяжела была для нихъ, воспитанныхъ въ холѣ, вся эта грубая обстановка. Но я рѣдко слышалъ ихъ жалобы. Напротивъ, всѣ непріятности они старались прикрыть шуткой. Чѣмъ это объяснить? Молодостью ли ихъ, или подражаніемъ мнѣ, старшему изъ нихъ? А я тогда возвелъ въ

Одна изъ продольныхъ улицъ селенія Рыковскаго.

принципъ: не жаловаться, терпѣть, выжидать и не просить, насколько возможно.

Наконецъ, подошло время и намъ выйти на каторжныя работы. Это было какъ-то неожиданно и ужъ очень просто, безъ всякой специальной обстановки, т. е. насъ не подымали въ 3—4 часа ночи, не выстраивали въ ночной полутьмѣ во фронтъ «на раскомандировку», не отсчитывали въ партіи подъ особое распоряженіе надзирателя, не назначали опредѣленнаго «урока». Случилось гораздо проще. Когда мы сидѣли въ своей камерѣ и мирно бесѣдовали, приходитъ надзиратель и говоритъ:

— Смотритель приказалъ и вамъ всѣмъ итти на корчевку деревьевъ на улицѣ.

Вышли. Недалеко отъ тюрьмы валятъ огромное дерево. Одни подкапываютъ рычагами подъ корень, другіе тянутъ за веревку, привязанную къ вершинѣ дерева. Мы тоже подошли къ веревкѣ. Распоряжались самъ смотритель и надзиратель. Крикнутъ: тяни! мы и тянемъ вмѣстѣ съ другими рабочими. Повалимъ одно дерево, идемъ къ другому.

Конечно, эта работа была не утомительна для насъ. Мы больше были зрителями, чѣмъ исполнителями ея. Наши слабыя усилія—среди толпы мужиковъ—капля въ морѣ. Я лично испытывалъ большую неловкость, чувствуя себя не на мѣстѣ. Привыкнувъ при производствѣ работъ распоряжаться другими, я теперь долженъ самъ изображать послушную физическую силу. Мои товарищи тоже недоумѣвали, зачѣмъ ихъ выгнали на общія работы. Обыкновенно интеллигентныхъ ссыльныхъ тотчасъ же по пріѣздѣ на Сахалинъ назначаютъ писарями, учителями, чертежниками и т. п. Предчувствуя, что это временная мѣра для испытанія нашего смиренія, мы успокоились и покорно отнеслись къ этимъ первымъ каторжнымъ работамъ.

Послѣ обѣда и небольшого отдыха снова насъ вызвали на улицу для другого вида работы. Надо было перетаскать наваленную кучу остатковъ бревенъ и досокъ на задній тюремный дворъ. Съ нами былъ только одинъ надзиратель. Мы бодро принялись за работу. Каждый старался выбрать чурбанъ потяжелѣе, едва доступный слабымъ силамъ. Наша молодость умѣла скрасить шуткой и веселымъ смѣхомъ и эту подневольную работу.

VII.

Назначеніе плотникомъ.—Мое болѣзненное состояніе.—Сахалинская лососина-кета.—Отравленіе рыбой.—Куриная слѣпота.—Плотничьи работы.—Аудиторія на церковной площади.—Сношенія съ рабочими.—Случай съ Масюкевичемъ.—Совѣсть ссыльныхъ.

На другой день мы опять ждемъ новаго назначенія на работы, но приходитъ смотритель и объявляетъ, что начальникъ округа предлагаетъ намъ самимъ выбрать опредѣленное занятіе въ мастерскихъ. Товарищи раздѣлились: двое записались въ столяры, а другіе двое—въ слесари. Я не хотѣлъ итти въ душную комнату. Мнѣ надоѣли стѣны каземата, и я попросилъ назначить меня къ плотникамъ, которые строили церковь на площади среди селенія.

Товарищи мои были огорчены этимъ распоряженіемъ начальника округа. Они поняли его такъ, что ихъ будутъ держать въ черномъ тѣлѣ, на общемъ положеніи остальныхъ каторжныхъ. Надолго ли? Мы все-таки не могли допустить, чтобы новый округъ, совсѣмъ бѣдный интеллигентами, такъ легко отказался отъ нашихъ услугъ.

Я утѣшалъ товарищей надеждою на скорое избавленіе и первый показалъ примѣръ подчиненія установившимся порядкамъ. Мнѣ даже нравилось, что я волей-неволей долженъ буду работать на чистомъ воздухѣ. Безъ такихъ принудительныхъ работъ я, вѣроятно, сидѣлъ бы въ комнатѣ за книгой или тетрадкой по 12-ти часовъ въ сутки и продолжалъ бы чахнуть, какъ чахнулъ въ заключеніи по тюрьмамъ. Острыхъ болей я не чувствовалъ, но весь организмъ былъ испорченъ, истощенъ. Я боялся взглянуть въ зеркало на свое блѣдное, страшно исхудалое лицо. Отъ малокровія часто кружилась голова. Слухъ и зрѣніе были значительно ослаблены. Даже челюсти, и тѣ отъ долгаго неупражненія настолько ослабѣли, что у меня болѣли связки ихъ, послѣ первыхъ разговоровъ по выходѣ изъ каземата. Къ довершенію всего, не миновали и меня сахалинскія болѣзни, обычныя для всѣхъ ссыльныхъ, прибывающихъ сюда осенью: разстройство пищеваренія и куриная слѣпота. Оно и понятно: перемѣна воды и пищи должна отозваться.

Мы прибыли въ Тымовскій округъ еще въ то время, когда невыпаханная земля давала удивительные урожаи крупнаго

картофеля. Этотъ продуктъ да мѣстная рыба кэта изъ породы лососей составляли главную пищу ссыльныхъ. Въ августѣ мѣсяцѣ всѣ жители долины рѣки Тыми заняты ловлею кэты и запасаются ею на весь годъ. Но странными свойствами обладаетъ эта рыба. Въ концѣ лѣта она бросается изъ моря въ рѣки невѣроятными массами и упорно идетъ для метанія икры все впередъ и впередъ противъ теченія, пока не выбьется окончательно изъ силъ и не погибнетъ гдѣ нибудь въ верховьяхъ рѣки. За этотъ переходъ она совершенно мѣняется: маленькая красивая голова превращается въ большую, удлиненную, съ оскаленными челюстями, розовое мясо становится блѣднымъ, а на кожѣ появляются сѣрыя пятна. Употребленіе кэты въ свѣжемъ видѣ иногда вызываетъ сильныя желудочно-кишечныя заболѣванія. Сразу наступаетъ рвота, поносъ и общая слабость. Нѣкоторые полагаютъ, что эти явленія происходятъ отъ отравленія фосфоромъ, которымъ такъ изобилуетъ эта рыба. Мясо кэты, и въ особенности икра ея, въ темнотѣ свѣтится фосфорическимъ блескомъ. Весьма вѣроятно, въ иныхъ экземплярахъ бываетъ мѣстное отложеніе фосфора въ большомъ количествѣ, которымъ и отравляются сахалинцы. Я всю осень не могъ примириться съ этой рыбой и страдалъ, какъ и другіе. Замѣнить же кэту мясомъ или молокомъ не было средствъ. Деньги, взятыя на дорогу, приходили къ концу, а до новой получки отъ родныхъ по почтѣ надо ждать нѣсколько мѣсяцевъ.

Другая странная болѣзнь здѣсь—куриная слѣпота. Вечеромъ расширяется зрачекъ до такой степени, что перестаешь видѣть. Но почему эта болѣзнь бываетъ преимущественно у вновь прибывающихъ, я не находилъ удовлетворительнаго объясненія у мѣстныхъ врачей.

Старшему плотнику Шарикову, тоже ссыльно-каторжному, была дана тайная инструкція: поставить меня въ пару съ другимъ плотникомъ хорошаго поведенія; что захочу дѣлать — показывать, но отнюдь не требовать никакой урочной работы. Впослѣдствіи, когда я узналъ объ этой инструкціи, все равно я также прилежно работалъ, какъ и въ самомъ началѣ, нисколько не отставая отъ другихъ плотниковъ. Въ работѣ я видѣлъ свое здоровье и отвлеченіе отъ того развивающагося съ каждымъ годомъ гнетущаго состоянія, которое иныхъ моихъ товарищей привело къ преждевременной смерти, другихъ къ самоубійству.

Рано утромъ, съ топоромъ въ рукахъ, я выходилъ вмѣстѣ съ другими плотниками на раскомандировку. Послѣ переклички сейчасъ же шелъ къ церкви и принимался пилить и строгать. Топоромъ я не умѣлъ работать, да и мало было дѣла для топора: стѣны и куполъ церкви были выведены; нужны были доски для пола, потолка и обшивки стѣнъ. Въ пару мнѣ назначили симпатичнаго среднихъ лѣтъ плотника изъ цыганъ. Низенькаго роста, немного лѣнивый, онъ не обладалъ большой физической силой, а потому мнѣ съ нимъ было удобно работать. Сами мы натаскаемъ досокъ изъ штабеля, усядемся на нихъ другъ противъ друга и начнемъ строгать одну за другою. Какъ я ни уставалъ, какъ ни ныли руки, я никогда первый не подавалъ голоса объ отдыхѣ, предоставляя иниціативу во всемъ цыгану. Впрочемъ, желаніе покурить давало ему много поводовъ къ маленькимъ отдыхамъ. Глядя на него, закуривали и другіе плотники. Въ это время нѣкоторые изъ нихъ подходили ко мнѣ и съ любопытствомъ разспрашивали о чемъ нибудь. Ежедневно наша площадка передъ церковью обращалась въ маленькую аудиторію. Сначала мнѣ приходилось разсказывать о другихъ странахъ и народахъ, или эпизоды изъ русской исторіи и всеобщей, но потомъ стали преобладать философскія и религіозныя темы. Очень любили слушать мои повѣствованія объ устройствѣ вселенной, о солнцѣ, планетахъ и звѣздахъ. Сами же они разсказывали о сахалинской жизни, о бывшихъ смотрителяхъ, о наказаніяхъ, но никогда публично не поминали о своихъ преступленіяхъ, которыя привели ихъ на Сахалинъ. Мнѣ случалось много разъ выслушивать откровенную исповѣдь каторжныхъ, но это всегда было одинъ на одинъ.

Несмотря на общій арестантскій костюмъ, на общую обстановку жизни, на общее унизительное положеніе ссыльно-каторжнаго, всѣ плотники относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вѣжливо называя меня на «вы». Никто изъ нихъ никогда не позволялъ разсказать въ моемъ присутствіи что нибудь скабрезное или неприлично выругаться. Между тѣмъ я не окружалъ себя стѣною недоступности; напротивъ, готовъ былъ войти въ положеніе каждаго рабочаго и посильно помочь имъ совѣтомъ, составленіемъ прошенія, написаніемъ письма, а иногда и матеріальною подачкою.

Былъ, напримѣръ, такой незначительный случай, который оставилъ сильное впечатлѣніе на всю жизнь одного рабочаго, Ѳедота Масюкевича.

Вскорѣ по прибытіи въ Рыковское, приходитъ къ намъ въ камеру Масюкевичъ, высокій здоровый мужчина, и обращается ко мнѣ:

— Я замѣтилъ, кромѣ чирковъ, у васъ есть еще сапоги. Не можете ли вы на время одолжить чирочковъ? У меня украли, и вотъ приходится ходить босымъ.

Я далъ. Товарищи упрекнули меня, зачѣмъ я такъ легко вѣрю арестантамъ.

— Навѣрно, онъ проигралъ въ карты. Подождите, они васъ допекутъ: совсѣмъ раздѣнутъ васъ!—замѣчали они.

Я забылъ объ этомъ фактѣ. Впослѣдствіи Масюкевичъ сдѣлался по-сахалински богатымъ человѣкомъ: имѣлъ большой домъ, отдавая часть его подъ сельскую школу, имѣлъ много скота, пахотной земли, держалъ работниковъ. Самъ онъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ и занималъ должность псаломщика церкви. Онъ привязался ко мнѣ всей душой, и случай съ моими чирками не выходилъ у него изъ головы.

— Помилуйте, — часто онъ разсказывалъ своимъ товарищамъ,—никого знакомыхъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, а я босой. Шлепай по холоднымъ лужамъ! Да еще, того и гляди, накажетъ смотритель за промотъ казенныхъ вещей... Просилъ я того, другого—никто не даетъ! Дай, попробую сходить къ этому господину. Ни слова не говоря, далъ. Такъ что-жъ вы думаете, теперь, какъ придетъ ко мнѣ кто нибудь изъ попрошаекъ, вспомню чирки,—не могу отказать! На, возьми, что нужно.

Кстати сказать, ссыльно-каторжные, случалось, меня обманывали на Сахалинѣ, но это было такъ рѣдко, и эти обманы были такъ ничтожны по своему значенію, что я никогда не раскаивался за свое довѣріе къ нимъ. Чѣмъ дольше жилъ на Сахалинѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что и здѣсь большинство людей не съ заснувшею совѣстью. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ участливо, тепло, по-человѣчески, и они отзовутся всей душой на ваше вниманіе. Горе ссыльной жизни, принудительный трудъ съ ранняго утра до поздняго вечера и постоянное опасеніе наказанія дѣлаютъ существованіе здѣсь не выносимымъ, но не отнимаютъ совсѣмъ послѣднихъ проблесковъ золотыхъ частичекъ человѣческаго сердца.

VIII.

√Мои товарищи.—Тягость совмѣстной жизни.—Сторожъ отхожаго мѣста.—Его добродушіе.—Старческій видъ въ арестантскомъ костюмѣ.—Ругательства каторжныхъ.—Рыковъ—основатель поселеній Тымовской долины.

Изъ числа моихъ сожителей наибольшей симпатіей пользовался молодой литовецъ П—й, студентъ университета. Онъ былъ мягче сердцемъ, сентиментальнѣе и образованнѣе остальныхъ своихъ товарищей малороссовъ, тоже студентовъ университета. Мы всѣ тяготились совмѣстнымъ сожительствомъ и только ждали позволенія разойтись по частнымъ квартирамъ. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но, пожалуй, не менѣе тяжело и въ такомъ тѣсномъ сожительствѣ, какое мы испытывали въ небольшой комнатѣ, гдѣ койки соприкасались одна къ другой, и гдѣ не было стола для письменныхъ занятій. Много разъ мнѣ приходилось слышать разсказы арестантовъ, какъ они, будучи въ общихъ камерахъ, упрашивали смотрителей тюремъ посадить ихъ хоть на одну ночь въ карцеръ. Одни въ немъ искали уединенія для молитвы, другіе — отдыха своимъ нервамъ, утомленнымъ страшнымъ шумомъ, руганью и непрестаннымъ мельканіемъ фигуръ передъ глазами. Нѣкоторые смотрители понимали такое желаніе заключенныхъ и удовлетворяли ихъ просьбамъ, но чаще встрѣчались такіе, которые рѣзко отказывали.

— Нельзя! Карцеръ служитъ для наказанія за проступки,— говорили эти строгіе законники.

Простому народу нѣсколько легче ужиться вмѣстѣ: у нихъ привычки, понятія и вкусы общи. Но у интеллигентныхъ людей, при разныхъ взглядахъ на вещи, частые споры скоро обостряютъ отношенія. Я всегда старался примирять разнорѣчивыя мнѣнія моихъ молодыхъ студентовъ. При національной розни (малороссы болѣли хохломаніей, а П—й былъ горячимъ полонофиломъ), у насъ были различны и религіозныя убѣжденія. Сперва это создавало долгіе споры и взаимныя неудовольствія, но потомъ, убѣдившись, что каждый упорно остается при своемъ мнѣніи, мы старались въ разговорѣ обходить опасныя мѣста, вызывающія бури. Надо, однако, отдать справедливость, что всѣ мы были настолько тактичны и добродушны, что споры наши никогда не доходили до полнаго разрыва отношеній.

Кромѣ сожителей, товарищей по дорогѣ изъ Петербурга на Сахалинъ, я нашелъ еще себѣ пріятелей среди каторжныхъ изъ простого народа. Однимъ изъ первыхъ былъ дѣдушка Петръ Антонычъ,—какъ его всѣ величали,—сторожъ отхожаго мѣста. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось быть въ этомъ уединенномъ небольшомъ домикѣ, я замѣчалъ сѣдовласаго старца на скамейкѣ около печки. Всегда онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ: или сшивалъ куски овчины, или закусывалъ, или читалъ вслухъ молитвенникъ, не обращая вниманія ни на разговоры, ни на ругань, ни на весь гамъ этого своеобразнаго клуба рабочихъ. Тяжелый запахъ и табачный дымъ не мѣшали имъ проводить здѣсь нѣсколько лишнихъ минутъ въ пріятной бесѣдѣ. Нѣкоторые подходили къ Петру Антонычу и подсказывали ему слова молитвы. Старикъ никогда раньше не учился грамотѣ, но теперь, когда ему пошелъ седьмой десятокъ лѣтъ, онъ вздумалъ выучиться читать разсматриваніемъ знакомыхъ молитвъ. Ему кто нибудь покажетъ въ книгѣ общеизвѣстную молитву, напримѣръ, Богородице Дѣво, а онъ ужъ самъ разбираетъ въ каждомъ знакомомъ словѣ сочетаніе слоговъ. Случалось, что умышленно подскажутъ ему невѣрно, но добродушный старикъ не обижался и съ удивительной настойчивостью продолжалъ читать вслухъ свой молитвенникъ.

Петръ Антонычъ былъ оригиналенъ не только въ способѣ наученія грамотѣ, но и во всемъ: къ костюмѣ, въ образѣ жизни, во взглядахъ на вещи. Онъ зарабатывалъ себѣ нѣсколько копеекъ немудренымъ мастерствомъ—перешиваніемъ поношенныхъ тулуповъ на теплыя шапки и рукавицы. Самъ онъ тоже ходилъ въ большой бѣловатой папахѣ собственной работы, въ рукахъ у него была толстая березовая палка, а чрезъ плечо висѣла кожаная сумка со всѣмъ его имуществомъ. Въ такомъ видѣ его можно было встрѣтить, когда онъ переходилъ по двору изъ отхожаго мѣста на кухню за обѣдомъ или за хлѣбомъ. Ему позволено было отлучаться только въ случаѣ крайней необходимости. Живя въ общей казармѣ, онъ оставлялъ бы свое имущество подъ надзоромъ товарища или пряталъ бы въ сундучекъ, а въ отхожемъ мѣстѣ некому беречь его добро; тутъ и замокъ не спасетъ. Послѣ одной-другой покражи онъ завелъ себѣ сумку, сложилъ въ нее свое бѣлье, куски овчины, хлѣбъ, чай и сахаръ и уже не разставался съ нею ни днемъ, ни ночью. Какъ классическій философъ, онъ могъ сказать про себя: omnia mea mecum porto (все мое ношу съ собой).

Выбравъ такое время, когда меньше всего бываетъ народа въ отхожемъ мѣстѣ, я подсѣлъ къ старику на скамеечку и сталъ ему показывать, какъ читается выбранная имъ молитва. Отъ чтенія перешли къ бесѣдѣ. Мои ожиданія оправдались. Это былъ нашъ народный философъ, примиренный со всѣмъ міромъ, со

Докторъ Владиміръ Алексѣевичъ Сасапарель.

всѣми условіями даже каторжной жизни. Онъ ни на кого не обижался, не жаловался, никого не ругалъ. Его правило состояло въ томъ, чтобы, по возможности, уклоняться отъ зла; а если нельзя,—безмолвно терпѣть.

Я скоро полюбилъ этого старика и по вечерамъ навѣдывался въ его непривлекательное жилище побесѣдовать съ нимъ. Ра-

бочіе такъ часто привыкли видѣть насъ вдвоемъ, что и меня стали звать старикомъ.

Однажды, сидимъ мы на сложенныхъ бревнахъ около отхожаго мѣста и тихо разговариваемъ. Подходитъ ко мнѣ рабочій и спрашиваетъ:

— А что, старички, часомъ не занимаетесь ли сапожнымъ дѣломъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю ему.

— А вѣдь, казалось бы, это самое подходящее для васъ, стариковъ, дѣло...

Мнѣ тогда не было еще 28-ми лѣтъ. И потомъ еще долго, пока я носилъ неуклюжій арестантскій халатъ и широкую безобразную сѣрую шапку, меня считали пожилымъ человѣкомъ, перешедшимъ сорокалѣтній возрастъ.

Осенью, въ числѣ другихъ рабочихъ, перевели Петра Антоныча въ Александровскій округъ. Я написалъ письмо смотрителю Л—у съ просьбою дать старику поспокойнѣе мѣсто, и онъ назначилъ его сторожемъ при школѣ.

На Сахалинѣ я предпочиталъ общество или стариковъ или малыхъ ребятъ. Тѣ и другіе болѣе успокоительно дѣйствовали на мою душу, чѣмъ почти всегда недовольные ссыльные средняго возраста. Ругать надзирателя, смотрителя тюрьмы или начальника округа—у нихъ обычная вещь, и съ этимъ кое-какъ миришься. Но чрезвычайно противно слышать безсмысленную брань по адресу къ самому острову Сахалину и его открывателямъ. Это въ своемъ родѣ щегольство проклятіями заразительно переходило отъ старыхъ къ новымъ каторжнымъ. Не щадили и Тымовскую долину, въ которой раскинулось Рыковское селеніе.

— И кто это выдумалъ Сахалинъ?! Чтобъ ему... И кто это отыскалъ Тымовскую долину?!... Подобныя восклицанія обыкновенно пересыпались грубою бранью.

А отыскали эту долину, какъ удобное мѣсто для поселенія, унтеръ-офицеръ Яковъ Александровичъ Рыковъ совмѣстно съ охотникомъ изъ ссыльныхъ, М. Ив. Хорошиловымъ, въ 1877 году. Рыковъ, уроженецъ Вятской губерніи, извѣстенъ въ памяти сахалинскихъ старожиловъ, какъ честный и распорядительный служака. Онъ первый розыскалъ дорогу черезъ Пилингскій хребетъ и привелъ съ собою въ Тымовскую долину партію ссыльно-каторжныхъ, которые и сдѣлались основателями поселеній Мало-

Мужская палата сахалинскаго лазарета.

Тымовскаго и Рыковскаго. Ведя простой образъ жизни и практически зная сельское хозяйство, Рыковъ заслужилъ уваженіе отъ ссыльныхъ. Онъ умѣлъ отлично ими распоряжаться, не прибѣгая къ тѣлесному наказанію.

Самый выборъ Тымской долины для хлѣбопашества дѣлаетъ честь умѣнью Рыкова.

IX.

Положеніе Тымовской долины.—Условія для хлѣбопашества.—Рыковское селеніе.—Обѣды у поселенцевъ.—Послабленія новаго смотрителя Ф.—Постель въ дорогѣ и на Сахалинѣ.—Негигіеничныя условія камеры.—Докторъ Сасапарель.—Его терпѣніе.

Защищенная рядами высокихъ горъ съ востока и запада, равнина рѣки Тыми вытянулась почти по меридіану на сотни верстъ. Сѣвернымъ своимъ концомъ она выходитъ въ Охотское море, а южнымъ—примыкаетъ къ высокимъ хребтамъ, отдѣляющимъ рѣку Тымь отъ Пороная, текущей почти тоже по меридіану, но только на югъ. Эти двѣ рѣки раздѣляютъ среднюю часть Сахалина на двѣ части: на западную, болѣе или менѣе заселенную, и восточную, почти необитаемую, если не считать немногія гиляцкія и орочонскія юрты на берегу Охотскаго моря. Центральное мѣсто всего острова и есть тотъ водораздѣлъ, къ которому примыкаютъ селенія Рыковское, Палево и др. Эта защищенность горами отразилась и на климатѣ долины. Здѣсь мало замѣтно умѣряющее вліяніе моря, и страшные сорокаградусные морозы зимою (иной разъ три недѣли подъ рядъ) смѣняются тридцати градусными жарами лѣтомъ. Также рѣзко бросается здѣсь отсутствіе морскихъ тумановъ—этого бича по берегамъ Сахалина. И еслибы было соотвѣтствующее распредѣленіе осадковъ, Рыковская долина служила бы отличнымъ мѣстомъ для хлѣбопашества. Но вотъ тутъ-то и кроется горе здѣшнихъ земледѣльцевъ. Когда нужны весною дожди,—ихъ нѣтъ, а во время покоса травы и жатвы хлѣба,—удержу нѣтъ дождю. Тѣмъ не менѣе хлѣбъ (рожь, ячмень, овесъ и даже пшеница) ежегодно сѣется по всѣмъ расчищеннымъ мѣстамъ долины. И я помню, какое сильное впечатлѣніе сдѣлала на меня пашня по

дорогѣ въ Палево, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ! Море желтыхъ колосьевъ волновалось отъ рѣки до подножья горъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ десятинъ. Само Рыковское селеніе такъ широко распланировано, что между улицами его тоже лежатъ полосы полей въ полверсты шириною.

Если посмотрѣть съ горы, то Рыковское представляетъ изъ себя четыре парралельно лежащихъ деревни, раздѣленныхъ полуверстными разстояніями. Эти деревни, или четыре улицы, объединяетъ одна поперечная посреди селенія, почти вся застроенная казенными зданіями.

Первое время я мало гулялъ внѣ селенія. Съ одной стороны не было времени для дальней прогулки (улицы селенія растянулись версты по три), а съ другой—мы не были еще знакомы съ условіями здѣшней тайги. Насъ, новичковъ, пугали и медвѣдями и гиляками, а главное—бродягами, т. е. сбѣжавшими ссыльнокаторжными. Впрочемъ, у меня и у литовца П—аго ежедневно были обязательныя прогулки на обѣдъ и ужинъ къ старшему плотнику Шарикову. Такъ какъ я съ мѣста плотничьихъ работъ у церкви не могъ всегда во-время поспѣть къ обѣду моихъ товарищей, которые садились за столъ, какъ только поспѣетъ ихъ похлебка, то, чтобы не стѣснять ни себя, ни ихъ, я воспользовался предложеніемъ Шарикова и за небольшую плату ходилъ къ нему на домъ насыщаться рыбою и картофелемъ. Ко мнѣ присоединился и студентъ П—й. Изо дня въ день одна и та же пища, хотя не приѣдалась, но часто разстраивала намъ пищевареніе, и мы перешли столоваться къ одной ссыльной грузинкѣ, жившей съ бывшимъ солдатомъ. Она держала корову, и нашъ столъ сталъ разнообразиться молокомъ.

Студенты малороссы тоже измучились съ обѣдами своего приготовленія и также пожелали столоваться у поселенцевъ. Наконецъ, мы нашли одного зажиточнаго столяра, жена котораго, чистенькая хохлушка, угощала всѣхъ насъ пятерыхъ болѣе разнообразными обѣдами и частенько мясомъ.

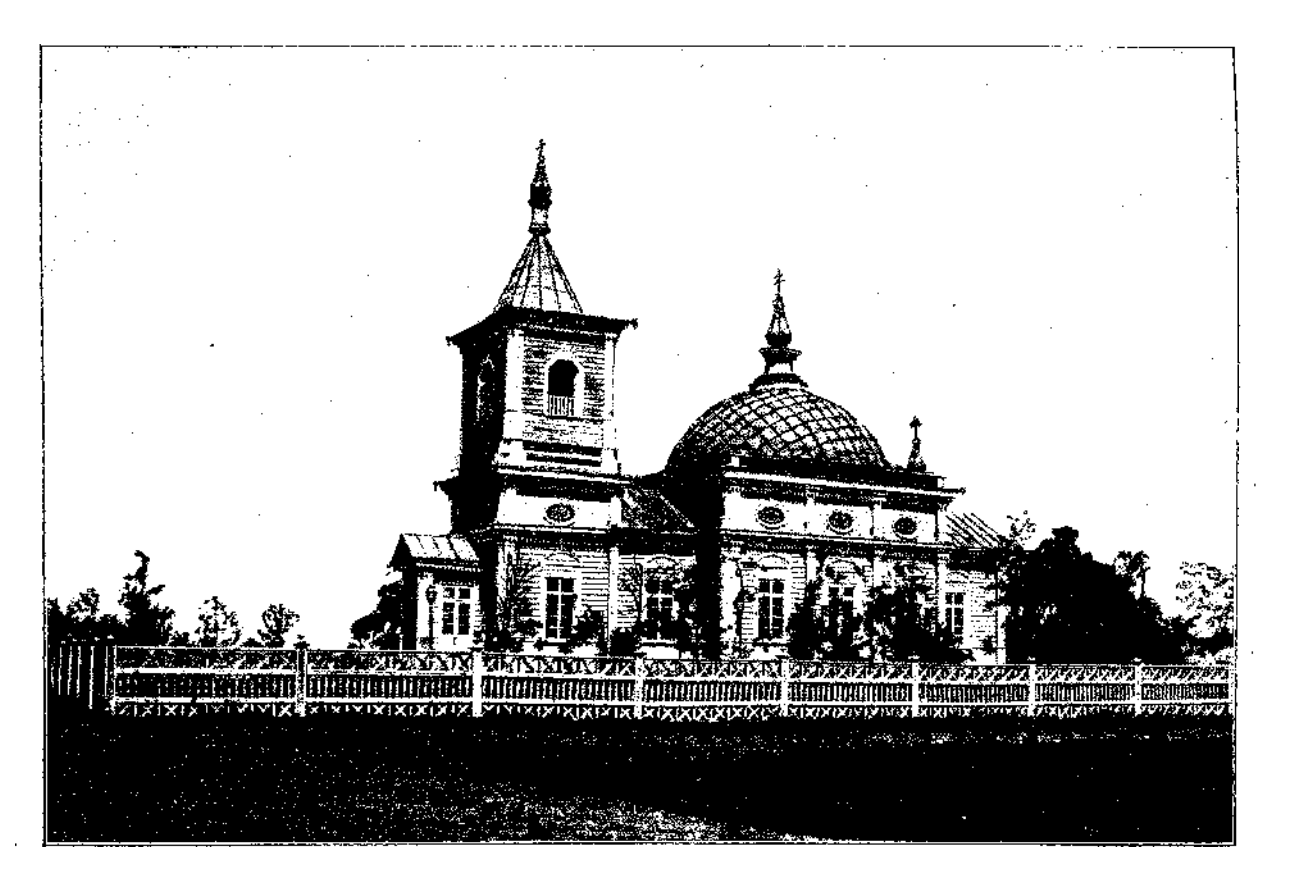
Здоровье наше стало поправляться. Къ работамъ не принуждали и студентовъ. Сперва они исправно посѣщали мастерскія, и одинъ изъ нихъ, К., даже вошелъ во вкусъ столярной работы и сдѣлалъ табуретку; но потомъ мало-помалу они отстали отъ незнакомаго труда и предпочли сидѣть въ казармѣ за книгами. Почти одновременно съ нами прибывшій въ Рыковское, новый смотритель Ф—ъ, молодой, жизнерадостный человѣкъ, не дѣ-

далъ по этому поводу никакихъ замѣчаній. Въ этомъ мы увидѣли безмолвное разрѣшеніе не ходить на работы.

Смотритель Ф—ъ къ намъ относился болѣе благосклонно, чѣмъ остальное начальство, и иногда удостоивалъ насъ своею бесѣдою не на оффиціальной почвѣ. Въ нашей камерѣ, или, лучше сказать, каморкѣ особенно онъ любилъ пошутить надъ моимъ спартанскимъ образомъ жизни, и моя койка возбуждала въ немъ постоянное удивленіе.

Когда я съ своими товарищами прибылъ изъ Петербурга въ Москву, насъ помѣстили на недѣлю въ большую камеру тюрьмы съ голыми нарами. Мы приходили въ ужасъ: какъ можно заснуть на голыхъ доскахъ! Нашихъ мѣшковъ съ собственными вещами намъ не выдали. Помню, я тогда сговорился съ Ц—мъ улечься вдвоемъ на его халатѣ, а моимъ халатомъ покрыться сверху. И все-таки намъ было и холодно, и жестко, и крайне неудобно. На пароходѣ Добровольнаго флота условія для спанья были еще болѣе тягостны. Невыносимая жара и мучительная тропическая сыпь не позволяли намъ лечь на что нибудь мягкое. Волей-неволей укладываешься на голыхъ нарахъ въ одномъ бѣльѣ. Такимъ образомъ за полтора мѣсяца путешествія по жаркимъ морямъ я понемногу привыкъ спать на жесткихъ доскахъ безъ постилки. Эту привычку я считалъ большимъ завоеваніемъ, и въ первое время на Сахалинѣ мнѣ не хотѣлось съ нею разставаться. Богъ знаетъ, думалъ я, въ какихъ еще условіяхъ придется мнѣ здѣсь жить? Къ чему отвыкать отъ того, что пріобрѣтено съ такимъ трудомъ? И я обходился безъ тюфяка и стлалъ на койку полушубокъ, а подъ подушку подкладывалъ полѣнья. Только съ выѣздомъ изъ казармы у меня появился сѣнникъ. Къ тому же совсѣмъ негигіенично было загромождать нашу тѣсную каморку перинами и подушками. И безъ того мы не знали, какъ отдѣлаться отъ разныхъ насѣкомыхъ. Черезъ щели стѣнъ къ намъ лѣзли изъ сосѣднихъ камеръ каторжныхъ цѣлыя арміи таракановъ и клоповъ. Но особенно много было блохъ. Даже крысы, и тѣ не оставляли насъ въ покоѣ. Болѣе всѣхъ съ ними возился художникъ К. Онъ употреблялъ, казалось, всевозможные способы для охраненія своей провизіи, но хитрыя крысы почти всегда умѣли достать его торбу.

Несмотря на мою щепетильность относительно чистоты тѣла и бѣлья, я не избѣгнулъ заразиться какою-то сыпью, вызывающей непріятный зудъ. Впрочемъ, по совѣту рабочихъ, я скоро

Церковь Казанской иконы Божіей Матери въ Рыковскомъ селеніи.

избавился отъ этой гадости. Для этого употреблялъ средство характерное русское: на ночь густо намазывался дегтемъ, а утромъ шелъ въ горячую баню.

Обращались мы за совѣтомъ и лѣкарствами и къ тюремному доктору, В. А. Сасапарелю. Это былъ добродушнѣйшій старикъ, проведшій немало времени на Дальнемъ востокѣ. (До Сахалина В. А. много лѣтъ жилъ въ Гижигинскомъ округѣ). Свою жизнь онъ строго распредѣлилъ по часамъ. Въ назначенные часы онъ вставалъ, обходилъ больныхъ, гулялъ, обѣдалъ, ложился спать и пр. Его организмъ превратился въ правильную машину. Человѣкъ, хорошо знакомый съ его обиходомъ жизни, могъ почти безъ ошибки сказать заочно, что въ такой-то часъ, во столько-то минутъ, Владимиръ Алексѣевичъ дѣлаетъ то-то[1]). Какъ врачъ, онъ придерживался разъ выработанныхъ пріемовъ лѣченія и не безъ успѣха. Я самъ не одинъ разъ испытывалъ на себѣ чудное дѣйствіе его лѣкарствъ послѣ отравленія рыбой. Между прочимъ, онъ былъ врагомъ оперативнаго лѣченія больныхъ съ отмороженными членами. Суровыя зимы на Сахалинѣ приводятъ въ лазаретъ массы такихъ больныхъ, но ихъ выздоровленіе всегда обходилось безъ ножа.

Но въ чемъ была его особенность — это въ удивительномъ терпѣніи при лѣченіи арестантовъ. Ссыльно-каторжные, конечно, рады привязаться къ какой нибудь незначительной болѣзни, чтобы пролежать нѣсколько лишнихъ дней въ больницѣ и отдохнуть отъ каторжныхъ работъ. Такъ, если случится у кого пораненіе, то впередъ можно было сказать, что больной не дастъ скоро зажить ранѣ.

Каждый день Владимиръ Алексѣевичъ терпѣливо высиживалъ въ лазаретѣ во все время перевязки такого больного. Наконецъ, рана затянется, и докторъ скажетъ:

— Не тронь, не чеши ея, и ты скоро станешь на ноги.

— Слушаю, ваше превосходительство!

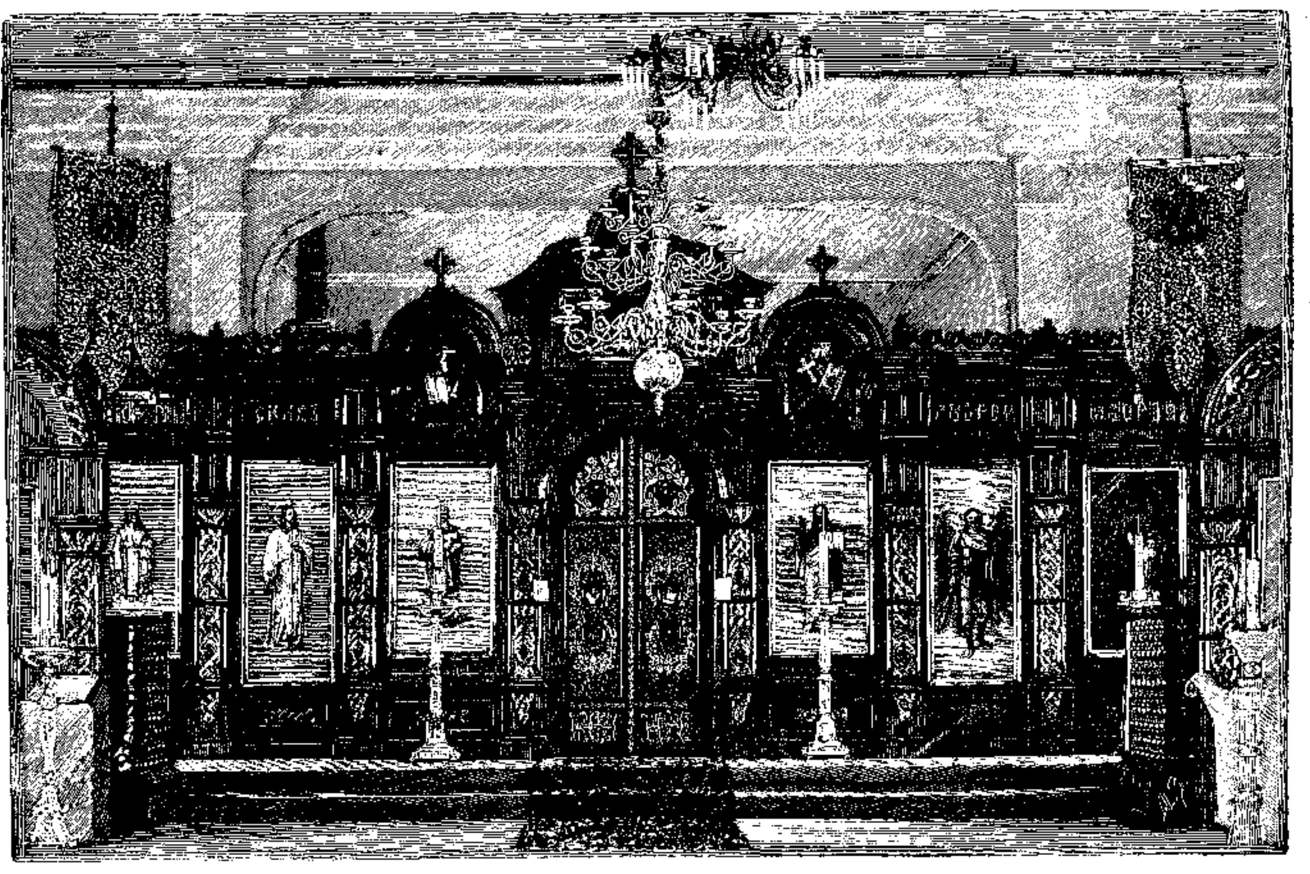
На другой день рана разодрана въ кровь.

— Зачѣмъ ты ея разбередилъ? Вѣдь я же говорилъ тебѣ вчера...

— Простите, ваше превосходительство, нечаянно содралъ кожицу...

---

[1]) Такой правильный образъ жизни удивительно сохраняетъ внѣшній видъ старика. Я его знаю 12 лѣтъ и не замѣчаю никакой перемѣны въ его лицѣ.

Иконостасъ Рыковской церкви.

Опять начинаются ежедневныя перевязки, опять докторъ терпѣливо ждетъ, когда затянется рана. Но пройдетъ нѣсколько дней, и она снова въ крови.

— Опять растревожилъ!

— Сильно чесалось, ваше превосходительство!

— Ну, надо сказать смотрителю. Онъ тебѣ почешетъ,—грозитъ докторъ.

Но никогда В. А. не жаловался смотрителю на больныхъ каторжныхъ. Онъ и совершенно здоровымъ давалъ по ихъ просьбѣ два-три дня отдыха.

X.

Старанія смотрителя объ устройствѣ храма.—Назначеніе меня пѣвчимъ.—Временная церковь въ казармѣ.—Пораненіе топоромъ.—Мое значеніе въ церковномъ хорѣ.—Іеромонахъ Ираклій.—Его самоизнуреніе въ молодости.—Особенное значеніе священника на Сахалинѣ.—Новыя занятія.

Смотритель Ф—ъ вообще былъ большимъ любителемъ внѣшняго блеска и празднествъ, и онъ далъ слово непремѣнно окончить церковь къ пасхѣ. Остановка была за столярными работами и главнымъ образомъ за рѣзьбою иконостаса. Смотритель ежедневно забѣгалъ въ нашу камеру и подгонялъ бѣднаго К. Молодой художникъ сердился, но, понимая свое зависимое положеніе, долженъ былъ упростить рисунокъ и приналечь на работу.

Однажды смотритель изъявилъ желаніе, чтобы кто нибудь изъ насъ примкнулъ къ хору. Мало знакомые съ церковнымъ пѣніемъ студенты отказались. Я всегда любилъ музыку, и еще мальчикомъ мнѣ случалось пѣть на клиросѣ; но въ это время, кромѣ своего теоретическаго знанія нотъ, ничего не могъ предложить хору. Голосъ у меня осипъ, и слухъ значительно притупился. Я не хотѣлъ, однако, допустить, чтобы у меня окончательно пропала способность къ пѣнію, и сталъ усиленно упражняться по тѣмъ обрывкамъ нотъ, которые нашлись у регента хора, Ѳ. Ив. Геннисаретскаго

Служба совершалась въ одной изъ казармъ. Одна половина ея была занята каторжными, а въ другой—устроена временная убогая церковь. Иконостасъ состоялъ изъ рамъ, обтянутыхъ

парусиною; облаченія на престолѣ и жертвенникѣ ситцевыя; подсвѣчники деревянные, самодѣльной работы. И вотъ все въ такомъ родѣ. Самъ священникъ какъ бы дополнялъ общую картину этой бѣдной церкви. Онъ былъ изъ бурятъ, малограмотный, съ голосомъ страшной интонаціи, съ широкимъ азіатскимъ лицомъ, въ монашескомъ одѣяніи. Но при всемъ томъ удивительно уютно чувствовалось въ этой маленькой церкви. И потомъ, когда служба была перенесена въ богатый просторный храмъ, многіе съ сожалѣніемъ вспоминали прежнюю бѣдную церковь, гдѣ «теплѣй молилось».

Съ перепискою нотъ для церковнаго хора и съ частыми спѣвками я понемногу сталъ отставать отъ плотничьихъ работъ. Ходилъ на нихъ главнымъ образомъ только до обѣда.

Какъ-то вздумалось мнѣ поработать топоромъ.—Что за плотникъ я буду, если не сумѣю владѣть топоромъ!—сказалъ я себѣ и взялся тесать бревна по шнуру. На первомъ же бревнѣ я прорубилъ себѣ сапогъ и всадилъ топоръ въ ступню ноги. Сдѣлали мнѣ перевязку, и я нѣкоторое время не работалъ.

— Нельзя научиться ѣздить верхомъ, не упавши съ лошади,—не унимался я и опять взялъ топоръ. Вскорѣ я поранилъ себѣ руку, и у меня окончательно отняли эмблему плотничьяго искусства. Тогда я принялся за вычерчиваніе на стѣнахъ овальныхъ оконъ, арокъ внутри храма и составлялъ рисунки деталей. Но и это продолжалось недолго. Церковное пѣніе поглотило все мое вниманіе. Я сталъ необходимымъ лицомъ въ хорѣ. Регентъ прекрасно пѣлъ басомъ, зналъ нѣкоторые пріемы управлять хоромъ, но не былъ знакомъ съ теоріей музыки. Онъ пѣлъ по памяти только знакомыя пѣсни. Чтобы разучить новую херувимскую, ему нужна была моя помощь Обыкновенно мнѣ приходилось поочередно пѣть и съ дискантами, и съ альтами, и съ тенорами. Въ нашемъ распоряженіи были тѣ обрывки писанныхъ нотъ, которые привезли съ собою арестанты, временно состоявшіе пѣвчими въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Предварительно исправивъ многочисленныя ошибки, я составилъ изъ этихъ листочковъ первыя тетради нотъ, которыя и послужили основаніемъ нашему пѣнію.

Въ это же время у меня завязались болѣе тѣсныя сношенія со священникомъ, іеромонахомъ Иракліемъ. Не получивъ школьнаго образованія, онъ отъ природы былъ надѣленъ быстрымъ соображеніемъ и рѣдкою предпріимчивостью. Разсказывали про

него, что во время сильнаго наводненія, затопившаго все бурятское селеніе, молодой только-что поженившійся Праклій далъ обѣтъ принять христіанское крещеніе, если останется живъ. Все населеніе погибло. Остался одинъ Ираклій, и онъ не замедлилъ пойти въ монастырь. Какъ горячій прозелитъ, онъ скоро сталъ удивлять старыхъ монаховъ своими подвигами самоизнуренія.

— Бывало,—говорилъ онъ своимъ интимнымъ друзьямъ,—всю ночь напролетъ молюсь на камнѣ (у меня въ кельѣ былъ такой плоскій камень) и борюсь со сномъ. Устанешь. Клонитъ ко сну. Я прилегъ бы на свой камень, какъ на мягкую перину. Но нельзя! Я заранѣе назначаю срокъ окончанія молитвы. За то подойдетъ это время, какъ я сладко засыпаю на жесткомъ камнѣ!..

Аскетическіе подвиги о. Ираклія не укрылись отъ игумена монастыря, и онъ быстро довелъ его до сана іеромонаха. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ миссіонеромъ на Амуръ, а въ восьмидесятыхъ годахъ переведенъ на Сахалинъ. Здѣшніе чиновники любили о. Ираклія за его веселый нравъ, а ссыльнымъ онъ нравился, какъ доступный батюшка. Послѣ священника Георгія Сальникова и іеромонаха Ираклія за мое время на Сахалинѣ немало было священниковъ, но почти всѣ они отдѣляли себя отъ простого народа стѣною неприступности, важнымъ начальническимъ тономъ, парадными крыльцами, лакеями и проч.

Если православный священникъ вообще есть пастырь, отецъ и слуга (Мт. 20, 26—28) своего прихода, то на Сахалинѣ въ особенности онъ долженъ стоять близко къ своей паствѣ. У людей, лишенныхъ всѣхъ правъ земного гражданства, остаются еще нетронутыми права на небесное гражданство, и священникъ въ данномъ случаѣ становится почти единственнымъ лицомъ, которое признаетъ такихъ осужденныхъ преступниковъ равными себѣ людьми. Ему ли считать ихъ лишенными правъ, когда онъ самъ ежедневно умоляетъ Бога классическою молитвою разбойника! Напротивъ, онъ по христіанской любви долженъ войти въ самую тѣсную связь съ этими несчастными, отверженными, выброшенными изъ земного общества, съ людьми, страшно нуждающимися въ его нравственной поддержкѣ.

Къ сожалѣнію, я видѣлъ въ священникахъ на Сахалинѣ гражданскихъ чиновниковъ въ рясѣ, хорошо обезпеченныхъ ежемѣсячнымъ сторублевымъ жалованьемъ, пайкомъ, готовымъ до-

момъ со всѣми удобствами и слугами и значительными доходами отъ требъ.

Отцу Ираклію посчастливилось быть устроителемъ нѣсколькихъ церквей на островѣ, въ томъ числѣ и рыковскихъ. Ко мнѣ онъ обратился за помощью—создать церковную библіотеку. Самъ онъ устроилъ на свой счетъ большой шкафъ, а мнѣ предоставилъ сдѣлать выписку книгъ по своему усмотрѣнію.

Понемногу я сталъ знакомиться со всѣми сторонами жизни селенія. Кругъ моихъ занятій съ каждою недѣлею расширялся. Когда пронесся слухъ, что въ канцеляріи начальника округа открылись два мѣста на писарскія должности, и они будутъ предоставлены кому нибудь изъ насъ, я поспѣшилъ отказаться въ пользу студентовъ.

— Господа,—говорю я имъ,—славу Богу, я знакомъ со многими видами интеллигентнаго труда, и, вѣроятно, для меня всегда найдется подходящее мѣсто; но вамъ нечего терять хорошій случай завоевать себѣ привилегированное положеніе на Сахалинѣ и обезпечить себя небольшимъ жалованьемъ.

Слухъ оказался вѣрнымъ, и вскорѣ одинъ изъ студентовъ Г. былъ назначенъ въ канцелярію начальника округа, а другой, живой, ловкій К.,—въ сосѣднее селеніе Мало-Тымовское къ больному смотрителю Самарскому.

Это назначеніе подбодрило и насъ остальныхъ: улыбалась надежда скоро освободиться отъ подневольныхъ работъ и отъ казарменной жизни.

XI.

Каторжныя работы.—Заготовка лѣса.—Раскомандировка.—Ночное шествіе рабочихъ.—Тайга зимою.—Порубка лѣса.—Тяга бревенъ каторжными.—Конецъ рабочаго дня.

Въ Тымовскомъ округѣ всѣ отрасли тюремнаго хозяйства составляютъ предметъ каторжныхъ работъ. Тюрьма имѣетъ свои большіе луга, поля, огороды, на которыхъ съ весны до осени работаетъ немалая часть каторжныхъ. Всѣ остальные рабочіе (за исключеніемъ мастеровыхъ) высылаются на сооруженіе дорогъ, т. е. дѣлать просѣки въ тайгѣ, рыть канавы, мостить въ

мокрыхъ мѣстахъ бревнами и укрѣплять полотно дороги дерномъ, хворостомъ и камнемъ. Съ наступленіемъ же зимы всѣ незанятые люди гонятся въ тайгу за лѣсомъ.

Начинающаяся колонизація округа вызывала множество построекъ, а потому каждую зиму первою заботою администраціи была заготовка строительнаго матеріала. Употреблялись только два вида деревьевъ для срубовъ жилыхъ домовъ: тяжелая лиственница—для нижнихъ вѣнцовъ и легкая ель—для верхнихъ. Пихтою пренебрегали, какъ слабымъ лѣсомъ, а сосны и кедра на Сахалинѣ вовсе нѣтъ.[1])

У всего населенія, и у каторжнаго и у поселенца, хожденіе въ тайгу за бревнами или за дровами составляетъ содержаніе почти каждаго дня въ продолженіе всей зимы. Мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ главнымъ зимнимъ промысломъ, и я прослѣдилъ за каторжными до мѣста порубки лѣса.

Еще до разсвѣта, часа въ три-четыре ночи, команда каторжныхъ выстроилась на тюремномъ дворѣ «на раскомандировку». Морозъ въ тридцать градусовъ. Бѣлый паръ, какъ изъ трубы парохода, валитъ изо рта и ноздрей каждаго. Въ короткихъ подпоясанныхъ полушубкахъ озябшіе арестанты переминаются съ ноги на ногу. Немногіе изъ нихъ въ валенкахъ и въ папахахъ, перешитыхъ изъ старыхъ тулуповъ; большинство въ казенныхъ бродняхъ (просторные сапоги изъ желтой кожи), набитыхъ соломою, и въ сѣрыхъ суконныхъ шапкахъ съ наушниками. Въ рукахъ или на плечѣ веревка-лямка для тяги бревна. У нѣкоторыхъ за поясомъ топоръ, у другихъ чайникъ или котелокъ.

Старшій надзиратель съ фонаремъ въ рукахъ вмѣстѣ съ тюремнымъ писаремъ быстро разбилъ весь народъ на партіи по три, по четыре, по пяти и больше человѣкъ, смотря по размѣру назначеннаго бревна. Когда только кончилась раскомандировка, всѣ разомъ двинулись на Тымовскую дорогу съ шумомъ, съ криками, чуть не бѣгомъ, назябшись на тюремномъ дворѣ. Миновавъ казенныя зданія и церковь, вся толпа повернула налѣво по Дербинской дорогѣ. Въ воздухѣ тишина. Звѣзды ярко горятъ на западной части неба. Изъ нѣкоторыхъ избъ валитъ густой бѣловатый дымъ, но онъ не подымается столбомъ кверху, а тихо,

---

[1]) Есть только кустарный видъ кедра, такъ называемый кедровникъ— Pinus (cembra) pumila.

подобно туману, садится внизъ на землю. По сибирской примѣтѣ, это значитъ, что на дворѣ сильно морозно.

Съ каждымъ годомъ порубка лѣса отодвигалась все дальше и дальше отъ Рыковскаго селенія. Послѣдніе пожары отодвинули ее сразу на нѣсколько верстъ. Теперь намъ надо было пройти верстъ шесть по дорогѣ и четыре тайгою. Черезъ часъ

Іеромонахъ Ираклій

вся команда каторжныхъ свернула въ лѣсъ и растянулась длинною лентою по направленію къ горамъ.

Это стремительное движеніе дѣйствуетъ на меня увлекательно. Я не чувствую ни усталости, ни холода. Предразсвѣтный полумракъ навѣвалъ какое-то спокойствіе на душу, а морозный воздухъ живительно подбадривалъ всѣ мои члены, не обремененные никакою ношею. Вскорѣ мы подошли къ ближайшимъ хол-

мамъ. Издали черные обгорѣлые стволы печально выдѣлялись на бѣловатомъ фонѣ снѣжнаго покрова и напоминали поднятую щетину. Но слѣдующая гряда горъ зеленѣла елью и пихтою. Туда собственно и стремились каторжные, расходясь по намѣченнымъ мѣстамъ. Кое-гдѣ уже слышны удары топора. Это работаютъ «рубщики», пришедшіе сюда нѣсколько раньше. Около густыхъ елокъ съ ушедшими въ снѣжный коверъ нижними вѣтвями весело затрещали костры. Кругомъ нихъ небольшими группами расположились рабочіе погрѣться и покурить. Иные, набивъ котелокъ снѣгомъ, кипятятъ воду для чая.

Я пошелъ, лучше сказать, полѣзъ къ рубщикамъ. Здѣсь и лѣтомъ надо постоянно перелѣзать черезъ наваленные одинъ на другой стволы, а зимой этотъ трудъ усложняется еще глубокимъ снѣгомъ.

Какой, однако, безжизненный видъ тайги въ морозы! На темныхъ вѣтвяхъ елей и пихтъ толстыми слоями, на подобіе ваты, лежитъ бѣлый снѣгъ, отчего онѣ кажутся еще болѣ неподвижными, и лѣсъ представляется еще гуще, плотнѣе. Сплошные ряды хвойныхъ деревьевъ разнообразятся гигантскими грибами съ толстыми бѣлыми шляпками. Это—пни срубленнаго лѣса, покрытые снѣгомъ. Но ни звука, ни слѣда отъ птицы или звѣря. Только удары топора и говоръ ближайшей группы людей нарушаютъ эту мертвую тишину.

Я направился къ рубщикамъ. Они уже подрубали высокую елку съ той стороны, куда хотѣли свалить ее.

— Берегись!—закричалъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ.

Я метнулся въ сторону, сильно разгребая снѣгъ руками и грудью. Въ это время дерево скрипнуло, треснуло въ надрубленномъ мѣстѣ, затрещали и верхнія вѣтви, ломаясь о другія деревья. Трескъ становился сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ гигантская ель сразу хлопнулась на землю, громовымъ грохотомъ раскатываясь по тайгѣ.

Я на моментъ замеръ отъ величественной картины и отъ сознанія, что миновала опасность. Здѣсь ни одна зима не обходится безъ придавленнаго или ушибленнаго лѣсиной. И не удивительно: въ такомъ снѣгу среди множества сваленныхъ старыхъ стволовъ неудобно скоро отбѣжать въ сторну, да и не всегда угадываютъ, куда ляжетъ дерево.

Рабочіе вмѣсто аршина стали топорищемъ отмѣривать на стволѣ двѣнадцать аршинъ. Я подошелъ поближе къ дереву.

Оно переломилось на три части. Что-то безпомощное и жалкое было въ этомъ разбитомъ гигантѣ. Пока рубили дерево, пока оно падало, занятый собою, я не думалъ о немъ, но теперь этотъ видъ поваленной ели возбуждалъ во мнѣ невыразимую жалость, какъ бы къ живому существу.

Заказано было бревно шести вершковъ въ отрубѣ; но, отмѣривъ двѣнадцать аршинъ, рабочіе нашли, что не хватаетъ полвершка до требуемой толщины.

Поднялась ругань между ними.

— Я, вѣдь, говорилъ, что тонко! — горячился самый бойкій изъ нихъ, рыжеволосый сухой парень, который, однако, главнымъ образомъ и рѣшилъ рубить дерево. — Подходящее бы было, его не оставили бы здѣсь рости. И вчера мы его обошли. Нѣтъ, надо было говорить косому: сойдетъ, сойдетъ... Вотъ те и сошло!

— Можетъ, и это сгодится? — робко замѣтилъ здоровый на видъ, но смирный, мужикъ въ теплыхъ чуняхъ (суконные сапоги).

— Если тебѣ охота прогуляться въ тайгу второй разъ, — иронически отвѣтилъ первый, — то тащи, пожалуй... Ну, чего смотрите? Замерзнуть хотите? Айда въ лѣсъ?

Все чаще и чаще раздавался гулъ отъ паденія срубленныхъ деревьевъ. Недалеко отъ насъ съ криками на незнакомомъ языкѣ четыре арестанта ворочали уже обчищенное отъ коры дерево.

— О, татарва счастливая! Смотрите, они къ обѣду успѣютъ вернуться, — замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, за которыми я медленно шелъ по глубокому снѣгу. Наконецъ, мы остановились передъ стройной елью. Сомнѣнія ни у кого не было: она дастъ болѣе шести вершковъ въ отрубѣ. Тихоня мужикъ въ чуняхъ началъ было рубить ее.

— Бери выше, — кричитъ ему рыжій. — Итакъ толста будетъ. Да забирай больше сюда, чтобы легла она между этими пихточками.

Я заранѣе отошелъ за сосѣднее дерево и снова наблюдалъ паденіе гиганта. На этотъ разъ ель упала на небольшую пихту, сломала ее и рухнулась вершиною подъ гору.

Освободивъ отрубленное бревно отъ вѣтвей и коры и сдѣлавъ на концѣ его зарубку для веревки, рабочіе немедля потянули его на дорогу. Я помогалъ имъ по мѣрѣ возможности. Всѣ мы крайне утомились и забыли про жестокій морозъ, претаскивая

бревно среди чащи лѣса надъ кучами наваленныхъ стволовъ. Едва самъ выкарабкиваешься въ такомъ снѣгу, а тутъ еще надо тащить за собою неповоротливое тяжелое дерево. Но всему бываетъ конецъ,—вышли и мы на дорогу и вложили свое чистенькое, бѣленькое бревно въ выбоину отъ раньше протянутыхъ бревенъ.

— Стой, ребята! — скомандовалъ рыжій. — Надо смочить лѣсинку.

Каждый, сколько могъ, поусердствовалъ, и одна сторона бревна обтянулась тонкою корочкою льда. Это дѣлалось для того, чтобы легче скользило дерево по снѣгу. На большой дорогѣ, гдѣ пройдетъ по одному и тому же мѣсту ежедневно до сотни бревенъ, выбивается плотная колея, гладкая, какъ полированный металлъ. Тутъ только поспѣвай итти за бревномъ! Обыкновенно двое тянутъ на веревкахъ за зарубку передняго конца дерева, а другіе двое, зацѣпивъ веревку за всаженный топоръ, подтягиваютъ сзади. Разгоряченные, вспотѣвшіе, они не должны останавливаться для отдыха, иначе на сильномъ морозѣ моментально промерзнутъ ихъ плохія шубенки. Какъ ни устанутъ, а ужъ безъ передышки дотянутъ бревно до тюремнаго двора, гдѣ принимаетъ его надзиратель съ аршиномъ въ рукахъ. Если онъ забракуетъ дерево, рабочіе должны снова итти въ тайгу; а не успѣютъ въ тотъ же день,—идутъ въ ближайшее воскресенье.

Наваливъ свое бревно на другія въ штабель, измученные, голодные рабочіе спѣшатъ пообѣдать, сряду и чаю напиться; и если уже поздно, то скорѣй спать: завтра опять надо подыматься въ три часа ночи!

XII.

Тягость каторжныхъ работъ.—Бураны.—За бревнами въ распутицу.—Казарма рабочихъ ночью.—Вакансія.—Дровотаски.—Надзиратели.—Ихъ жизнь на островѣ и на материкѣ.—Голубевъ.

Казалось бы, хожденіе за бревнами— одинъ изъ лучшихъ видовъ каторжныхъ работъ. Физическій трудъ на чистомъ воздухѣ приноситъ только хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ и здоровье. Съ этой точки зрѣнія смотрятъ на это дѣло нѣкоторые изъ каторжныхъ. Но большинство крайне недовольны этими прогулками въ тайгу.

Тяга дерева каторжными.

— Живешь, какъ скотина,—говорятъ они.— Намаешься, намерзнешься въ тайгѣ, намучишься до пота съ бревномъ на дорогѣ,—глядишь—уже поздно! Ни тебѣ починить бѣлья, ни сдѣлать чего нибудь, а ужъ заработать копейку и не думай! Даже и въ картишки некогда поиграть... Развѣсишь мокрыя портянки, да скорѣй на койку! А въ тайгу-то бѣжишь ночью тоже не по-человѣчески, безъ чая. Думаешь тамъ напиться. А какое питье на морозѣ, когда надо скорѣй дерево валить. Хорошо еще, если морозъ небольшой, а то зарядитъ цѣлую недѣлю по сорока градусовъ. А еще того хуже—буранъ. И не приведи Богъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, въ снѣжныя бури, которыя здѣсь такъ особенно часты, не только съ бревномъ, но и налегкѣ трудно итти по дорогѣ. Въ воздухѣ густо крутится снѣгъ: на десять шаговъ впереди ничего не видно днемъ. На дорогѣ мѣстами навѣваются едва проходимые сугробы снѣга до сажени и выше. При этомъ пронизывающій страшной силы вѣтеръ не только не даетъ открыть глазъ, но и подвигаться впередъ напротивъ его. До бревна ли тутъ! Надо правду сказать, въ очень сильные бураны не посылаютъ команду за бревнами.

Но когда эта работа превращается въ настоящую каторжную, это—весною въ распутицу. Всегда такъ случается, что намѣченнаго съ осени количества бревенъ не успѣваютъ заготовить въ продолженіе зимы и потому гонятъ команду въ тайгу за лѣсомъ до полной распутицы. Тянуть бревно, когда по дорогѣ оголятся проталины, образуются лужи и выбьются глубокія ямы, едва возможно. До поздней ночи по улицамъ селенія слышны надрывающіе душу крики. Тутъ ужъ не до веселой «дубинушки»! Даже рѣдко слышно и опредѣленное: «разъ, два, дерни!» Ихъ понукающій крикъ былъ безсловеснымъ звукомъ, но ясно выражающимъ все страданіе, натугу, досаду измученнаго, голоднаго человѣка.

— А-а-а!.. А-а-а!.. покрикиваютъ они, а бревно ни съ мѣста. Иной разъ такъ и бросятъ его саженяхъ въ ста отъ тюрьмы, разсчитывая на утренніе заморозки.

А какіе они жалкіе, грязные, мокрые послѣ такой работы! Бывало ночью войдешь къ нимъ въ казарму и съ ужасомъ остановишься на порогѣ. Что-то хаотическое было во всей этой скученности народа на нарахъ и развѣшенныхъ надъ ними для просушки штановъ, подвертокъ, суконокъ, сапоговъ, чуней, бродней. Въ полумракѣ сначала не разбираешь неясныхъ очертаній

Палачъ Комлевъ.

всей этой массы грязнаго тряпья и одежды, но потомъ, приглядѣвшись при слабомъ свѣтѣ тусклой лампы, замѣчаешь разметавшiяся фигуры изнемогшихъ каторжниковъ. Ихъ сонъ видимо тяжелый. Нѣкоторые ворочаются со стороны на сторону, другiе глухо бредятъ.

Задыхаясь отъ нестерпимаго запаха и удушливаго испаренiя отъ мокраго платья, я съ трудомъ прошелъ вдоль нарь къ сидящей фигурѣ рабочаго около подвѣшенной лампы. Онъ вслухъ читалъ засаленное Евангелiе.

— Чего не спишь?—спрашиваю я.—Вѣдь завтра васъ рано погонятъ за бревнами.

— Я, слава Богу, на вакансiи!.. Я тутъ камерщикомъ,—медленно отвѣтилъ онъ и поднялся, чтобы подложить дровъ въ желѣзный каминъ, на которомъ стоялъ почернѣвшiй отъ копоти чайникъ.

На вакансiи—это значитъ: находится не на общихъ работахъ въ лѣсу или на дорогѣ, а на отдѣльной службѣ сторожемъ, дровотаскомъ, слугою у чиновника и проч. Вакансiя—это предметъ страстныхъ желанiй всѣхъ рабочихъ. Отдѣленный отъ общей команды, онъ чувствуетъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, а не рабочимъ скотомъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ счастливецъ-камерщикъ. Кромѣ того, что побалуетъ себя чайкомъ, онъ имѣетъ еще возможность удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ. Хоть ночью, все-таки находитъ досугъ почитать книгу. Даже обязанность дровотаска, которому тоже ежедневно приходится ходить въ тайгу за бревешкомъ, или чуркой, какъ они величаютъ, и та считается лучше общихъ работъ. Дровотаскъ тянетъ бревно одинъ, и онъ самъ распоряжается своимъ временемъ. Худо ли, хорошо ли онъ дѣлаетъ, его никто не ругаетъ; а быть въ группѣ четырехъ-пяти человѣкъ,—поневолѣ приходится подлаживаться къ остальнымъ и постоянно чувствовать свою зависимость отъ болѣе бойкихъ крикуновъ.

Попасть на вакансiю главнымъ образомъ зависитъ отъ старшаго надзирателя. При этомъ, конечно, немалую роль играютъ деньги.

Въ надзиратели обыкновенно идутъ окончившiе срокъ службы солдаты мѣстной команды, но мѣста старшихъ надзирателей чаще всего занимались ссыльными поселенцами, заявившими себя способными людьми еще въ бытность свою каторжными. Наконецъ, всѣ лучшiе мастеровые дѣлаются завѣдующими ма-

стерскими съ жалованьемъ въ 40 — 50 и болѣе рублей въ мѣсяцъ. Но, какъ это бываетъ, хорошіе мастеровые — хорошіе и пьяницы; и потому всѣ сбереженія ихъ идутъ на дорогую здѣсь водку. Привыкнувъ широко жить на островѣ, они ѣдутъ на материкъ съ полною увѣренностью жить еще лучше. Но тутъ-то сразу и сказывается ихъ избалованность. Съ одной стороны, отъ ежедневной напряженной работы они отстали, съ другой—сильный соблазнъ отъ свободныхъ кабаковъ. И очень часто на материкѣ они дѣлаются жалкими бѣдняками.

Я хорошо помню появленіе новаго старшаго надзирателя Голубева въ Рыковской тюрьмѣ. Въ новомъ мундирчикѣ при шапкѣ онъ бойко вошелъ на тюремный дворъ и здоровался съ каторжными съ нѣкоторымъ достоинствомъ по-офицерски. Сидящіе на крыльцѣ арестанты почтительно вставали и низко кланялись. Какъ разъ въ это время я проходилъ по двору въ арестантскомъ халатѣ и пришелъ въ немалое смущеніе: а вдругъ онъ грубо накинется на меня, отчего я не оказалъ ему такого же почтенія, какъ и другіе ссыльные. И я предпочелъ уйти на другую сторону—подальше отъ грѣха. Но какой контрастъ черезъ девять лѣтъ! Я командовалъ отдѣльною частью въ Уссурійскомъ краѣ, и въ моемъ распоряженіи было болѣе 60 человѣкъ вольнонаемнаго люда. Въ это время является ко мнѣ невысокій человѣкъ и съ низкими поклонами проситъ меня принять его къ себѣ въ качествѣ слуги, дворника или сторожа. Я едва узналъ въ этомъ бородатомъ, очень скромно одѣтомъ человѣкѣ когда-то блестящаго старшаго надзирателя Голубева. Впрочемъ, онъ оставилъ на Сахалинѣ хорошую память по себѣ. Голубевъ, обладая мягкимъ сердцемъ, избѣгалъ жаловаться на арестантовъ. Въ данномъ случаѣ онъ совершенно соотвѣтствовалъ своему начальнику, смотрителю Ф., котррый, кажется, и привезъ его съ собою въ Рыковское. За время ихъ правленія сравнительно очень мало наказывали каторжниковъ розгами.

XIII.

Старосты-палачи.—Наказаніе розгами.—Старосты-майданщики.—Иванъ Лебедевъ.—Узаконенная плеть.—Раскольникъ Катанъ.—Наказаніе плетьми.

Пока я числился плотникомъ и выходилъ рано утромъ на работу, я не былъ свидѣтелемъ наказанія рабочихъ розгами. Обыкновенно экзекуція производилась послѣ раскомандировки, когда мы уже расходились по работамъ. Рѣдко случалось, чтобы среди дня смотритель, взбѣшенный какимъ нибудь поступкомъ каторжнаго, тотчасъ и крикнулъ: «розогъ!».

Въ Тымовскомъ округѣ не было постояннаго палача, какъ въ Александровской тюрьмѣ. Въ Рыковскомъ его обязанности исполняли такъ называемые старосты тюремныхъ казармъ. Въ каждой камерѣ былъ свой староста. Онъ наблюдалъ за порядкомъ и чистотою помѣщенія, получалъ для раздачи арестантамъ порціи хлѣба и вообще былъ представителемъ своего отдѣленія. Въ виду этого въ старосты выбирались непремѣнно грамотные, здоровые, сильные люди, которые въ случаѣ надобности легко бы справились со своимъ братомъ каторжникомъ, обреченнымъ на наказаніе.

Какъ я ни оберегался отъ ужаснаго зрѣлища экзекуціи, но невозможно было, живя въ тюрьмѣ, не слышать стоновъ и хоть издали не видѣть позорнаго истязанія арестантовъ.

У крыльца первой казармы стояла большая широкая скамейка съ толстыми ножками. Это кобыла каторжныхъ. Когда нужно было кого наказывать, старосты ставили ее нѣсколько поодаль отъ крыльца и приносили охапку полутора-аршинныхъ розогъ. У нихъ всегда имѣлась въ запасѣ цѣлая кадка свѣжихъ березовыхъ прутьевъ въ палецъ толщиною.

Въ виду четырехъ здоровыхъ верзилъ, арестантъ обыкновенно покорно со спущенными штанами самъ ложился на кобылу. Тутъ на него двое наваливались всею тяжестью своего тѣла, одинъ на плечи, другой на ноги, а другіе двое становились по сторонамъ обреченной жертвы и отчетливо съ небольшими паузами били розгами по голому тѣлу. Надзиратель считалъ вслухъ удары, пока не крикнетъ смотритель: «Довольно!».

Прекращеніе наказанія зависитъ отъ многихъ причинъ. Кромѣ состоянія духа, въ которомъ находится смотритель, тутъ играетъ

большую роль и поведеніе самого арестанта. Иной еще только разстегиваетъ штаны, какъ уже начинаетъ слезливымъ голосомъ просить прощенія. И все время, медленно укладываясь на кобылу, не перестаетъ повторять:

— Ваше высокоблагородіе, простите!

А съ первыми ударами розогъ онъ подымаетъ страшный взвизгивающій крикъ. Такой субъектъ скорѣе отдѣлается отъ наказанія. Но случаются и такіе спартанцы, которые, не говоря ни слова, ложатся на кобылу, подкладываютъ руку подъ голову и терпѣливо принимаютъ удары. Рѣдко кто выдерживалъ наказаніе совершенно безмолвно. Такіе, говорятъ, отъ нестерпимой боли закусываютъ свою руку и такъ съ сжатыми зубами и лежатъ. Но чаще всего на шестомъ, седьмомъ ударѣ вдругъ вырвется ужасный стонъ, и затѣмъ ужъ онъ не прерывается до окончанія экзекуціи.

За свою непривлекательную службу старосты-палачи пользовались льготою не ходить на работы.

Благодаря этой свободѣ, всѣ они, каждый въ своей камерѣ, держали лавки-майданы, гдѣ, кромѣ дозволенныхъ съѣстныхъ припасовъ, можно было иногда достать водку и карты. Старосты играли роль хозяевъ въ казармахъ и почти всегда были заправилами тайной картежной игры, получая львиную часть съ выигрыша. Какъ выбранные самимъ смотрителемъ, какъ палачи и представители до нѣкоторой степени администраціи, они пользовались заискивающимъ расположеніемъ каторжныхъ. Съ ними церемонились и надзиратели. Въ сущности это противный типъ каторжнаго сословія. Въ ситцевыхъ рубахахъ, въ жилетахъ, съ намасленными волосами, съ сытыми красными лицами, они рѣзко выдѣлялись изъ толпы арестантовъ и напоминали мнѣ деревенскихъ кулаковъ...

На пароходѣ среди каторжныхъ я удѣлялъ свое особенное вниманіе одному очень молодому здоровому парню Самарской губерніи, Ивану Лебедеву. Онъ тоже привязался ко мнѣ и часто оказывалъ маленькія услуги. Красивый лицомъ и высокій ростомъ, Иванъ былъ парень на всѣ руки. Куда ни поверни его, онъ не отстанетъ отъ другихъ. Я всегда любовался своимъ Иваномъ. Вдругъ узнаю, онъ сдѣлался старостой въ камерѣ и держитъ майданъ. Это меня сильно огорчило. При первой же встрѣчѣ я не могъ не высказать, какъ не красива его новая должность.

Что же дѣлать! Я не просилъ: самъ смотритель выбралъ. Если откажусь, боюсь, накажетъ меня,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Такъ ты предпочитаешь другихъ наказывать...

— Я несѣку розгами, я только придерживаю за плечи или за ноги.

Конечно, тутъ не страхъ наказанія руководилъ имъ, а ужъ очень заманчива сытая и праздная жизнь старосты!

Розги, кандалы, карцеръ, лишеніе пищи, назначеніе лишней работы—вотъ виды наказанія въ Тымовскомъ округѣ. Страшныя плети здѣсь почти не употребляются. Если рецидивистъ приговаривается судомъ къ плетямъ, то это ужасное наказаніе выполняется въ Александровскомъ округѣ, гдѣ имѣется для сего предмета спеціальный палачъ и всѣ аттрибуты убійственной экзекуціи. Впрочемъ, узаконенныя плети имѣются и въ Тымовскомъ округѣ.

Какъ-то разъ случилось мнѣ прійти въ полицейское управленіе, когда тамъ только что былъ полученъ, кажется, изъ Петербурга, пакетъ съ форменною плетью при бумагѣ. Боже мой, что это за страшное орудіе казни! На короткой рукояткѣ болтался длинный толщиною въ палецъ, сыромятный ремень. Жесткій, какъ дерево, съ острыми углами, онъ раздѣлялся на концѣ на три плетеныхъ хвоста, такихъ же грубыхъ и жесткихъ, и каждый изъ нихъ заканчивался толстымъ угловатымъ узломъ. Понятно, почему иные съ двухъ-трехъ ударовъ впадали въ обморокъ, а нѣкоторые и умирали отъ этого варварскаго кнута.

Въ Рыковскомъ селеніи проживалъ раскольникъ Александръ Катинъ. Въ молодости за отказъ отъ военной службы и за публичное провозглашеніе властъ имущихъ антихристами его приговорили въ каторжныя работы. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ и въ каторгѣ отказывался повиноваться антихристовымъ властямъ. За это его приговорили къ плетямъ.

— Когда меня привязывали, — разсказывалъ онъ, — я молился и призывалъ всепомогающаго Іисуса. Вдругъ разъяреннымъ голосомъ крикнулъ палачъ: «берегись! ожгу!» Да какъ треснетъ!.. Я сразу все забылъ, и себя, и что со мною дѣлается. Мнѣ казалось, надо мною само небо треснуло и рухнуло на землю... Когда я очнулся, слышу, смотритель ругаетъ палача: «Что ты! убить что ли хочешь?» Что дальше было, я и разсказать не могу. Чуть живого прямо снесли въ лазаретъ, да цѣлый мѣсяцъ тамъ и провалялся, пока не пришелъ въ себя. И даетъ же силы Господь человѣку перенести этакое истязаніе.

ЧАСТЬ II.

I.

Новое назначеніе.—М. А. Кржижевская.—Ея дѣятельность. — Метеорологическая станція.—Тайная благотворительность.

Чрезъ пять мѣсяцевъ моего пребыванія на островѣ наконецъ случилась ожидаемая перемѣна моего положенія.

Рано утромъ, когда я сидѣлъ въ своей камерѣ за нотами, вдругъ вбѣгаетъ смотритель Ф—ъ и торопитъ меня итти къ завѣдующей метеорологической станціей, Маріи Антоновнѣ Кржижевской, она же и акушерка-фельдшерица тымовскаго лазарета.

— Сейчасъ,—говоритъ смотритель,— начальникъ округа получилъ телеграмму изъ Александровска съ просьбою назначить васъ наблюдателемъ на метеорологическую станцію.

Товарищи посовѣтовали мнѣ снять сѣрый костюмъ, чтобы не испугать барыню своимъ арестантскимъ видомъ. Я принарядился, насколько это можно было при тѣхъ условіяхъ, и надѣлъ, хотя не очень казистую, черную блузу съ ремнемъ.

М. А. Кржижевская, къ которой меня направили, извѣстна была на Сахалинѣ, какъ удивительно добрая женщина, отдававшая весь свой заработокъ бѣднымъ ссыльнымъ. Вся жизнь ея была сплошная жертва для ближняго. Послѣ неудачнаго замужества она стала искать мѣста или случая для самопожертвованія. Ей указали на Сахалинъ. Отказавшись отъ своей части наслѣдственнаго имѣнія и порвавъ всякую связь съ Европей-

скою Россіею, Марія Антоновна пріѣхала въ Рыковское селеніе, чтобы «умереть съ каторжными». Здѣсь ея дѣятельность была изумительна. Кромѣ ежедневныхъ работъ въ аптекѣ и въ лазаретѣ въ качествѣ фельдшерицы, она, какъ акушерка, неустанно ходила изъ одного угла селенія въ другой по роженицамъ. Къ своимъ обязанностямъ она относилась свято, какъ солдатъ на войнѣ. Ее ничто не могло остановить, если она знала, что люди нуждаются въ ея помощи. Тамъ, гдѣ осенью или весною во время разлива рѣки не можетъ проѣхать телѣга, она идетъ въ бродъ по водѣ. Когда страшные бураны буквально засыпаютъ снѣгомъ, она съ большими усиліями ползетъ по сугробамъ; вся перемерзнетъ, измучится, но не отступитъ отъ намѣченной цѣли. Конечно, это даромъ не могло пройти, и на другой годъ по пріѣздѣ на Сахалинъ она сильно простудилась и заболѣла чахоткою.

Если не считать небольшую группу (около 10 чел.) чиновниковъ и офицеровъ, первое время въ Рыковскомъ селеніи не было интеллигентныхъ людей, а потому, когда нуженъ былъ для чего нибудь образованный человѣкъ, обращались къ Маріи Антоновнѣ. Устраивается ли метеорологическая станція — ее приглашаютъ завѣдывать ею и дѣлать наблюденія, нужна ли учительница для дѣтей чиновниковъ—обращаются къ ней же, собираются ли зоологическія коллекціи, гербаріи или составляется инородческій словарь—опять къ ней.

Въ виду частыхъ отлучекъ на роды, Марія Антоновна не всегда могла сама дѣлать метеорологическія наблюденія. Ей дали въ помощники псаломщика изъ ссыльныхъ, но и онъ оказался не совсѣмъ исправнымъ. И вотъ на его мѣсто теперь назначили меня.

При встрѣчѣ со мною Марія Антоновна очень обрадовалась, узнавъ, что въ былое время я тоже завѣдывалъ метеорологической станціей въ одномъ изъ приморскихъ городовъ на югѣ Россіи. Оказалось, что метеорологія также близка ея сердцу, какъ и лазаретъ. Она съ большимъ увлеченіемъ разсказывала о результатахъ своихъ наблюденій и объ отчетахъ о нихъ для главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Такіе инструменты, какъ барометръ, анероидъ, запасный дождемѣръ и друг., находились у нея въ квартирѣ, и потому мнѣ пришлось бывать у нея три раза въ сутки, въ часы наблюденій—утромъ, среди дня и вечеромъ. Такъ часто встрѣчаясь, волей-неволей я узнавалъ малѣйшія подробности ея жизни.

Наше знакомство началось уже въ то время, когда у нея обнаружились явные признаки чахотки. Блѣдная, съ впалыми щеками, съ горящими темными глазами, она постоянно покашливала. Военный врачъ тымовской команды давно сосчиталъ ея

Марія Антоновна Кржижевская-Хантинская.

минуты, но она все еще крѣпилась и, пересиливая свое недомоганіе, продолжала работать съ прежнею энергіею.

Надо было посмотрѣть на нее въ аптекѣ, гдѣ ее осаждала масса приходящихъ больныхъ, мужчинъ и женщинъ. Послѣднихъ она знала каждую по имени, знала ихъ семейное положеніе, ихъ болѣзни и нужды. Казалось бы, Марія Антоновна очень занята приготовленіемъ и отпусканіемъ лѣкарствъ. Она быстро расхаживаетъ отъ одного шкафа къ другому, отвѣшиваетъ, мѣшаетъ, завертываетъ, быстро пишетъ красивымъ и

твердымъ почеркомъ сигнатурки, но уши ея насторожѣ среди бабъ. И какого только горя она не наслышится за это время! Но не для празднаго любопытства она внимательно прислушивается къ ихъ говору. Сегодня или завтра «сахалинская ходатаица», какъ ее называли, будетъ просить начальника округа, чтобы онъ отъ Катерины принялъ въ казну на мясо пораненную корову, а Марьѣ далъ бы рабочаго въ помощь ея мужу и т. п. Все это дѣлается секретно, такъ что бѣдныя Катерины и Марьи и не знаютъ, отчего вдругъ такъ добръ оказался къ нимъ начальникъ.

Даетъ она имъ и свои деньги, но тоже тайно, чрезъ какого нибудь посредника, и только въ крайнемъ случаѣ позволяетъ себѣ благотворить открыто, но и тутъ, избѣгая шума слезливыхъ благодареній, прибѣгаетъ къ маленькой уловкѣ.

— Ѳедосья! — кличетъ она строгимъ голосомъ, подавая завернутый пузырекъ съ каплями.—Вотъ тебѣ лѣкарство. Принимай утромъ и вечеромъ по десяти капель съ водой. Смотри, не потеряй: лѣкарство дорогое.

— Что ты! Что ты, дорогая матушка! Христосъ съ тобой! Получить капельки изъ твоихъ золотыхъ рученекъ да потерять ихъ! Я скорѣе себя потеряю... — начинаетъ причитывать больная, но Марія Антоновна не слушаетъ ея и подаетъ лѣкарство уже другому больному.

Ѳедосья бережно приноситъ домой пузырекъ, развертываетъ его и, къ своему удивленію, находитъ подъ бумажкой кредитный билетъ.

Особеннымъ вниманіемъ Маріи Антоновны пользовались дѣти ссыльныхъ. Если она зазвала къ себѣ дѣвочку съ улицы, это значитъ, сегодня къ вечеру или завтра утромъ будетъ для нея готово новое платье.

Отдавая такъ много вниманія, времени и своихъ заработанныхъ денегъ другимъ, эта удивительная труженица мало занималась собою. Ея скромные костюмы обличали свою ветхость зачиненными прорѣхами. Въ небольшой квартирѣ стояла простая некрашенная мебель. Она имѣла обѣдъ, по выраженію ея подруги, хуже, чѣмъ у каторжныхъ. Только для гостей позволялась нѣкоторая роскошь. Ея слуга изъ ссыльныхъ, молодой, добродушнѣйшій бѣлорусъ, Максимъ Богдановъ, соединялъ въ одномъ лицѣ и повара, и садовника, и сторожа метеорологической будки; онъ готовилъ обѣдъ для своей барыни, какъ Богъ на душу по-

ложить, и Марья Антоновна никогда не дѣлала ему ни малѣйшаго замѣчанія.

Вообще въ ея домѣ царило удивительно тихое, мирное настроеніе, которое сообщалось и мнѣ, когда я приходилъ сюда къ наблюденіямъ.

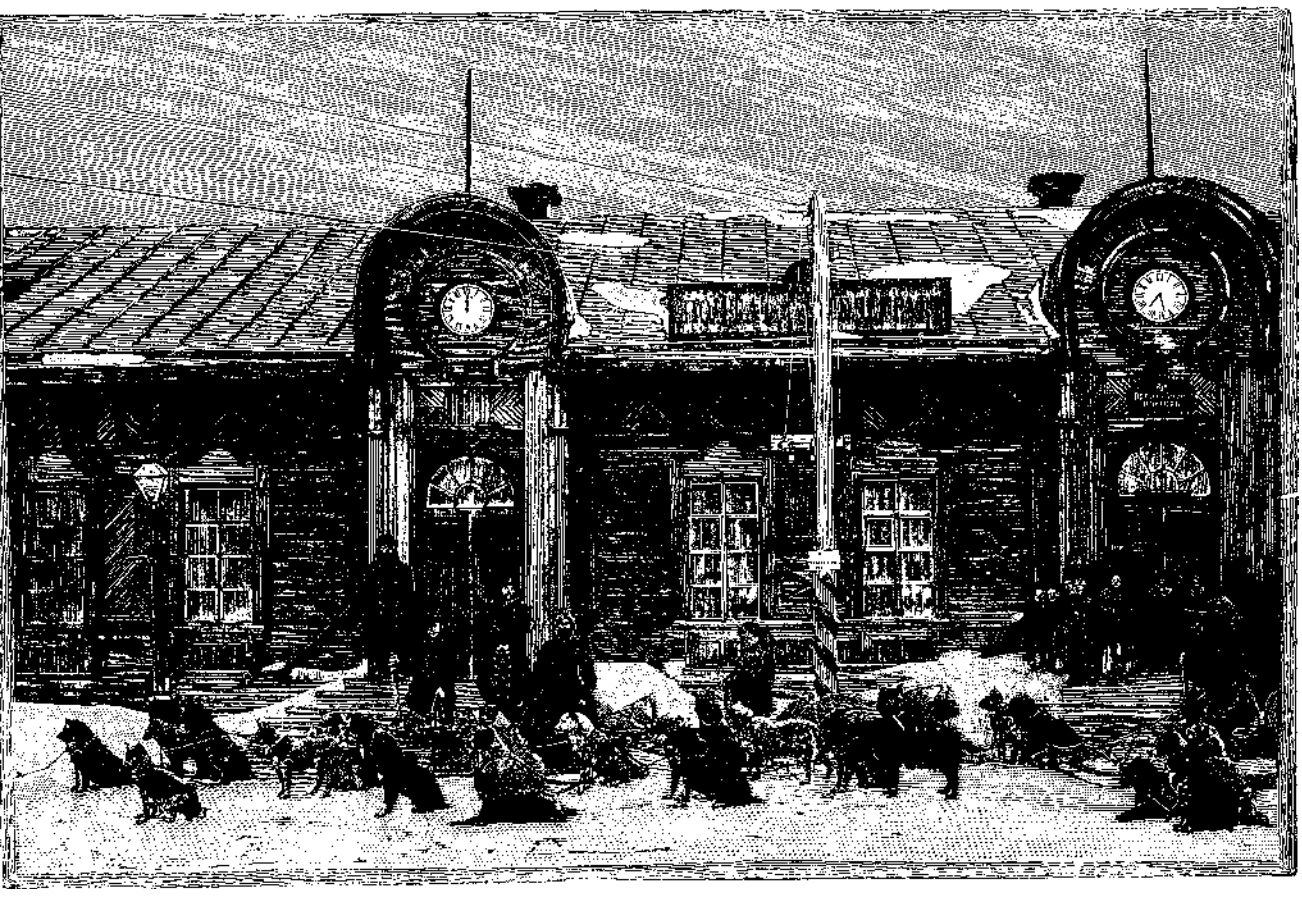
II.

Перемѣна положенія.—Сочувствіе чиновнаго люда.—Мои отношенія къ нему.—Первая зимняя почта.—Ожиданіе корреспонденціи.—Инспекція писемъ.—Знакомство съ Бутаковымъ.—Значеніе писемъ въ ссылкѣ.

Съ назначеніемъ меня на метеорологическую станцію кончилась моя плотницкая работа, но не кончилась еще каторга: я попрежнему лишенъ всѣхъ правъ состоянія, живу въ тюрьмѣ, не смѣю отлучиться въ другое селеніе, каждую минуту могутъ распорядиться мною, какъ вздумается начальству, однимъ словомъ, я еще на Сахалинѣ. Только внѣшность моя перемѣнилась. Теперь мнѣ по мѣсту службы не удобно быть однимъ изъ сѣрой толпы, и я перестал носить арестантскій халатъ и желтые коты (коты, или чирки, какъ здѣсь называютъ) съ высовывающимися подвертками изъ-подъ короткихъ сѣрыхъ штановъ. Измѣнились ко мнѣ и отношенія мѣстной администраціи. Въ квартирѣ Маріи Антоновны мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ чиновниками, съ офицерами и ихъ женами, и волей-неволей я знакомился съ ними. Почти всѣ они относились ко мнѣ чрезвычайно тепло. Нѣкоторые, желая помочь тѣмъ или другимъ способомъ, приглашали меня постоянно обѣдать у нихъ (напримѣръ, начальникъ военной команды, полковникъ Дуровъ), другіе съ тою же цѣлью дѣлали мнѣ небольшіе подарки. Хотя пріятно было видѣть такое сочувствіе мѣстнаго общества, но я не воспользовался имъ. Большой нужды я не терпѣлъ: тюремное начальство за отчеты метеорологическихъ наблюденій давало мнѣ жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, кромѣ того, время отъ времени, присылали и родные, такъ что при моемъ скромномъ образѣ жизни деньги у меня не переводились. Костюмами я не любилъ щеголять, а своими спартанскими привычками застрахованъ былъ отъ различныхъ неудобствъ жизни. Я берегъ свою относительную независимость. Какъ нѣкій римскій

философъ, проданный въ рабство, я дорого цѣнилъ въ себѣ самомъ свободу духа и охранялъ ее, не подкупаясь обѣщаніями роскоши. Я понималъ, что я и мои начальники стоимъ на разныхъ полюсахъ, и всякое тѣсное сближеніе съ ними неустойчиво, какъ на балансирующемъ коромыслѣ. Много стоитъ нравственныхъ мукъ сохранить тутъ свое равновѣсіе! Чуть немного позволилъ себѣ свободно поговорить, одно смѣлое слово, рѣзко выраженное движеніе сердца,—и равновѣсіе нарушается. Конецъ коромысла, на которомъ сидитъ чиновникъ — твое начальство, сейчасъ же подымется, а ты на другомъ концѣ летишь внизъ... Я не любилъ такую нравственную гимнастику и предпочиталъ «знать свой шестокъ».

Къ этому времени случилась для меня и другая радость: получилъ первое письмо изъ Россіи (на Сахалинѣ, какъ и во всемъ Амурскомъ краѣ, въ разговорномъ языкѣ Россіей называютъ исключительно европейскую часть имперіи). Лѣтомъ почта идетъ на пароходахъ Добровольнаго флота, и обыкновенно черезъ два съ половиною мѣсяца письмо уже приходитъ на Сахалинъ. Не болѣе трехъ мѣсяцевъ пройдетъ оно и зимою на саняхъ черезъ Сибирь. Но въ переходное время года, весною или осенью, когда прекращается сообщеніе съ материкомъ, почта вылеживается мѣсяцами на берегахъ Амура. Первыя нарты, или сани, запряженныя собаками, пройдутъ чрезъ Татарскій проливъ только въ концѣ декабря, и святочные праздники всегда сопровождаются полученіемъ новостей изъ Россіи; но мы, жители Тымовскаго округа, получаемъ почту много позже. Въ Рыковскомъ селеніи не было почтовой станціи, и всю корреспонденцію, адресованную сюда, получалъ начальникъ округа. А это бывало только тогда, когда онъ ѣздилъ въ сахалинскую столицу за жалованьемъ, т.-е. разъ въ мѣсяцъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидается здѣсь первая зимняя почта! При одномъ извѣстіи, что начальникъ округа вернулся изъ Александровскаго поста, я и мой товарищъ, литвинъ П—й, летимъ въ канцелярію, куда передавалась вся корреспонденція секретарю управленія для раздачи ссыльнымъ. Всѣ письма арестантамъ предварительно должны быть прочитаны однимъ изъ чиновниковъ, и только тогда они могутъ быть переданы по адресу. Но, кажется, ни у одного чиновника не хватало терпѣнія прочесть всѣ письма, переполненныя благословеніями, поклонами, пожеланіями, сожалѣніями, молитвами, слезами. Только письма, адресованныя интеллигентнымъ

Отправленіе зимней почты изъ Александровскаго поста.

ссыльнымъ, подвергались иногда просмотру чиновниковъ, но и тутъ руководило ими болѣе любопытство, чѣмъ исканіе чего либо преступнаго. Другое дѣло—письма съ Сахалина въ Россію. Въ нихъ могли быть корреспонденціи для журналовъ, нареканія на здѣшнюю администрацію, обнаруживаніе скрываемыхъ ею преступленій. О, такія письма были непріятны для начальства! Въ виду этого было установлено правило для ссыльныхъ—подавать въ канцелярію всю корреспонденцію незапечатанною и по осмотрѣ ея на каждомъ конвертѣ отмѣчать «просмотрѣно» за подписью чиновника.

Я тоже долженъ былъ подчиниться общему порядку и передавалъ свои не запечатанныя письма непосредственно начальнику округа. Писать окольными путями о Сахалинѣ я не имѣлъ никакого желанія. Даже въ своемъ дневникѣ я касался сахалинскихъ событій настолько, насколько они отражались въ моей личной жизни. Это скоро понялъ начальникъ округа и при передачѣ писемъ спѣшилъ при мнѣ, не читая ихъ, запечатывать. Въ свою очередь, я цѣнилъ это довѣріе ко мнѣ и не позволялъ себѣ писать ничего нежелательнаго съ ихъ точки зрѣнія.

Мое знакомство съ Бутаковымъ собственно установилось при этихъ свиданіяхъ. Намъ, ссыльнымъ, полагалось ходить къ нему съ чернаго хода. Отъ большой кухни была отгорожена невысокой перегородкой узенькая передняя. Сюда и выходилъ начальникъ для личнаго объясненія съ каторжными. Со мной онъ всегда былъ вѣжливъ и предупредителенъ. Для характеристики нашихъ внѣшнихъ отношеній я могу привести случайно услышанный разговоръ на кухнѣ.

— Барыня,—обращается кухарка къ женѣ Бутакова,—отчего это, когда кто нибудь изъ рабочихъ приходитъ къ барину, онъ грубо съ ними разговариваетъ, иногда кричитъ на нихъ и выталкиваетъ вонъ въ шею, а вотъ онъ придетъ (рѣчь шла обо мнѣ), баринъ привѣтливъ съ нимъ, говоритъ ему «вы», называетъ по имени-отчеству и приглашаетъ въ кабинетъ?

— Очень просто,—отвѣчаетъ ей барыня изъ сибирскихъ казачекъ, — по прежнему-то положенію, я полагаю, онъ насъ къ себѣ и на порогъ не пустилъ бы.

Но вернемся къ письмамъ изъ Россіи—этому самому радостному явленію на Сахалинѣ. Каторжные, насильственно оторванные отъ родины, отъ всего дорогого, что составляло все содер-

жаніе ихъ жизни, не могутъ забыть прежній чудный міръ, гдѣ остались ихъ друзья и родные.

Между островомъ и материкомъ, какъ между адомъ и раемъ, лежитъ непереходимая пропасть не только воднаго пространства Татарскаго пролива, но и долготы каторжныхъ и поселенческихъ годовъ. И потому, какъ евангельскій богачъ томился въ аду и молилъ Авраама хоть каплею воды усладить его языкъ, такъ и каторжные жаждутъ услышать хоть малѣйшее привѣтствіе съ другого свѣта, изъ Россіи. Возьмите любое письмо интеллигентнаго каторжника. Сколько въ немъ горячихъ просьбъ, пламенныхъ моленій къ своимъ роднымъ и друзьямъ, чтобы они почаще писали имъ съ того желаннаго берега! Вѣдь они всею мечтою, всею мыслію живутъ въ невольно покинутомъ краѣ среди своихъ прежнихъ друзей. И какъ горько бываетъ разочарованіе, когда послѣ долгаго ожиданія почты она ничего тебѣ не привезетъ! Эти нравственныя муки становятся еще болѣе тягостны, когда видишь, какъ въ то же время другіе распечатываютъ только-что полученныя письма. Бывало, съ замираніемъ сердца подходишь къ канцеляріи и тревожно гадаешь про себя, будетъ или не будетъ тебѣ письма.

— Нѣтъ, Брониславъ, — скажешь въ концѣ концовъ своему товарищу, — я не пойду. Возьмите вы и мои письма: кажется, вы счастливѣе меня и раньше мнѣ всегда приносили два-три конверта.

III.

Приготовленіе новаго храма къ Пасхѣ.—Увлеченіе работою.—Назначеніе меня церковнымъ старостою.—Устройство сада.—Ботаническія экскурсіи.—Оставленіе тюрьмы.—Положеніе остальныхъ товарищей.—Осторожность Бутакова.—Его слава на островѣ.

Приближалась первая для меня Пасха на Сахалинѣ. Я уже упоминалъ, что этотъ праздникъ рѣшено было связать съ открытіемъ новой церкви. Рыковскіе жители замѣчательно дружно отнеслись къ украшенію своего просторнаго свѣтлаго храма. Кто не могъ принять участія въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ трудомъ, тѣ выписывали въ складчину церковную утварь. Жены чиновниковъ во главѣ съ Кржижевской шили священныя ризы

и облаченія на престолъ и жертвенникъ. Самъ начальникъ округа занялся выпиливаніемъ ажурныхъ царскихъ дверей изъ разныхъ породъ деревьевъ. Однимъ словомъ, каждый хотѣлъ оставить какую либо память по себѣ. Кромѣ внутренняго убранства и составленія надписей на иконостасѣ, меня тоже попросили нарисовать большой транспарантъ образа Воскресенія Христова въ окно на колокольню.

Я радъ былъ увлечься какимъ нибудь занятіемъ, лишь бы забыть на время свое состояніе вычеркнутаго изъ жизни человѣка. Есть счастливыя натуры, живущія сегодняшнимъ днемъ. Онѣ вездѣ и всегда, какъ дома. Эти люди постоянно веселы, довольны и пріятны другимъ. Меня нельзя къ нимъ причислить: я имѣю слишкомъ глубокую память, чтобы не помнить всей горечи прошлой жизни, и слишкомъ ясное зрѣніе, чтобы не видѣть печальной обстановки настоящей. Облегченіемъ моего нравственнаго состоянія могла быть только усиленная работа, я и погрузился въ нее.

Когда съ открытіемъ службъ въ новомъ храмѣ предложили мнѣ быть церковнымъ старостой при немъ, я сперва отказывался; но потомъ, сообразивъ, сколько новыхъ обязанностей наложитъ на меня эта почетная должность, я согласился и весь ушелъ въ церковное хозяйство, въ составленіе хорошаго церковнаго хора, въ производство восковыхъ свѣчей и проч. Конечно, я не оставлялъ и метеорологическихъ наблюденій. Напротивъ, незамѣтно для Кржижевской, я мало-помалу отстранилъ ее отъ всѣхъ занятій по метеорологіи, оказывая ей въ то же время уваженіе, какъ своей начальницѣ. Если къ этимъ занятіямъ присоединить еще уроки англійскаго языка, которые я давалъ двумъ-тремъ чиновникамъ, а впослѣдствіи—и іеромонаху Ираклію, уроки математики еврейскимъ ребятамъ, церковныя спѣвки и писаніе нотъ, то понятно станетъ—скучать мнѣ не приходилось такъ же, какъ и особенно разбираться въ своихъ чувствахъ.

Наступившая весна вдохнула въ меня новую энергію.

V Еще прошлымъ лѣтомъ Марія Антоновна занялась устройствомъ сада вокругъ метеорологической будки. Она хотѣла собрать по возможности всѣ виды мѣстной флоры и съ этой цѣлью сама лично дѣлала экскурсіи въ луга и въ лѣса. Къ моему пріѣзду на Сахалинъ въ ея садѣ уже красовались ряды лиственныхъ деревьевъ. Вдоль изгороди тянулись различные

виды кустарныхъ спирей вперемежку со стройными боярками и сѣроватымъ отъ дорожной пыли олешникомъ. Около раскидистыхъ вязовъ и душистыхъ тополей торчали веселыя березки, зеленые клены и трепетныя осины. Красивыя аллеи были обсажены цвѣтущими яблонями, пахучими черемухами и рябинками. На клумбахъ цвѣли разныя лиліи, красные піоны, синія гентіаны, желтые адонисы и лютики и много другихъ лиловыхъ, розовыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ. Особенное вниманіе отдано было ягоднымъ кустамъ. Буйная малина, красная смородина и напоминающая крыжовникъ моховка занимали большую площадь по сосѣдству съ огородомъ. Большинство этихъ растеній было пересажено собственноручно Маріей Антоновной.

Мнѣ нравилась идея — устроить сахалинскій ботаническій садъ, и я охотно сталъ продолжать ея работу. Каждый свободный день я бралъ маленькую лопатку, корзину, ножъ и уходилъ или на берега красивой рѣки Тыми, или въ сосѣднія горы, густо покрытыя лѣсомъ. Хотя служебныя обязанности не позволяли мнѣ долго разгуливать, я всегда успѣвалъ найти что нибудь новенькое и возвращался съ полною корзиной выкопанныхъ мелкихъ растеній, весь опутанный зеленью здѣшнихъ ліанъ. Тымовская долина богата вьющимися атрагенами, свойственною здѣшнимъ странамъ максимовичею (Maximowiczia, — названная такъ въ честь нашего путешественника) и ягодными актинидіями. Послѣднія, извѣстныя у ссыльныхъ подъ именемъ сахалинскаго винограда [1]), взбираются по высокимъ березамъ и пихтамъ до самой вершины дерева.

Кромѣ удовольствія прогулки среди нетронутой природы, я разсчитывалъ получить отъ этихъ ботаническихъ экскурсій укрѣпленіе моего сильно расшатаннаго здоровья. Но случилось обратное. Въ тайгѣ я сильно простудился и все лѣто страдалъ то отъ лихорадки, то отъ насморка или отъ мучительнаго кашля (гриппъ). По ночамъ меня изнуряли холодные поты. Я замѣтно перемѣнился, еще болѣе похудѣлъ и совсѣмъ обезсилѣлъ. Докторъ нашелъ, между прочимъ, причину моего недомоганія въ обстановкѣ нашей тѣсной камеры и сталъ усиленно настаивать, чтобы я изъ тюрьмы переѣхалъ на квартиру къ какому нибудь поселенцу. Доложили начальнику округа. Онъ разрѣшилъ мнѣ

---

[1]) Настоящій виноградъ—vitis Thunbergii S.—растетъ въ южной половинѣ острова.

оставить казарму подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ предоставилъ и другимъ моимъ товарищамъ разойтись по частнымъ квартирамъ. Изъ нихъ еще двое не имѣли опредѣленныхъ занятій, соотвѣтствующихъ ихъ способностямъ. Считаясь рабочими въ столярной мастерской, они перестали туда ходить. Хотя начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи все-таки было довольно тягостно: въ любую минуту смотритель тюрьмы могъ ихъ позвать въ мастерскую и сдѣлать публично оскорбительный выговоръ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, литвинъ П—й, былъ до нѣкоторой степени застрахованъ отъ этого своими услугами семейнымъ чиновникамъ: за небольшую плату онъ давалъ уроки ихъ дѣтямъ. Они его оберегали, какъ необходимаго человѣка, и, можно сказать, скрасили ему годы ссылки.

Дольше всѣхъ боролся со своимъ положеніемъ В—ъ, но и онъ въ концѣ концовъ пристроился къ тюремной канцеляріи и несъ различныя обязанности: писаря, хлѣбнаго надзирателя и друг.

Такимъ образомъ, къ концу перваго года нашего пребыванія на островѣ, всѣ мы такъ или иначе устроились, и каждый обезпечилъ себя небольшимъ заработкомъ. Правда, немного поздно. Можно было бы устроиться гораздо раньше, и въ этомъ была вина начальника округа. Онъ самъ былъ бы радъ видѣть насъ на приличномъ для насъ дѣлѣ, но боялся, какъ бы не упрекнули его въ Александровкѣ въ распущенности и въ самовольномъ распоряженіи. На каждое новое послабленіе въ нашу пользу онъ искалъ одобренія высшаго начальства въ сахалинской столицѣ, и если тамъ относились снисходительно, онъ успокаивался до слѣдующаго случая, который всегда указывала сама жизнь.

Въ А. М. Бутаковѣ была дорогая черта: улаживать всевозможныя столкновенія въ его округѣ. Это стремленіе къ миру особенно оцѣнили здѣсь ссыльные изъ привилегированнаго сословія. Въ то время, какъ въ Александровкѣ отношенія начальства къ интеллигентнымъ ссыльнымъ обострились до такой степени, что нѣкоторыхъ изъ нихъ наказали розгами (крайне возмутительный случай и, кажется, единственный въ сахалинской столицѣ), въ Рыковскомъ царилъ невозмутимый миръ. Этотъ контрастъ чрезвычайно благопріятно отразился на Бутаковѣ. Его ставили въ примѣръ, какъ тактичнаго администра-

Юрта гиляковъ близъ селенія Рыковскаго.

ора, а его распоряженія рекомендовались, какъ программа для другихъ округовъ. Съ появленіемъ новаго начальника Сахалина, стараго знакомаго Бутакова, слава послѣдняго, какъ хорошаго хозяина округа, еще болѣе утвердилась, и, къ тайному неудовольствію и зависти остальныхъ сахалинскихъ чиновниковъ, онъ сталъ распоряжаться все болѣе и болѣе самостоятельно. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы увидимъ, Бутаковъ хорошъ былъ только, какъ исполнительный чиновникъ. Узко смотря на всѣ распоряженія свыше и гоняясь за буквою предписаній, онъ впадалъ въ большіе промахи. А съ отъѣздомъ генерала, предоставленный самому себѣ, онъ не справился со своей сложной задачей и допустилъ въ своемъ округѣ совершиться такому дѣлу, которое сгубило всю его славу и, быть можетъ, ускорило его кончину.

IV.

Заманчивость безыскусственной природы. — Лѣсные жители Америки. — Гиляки Сахалина. — Чубукъ и Матрешка. — Добродушный Капка. — Взаимные подарки.—Нечистоплотность гиляковъ.—Ихъ пріемъ и угощеніе.

Въ молодости, подъ вліяніемъ чтенія Густава Эмара и Майнъ-Рида, моя воспаленная фантазія часто витала въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Удивительныя приключенія, отважная борьба съ дикими животными, мужественныя отраженія хитрыхъ враговъ, великодушіе къ плѣннымъ, благородное и честное поведеніе, вѣрность въ своемъ словѣ,—все это представлялось въ крайне заманчивой картинѣ и сильно влекло на Дальній западъ къ краснокожимъ.

— Вотъ она, настоящая жизнь!—думалъ я про себя, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Тамъ въ степяхъ и лѣсахъ не надо всей этой ложной условности цивилизованнаго міра. А когда видишь отраженіе чистѣйшей правды, самъ заражаешься ею и поневолѣ не лжешь, да и нѣтъ надобности. Оттого дикіе народы правдивѣе цивилизованныхъ европейцевъ. Нѣтъ, надо уѣхать отсюда...

Эти думы были первымъ побужденіемъ сдѣлаться морякомъ и уѣхать въ Америку. Но когда впослѣдствіи мнѣ пришлось

мчаться съ бѣшеной быстротой въ роскошномъ пульманскомъ вагонѣ по Скалистымъ горамъ, и я воочію познакомился съ жалкою жизнью послѣднихъ могиканъ, явилось горькое разочарованіе. Это не тѣ гордые команчи или корасы Эмара, важные, молчаливые. Большинство мною встрѣченныхъ индіанъ были несчастные нищіе, съ угрюмыми лицами, низкорослые, бѣдно одѣтые. И даже тѣ, которые жили въ малозаселенныхъ странахъ, тоже утратили свой воинственный, независимый характеръ и мирно занимались звѣриною охотою и рыбною ловлею.

Совершенно такое же жалкое впечатлѣніе производятъ и аборигены сѣвернаго Сахалина—гиляки. Когда я въ первый разъ увидѣлъ группу гиляковъ, идущихъ вслѣдъ одинъ за другимъ, съ черными какъ смоль волосами, съ ружьями на плечахъ, съ палками въ рукахъ для самообороны отъ русскихъ собакъ, мнѣ сейчасъ же вспомнились остатки лѣсныхъ жителей современной сѣверо-западной части Соединенныхъ Штатовъ, также ходящихъ гуськомъ, такихъ же молчаливыхъ, съ такими же черными непокрытыми волосами.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться поближе съ гиляками, и это оказалось не такъ трудно. Стоило лишь пригласить ихъ въ гости, угостить хорошенько настоемъ кирпичнаго чая съ хлѣбомъ, оказать имъ ласку и маленькое вниманіе, и они готовы были просидѣть у тебя хоть цѣлый день.

— Ну, вотъ, — сказалъ я себѣ, — твои юношескія желанія исполняются. Теперь ты не мечтою, а самою дѣйствительностью живешь среди самой дикой обстановки, которая сдѣлала бы честь любому роману Эмара. Здѣсь есть въ настоящемъ смыслѣ и дѣвственные лѣса, и разбойники, и пограничные бродяги, и охотники на бурыхъ медвѣдей, и своеобразныя некультурныя дѣти лѣсовъ...

Да, все это есть, но нѣтъ никакой поэзіи въ сочетаніи этихъ элементовъ сахалинской жизни. Все это придавлено, пришиблено страшнымъ игомъ каторги и связано цѣпями насилія подъ угрозою дамоклова меча мѣстныхъ командъ. Здѣсь нѣтъ главнаго для поэтической жизни авантюриста—свободы!

Даже туземные жители—гиляки, когда-то просторно селившіеся по берегамъ рыбныхъ рѣкъ, и тѣ съ основаніемъ каторги и поселенческихъ колоній принуждены сжаться, уступить насиженныя мѣста русскимъ и влачить свое жалкое существованіе, едва перебиваясь въ здѣшнюю долгую зиму небольшимъ

запасомъ юколы (вяленой рыбы). Теперь съ каждымъ годомъ у нихъ является все болѣе и болѣе конкурентовъ и въ рыбной ловлѣ, и въ охотѣ на соболя.

Ближайшіе тымовскіе гиляки скоро полюбили нашу квартиру и приходили къ намъ не только попарно, но и цѣлыми семействами. Всѣхъ ихъ, какъ здѣсь принято, мы называли «друзьями», но не всѣ они пользовались нашею симпатіею. Какъ нарочно, первые наши знакомые гиляки были не особенно пріятны. Напримѣръ, однимъ изъ первыхъ нашихъ гостей былъ Чубукъ. Этотъ, кажется, никогда не улыбающійся гилякъ, лѣтъ пятидесяти, суровый, молчаливый, никому не былъ симпатиченъ. Можетъ быть, этому способствовала его худая слава, какъ безжалостнаго преслѣдователя сбѣжавшихъ каторжниковъ,

— Онъ много-много убилъ русскихъ!—рекомендовали его старожилы ссыльные.

Его жена съ русскимъ прозвищемъ Матренки, страшная попрошайка и большая любительница тереться по кухнямъ чиновниковъ, тоже не особенно располагала къ себѣ.

Есть и среди гиляковъ типъ нищаго профессіонала. Это хорошо извѣстный всѣмъ на Сахалинѣ сѣдой, морщинистый, сильно волосатый старикъ Юскунъ. Онъ тоже не замедлилъ къ намъ явиться за подаяніемъ. Обходя русскія селенія обоихъ округовъ, Юскунъ всегда находилъ пріютъ или у поселенцевъ, или на кухнѣ чиновниковъ. Общеніе съ русскими у него отразилось и на костюмѣ, сшитомъ изъ арестантскаго сѣраго сукна. Онъ часто фигурируетъ на сахалинскихъ фотографіяхъ, но большой симпатіей, кажется, ни у кого не пользуется.

Очевидно, это были люди, испорченные сосѣдствомъ каторги. Но приходили къ намъ и нетронутыя нашею цивилизаціею настоящія дѣти природы. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю семейство Канки. Этотъ небогатый гилякъ, покрытый множествомъ морщинъ, вѣроятно, всегда озабоченный вопросомъ о продовольствіи своей семьи, на видъ былъ тоже угрюмый, даже суровый человѣкъ; но стоило только перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами, какъ легко убѣждаешься, какое добродушіе кроется подъ этою нѣсколько сумрачною наружностью.

Его приходъ всегда возбуждалъ искреннюю радость.

— А, Канка пришелъ!.. Здорово, другъ!.. Ну, что, другъ? Ну, какъ, другъ?..

Обыкновенно эти громкія восклицанія сопровождались близкимъ засматриваніемъ въ лицо и радостнымъ смѣхомъ. Въ отвѣтъ на шумныя привѣтствія онъ тоже радостно смѣялся, показывая свои здоровые, желтоватые зубы. Поздоровавшись со всѣми за руку, Канка доставалъ гостинецъ и торжественно передавалъ его, какъ что-то очень цѣнное. Смотря по времени года, этотъ обязательный подарокъ чаще всего состоялъ изъ живой или мерзлой рыбы, иногда ягодъ. Но все это въ очень маломъ количествѣ. Напримѣръ, чайная чашка клюквы, десятокъ мелкихъ форелекъ. За это надо было ихъ отдарить хлѣбомъ, кирпичнымъ чаемъ, сахаромъ или старымъ платьемъ.

Всѣ подачки быстро исчезали въ необъятной пазухѣ ихъ короткаго халата. И все въ одномъ мѣстѣ: и чай, и сахаръ, и куски вяленой рыбы, и табакъ, и хлѣбъ. Народъ они крайне неприхотливый. Привыкнувъ питаться полугнилою рыбою и невыносимо вонючимъ нерпичьимъ жиромъ, они находятъ лишнимъ вымывать свою посуду. Я не знаю, есть ли на свѣтѣ еще болѣе грязный народъ, чѣмъ гиляки. Они не только не очищаютъ своихъ котловъ отъ остатковъ испорченной пищи, не только не стираютъ бѣлья, но и сами не умываются. Кромѣ запаха гнилой рыбы и ворвани, они сильно пропахли дымомъ костровъ. Все это въ сложности даетъ нестерпимую вонь, не позволяющую имѣть съ ними близкаго общенія.

Обыкновенно гиляковъ принимаешь въ передней или въ кухнѣ, гдѣ они безъ всякаго стѣсненія располагаются, какъ дома. Не привыкшія кому либо подчиняться, эти дѣти лѣсовъ свободно разсядутся по скамейкамъ и прежде всего закуриваютъ маленькія трубки на длинныхъ чубукахъ. А курильщики они отчаянные. Курятъ всѣ: и мужчины, и женщины, и даже дѣти. Въ ожиданіи угощенія они способны просидѣть нѣсколько часовъ, не проронивъ ни слова, точь въ точь, какъ эмаровскіе индіаны за трубкою мира.

Пришедшему въ гости гиляку непремѣнно надо подать сперва чай съ хлѣбомъ. Нѣсколько утомившись съ дороги, онъ съ жадностью набрасывается на чайникъ и не прежде оставитъ его, какъ выпивъ кружекъ десять. При этомъ хлѣба онъ мало ѣстъ. Этотъ продуктъ очень удобно унести домой ребятамъ, а потому онъ быстро исчезаетъ за пазухой. Да и все, что можно легко уложить въ халатъ, стянутый ремнемъ, гиляки предпочитаютъ уне-

сти въ свою юрту. Но такими кушаньями, какъ кашею или щами, они наѣдаются до отвала.

Гилякамъ отлично извѣстно, что русскіе гнушаются ими, какъ крайне нечистоплотнымъ народомъ, и все, къ чему прикоснутся ихъ грязныя руки, будетъ выброшено вонъ; отсюда, вѣроятно, и развился этотъ обычай уносить съ собой остатки предлагаемой пищи.

V.

Записываніе гиляцкихъ сказокъ. — Сравненіе гиляковъ съ жителями острова Ванкувера. — Ихъ вырожденіе. — Недостатокъ невѣстъ. — Религія гиляковъ. — Безуспѣшность миссіонерской проповѣди. — Надзиратели изъ гиляковъ.— Ложный стыдъ.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей задались цѣлью изучить языкъ гиляковъ и записать ихъ легенды и сказки.

За хорошее угощеніе и за подарки гиляки охотно приходили къ намъ на квартиру и сперва продиктовали весь лексиконъ своихъ словъ, а потомъ стали разсказывать свои фантастическія сказанія, или «сказки»—въ своемъ родѣ ихъ устная поэзія, передаваемая изъ рода въ родъ.

Въ записываніи гиляцкихъ сказаній особенное усердіе проявилъ литвинъ П—й. Пробовалъ и я писать, но не могъ: мой слухъ тогда еще не возстановился. Приходилось каждое слово переспрашивать по нѣскольку разъ, и этимъ я только утомлялъ и себя, и гиляка, постоянно прерывая нить его разсказа.

Записывалась сперва на гиляцкомъ языкѣ цѣликомъ вся сказка, а потомъ дѣлался подстрочный переводъ ея. Для провѣрки все это читалось еще разъ другому гиляку. Такимъ образомъ составилась обширная гиляцкая литература.

Впослѣдствіи среди моихъ товарищей душею изученія быта гиляковъ и ихъ языка сталъ, уже заявившій себя своими работами по этнографіи, Л. Я. Штернбергъ. Печальный случай заставилъ жить его на Сахалинѣ въ береговомъ селеніи Віахты, около котораго и до сихъ поръ держится небольшая группа гиляковъ. Г. Штернбергъ скоро заинтересовался своими сосѣдями, изучилъ ихъ языкъ, обычаи и до того привыкъ къ ги-

Гилякъ нищій Юскунъ.

ляцкому обществу, что не только не гнушался ночевать въ ихъ юртахъ, но и обѣдалъ съ ними за однимъ столомъ.

Чѣмъ ближе я знакомился съ бытомъ гиляковъ, тѣмъ назойливѣе напрашивалось сравненіе ихъ съ жителями сѣверо-западнаго берега Америки. Къ этому, вѣроятно, побуждало нѣкоторое сходство условій жизни на берегахъ одного и того же Великаго океана. Тѣ же лѣса и горы, та же охота на пушного звѣря, та же рыба salmo, одинаково питающая и гиляковъ и жителей Ванкувера. Есть и болѣе существенныя основанія для сравненія ихъ: тѣ и другіе принадлежатъ къ одной и той же желтой расѣ. Когда мнѣ случилось прочесть легенды, собранныя миссіонерами на островѣ Ванкуверѣ, и сравнить ихъ съ продиктованными сказаніями гиляковъ, я былъ пораженъ, какъ много общаго у нихъ въ образѣ жизни, въ чувствахъ и во взглядахъ на природу.

Записываніе сказокъ гиляковъ главнымъ образомъ происходило въ моей квартирѣ. Волей-неволей должны мы были принюхаться къ ихъ ужасному запаху и допустить ихъ въ свои комнаты.

Бывало сидишь за столомъ и пишешь, а кто нибудь изъ пришедшихъ гостей, Плетунъ, Часы, или Чурка, не спрашивая позволенія, войдетъ въ мою комнату, остановится посреди ея, раздвинетъ свои ноги въ мягкихъ нерпичьихъ сапогахъ, заложитъ обѣ руки за пазуху, упретъ свои глаза въ мою работу и такъ замретъ въ этой позѣ на часъ и больше. Или усядется напротивъ меня и тоже безмолвно и неподвижно смотритъ на мой столъ.

— Что ты за таинственный, молчаливый сфинксъ? — думаешь про себя. — Для меня твои спокойные глаза ничего не выражаютъ. Не хочешь ли ты проникнуть тайну моего писанія? Или ты спишь съ открытыми глазами и отдыхаешь душой и тѣломъ?

Но нѣтъ, гилякъ не отдыхаетъ, а постепенно умираетъ, какъ умерли уже нѣкоторые народы въ сѣверо-восточной Сибири. Признаки вырожденія и теперь замѣчаются.

√ Всего сахалинскихъ гиляковъ насчитываютъ около 2.000 человѣкъ, при чемъ, напримѣръ, на восточномъ берегу острова на долю женщинъ приходится 40 процентовъ. Гиляцкая холостежь часто жалуется на недостатокъ невѣстъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что браки обычаями гиляковъ запрещены внутри рода.

Иной разъ придетъ къ намъ гилякъ лѣтъ двадцати пяти, а на рукахъ у него ребенокъ.

— Это моя мамка (т. е. жена),—съ гордостью заявляетъ онъ.

— Сколько же ей лѣтъ?

— Однако, три года помирай,—пресеріозно отвѣчаетъ гилякъ. Это значитъ дѣвочкѣ три года.

Вотъ такимъ-то маленькимъ ребенкомъ они спѣшатъ купить себѣ женщину, потому что взрослыя всѣ разобраны.

Дѣвочки продаются чуть ли не съ аукціоннаго торга. Собаки, котлы, копья и другіе предметы гиляцкаго богатства обыкновенно составляютъ цѣну мамки. Она остается у родителей до тѣхъ поръ, пока купившій ее женихъ не найдетъ возможнымъ ввести въ свой домъ.

Гиляки годовъ своихъ не считаютъ, историческія свѣдѣнія у нихъ слабы, религія мало развита. Они покланяются силамъ природы, приносятъ жертвы при началѣ рыбной ловли или лѣсной охоты, но до изображенія бога въ видѣ деревянныхъ или каменныхъ идоловъ еще не дошли. Наиболѣе сильный звѣрь на островѣ—медвѣдь—почитается ими, какъ божество. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ охотиться на царя сѣверныхъ лѣсовъ и пользоваться его мясомъ и шкурою.

У нихъ есть обычай откармливать пойманнаго медвѣженка, и когда онъ достигнетъ солидныхъ размѣровъ, старѣйшій гилякъ при торжественномъ собраніи гостей убиваетъ его стрѣлою по извѣстному ритуалу. Затѣмъ начинается пиръ. На этомъ такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ почти всегда присутствуютъ и русскіе, или въ качествѣ приглашенныхъ гостей, или просто любопытствующихъ зрителей.

Однажды я вступилъ въ бесѣду съ молодымъ гилякомъ, Плетуномъ, относительно ихъ религіи.

— Другъ, вотъ ты говоришь, что медвѣдь вашъ богъ. Какъ же это вы своего бога ѣдите? Ужъ если онъ богъ, то его слѣдовало бы почитать, а не убивать и ѣсть.

Плетунъ сначала ничего не сказалъ, оставаясь спокойнымъ сфинксомъ, но чрезъ минуту его бабье лицо съ мясистыми щеками сморщилось, и онъ отвѣтилъ:

— А вы развѣ своего бога не ѣдите? Я думалъ, что всякій народъ своего бога ѣстъ...

Я вспомнилъ про христіанское таинство причащенія и въ свою очередь замолкъ, поражаясь его отвѣтомъ, потому что онъ не имѣлъ никакого понятія о христіанской религіи.

Вообще сахалинскіе гиляки упорно не принимаютъ христіанства. Нѣкоторые объясняютъ это ихъ неразвитостью. Въ этомъ случаѣ они представляютъ рѣзкій контрастъ всѣмъ другимъ народамъ на островахъ сѣверной части Великаго океана. Наши русскіе и инославные миссіонеры не нарадуются на быстрое распространеніе христіанства на японскихъ, курильскихъ и алеутскихъ островахъ, только на одномъ Сахалинѣ среди гиляковъ они не имѣютъ никакого успѣха.

До нѣкоторой степени это и понятно. Съ одной стороны только тотъ народъ становится сознательно воспріимчивъ къ религіи, который пострадалъ, испыталъ тяжкое горе, какъ іудеи въ вавилонскомъ плѣну или русскіе подъ монгольскимъ игомъ, который пожилъ, испробовалъ разныя удовольствія жизни и успѣлъ разочароваться въ нихъ, какъ римляне временъ имперіи, однимъ словомъ народъ, который имѣетъ исторію, а гиляки въ этомъ смыслѣ совсѣмъ младенцы. Съ другой стороны, русскіе въ каторгѣ не могутъ представлять для нихъ ничего привлекательнаго. Съ появленіемъ новыхъ хозяевъ острова уже не стало для гиляковъ прежней свободы въ выборѣ мѣстъ для своихъ юртъ, не стало того изобилія рыбы и звѣря, которое еще помнятъ старики, но зато появились вредные соблазны водки, соблазны надзирательскаго жалованья и другіе.

Обидно было видѣть, какъ эти добродушныя дѣти природы, въ родѣ толстаго Плетуна, увлекались надзирательскою бляхою, револьверомъ, ежемѣсячнымъ жалованьемъ и шли на охоту людей. По волѣ начальства ловцы рыбы сдѣлались «ловцами человѣковъ», но только не въ евангельскомъ смыслѣ. Ловить бродягъ для нихъ не было дѣломъ отваги и мужества. Обыкновенно, шляясь по лѣсамъ, гиляки натыкались на свѣжіе слѣды сбѣжавшихъ каторжниковъ и старались поймать моментъ, чтобы напасть на нихъ врасплохъ. Но они не подходили близко, а только издали, подъ угрозою выстрѣловъ, требовали сложить ножи и топоры. Похрабрѣе бродяги очень часто давали имъ отпоръ, но трусливые покорно подставляли свои руки для веревки.

Вообще, можно сказать, русская каторга внесла немало своего яда въ первобытныя формы жизни этого мирнаго народа.

Изъ надзирателей-туземцевъ собственно одинъ только и былъ удачникъ въ ловлѣ людей. Это — хорошо извѣстный на островѣ Васька Гилякъ. Остальные вели самый праздный образъ жизни, отвыкая отъ своего природнаго дѣла—ловли рыбы.

Не къ чести тоже гиляковъ, у нихъ существуетъ какой-то ложный стыдъ къ наемной работѣ. Мнѣ понятны стремленія свободнаго духа: не быть зависимымъ отъ другихъ людей, не продавать себя въ рабство. Но когда ѣсть нечего, то предпочитаю лучше наняться во временные работники къ богатому человѣку, чѣмъ просить у него кусокъ хлѣба.

Однажды приходятъ къ намъ молодые, здоровые гиляки. Пьютъ, ѣдятъ, спятъ у насъ на кухнѣ нѣсколько дней подъ рядъ и въ то же время жалуются, что у нихъ изсякли запасы юколы.

Мой товарищъ предложилъ имъ легкую работу за деньги очистить небольшую площадку сада отъ снѣга. Гиляки сперва долго не соглашались. Наконецъ, послѣ нашихъ усиленныхъ просьбъ, они принялись было сгребать снѣгъ, какъ вдругъ оба рѣшительно бросаютъ лопаты и уходятъ изъ сада.

— Что же вы не работаете?—спрашиваемъ мы.

— Совѣстно! Гиляку не хорошо работать, когда русскіе ходятъ: они смѣяться будутъ.

VI.

Одиночное и общее тюремное заключеніе.—Мальчикъ Семенъ Алаевъ.—Сахалинскія дѣти.—Квартира въ школьномъ домѣ.—Азартныя игры дѣтей.—Учитель Юркевичъ.—Его успѣхъ въ занятіяхъ съ дѣтьми.—Новая школа.

Съ водвореніемъ на частную квартиру до нѣкоторой степени кончились мои заботы о внѣшней обстановкѣ. Послѣ тюрьмы и крестьянская изба покажется и удобнымъ и просторнымъ жилищемъ. На свѣтѣ все относительно. Только послѣ насильственнаго пребыванія въ камерѣ оцѣнишь, какъ пріятно имѣть свой уголъ и держать его въ чистотѣ и порядкѣ; тогда только поймешь, какое удовольствіе избавиться отъ шума толпы и ненужныхъ разговоровъ.

Когда я былъ въ тюрьмѣ и еще не зналъ каторги, случилось мнѣ поговорить съ товарищемъ по заключенію, только что прибывшимъ изъ Сибири.

— Скажите, — спрашиваю его, — гдѣ лучше или, пожалуй, правильнѣе, гдѣ хуже: среди непрестанной толпы народа въ

каторгѣ или, какъ вы теперь находитесь, въ одиночномъ заключеніи?

— Трудный выборъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — Ужъ если нельзя отдѣлаться, то лучше и то и другое вперемежку. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но не велика сладость и тюремное общежитіе. Эта гулливая толпа такъ сильно раздражаетъ, одни и тѣ же лица, насильственно связанныя съ вами, такъ скоро приглядываются и надоѣдаютъ, что съ радостью идешь въ карцеръ или въ больницу, чтобы только побыть немного въ уединеніи, сосредоточиться, заглянуть въ свою душу... Впрочемъ, я недавно нахожусь въ настоящемъ заключеніи и еще не испыталъ, какъ вы, томительныхъ годовъ одиночества. Но теперь, попробовавъ и тотъ и другой видъ заключенія, я лично все-таки предпочелъ бы общую камеру тюрьмы одиночной. Не даромъ издревле на Руси и пословица ведется: на людяхъ и смерть красна.

Догадки доктора оправдались. Живя отдѣльно внѣ тюрьмы, я сталъ поправляться здоровьемъ. Мои занятія также были замѣтно успѣшнѣе. Между прочимъ, ко мнѣ стали приходить на квартиру дѣти ссыльныхъ учиться пѣнію. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Алаевъ, худосочный, бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, высматривалъ нѣсколько исподлобья, угрюмо, а на вопросы отвѣчалъ кратко и пугливо. Зная бѣдность его семьи, я пожалѣлъ болѣзненнаго мальчика и пріютилъ его въ своей комнатѣ.

Сначала я удѣлялъ ему много времени, занимаясь съ нимъ, кромѣ пѣнія, русскимъ языкомъ, математикою и другими предметами, но повторявшіеся съ нимъ обмороки заставили меня умѣрить мои занятія. Къ моему огорченію, и въ немъ были тѣ же зачатки арестантскаго воспитанія, которыми заражено большинство сахалинскихъ дѣтей. Присутствіе каторги накладываетъ на нихъ свою ужасную печать. Эти блѣдноземлистыя личики уже знакомы со многими пороками: обманъ, ложь, воровство, ругань, разныя виды жестокости для нихъ не новость. Въ подражаніе взрослымъ они также не стѣсняются щегольнуть дурными поступками. Въ Рыковскомъ можно было встрѣтить малышей съ трубками въ зубахъ, играющихъ на деньги и пьющихъ водку. И на это иногда поощряютъ ихъ сами родители.

Хозяева моего дома стали мнѣ жаловаться на Семена. Я не обращалъ на ихъ заявленія никакого вниманія. Нельзя же, ду-

Гиляки-надзиратели.

маю, мальчику его лѣтъ и не пошалить немного. Но жалобы становились все настойчивѣе, и не только отъ хозяевъ, но и отъ рабочихъ, прикомандированныхъ ко мнѣ для переписки нотъ. Я и самъ, наконецъ, убѣдился, что мальчика, привыкшаго быть послушнымъ только подъ страхомъ наказанія розгами, трудно исправлять словесными убѣжденіями. Чрезъ полгода я вернулъ Семена его родителямъ.

Но вмѣсто одного судьба дала мнѣ цѣлую кучу сахалинскихъ дѣтей. Псаломщикъ Ѳедотъ Масюкевичъ, о которомъ я уже упоминалъ, предложилъ мнѣ переселиться въ его домъ, занятый здѣшнею сельскою школою. Я прельстился такимъ почетнымъ сосѣдствомъ и переѣхалъ къ нему. Лѣтомъ, во время каникулъ, въ моемъ распоряженіи была большая классная комната, а зимою приходилось тѣсниться въ боковой конуркѣ.

Волей-неволей я былъ самымъ близкимъ свидѣтелемъ жизни школьныхъ ребятъ. Рано утромъ, еще задолго до прихода учителя, они наполняли мою комнату веселымъ шумомъ, смѣхомъ, пѣніемъ. Любопытно разспрашивая обо всемъ, что имъ бросалось въ глаза на моемъ рабочемъ столѣ, они вынуждали меня читать имъ лекціи. Моей симпатіей пользовались дѣти младшаго возраста. Старше 10—12 лѣтъ отталкивали своею грубостью и разнузданностью. Вотъ они-то, бывало, во время классовъ, вдвоемъ-втроемъ отпросятся у учителя выйти на дворъ и тутъ же на крыльцѣ усядутся играть на деньги. Впрочемъ, они ухищрялись играть и въ классѣ во время занятій, но непремѣнно «на интересъ». Эта любовь къ денежнымъ играмъ перешла къ нимъ отъ отцовъ-арестантовъ, вообще страстныхъ любителей азартной игры.

Учителемъ этой школы съ самаго ея основанія состоялъ предпріимчивый энергичный малороссъ, Ст. Гр. Юркевичъ. Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ почтовую контору въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Вскорѣ за что-то почтмейстеръ разсердился на него и сталъ его публично ругать. Вспыльчивый, горячій юноша страшно разобидѣлся и въ запальчивости схватилъ случившійся тутъ же револьверъ почталіона и не прицѣливаясь выстрѣлилъ въ своего начальника. Пуля угодила прямо въ сердце. Мальчикъ ошалѣлъ. Сознаніе, что онъ убійца, пугало и мучило его больше, чѣмъ послѣдующій судъ, тюрьма и каторга. Юркевича приговорили въ ссылку на очень короткое время, такъ что не успѣлъ онъ пріѣхать на Сахалинъ, какъ срокъ каторги уже окончился.

— Не убивайтесь, Степанъ Григорьевичъ, — говорили ему ссыльные.—Видно, такъ Богу угодно прислать къ намъ несчастнымъ учителя.

На первое время Юркевичъ оказался для ссыльныхъ дѣтей превосходнымъ учителемъ. Безъ всякаго принужденія или инспекціи со стороны, одинъ безъ помощника [1]), почти безъ всякихъ учебныхъ пособій, за самое ничтожное вознагражденіе онъ умѣло справлялся съ громадной оравой неграмотныхъ дѣтей. Подъ его руководствомъ они удивительно скоро усвоивали грамоту по звуковому методу. Впослѣдствіи я видѣлъ его учениковъ (напримѣръ, Морозова, Фролова, Ловягина, Юдова и другихъ) телеграфными чиновниками, съ благодарностью вспоминающихъ своего учителя.

Вмѣстѣ съ мальчиками Юркевичъ обучалъ и дѣвочекъ. На одной изъ своихъ учениць онъ женился, завелъ свой домъ и полное крестьянское хозяйство. Лѣтомъ онъ пахалъ, боронилъ, косилъ, жалъ и вообще самъ лично справлялъ всѣ крестьянскія работы и считался примѣрнымъ хозяиномъ.

Такъ онъ проработалъ болѣе десяти лѣтъ. Съ годами населеніе Рыковскаго увеличилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился и наплывъ ребятъ въ школу. Двѣ комнаты дома Мосюкевича не могли вмѣстить ихъ всѣхъ, и Юркевичъ съ болью въ сердцѣ вынужденъ былъ отказывать наиболѣе молодымъ (а приводили даже шестилѣтнихъ дѣтей). Наконецъ, тюремное начальство рѣшило построить спеціальное большое зданіе для школы, выписать изъ Россіи дипломированнаго учителя, купить учебныя пособія и вообще поставить обученіе ребятъ насколько возможно лучше. Кромѣ постоянныхъ казенныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій изъ Россіи для Рыковской школы (книги, письменныя принадлежности, одежда, обувь и прочее), начальникъ округа съ своей стороны нашелъ возможнымъ отпускать ежедневно изъ тюремной экономіи чай, хлѣбъ и соленую рыбу на завтракъ учащимся ребятамъ.

И вотъ Степанъ Григорьевичъ принужденъ былъ уступить свое излюбленное мѣсто учителя другимъ. Хотя Бутаковъ назначилъ его тюремнымъ надзирателемъ съ высшимъ окладомъ жалованья, но его не удовлетворяла эта новая должность: съ

---

[1]) Іеромонахъ Ираклій, изъ бурятъ, предоставилъ ему преподавать ребятамъ и Законъ Божій.

одной стороны, онъ долженъ былъ бросить свое любимое занятіе — сельское хозяйство; съ другой, надо было подчиняться часто несправедливымъ требованіямъ смотрителей и возиться съ арестантами. Однако, ради своей семьи, онъ потолкался при тюрьмѣ еще года четыре, а затѣмъ уѣхалъ на материкъ, гдѣ и работалъ въ качествѣ десятника при постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги.

VII.

Убійство регента Геннисаретскаго.—Тихая полоса жизни тюрьмы.—Назначеніе смотрителемъ стараго знакомаго Л—на.—Мое свиданіе съ нимъ.—Ходатайство за товарищей.—Подтягиваніе каторжныхъ крутыми мѣрами.—Образцовый порядокъ и внѣшняя чистота тюрьмы.

Въ первые годы моего пребыванія въ Рыковской тюрьмѣ царило относительное спокойствіе. Были такія происшествія, какъ убійство какого нибудь поселенца, но они не вызывали сенсаціи въ здѣшней публикѣ, наполовину состоявшей изъ убійцъ. Еще до нѣкоторой степени занимало наше селеніе убійство писаря Геннисаретскаго, и то лишь потому, что всѣ жалѣли его, какъ талантливаго регента, страстно увлекавшагося церковнымъ пѣніемъ. У него въ домѣ проживалъ работникомъ его землякъ, молодой столяръ Иванъ. Сосѣди замѣтили, что этотъ молодой парень сошелся съ пожилою женою своего хозяина. Когда, послѣ осенней темной ночи, нашли среди селенія, около казеннаго огорода, навзничь лежащаго Геннисаретскаго съ разбитымъ черепомъ (ударъ былъ нанесенъ толстою жердью изъ засады), подозрѣніе сейчасъ же пало на Ивана. Слѣдствіемъ установлено было, что онъ ночью переодѣвался; отыскали его рубашку со слѣдами крови; нашлись и нѣкоторые другіе уличающіе его признаки. Къ тому же у Геннисаретскаго всѣ вещи и даже деньги оказались при немъ, слѣдовательно тутъ нельзя было подозрѣвать убійства съ цѣлью грабежа. Ивана арестовали, но онъ упорно отказывался. Хабаровскій судъ заочно разсмотрѣлъ дѣло и за неимѣніемъ достаточныхъ уликъ оправдалъ его. Какъ только Ивана выпустили изъ тюрьмы, онъ перевелся въ Александровскій округъ и тамъ открыто зажилъ съ женою убитаго Геннисаретскаго.

Рыковская школа.

Я умышленно распространился объ этомъ убійствѣ, какъ примѣрѣ безнаказаннаго преступленія. Какая масса убійствъ была совершена въ мое время на Сахалинѣ, и какъ мало было раскрыто виновниковъ ихъ! Объясняютъ это неумѣлостью и невнимательностью тюремныхъ чиновниковъ при производствѣ слѣдствія.

Подобныя убійства, обыкновенно случавшіяся внѣ тюрьмы, мало нарушали обычную жизнь рабочихъ. Наказаніе розгами считалось здѣсь тоже неважнымъ происшествіемъ, о которомъ даже не стоитъ и говорить. Да и пороли не очень часто, какъ я упоминалъ уже. Однимъ словомъ, тюрьма находилась въ полосѣ мирнаго теченія. Но это затишье было передъ бурею.

Черезъ мѣсяцъ послѣ убійства Геннисаретскаго, вдругъ, какъ страшный раскатъ грома, пронеслась ужасная вѣсть: въ Рыковскую тюрьму назначался смотрителемъ грозный Л—нъ, тотъ самый, который встрѣчалъ меня съ товарищами въ Александровкѣ. Скоро оправившись отъ раны, онъ снова сталъ воевать въ тюрьмѣ съ каторжными и своимъ режимомъ создалъ среди нихъ массу бродягъ (особенно при работахъ на Арковской дорогѣ), но въ то же время возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны чиновниковъ. Они-то и постарались выпроводить его изъ своего округа. Бутаковъ согласился взять его въ Рыковское, надѣясь здѣсь сдержать его жестокость.

Заволновалась наша тюрьма. Многіе повѣсили головы отъ ожиданія наказаній и стѣсненій. Сильно забезпокоились и мои товарищи. Они знали, сколько зла сдѣлалъ Л—нъ интеллигентнымъ ссыльнымъ въ Александровскомъ округѣ, сколько тамъ было изъ-за него скандальныхъ исторій.

Въ воскресенье утромъ стали собирать каторжныхъ на тюремный дворъ, чтобы представить ихъ предъ грозныя очи новаго смотрителя. Я былъ среди церковнаго хора на спѣвкѣ, когда мои товарищи принесли мнѣ это извѣстіе. Они просили меня походатайствовать предъ Л—номъ, чтобы онъ разрѣшилъ имъ не являться на тюремный дворъ и не становиться во фронтъ вмѣстѣ съ другими каторжными. Пѣвчіе же просили меня устранить и ихъ отъ свиданія со страшнымъ смотрителемъ.

Въ этотъ день (10 ноября) былъ первый сильный морозъ. Я закутался въ шубу, надѣлъ валенки и повязалъ поверхъ мѣховой шапки башлыкъ. Узнать меня было трудно: торчалъ только одинъ носъ да замерзшая борода.

Ссыльно-каторжный, совершившій восемь убійствъ.

На дворѣ уже стояла рядами команда. Оба смотрителя въ форменныхъ шубахъ и въ большихъ папахахъ, глубоко надвинутыхъ на глаза и на уши, находились передъ фронтомъ и разговаривали между собою.

Я еще самъ не зналъ, какъ отнесется ко мнѣ Л—нъ, и помнитъ ли онъ меня. Поэтому я подошелъ сперва къ прежнему смотрителю Ф—ву и демонстративно поздоровался съ нимъ за руку, а потомъ уже обратился къ Л—ну и назвалъ его по имени. Онъ былъ крайне пораженъ, кто бы это могъ, кромѣ извѣстныхъ ему чиновныхъ лицъ, поздороваться съ нимъ такъ непринужденно, какъ я себѣ позволилъ.

Кто это?—невольно вырвалось у него.

Смотритель Ф—въ назвалъ меня.

— А, это вы! Васъ и не узнать: такъ вы закутались.

Я прямо приступилъ къ дѣлу и сталъ просить за пѣвчихъ, говоря, что если они придутъ сюда, то церковная служба останется безъ хора.

— Ну, хорошо,—пусть они молятся!..

Тогда я сказалъ о своихъ товарищахъ.

— Пусть и они молятся!—отвѣтилъ улыбаясь Л—нъ.

При другихъ обстоятельствахъ, пожалуй, онъ этого и не допустилъ бы, но съ нами волей-неволей онъ долженъ былъ церемониться. Бутаковъ, зная его возмутительное поведеніе относительно ссыльныхъ поляковъ въ Александровкѣ, боялся повторенія подобныхъ исторій въ своемъ округѣ и до нѣкоторой степени выдѣлилъ насъ изъ-подъ его власти.

— Ну, что? какъ?—осыпали меня вопросами и товарищи, и пѣвчіе при моемъ возвращеніи.

— Одно могу сказать вамъ—молитесь!

И на самомъ дѣлѣ взмолились же всѣ каторжные Рыковской тюрьмы! Давно ея дворъ не оглашался такими ужасными криками и стенаніями, давно не проливалось столько слезъ и крови на кобылѣ, какъ съ появленіемъ этого суроваго дисциплинатора.

— Надо подтянуть каторжныхъ: ужъ очень распустилась эта гадина!—говорилъ онъ въ свое оправданіе.

И правда, онъ могъ похвастаться, когда команда рабочихъ при немъ стояла на раскомандировкѣ—муха пролетитъ,—услышишь. Пошли новые порядки въ казармахъ, въ мастерскихъ, на кухнѣ, въ конюшнѣ. Вся хозяйственная машина иначе захо-

дила и со стороны производила чрезвычайно подкупающее впечатлѣніе: образцовый порядокъ, экономія, блестящая чистота, строгая дисциплина и тишина.

— Вотъ смотрите, — говорили мнѣ нѣкоторые поклонники административныхъ и хозяйственныхъ способностей Л—на:— какъ сразу измѣнилась тюрьма! Какое послушаніе въ рабочихъ! Какія, наконецъ, сооруженія!

Мнѣ самому все это нравилось. Но какими ужасными жертвами достигнуто это!

— Вѣдь каторжные отъ этой внѣшности, — возражалъ я имъ,—не сдѣлались лучше, нравственнѣе, правдивѣе, честнѣе, добрѣе. Напротивъ, скрытность, лукавство, тайная злоба, ненависть стали еще интенсивнѣе, какъ упругость паровъ подъ увеличеннымъ давленіемъ. Нѣтъ, господа, проливаемыя слезы и кровь нельзя оцѣнивать чистотою отхожихъ мѣстъ и конюшенъ.

VIII.

Утреннія впечатлѣнія. — Жертвы дисциплины. — Жестокость смотрителя. — Мои препирательства съ нимъ.—Любезность Л—на. — Характеръ его бесѣдъ съ рабочими.—Послабленія подъ конецъ службы.

Зимою, шесть часовъ утра у Л—на было временемъ расправы съ каторжными. А я въ этотъ часъ ежедневно приходилъ къ метеорологической будкѣ готовить инструменты къ утреннимъ наблюденіямъ. Несмотря на порядочное разстояніе отъ тюрьмы до моего дома, до меня доносились по свѣжему утреннему воздуху не только отчаянные крики наказываемыхъ, но и удары розогъ.

Въ этомъ шествіи во имя изысканій тайнъ природы всегда меня сопровождалъ съ фонаремъ въ рукахъ слуга Кржижевской, Максимъ Богдановъ, или просто Максимка, называемый такъ за свой малый ростъ. Этотъ бородатый карликъ, съ видомъ сказочнаго гнома, давно уже приглядѣлся къ темнымъ сторонамъ каторги; но и онъ, обыкновенно спокойный и всегда покорный, не утерпитъ, чтобы не излить потока своего резонерства по поводу жестокости смотрителя. Хотя я молчалъ, но страшно болѣлъ душою за несчастныхъ, не зная, куда дѣваться отъ этихъ первыхъ утреннихъ впечатлѣній.

Каждый день обязательно находилось въ кандальной нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ для наказанія. Нѣкоторые изъ нихъ пойманы въ куреніи табака въ непоказанномъ мѣстѣ, иные вечеромъ послѣ работъ позволили себѣ согрѣть чайникъ воды въ камерѣ (раньше до Л—на позволялось пользоваться всѣми каминами во всѣхъ камерахъ), иные за неисправное исполненіе урока, или какой нибудь сторожъ, застигнутый спящимъ, или рабочій, нѣсколько запоздавшій выскочить на раскомандировку. Всѣ эти жертвы текущаго дня должны были принести свою дань крови для поддержанія дисциплины.

Однажды я сказалъ Л—ну:

— Какую массу людей вы перепорете каждое утро!

— Какъ!—побезпокоился Л—нъ.

— Да, вѣдь, я въ это время иду въ метеорологическую будку и не дойду еще до церкви, какъ уже доносится до моихъ ушей ужасный концертъ плача и крика наказываемыхъ.

— Это вамъ такъ показалось,—съ дѣланнымъ смѣхомъ отвѣтилъ Л—нъ.

— Не только вопли людей, но я слышу ясно по морозному воздуху и удары розогъ...

— Но можетъ быть! Это вамъ наговорили, вотъ вамъ и слышатся въ обычномъ шумѣ тюремнаго двора и плачъ и розги.

Я поражался, съ какою беззастѣнчивостью онъ всегда отговаривался. Впрочемъ, онъ избавилъ меня отъ дальнѣйшихъ нравственныхъ пытокъ слушать стенанія несчастныхъ и наказывалъ ихъ или ранѣе шести часовъ утра или въ спеціально назначенной камерѣ, гдѣ стояли всегда наготовѣ кобыла и кадка съ розгами.

Время отъ времени я все-таки вступалъ съ нимъ въ пререканія относительно наказанія.

— Правда ли это,—спрашиваю я его одинъ на одинъ у него на квартирѣ,—что вы не только понукаете старостъ покрѣпче наказывать, но и сами послѣ порки бросаетесь на лежащаго въ изнеможеніи и топчете и бьете его ногами?

— Ха-ха-ха!.. Какой вы довѣрчивый! Вамъ эти гадины (любимое слово Л—на по адресу каторжныхъ) чего-чего не наскажутъ, а вы готовы имъ вѣрить.

Какъ разъ въ это время приходитъ начальникъ округа.

— Арсеній Михайловичъ, — встрѣчаетъ его Л—нъ: — что я услышалъ сейчасъ! Будто бы, не довольствуясь тѣмъ, что чело-

Ссыльно-каторжный, совершившій много ловкихъ кражъ.

вѣкъ наказанъ розгами, еще и самъ я накидываюсь на него и топчу сапогами... Какой вы довѣрчивый! Какой вы довѣрчивый!—опять обращается ко мнѣ.

Бутаковъ не проронилъ ни слова въ отвѣтъ, хорошо зная, что я не стану говорить напрасно.

На Сахалинѣ сложилась поговорка, что Л—нъ не можетъ напиться чаю утромъ, не перепоровъ предварительно десятка полтора-два каторжныхъ. На самомъ дѣлѣ эта кровавая возня съ арестантами даромъ ему не обходилась. Не разъ онъ прибѣгалъ съ расширенными глазами, съ нервною дрожью въ тѣлѣ, прямо изъ тюрьмы къ завѣдующей аптекою, Маріи Антоновнѣ, и взволнованнымъ голосомъ просилъ чего нибудь успокоительнаго. Она отпускала ему большія дозы хлоралъ-гидрата.

Насколько возможно было, я не переставалъ разубѣждать его противъ системы держать команду рабочихъ въ страхѣ и трепетѣ, или въ ежовыхъ рукавицахъ, какъ онъ выражался.

— Вотъ, вы сами, — говорю ему, — часто сравниваете каторжныхъ Рыковской тюрьмы съ глупыми и смирными овцами. Такъ къ чему же вы употребляете такія крайнія средства, которыя примѣнимы только къ волкамъ? И дѣйствительно я самъ знаю въ тюрьмѣ такихъ овецъ, которымъ достаточно одного вашего слова, чтобы они исполнили вашу волю, тѣмъ не менѣе и они побывали на кобылѣ. А знаете ли вы, что значитъ для другого подвергнуться наказанію розгами?! Есть люди, чрезвычайно чувствительные къ малѣйшему оскорбленію. Иной готовъ жизнью пожертвовать, чтобы избавиться отъ такого позора, другой же ожесточится и изъ овцы сдѣлается волкомъ...

— О, вы мало знаете эту публику! Пойдемте, я вамъ сейчасъ покажу субъекта, который готовъ лечь на кобылу за пайку хлѣба!

— Слышалъ. Весьма вѣроятно, есть такіе околоченные, которые за деньги готовы перенести физическую боль. Вѣдь, даютъ же бурлаки на Волгѣ бить себя по животу полѣномъ за одну копейку. Я не ихъ имѣю въ виду. Большинство же въ нашей тюрьмѣ еще не потеряли стыда и чувствительны къ нравственной боли, и ихъ надо сдѣлать добрыми и честными колонистами Сахалина, а не ожесточать розгами.

— Могу одно повторить — вы мало знакомы съ каторгою. Вамъ всѣ люди представляются ангелами. Повѣрьте моей опытности, я уже дожилъ до сѣдыхъ волосъ и давно имѣю дѣло съ

арестантами. Если не сдерживать ихъ крутыми мѣрами, завтра же появятся убійства и кражи безъ числа.

— То и другое есть и теперь.

— Да, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ если распустите тюрьму.

Мы расходились, оставаясь всегда каждый при своемъ мнѣніи. Однако это не мѣшало ему быть ко мнѣ попрежнему внимательнымъ и удовлетворять мои ходатайства относительно нѣкоторыхъ рабочихъ, т.-е. освобождать ихъ отъ наказанія или назначать на лучшія мѣста.

Л—нъ очень любилъ, когда я провожалъ его во время обхода тюрьмы, мастерскихъ, кухни, конюшни и другихъ мѣстъ. Говорилъ онъ съ рабочими толково, обстоятельно. Я сначала удивлялся, отчего это рабочіе съ такимъ трепетомъ отвѣчаютъ ему. Но потомъ понялъ, что за этою тихостью выглядываетъ все та же страшная розга. Напримѣръ, дѣлается у столяровъ какая нибудь вещь. Смотритель укажетъ, что еще надо придѣлать къ ней, а затѣмъ вдругъ строгимъ голосомъ замѣтитъ:

— Опять острые углы оставляете?! Я вамъ разъ навсегда сказалъ, что острыхъ угловъ не оставлять!..

Столяръ что-то резонно замѣтитъ относительно своей вещи.

— Ну, съ тобой мы лучше сговоримся на кобылѣ.

Впрочемъ, были у него любимцы изъ рабочихъ, которыхъ онъ никогда не наказывалъ, особенно тѣхъ, которые ему дѣлали экипажи или ходили за его любимыми лошадьми (слабость Л—на).

Подъ конецъ службы на Сахалинѣ Л—нъ не такъ рьяно занимался поркою людей: старость ли свое брала, или надоѣла ему эта во всякомъ случаѣ непріятная возня съ арестантами. Вѣрнѣе же онъ почувствовалъ, что другимъ духомъ повѣяло отъ приказовъ новаго генерала К., который, кстати сказать, не выносилъ Л—на.

IX.

Лѣтнія работы.—Съемка Тымовской долины.—Спорный вопросъ.—Михаилъ Семеновичъ Мицуль.—Сахалинскіе контрасты. — Температура Тымовской долины.—Влажность.—Прозрачность воздуха.—Рѣдкія наблюденія планетъ и зодіакальнаго свѣта.—Разнообразіе климатовъ на Сахалинѣ.

Впродолженіе всего моего пребыванія на Сахалинѣ, каждую зиму я находился въ Рыковскомъ селеніи при своихъ постоянныхъ занятіяхъ въ церкви и на метеорологической станціи, но лѣтомъ тюремная администрація тревожила мое спокойствіе различными порученіями и чаще всего съ вызовомъ въ Александровскій постъ. Надо ли сдѣлать съемку населенной мѣстности или промѣръ морской бухты, обновить ли казенный пароходикъ и сдѣлать объѣзды кругомъ Сахалина, надо ли составить лоцію Татарскаго пролива, или помочь пріѣзжему ученому сдѣлать магнитныя и астрономическія наблюденія, привести ли въ порядокъ другую метеорологическую станцію, собрать ли сѣмянъ какой нибудь сахалинской пихты для Петербурга, — въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ обращались ко мнѣ. За исполненіе такого рода порученій я получалъ только одобрительное «спасибо»: эти работы вмѣнялись мнѣ вмѣсто «каторжныхъ». Тѣмъ не менѣе я охотно занимался ими, потому что онѣ знакомили меня съ островомъ и разнообразили мою жизнь на чужбинѣ.

Однимъ изъ первыхъ порученій было сдѣлать съемку Тымовской долины на пространствѣ пятидесяти верстъ, т. е. той области, которая въ то время охватывала всѣ разработанныя земли Рыковскаго, Дербинскаго, Воскресенскаго, Палева и другихъ селеній. Просили поторопиться и окончить работы къ августу мѣсяцу, чтобы успѣть имъ приготовить планъ къ предстоящей тюремной выставкѣ, а у меня, кромѣ компаса-брелока, нѣтъ никакого инструмента. Я потребовалъ изъ Александровки мензулу, рейки, цѣпь и другія принадлежности для съемки, не зная еще, есть ли все это тамъ у нихъ, а самъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пошелъ шагать по полямъ и лугамъ. Руководствуясь однимъ только маленькимъ компасомъ, я своими шагами измѣрялъ границы разработанныхъ земель и наносилъ ихъ на планъ. Когда такимъ образомъ болѣе половины работы было сдѣлано, мнѣ присылаютъ инструменты. Но въ ка-

Перевозка кирпича каторжными.

комъ ужасномъ видѣ! Какъ бы то ни было, я окончилъ съемку къ назначенному сроку.

Въ этихъ хожденіяхъ по селеніямъ мнѣ пришлось видѣть много интереснаго. Между прочимъ, я воочію познакомился съ хлѣбопашествомъ Тымовскаго округа, съ этимъ спорнымъ вопросомъ у изслѣдователей Сахалина. Первые посѣвы ячменя, ржи, пшеницы и картофеля дали удивительные урожаи въ Рыковскомъ селеніи. Въ то время (1881—1883 гг.) завѣдывающій островомъ, онъ же и агрономъ, Михаилъ Семеновичъ Мицуль, замѣчательно добрый и трудолюбивый человѣкъ, отдавшій колонизаціи острова всѣ свои силы и личное состояніе, посмотрѣлъ на Тымовскую долину, какъ на житницу сѣвернаго Сахалина. Его взглядъ, какъ просвѣщеннаго хозяина острова (онъ написалъ прекрасный очеркъ о Сахалинѣ въ 1873 г.), утвердился и въ Петербургѣ, особенно послѣ посѣщенія осенью 1882 г. Рыковскаго селенія начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. Но впослѣдствіи этотъ взглядъ все болѣе и болѣе терялъ сторонниковъ, и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ поднялись голоса, отрицательно относящіеся къ земледѣльческой колоніи сѣвернаго округа. Какъ разъ къ этому времени появились и первые отчеты двухъ метеорологическихъ станцій Рыковскаго селенія и Корсаковской слободки (около Александровскаго поста).

Сахалинъ—это земля контрастовъ. Они замѣчаются не только въ жизни населенія, но и въ самой природѣ острова. На параллели (50° 47′ N) Рыковскаго селенія климатъ Тымовской долины, несмотря на близость моря, имѣетъ характеръ континентальный. Лѣтомъ жары впору Московской губерніи (+ 33°,2 C), а зимою морозы, какъ въ Якутской области (—48°, 5 C; иногда недѣли по двѣ непрерывно держатся утренніе морозы ниже—40°C). Суточныя колебанія температуры также поразительны. Напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ предъ разсвѣтомъ, морозы ниже—33°C, а среди дня таетъ. Зимою почва промерзаетъ въ глубину иногда болѣе сажени, а къ концу іюня такой толстый слой уже успѣваетъ оттаять, и поверхность голой почвы накаливается свыше+53 C. По высотѣ здѣсь солнце Кіевской губерніи, а изотерма средней годовой температуры (около—1°C) общая съ берегами Бѣлаго моря [1]). Подобные рѣзкіе контрасты замѣчаются здѣсь

[1]) Подробныя свѣдѣнія о климатѣ Тымовской долины можно найти въ «Запискахъ Пріамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества», 1896 г., томъ I.

и въ другихъ элементахъ погоды. Такъ, напримѣръ, весною и въ началѣ лѣта относительная влажность чрезвычайно мала, и почти ежегодно здѣшній священникъ, сопровождаемый всѣмъ селеніемъ, съ крестнымъ ходомъ идетъ на поля служить молебенъ о ниспосланіи дождя, а въ концѣ лѣта и осенью сильные и частые дожди едва даютъ крестьянамъ время убрать свой хлѣбъ. Съ другой стороны, при такой большой влажности замѣчательная прозрачность воздуха.

Въ октябрѣ 1887 г., въ самый полдень солнечнаго дня, я показывалъ ссыльнымъ Рыковской тюрьмы планету Венеру! Ее могли видѣть невооруженнымъ глазомъ всѣ—и старый и малый, лишь ставъ въ тѣни строенія или проще—заслонивъ полуденное солнце рукою, какъ зонтикомъ. Также невооруженнымъ глазомъ наблюдали въ ноябрѣ 1888 г. другую планету, Меркурія, которую, говорятъ, такъ и не удалось увидѣть знаменитому Копернику на берегахъ Каспійскаго моря.

Весною по вечерамъ и осенью предъ разсвѣтомъ сахалинцамъ доступно великолѣпное зрѣлище зодіакальнаго свѣта.

Лишь только вечерняя заря стянется по горизонту въ узкую полоску, какъ начинаетъ выясняться надъ нею свѣтлый конусъ, нѣсколько наклоненный къ югу. Но вотъ потухнутъ послѣдніе отблески зари, и бѣловатый конусъ все ярче и ярче выдѣляется на темномъ фонѣ неба, достигая своей вершиной до созвѣздія Тельца (въ мартѣ мѣсяцѣ). Это рѣдкое зрѣлище для петербургскаго жителя сначала сдѣлало на меня такое сильное впечатлѣніе, что я поспѣшилъ телеграммою обратить вниманіе на него и александровскихъ жителей. Но потомъ мы всѣ пригляделись къ зодіакальному свѣту, какъ къ зарѣ и другимъ ежедневнымъ картинамъ неба.

Всѣмъ этимъ явленіямъ помогаютъ главнымъ образомъ горы, служа экраномъ для солнечныхъ лучей и ограждая долину до нѣкоторой степени отъ морского вліянія. Напримѣръ, берега Сахалина славятся своими густыми морскими туманами, но въ Тымовской долинѣ ихъ нѣтъ. Они только проносятся высоко надъ горами въ видѣ сплошного сѣраго облака, служа хорошимъ признакомъ ясной погоды, которая и наступаетъ часа черезъ два-три.

Все, что мною сказано о климатѣ Рыковскаго селенія, нельзя отнести къ сахалинской столицѣ, лежащей на той же параллели въ разстояніи меньше 60 верстъ. Александровскій постъ, бу-

дучи открытъ вліянію сильныхъ морскихъ вѣтровъ и тумановъ, не имѣетъ ни такихъ жаровъ, ни такихъ морозовъ, какъ Тымовская долина. Третій, Корсаковскій округъ, или южный Сахалинъ, омываемый Японскимъ моремъ, представляетъ еще болѣе мягкій климатъ.

Итакъ на Сахалинѣ, растянутомъ по меридіану почти на 900 верстъ, мы имѣемъ большое разнообразіе климатическихъ условій для растительности; поэтому неудивительно на одномъ и томъ же островѣ встрѣтить и дикорастущій виноградъ и бѣдную тундру, поросшую мхомъ и жалкими ягодами, въ родѣ водяницы.

Въ общемъ климатъ Сахалина не возбуждаетъ похвалъ. Этотъ несчастный островъ какъ бы служитъ мѣстомъ свалки не только каторжной публики, этихъ отбросовъ, не подходящихъ къ мѣркѣ соціальныхъ условій Русской земли, но и всѣхъ отслуживщихъ элементовъ моря и неба. Съ сѣвера, когда весною солнце разогрѣетъ скованную поверхность Охотскаго моря, холоднымъ теченіемъ несутся къ Сахалину тающіе льды, сопровождаемые рѣзкими вѣтрами и сырыми туманами; а съ юга осенніе тайфуны, стремительно пройдя ужасную бурю въ Китайскихъ и Японскомъ моряхъ, разражаются на горахъ острова каторжныхъ проливными дождями.

Въ Европейской Россіи нельзя подыскать такую губернію, которая по климату вполнѣ соотвѣтствовала бы Тымовскому округу. Нельзя съ нимъ сравнивать и берега Бѣлаго моря только потому, что у нихъ общая средняя годовая температура. Стоитъ лишь обратиться къ ихъ среднимъ мѣсячнымъ, и сейчасъ же станетъ ясно, что температуры ихъ сильно расходятся. Въ то время, какъ въ январѣ на Соловецкихъ островахъ средняя температура — 9°, 1 С, въ Рыковскомъ она — 23°, 4 С. Тамъ въ іюлѣ + 12°, 8 С, а въ Рыковскомъ + 17°, 7 С. Скорѣе можно найти нѣсколько мѣстъ, подходящихъ по температурѣ въ Сибири и Монголіи, напримѣръ, Томскъ, Каинскъ, Тара, Урга и др. Но при этомъ замѣчается общее явленіе: если лѣто и зима Рыковскаго селенія сходны по температурѣ съ сибирскими городами, то весна всегда холоднѣе, а осень теплѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что весною мимо острова проносятся льды холоднымъ теченіемъ Охотскаго моря, а осенью — сравнительное тепло удерживается большою влажностью и пасмурнымъ небомъ.

Группа каторжныхъ на работѣ.

X.

Положеніе начинающихъ хозяевъ.— Казенная помощь имъ при М. С. Мицулѣ.— Недостатокъ удобныхъ земель.— Упадокъ сельскаго хозяйства.— Жалобы на климатъ.— Весна Тымовской долины.— Мнѣнія сахалинскихъ поселенцевъ.— Дожди и разливы рѣкъ.— Трудность улучшенія здѣшняго земледѣлія.

Теперь, когда мы немного знаемъ климатическія условія Рыковскаго селенія, можно сказать и о хлѣбопашествѣ здѣшней колоніи. По этому вопросу, за послѣднее десятилѣтіе, цифръ, отчетовъ и разныхъ мнѣній довольно было написано и офиціально, и неофиціально. Я ограничусь только передачею непосредственнаго впечатлѣнія и голоса здѣшнихъ настоящихъ земледѣльцевъ. Я говорю — настоящихъ, потому что можно ли считать земледѣльцами толпы насильственно насажденныхъ среди тайги ссыльныхъ, которые и въ Россіи за соху никогда не брались. Начинающій молодой крестьянинъ въ русскихъ деревняхъ продолжаетъ дѣло, налаженное дѣдами и отцами. Онъ наслѣдуетъ отъ нихъ готовое хозяйство, домъ, скотъ, соху, борону, готовую пашню, а главное — умѣнье обращаться съ землею. А здѣшніе, какъ ихъ окрестили, «робинзоны» съ казеннымъ топоромъ и съ мотыгою въ рукахъ должны все это создать изъ ничего. Понятно, что въ концѣ концовъ въ мѣстахъ поселенія, какъ, напримѣръ, въ Палевѣ, являются толпы какого-то страннаго народа: не то бродягъ, не то нищихъ, не то разбойниковъ. И, право, въ этомъ не ихъ вина. Покойный М. С. Мицуль отлично понималъ, что съ голыми руками нельзя пустить въ тайгу и заправскаго земледѣльца, и потому къ первымъ рыковскимъ поселенцамъ онъ былъ удивительно щедръ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для хлѣбопашества. Вотъ изъ нихъ-то и вышли хорошіе крестьяне, которые и по смерти Мицуля прекрасно вели свои хозяйства. У нѣкоторыхъ изъ нихъ было по десятку и по два головъ скота, а у многихъ по нѣскольку десятинъ разработанной земли и обширные покосы. Мало того, что сами круглый годъ ѣли свой хлѣбъ и кормили скотъ, продавали его еще и въ казну. Они сѣяли рожь, ячмень и пшеницу. Новая земля давала сначала очень хорошіе урожаи. И я еще засталъ удивительные сборы карто-

феля. То былъ въ Рыковскомъ золотой періодъ хлѣбопашества. Нивы росли съ каждымъ годомъ, и скотъ быстро умножался. Тогда сравнительно легче было корчевать землю, потому что рабочія руки были дешевы. Въ восьмидесятыхъ годахъ рыковскіе каторжники пользовались большимъ досугомъ и охотно шли на частные заработки.

Но за этими піонерами, съ увеличеніемъ тюрьмы и съ новымъ наплывомъ народа въ Тымовскій округъ, появился другой рядъ хозяевъ. Преимущественно это были люди со средствами. Нѣкоторые изъ нихъ привезли деньги съ собой изъ Россіи, другіе же сумѣли скопить ихъ на Сахалинѣ, занимая мѣста съ жалованьемъ (писаря, слуги и др.) или торгуя дозволенными и недозволенными товарами. Если не сами лично, то наемными людьми они тоже занимались земледѣліемъ, какъ прибыльной статьей хозяйства: ячмень всегда имѣлъ потребителя въ лицѣ казны. Вскорѣ вся удобная земля долины на десять верстъ въ обѣ стороны отъ селенія была расчищена и разработана подъ пашню или покосъ, при чемъ тюрьма и военная команда заняли лучшія полосы. Негдѣ было и скотинѣ пастись. Появились жалобы на недостатокъ земли. Тогда вышло распоряженіе, чтобы изъ новыхъ поселенцевъ оставались въ Рыковскомъ только тѣ, которые въ состояніи купить домъ и землю отъ уѣзжающихъ крестьянъ на материкъ, всѣхъ же остальныхъ отсылать далѣе на сѣверъ, внизъ по Тыми, или на юго-востокъ, къ бассейну другой рѣки Поронай. Вотъ эти-то бѣдняки и представляли изъ себя несчастныхъ робинзоновъ. Но и въ самомъ Рыковскомъ стали появляться признаки упадка хлѣбнаго хозяйства. Большинство здѣшнихъ земледѣльцевъ были изъ южнорусскихъ губерній. Они и сюда внесли свои малороссійскія привычки — пахать на волахъ плугами и земли не удобривать. Вслѣдствіе этого, лѣтъ черезъ десять земля истощилась, и съ каждымъ годомъ урожаи стали все хуже и хуже. Были и мѣстные неурожаи у тѣхъ бѣдняковъ, которые за недостаткомъ мѣста занимали клочки земли въ невыгодныхъ условіяхъ. Напримѣръ, у однихъ въ весеннюю засуху сгорала рожь оттого, что посѣяна была на высокихъ мѣстахъ, у другихъ обратно: хорошій хлѣбъ на низкихъ мѣстахъ смывался наводненіемъ отъ августовскихъ дождей. А если случалось еще, что послѣдніе морозы побьютъ на пригоркѣ всходы пшеницы, или первымъ инеемъ попортится цвѣтъ на хлѣбѣ, то жалобамъ на климатъ и на землю не было конца.

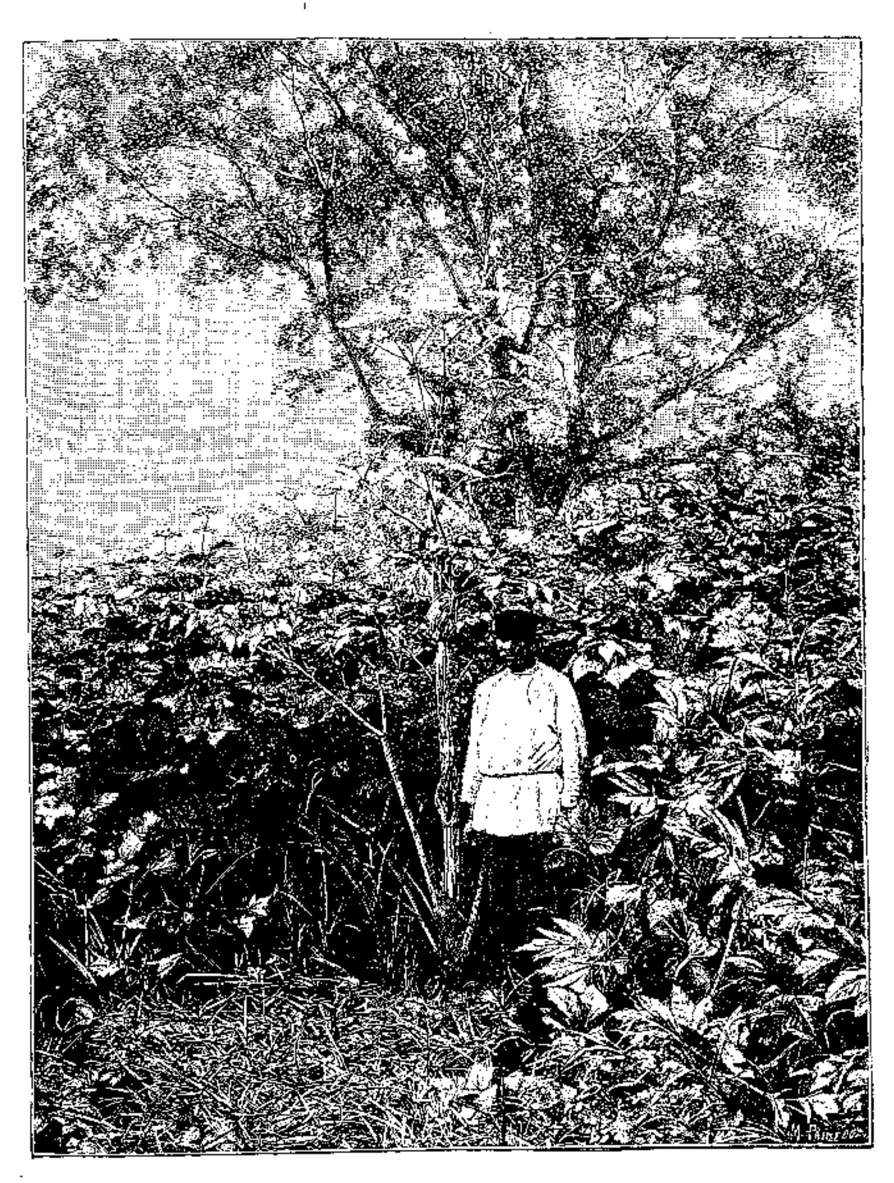
До нѣкоторой степени они правы. За мое время случалось, что послѣдній морозный утренникъ былъ 10 іюня (въ 1889 г.) и первый осенній иней 21 іюля (въ 1893 г.), но такія случайности могутъ быть и въ средней полосѣ Россіи. Обыкновенно же весенніе морозы прекращаются въ концѣ мая, и начинаются осенніе въ первыхъ числахъ сентября, такъ что земледѣлецъ можетъ разсчитывать слишкомъ на три мѣсяца непрерывныхъ дней безъ мороза (лѣтомъ 1890 г. 117 дней подъ рядъ не было мороза).

Для наглядной характеристики весны Тымовской долины, я могу привести нѣкоторые примѣры изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій, какъ просыпается здѣшняя природа.

Въ мартѣ мѣсяцѣ снѣгъ лежитъ еще довольно толстымъ (до 11 вершковъ) слоемъ на землѣ, но на высокихъ мѣстахъ кое-гдѣ показываются проталины. Первымъ подымается изъ берлоги медвѣдь (24-го числа), а изъ прилетныхъ гостей въ концѣ мѣсяца появляются лебеди. Въ началѣ апрѣля прилетаютъ гуси и утки. 11-го числа замѣчаютъ жаворонковъ и летающихъ насѣкомыхъ. 20-го числа на проталинкахъ покажутся первые желтые цвѣты (Adonis amurensis). Дней черезъ пять запорхаютъ бабочки и заквакаютъ лягушки. Въ концѣ апрѣля расцвѣтаетъ голубоватолиловый corydalis ambigua, прозванный здѣсь гиляцкимъ картофелемъ. Въ маѣ быстро развертывается листъ на деревьяхъ, и въ половинѣ этого мѣсяца закукуетъ кукушка въ лѣсу. Въ двадцатыхъ числахъ цвѣтетъ черемуха, а затѣмъ—ландыши, одуванчики и въ концѣ мая—лютики. Въ началѣ іюня въ полномъ цвѣту сибирская яблоня (Pyrus baccata) и красная смородина; нѣсколько позже—глухая крапива и бузина; къ срединѣ мѣсяца—малина, княженица, мышиный горошекъ, шиповникъ и и др. Тутъ уже лѣто во всей силѣ. Наступаютъ теплые, тихіе и ясные дни.

Меня удивляло, отчего такъ много жалобъ на здѣшнія условія для хлѣбопашества, и однако каждый поселенецъ, даже самый бѣдный, всегда старается посѣять сколько нибудь ячменя или пшеницы, если не успѣлъ съ осени вспахать подъ рожь. Я разспрашивалъ по этому поводу многихъ мужиковъ изъ разныхъ селеній. Отвѣты получались крайне разнообразные. Одинъ сравниваетъ Сахалинъ со своей Полтавской губерніей, другой—съ Воронежской, и, конечно, всѣ преимущества на родимой сторонѣ. Нѣкоторые отвѣчали уклончиво въ родѣ того:

— За что землю ругать? Кормитъ,—ну, и слава Богу!

Сахалинскія травы изъ семейства зонтичныхъ.
(Angelophyllum ursinum Rup.).

Въ одномъ изъ бѣдныхъ селеній, въ Нижнемъ Армуданѣ, проживалъ грамотный старикъ Пензенской губерніи, Яковъ Щегловъ. Онъ жилъ вдвоемъ съ работникомъ въ собственномъ домѣ и занимался хлѣбопашествомъ. Я любилъ старика за его острый умъ и всегда былъ радъ его приходу. Взгляды его на жизнь были опредѣленны, положительны, выведены изъ многочисленныхъ опытовъ. Сказалъ и онъ мнѣ свое слово.

— Здѣсь жить можно. Первое дѣло—только не лѣнись! Травы кругомъ много—коси сколько хочешь! Тебѣ пашню надо? Бери земли, сколько твоей душѣ угодно. Только не лѣнись корчевать! Это не то, что въ нашей губерніи, гдѣ изъ-за каждаго клочка грызутся. Вѣдь, и я сюда попалъ за драку изъ-за земли. По совѣсти вамъ скажу, если бы могъ, я и сына перетащилъ бы сюда изъ Россіи. Подумайте, лѣсу подъ бокомъ сколько хочешь! Поденныхъ не берутъ, податей никакихъ. И съ хлѣбомъ, слава Богу, справляемся. Надо только во-время посѣять, да и ведро не проспать въ жатву. А рыба здѣшняя—какое подспорье хозяйству! Себѣ бочку насолишь, другую—въ казну сдашь. И скотъ здѣсь здоровый и хорошо плодится. Какъ можно жаловаться на здѣшнюю сторону!

Такія рѣчи я слышалъ и отъ другихъ обстоятельныхъ мужиковъ, между прочимъ, и отъ старожила учителя Юркевича, занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ.

Все-таки главный бичъ здѣшняго хлѣбопашества, надо признать, дожди во время жатвы. Какъ больно видѣть въ поляхъ неубранный хлѣбъ съ налившимся зерномъ! Иной разъ онъ такъ и проростетъ на корню. Много было бѣдствій и отъ наводненій. Августовскіе и сентябрьскіе дожди, разражаясь на сосѣднихъ горахъ страшными ливнями, сразу подымаютъ уровень и безъ того быстрыхъ рѣкъ. Ихъ стремительнымъ потокомъ ломаются мосты и прибрежныя постройки, а поля и огороды заносятся пескомъ и землею. Особенно разорительны были разливы рѣкъ въ 1890 и 1893 г.г.

Я видѣлъ усиленныя попытки со стороны агронома фонъ-Фрикена сдѣлать улучшеніе здѣшняго хозяйства, но... одинъ въ полѣ не воинъ. Сколько хлопотъ ему было съ одною только выпискою сѣмянъ! А сѣмена здѣсь непремѣнно надо мѣнять почаще. Посѣютъ выписанное изъ Россіи блѣдножелтое полное зерно пшеницы, а снимутъ—морщинистое, сѣроватое, толстокожее и иногда пораженное грибками.

Можетъ быть, надо измѣнить здѣшнюю культуру хлѣбовъ и позаимствоваться у сосѣдей-манзъ Уссурійскаго края, которые сѣютъ пшеницу на грядахъ; но нашъ русскій мужикъ медленъ на какія либо нововведенія, особенно въ дѣлѣ, освященномъ традиціями десятка вѣковъ. Да и бѣдность мѣшаетъ завести что нибудь не только новенькое, но и необходимое старое. У многихъ бѣдняковъ, напримѣръ, нѣтъ крытой риги, и хлѣбъ мокнетъ подъ дождемъ и проростаетъ въ снопахъ.

Въ настоящее время сельское хозяйство Сахалина находится въ хорошихъ рукахъ ученаго агронома, А. А. фонъ-Фрикена, отличнаго знатока всѣхъ условій поселенческаго быта. За восемь лѣтъ своего пребыванія на островѣ онъ излазилъ всѣ его горы и долины, и результатомъ этихъ путешествій появляются время отъ времени его литературные труды о Сахалинѣ.

XI.

Встрѣча съ лагеремъ каторжныхъ.—Возвращеніе съ работъ.—Ночлегъ въ лагерѣ.—Утро въ долинѣ.—Дорожныя работы: сравненіе ихъ съ рудничными.—Раздѣленіе рабочихъ на разряды.

Однажды, пробираясь со съемкой полей и луговъ къ селенію Дербинскому, я натолкнулся на большой лагерь рабочихъ, расположившихся у сооружаемой ими шоссейной дороги. Среди нихъ находился одинъ изъ недавно прибывшихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, Е. Н. П., болѣзненный на видъ, молодой семинаристъ изъ южно-русскихъ губерній. Онъ горячо упрашивалъ меня пожить у него нѣсколько дней лагерной жизнью среди природы и помочь имъ сдѣлать разбивку дальнѣйшей дороги. Меня торопили со съемкой, а потому я согласился погостить у нихъ только до завтрашняго вечера.

Дорожныя работы подошли какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ, кромѣ небольшой рѣчки (кажется, Каменухи), множество маленькихъ рѣченокъ и ручейковъ, переплетаясь между собою, образуютъ обширное болото. Какія усилія ни употребляли надзиратели, дорога не подвигалась впередъ: вода наполняла канавы и размывала глинистую насыпь дороги. Старшій надзиратель, какъ видно, не совсѣмъ свѣдущій въ производствѣ дорожныхъ работъ,

помчался верхомъ въ Рыковское докладывать начальству, что «вода совсѣмъ ихъ задавила».

Когда я пришелъ въ лагерь, рабочіе были на дорогѣ, и меня встрѣтилъ одинъ только мой товарищъ Н—й. Онъ былъ здѣсь писаремъ и занималъ шалашъ изъ жердей и корья вмѣстѣ съ надзирателемъ. Пока мы, энергично отмахиваясь отъ назойливыхъ комаровъ и мелкой мошки, передавали другъ другу послѣднія новости, наступилъ вечеръ и съ нимъ — окончаніе работы.

Я вышелъ изъ шалаша, чтобы видѣть возвращающуюся сѣрую толпу каторжныхъ. Это буквально сѣрая толпа: нижнее бѣлье не отличалось своимъ цвѣтомъ отъ жилетокъ, штановъ и шапокъ сѣраго сукна. Даже лица и оголенныя руки и ноги, запачканныя глиною, были тоже сѣраго цвѣта. Большинство вооружены желѣзными лопатами. Нѣкоторые, не доходя до лагеря, припадали къ ручейку и жадно пили холодную воду. Лагерь быстро наполнился громкими разговорами, перекрикиваніями, звяканьемъ котелковъ. Догоравшіе костры снова запылали огромнымъ пламенемъ. Въ воздухѣ запахло дымомъ. Его умышленно увеличивали сырыми вѣтками деревьевъ, чтобы отогнать отъ шалашей кучи насѣкомыхъ. Когда рабочіе усѣлись на травѣ группами человѣкъ по десяти вокругъ котловъ, и шумъ голосовъ нѣсколько поутихъ, я отправился со своимъ товарищемъ опять въ его шалашъ, гдѣ комаровъ было все-таки меньше.

Послѣ ужина лагерь сталъ затихать. Утомившіеся рабочіе спѣшили расправить свои усталые члены на самодѣльныхъ коечкахъ изъ жердей.

Ночью вернулся изъ Рыковскаго старшій надзиратель. Для отвода воды въ рѣку Тыми ему приказано проложить нѣсколько трубъ поперекъ полотна дороги. По сосѣдству съ нашимъ шалашомъ долго слышалась бесѣда надзирателей, обсуждавшихъ новое приказаніе. Комары тоже попискивали около ушей и немало смущали мой сонъ. Проворочавшись на постели со стороны на сторону всю ночь, я былъ очень радъ, когда на зарѣ, часа въ четыре утра, послышались первые призывы вставать.

Снова зашумѣла каторга. Точно муравьи, стала выползать изъ своихъ шалашей сѣрая публика и потянулась къ ручейку на краю лагеря. Тамъ передъ его тоненькою струйкою, чистою, какъ хрусталь, была вырыта яма съ аршинъ глубиною, чтобы можно было черпать воду сразу ведрами.

Недолго снаряжались рабочіе. Не успѣлъ я напиться чаю

Первый домъ начинающагося поселенія на о. Сахалинѣ.

со своимъ товарищемъ, какъ уже они опять вооружились желѣзными лопатами и направились къ мѣсту работъ.

При другихъ обстоятельствахъ меня занимали бы картины яснаго утра и эта бодрящая свѣжесть воздуха, и скромное, но оживленное, пѣніе здѣшнихъ птичекъ; но теперь, стараясь поспѣть за рабочими, я мелькомъ взглянулъ на силуэты темныхъ горъ, изъ-за которыхъ вотъ-вотъ должно выглянуть яркое солнце, не занимали меня и красивыя сочетанія свѣжей зелени тальника, ивы, черемухи и веселыхъ березокъ вперемежку съ небольшими лужайками. Только когда первые лучи, выглянувъ изъ-за сѣдловины горы, скользнули по широкой долинѣ, и какъ бы въ отвѣтъ имъ засверкали милліарды росинокъ на высокой травѣ и на листьяхъ кустовъ, я невольно остановился и, подобно классическому пиоагорейцу, почтительно снялъ шапку предъ лучезарнымъ царемъ природы.

А вдали при концѣ дороги копошились арестанты. Надзиратели назначали имъ дневные уроки, каждому отмѣривая колышками длину и ширину канавы. Меня поразили большіе размѣры уроковъ, и я не удержался, чтобы тихонько не передать своего впечатлѣнія старшему надзирателю.

— Приказано такъ! — уклончиво отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Безъ звука возраженій арестанты становились голыми ногами въ воду и тотчасъ же покорно принимались за работу. Лопата за лопатой тяжелая глина выбрасывалась на полотно дороги. Вода размывала ее и мутными потоками снова стекала въ канавы. Я попробовалъ рукою воду: она была холодна, какъ ледъ. Тучи комаровъ и черной мошки, мелкой, какъ песокъ, немилосердно жалили и лицо, и руки, и ноги этихъ подневольныхъ работниковъ. Съ каждымъ взмахомъ лопаты они бѣшено отмахивались отъ нихъ локтями и снова наклонялись къ водѣ за глиной.

Одновременно подвозилась на дорогу земля изъ сосѣднихъ сухихъ луговъ въ тяжелыхъ деревянныхъ тачкахъ. Непріятный скрипъ ихъ былъ вполнѣ соотвѣтствующею музыкою этимъ труднымъ работамъ.

Въ защиту отъ насѣкомыхъ обвязавъ себѣ голову и шею платками, мы съ надзирателемъ обошли вязкое болото и выбрались на просѣку, заросшую высокою травою. По ней коса еще ни разу не ходила. Здѣсь мы провѣшали линію дальнѣйшей дороги и разбили кольями направленіе новыхъ канавъ. Наша работа затя-

нулась на нѣсколько часовъ. Когда мы возвращались въ лагерь, солнце стояло уже высоко и сильно жарило рабочихъ. Они испытывали странное сочетаніе жары и холода. Ноги въ холодной водѣ (глубоко промерзшая зимою почва только что оттаяла), а наклоненная голова, тяжелая, какъ налитая свинцомъ, пеклась на солнцѣ. Каторжные дѣлали отчаянныя усилія. У всѣхъ лица страшно напряжены, руки нѣмѣли отъ непрестанныхъ взмаховъ, а у многихъ сдѣлана еще только половина заданнаго урока.

Старшій объявилъ командѣ итти обѣдать. Тачки сразу остановились. Изъ канавъ повылѣзли грязные и мокрые рабочіе. Мы пошли за ними въ лагерь тоже обѣдать.

По дорогѣ я сталъ говорить, какъ тяжелы дорожныя работы для сахалинскихъ ссыльныхъ,

— Что говорить,—замѣтилъ бывалый надзиратель, хорошо знакомый и съ рудниками,—самая тяжелая работа! Ужъ какъ скверно въ угольныхъ копяхъ, все-таки рабочему человѣку тамъ легче, чѣмъ здѣсь. Тамъ и сыро, и темно, и душно въ спертомъ воздухѣ, и ползти-то надо съ тачкой по тѣсному низкому ходу, иной разъ въ аршинъ вышиною, за то онъ успѣетъ кончить свой урокъ къ обѣду, а остальное время: хочешь—отдыхай, хочешь—работай за отдѣльную плату. А здѣсь вотъ и свѣтло, и воздухъ чистый, и пташки поютъ, и работа среди кустовъ и цвѣтовъ, но не веселитъ все это, когда тебя поджариваютъ и комары, и мошка, и солнце, да и нашъ братъ надзиратель нѣтъ-нѣтъ да и ругнетъ или ожжетъ кулакомъ иного отдыхающаго рабочаго. А съ другого что возьмешь?! Тщедушный, болѣзненный... Въ чемъ только душа держится!..

— Да вѣдь теперь,—замѣчаю я,—всѣхъ рабочихъ распредѣляютъ по разрядамъ соотвѣтственно силѣ и здоровью [1]). Развѣ у васъ это не принимается во вниманіе?

— Они раздѣлены только на бумагѣ въ канцеляріяхъ. Работы пропасть, а народу въ тюрьмѣ мало,—намъ и приказываютъ назначать всѣмъ одинъ урокъ. Ужъ это самъ отъ себя поставишь слабосильнаго на легкій грунтъ и на болѣе узкую канаву, да и то онъ едва справляется съ ней. Самая каторжная работа! Это похуже и тасканія бревенъ зимою. Не даромъ народъ и бѣжитъ съ дороги. Сколько теперь у насъ считается въ бѣгахъ!

[1]) Напримѣръ, меня записали на полъ-урока.

XII.

Багреніе рыбы крючкомъ.—Казенная рыбалка. — Уловъ кэты и чистка ея.—Надзиратель у чистильщиковъ.—Засолъ рыбы.—Вяленіе кэты.—Употребленіе икры.—Уменьшеніе рыбы и голодовки у гиляковъ.—Богатство Сахалина.

Съ этимъ товарищемъ Е. П—имъ пришлось мнѣ еще разъ встрѣтиться на другой работѣ каторжныхъ осенью, во время засолки рыбы.

Когда сахалинская лососина — кэта — начинаетъ совершать свой періодическій ходъ изъ моря въ прѣсныя воды, всѣ жители острова—гиляки, поселенцы, пріѣзжіе японцы и даже медвѣди—собираются на берега рѣкъ и вылавливаютъ ее различными способами, начиная отъ примитивнаго, употребляемаго медвѣдями, простого выхватыванія рыбы лапою, и кончая неводомъ. Самый же распространенный здѣсь способъ ловить кэту это—багреніе. Для этого дѣлаютъ заѣздку на берегу рѣки, т. е. выдающійся надъ водою небольшой деревянный помостъ на сваяхъ. Рыбакъ усаживается на нее и водитъ по водѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ очень длиннымъ тонкимъ шестомъ съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ. Чуть только почувствуетъ прикосновеніе рыбы, онъ быстро подсѣкаетъ ее на крючекъ и выбрасываетъ на берегъ. Чтобы легче справиться съ бойкою и сильною рыбою и сохранить цѣлость желѣзнаго крючка съ острымъ жаломъ, онъ прикрѣпляется къ шесту тоненькимъ ремешкомъ, но такъ, что какъ только рыба напорется на крючекъ, онъ соскакиваетъ съ шеста и повиснетъ на ремешкѣ.

При хорошемъ ходѣ кэты рыбакъ можетъ натаскать такимъ образомъ въ одну ночь до сотни рыбъ. Но вся эта рыба будетъ поранена, и пока она дойдетъ до кадки въ засолъ, окровавленныя мѣста успѣютъ нѣсколько загнить и привлечь мухъ. Очень рѣдко можно найти у поселенца соленую рыбу безъ тухлаго запаха.

Неводами ловятъ кэту наиболѣе богатые люди. Тюрьма тоже имѣетъ свои тони на выбранныхъ лучшихъ мѣстахъ, гдѣ устроены постоянные рыбные сараи. И у нея невсегда удавался засолъ рыбы, хотя и соли не жалѣли.

Въ ту осень, когда я посѣтилъ казенную рыбалку, завѣдывалъ ею упомянутый мною товарищъ П—й. Его назначили съ

тѣмъ расчетомъ, что если онъ и не засолитъ хорошо, то, по крайней мѣрѣ, добросовѣстно будетъ беречь отъ расхищенія казенную соль, которая цѣнилась здѣсь иногда дороже муки.

Я засталъ рыбалку въ самомъ разгарѣ. Народу было очень много. При мнѣ закинули неводъ. Одни дѣлали заѣздъ на узкой

Алексѣй Александровичъ фонъ-Фрикенъ,
инспекторъ сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ.

лодкѣ, другіе вошли въ воду и растягивали сѣть, а мы всѣ, стоящіе на берегу, начали сгонять рыбу, кидая въ воду камни. Но не было нужды заботиться о большомъ уловѣ: и такъ не могли вытащить сѣть, въ мотнѣ которой билось болѣе пятисотъ крупныхъ рыбъ. Иные экземпляры были полпуда вѣсомъ. При-

пертыя къ берегу сильныя рыбы высоко подпрыгивали и на пескѣ, пока не были убиты колотушками.

Нѣсколько поодаль отъ тони стояли длинные столы у самой воды. За ними рядъ рабочихъ съ большими ножами въ рукахъ. Это—чистильщики. Имъ усердно подносили пойманную кэту, а они, схвативъ скользкую рыбу въ одну руку, другой быстро распарывали ей животъ и распластывали во всю длину отъ головы до хвоста. Всѣ внутренности вмѣстѣ съ икрою выбрасывались въ воду.

Около чистильщиковъ лѣниво похаживалъ надзиратель и, смотря не на нихъ, а себѣ подъ ноги, въ сотый разъ тянулъ одну и ту же заученную фразу:

— Ребята, чистите чище!..

Въ этомъ состояла вся его обязанность, тогда какъ вокругъ него всѣ остальные быстро двигались, всѣ страшно торопились, и рыба за рыбой летѣла въ корзины. Воображаю, какъ надоѣлъ чистильщикамъ этотъ голосъ празднаго человѣка, который не зналъ, что съ собою дѣлать въ продолженіе цѣлаго дня.

Я подошелъ къ нимъ. Запахъ отъ гніющихъ остатковъ невыносимый. Увидя меня, надзиратель опять обратился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и заунывнымъ голосомъ затянулъ свою однообразную пѣсню:

— Ребята, чистите чище...

— Ну, да!—огрызнулся одинъ изъ рабочихъ. —Если заниматься ею, то и въ вѣкъ не перечистишь!—И быстро скинувъ однимъ взмахомъ ножа икру и внутренности въ воду, раздраженно бросилъ въ ящикъ рыбу, всю окровавленную и совсѣмъ грязную.

Въ другомъ мѣстѣ въ большомъ сараѣ происходилъ засолъ рыбы. Тамъ стоялъ П—й распоряжался самъ лично укладкой ея въ бочки. Около него засольщикъ въ большихъ кожаныхъ рукавицахъ бралъ очищенную кэту, раскрывалъ ее и, проведя плашмя раза два по соли въ большомъ открытомъ ящикѣ, укладывалъ въ высокую нѣсколько конусообразную бочку.

У поселенцевъ составилось мнѣніе, что если при засолѣ попадетъ хотя немного воды на рыбу, она загніетъ въ бочкѣ. Другіе утверждали обратное: надо хорошенько очистить рыбу отъ крови и внутренностей и даже вымыть водою, а потомъ залить ее крѣпкимъ разсоломъ. Въ описываемое мною время казна употребляла первый способъ.

Поселенцы, жалѣя дорогую соль, солили рыбу для собственнаго употребленія не такъ щедро, какъ казна. Они продержатъ ее нѣсколько дней въ бочкѣ, а затѣмъ развѣшиваютъ на жердяхъ и оставляютъ ее вялиться на солнцѣ. Гиляки пользуются солнцемъ и вѣтромъ для приготовленія своей юколы. Но горе для нихъ, если во время улова кэты протянется долго дождливая погода, тогда развѣшенная по жердямъ рыба раскисаетъ и сильно портится.

Мнѣ всегда было жаль видѣть, какъ крупную ярко-красную икру кэты выбрасывали въ воду, между тѣмъ она въ соленомъ видѣ представляетъ очень вкусный продуктъ. Въ мое время не многіе изъ русскихъ позволяли себѣ эту маленькую роскошь — насолить на зиму боченокъ икры. Впрочемъ, бѣдныя женщины пекли на продажу изъ икры, смѣшанной съ картофелемъ, довольно вкусныя пышки, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ икрянниковъ.

Дѣлаютъ еще употребленіе изъ икры, какъ наживки на крючокъ для ловли форелей.

Помнится мнѣ такой случай. Приходитъ къ намъ гилякъ и жалуется на голодъ.

— Юколы нѣтъ, хлѣба нѣтъ, чаю нѣтъ...—затянулъ давно намъ знакомую пѣсню.

— Что же ты не ловишь форельку?

— Икру всю кушай; лови не на что..

Меня тогда поразила такая безпечность этихъ дикарей. Довольно было бы мѣшечка икры одной рыбы, чтобы ловить на нее форель всю зиму, но они и одного мѣшечка не сберегли. Теперь голодовки у гиляковъ бываютъ все чаще и чаще, потому что, замѣчаютъ старики, съ годами рыбы становится меньше, а рыбаковъ больше. Но еще я засталъ то время, когда цѣлую рыбину можно было купить въ Рыковскомъ за одну копейку, и то брали собственно не за рыбу, а за доставку ея въ селеніе.

Какъ много еще ловится рыбы на Сахалинѣ, для примѣра можно указать на промыселъ владивостокскаго купца Семенова. Ежегодно онъ добываетъ 200.000 пудовъ селедочнаго тука, который съ такою охотою покупаютъ японцы для удобренія своихъ полей. Для одного пуда тука надо употребить шесть пудовъ селедки; слѣдовательно, одинъ только промышленникъ Семеновъ вылавливаетъ ежегодно не менѣе 1.200.000 пудовъ селедки. Но если сосчитать всю сельдь, вылавливаемую у береговъ Саха-

лина, и не пудами, а штуками, то получилось бы поражающее число милліоновъ! И это одна сельдь! А кэта? А горбуша и другіе виды salmo, не говоря уже о корюшкѣ, камбалѣ и о массѣ прѣсноводныхъ рыбъ?..

Да, Сахалинъ богатъ рыбою. Онъ могъ бы разсылать свои бочки соленой рыбы не въ однѣ только мѣстныя команды. И какъ обидно: природа выработала массу пищевого органическаго продукта, а люди безжалостно превращаютъ его снова во что-то несъѣдобное, чтобы смѣшать съ землею. Съ другой стороны, множество шатающагося народа на островѣ выпрашиваютъ себѣ грошеваго заработка, а громадное богатство лежитъ подъ рукою. Казалось бы, такъ естественно образовать изъ поселенцевъ артели рыбаковъ, помочь имъ пріобрѣсть необходимую снасть, научить хорошо солить рыбу... Вѣдь приходятъ же къ Сахалину ежегодно множество японскихъ судовъ для ловли рыбы, и находятъ же японцы рыбный промыселъ прибыльнымъ даже и теперь, когда съ нихъ начали брать нѣкоторую пошлину. А наши русскіе колонисты, связанные по рукамъ и ногамъ разными условіями и предписаніями, сидятъ впроголодь и до сихъ поръ съ нетерпѣніемъ выжидаютъ момента, когда имъ можно будетъ выбраться изъ ненавистнаго и страшнаго острова..

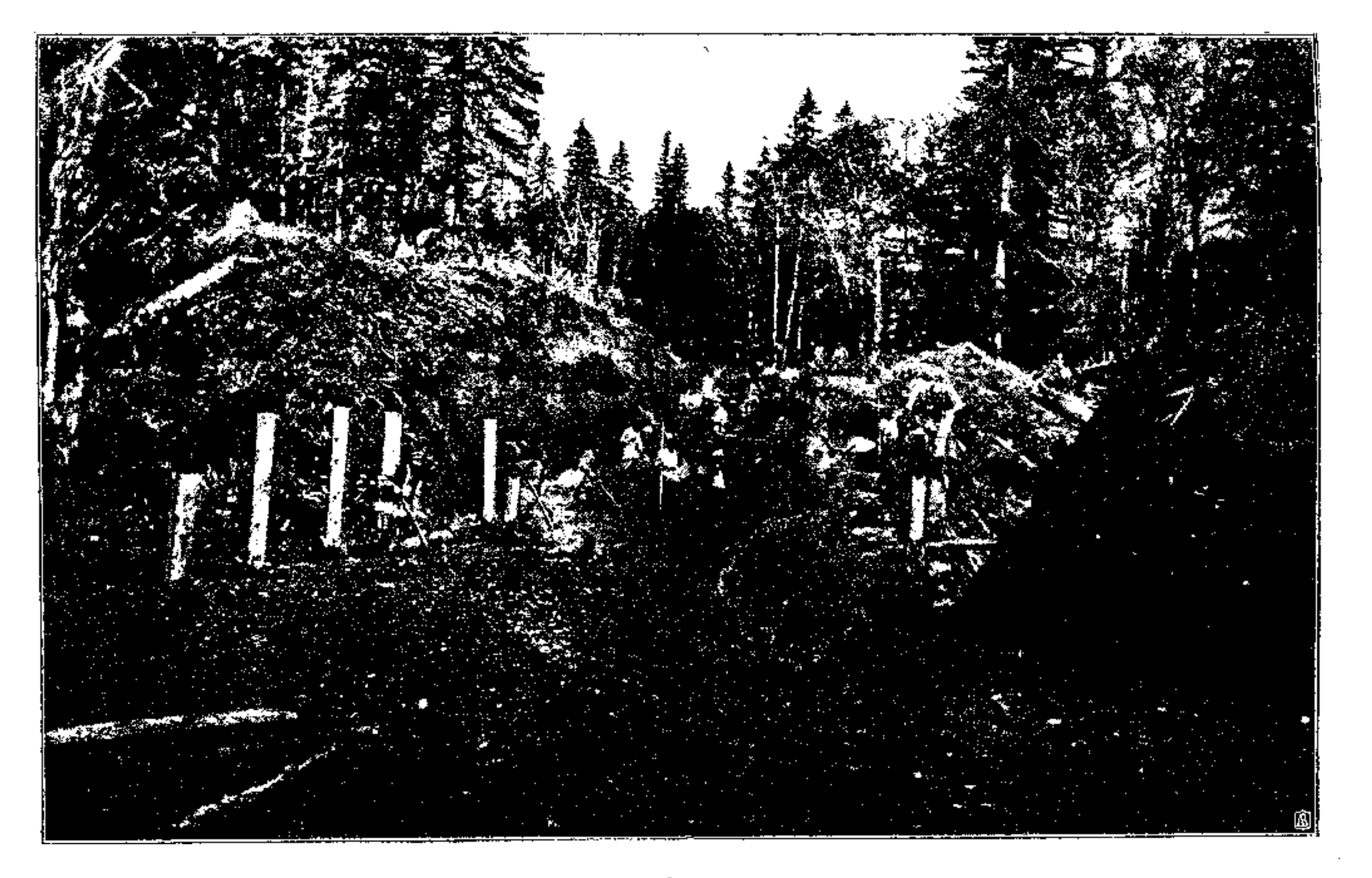
XIII.

Назначеніе меня въ плаваніе.—По дорогѣ въ Александровскій округъ.—Селеніе Дербинское.—Нижній и Верхній Армуданы.—Горная дорога.—Перевозка казеннаго груза.—Арковская долина.—Близость моря.—Гилядкое селеніе.—По берегу во время прилива.—Пріѣздъ въ Александровскій постъ.

Пріѣхавъ на Сахалинъ, я мечталъ забиться со своими книгами въ какой нибудь тихій уголокъ и тамъ терпѣливо выжидать окончанія моей ссылки. Но судьба распорядилась иначе.

Кромѣ того, что я волей и неволей знакомился съ разнообразною дѣятельностью жителей Сахалина, мнѣ самому суждено было пережить всевозможныя формы сахалинскаго гражданства и обозрѣть островъ во всѣхъ пунктахъ русскаго населенія.

Какъ-то пріѣзжаетъ въ Рыковское начальникъ острова, генералъ К., и говоритъ мнѣ, что желалъ бы завести небольшое

Дорожныя работы каторжныхъ.

суденышко для плаванія по Японскому морю, а меня сдѣлать командиромъ его.

— Офиціально я еще нахожусь въ положеніи ссыльно-каторжнаго сахалинца,—напомнилъ я генералу.

— Это ничего, — замѣтилъ онъ: — мнѣ предоставлено назначать васъ всюду, гдѣ вы можете оказать услуги острову.

Я забылъ этотъ разговоръ, какъ вдругъ, лѣтомъ 1891 года, объявляютъ мнѣ, что я долженъ ѣхать въ Александровку моряковать на новомъ пароходикѣ «Князь Шаховской». Оказывается, генералъ, уѣзжая въ Россію, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ приказовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безъ меня этотъ пароходикъ не выходилъ въ дальнее плаваніе.

Новое назначеніе сразу воскресило въ моемъ воображеніи давно покинутую сферу морской жизни. Снова мнѣ представилось вѣчно бушующее море и напряженная борьба съ вѣтрами и волнами. У моряка постоянная смѣна чувствъ. Душа его такъ же подвижна, какъ и та стихія, которая носитъ его на себѣ. Когда, выдержавъ жестокую бурю и минуя опасные камни и мели, войдешь въ тихую гавань, пріятно чувствовать себя не то героемъ послѣ битвы, не то отдыхающимъ рабочимъ по окончаніи труднаго дѣла. Блаженное состояніе! Впрочемъ, съ выходомъ въ море оно скоро забывается. Тамъ, послѣ того, какъ покачаешься на обшитой желѣзомъ скорлупкѣ и озабоченный проведешь нѣсколько безсонныхъ ночей на мостикѣ, иногда подъ дождемъ и пронизывающимъ вѣтромъ, только тамъ, среди бушующихъ валовъ, сознаешь всю тяжесть отвѣтственной морской службы и втайнѣ отъ товарищей мечтаешь о прелестяхъ покойной жизни въ городѣ. Но если на самомъ дѣлѣ случится нѣсколько дольше засидѣться на берегу, опять начинаешь сильно томиться однообразіемъ спокойствія, подобно тому, какъ давно заштилѣвшее вялое море жаждетъ хорошаго порыва вѣтра, чтобы снова освѣжиться и закипѣть на просторѣ бурными волнами. Такимъ образомъ у моряка постоянная смѣна желаній: на берегу его тянетъ въ море, а на морѣ—къ берегу.

Долгое пребываніе въ тюрьмѣ убаюкало во мнѣ многія желанія, и съ прибытіемъ на Сахалинъ я почти примирился съ мыслью вести затворническую жизнь въ глухой деревнѣ, но лишь только начальникъ округа заговорилъ со мной о назначеніи меня въ плаваніе, во мнѣ сразу проснулся морякъ. Я весело отвѣтилъ ему по морскому: есть! и сталъ собираться въ походъ.

На другой день я уже скакалъ на отличной тройкѣ лошадей по новой дорогѣ въ сахалинскую столицу. Попутчикомъ моимъ былъ докторъ Сасапарель. Не успѣли мы передать другъ другу своихъ впечатлѣній отъ видѣнныхъ хлѣбныхъ полей и луговъ, пестрѣвшихъ оранжевою саранкою, какъ уже промчались 15 верстъ и остановились въ селеніи Дербинскомъ.

Невольно тутъ вспомнилась старая дорога чрезъ Пилингскій хребетъ, по которой я брелъ пѣшкомъ четыре дня въ арестантскомъ халатѣ и подъ конвоемъ. Теперь я на положеніи чиновника, въ просторномъ экипажѣ—верхъ сахалинскаго искусства, качусь по ровной гладкой дорогѣ чуть ли не по два десятка верстъ въ часъ. На всѣхъ станціяхъ насъ привѣтливо встрѣчаютъ надзиратели, быстро мѣняютъ лошадей и исполняютъ малѣйшее приказаніе.

Дербинское, одно изъ старыхъ селеній Тымовскаго округа, расположилось тоже у рѣки Тыми. Оно наполовину менѣе Рыковскаго. Здѣсь также есть церковь, школа и тюрьма, но все это въ малыхъ размѣрахъ. Повидавшись съ хлѣбосольнымъ смотрителемъ здѣшней тюрьмы, мы покатили далѣе. Дорога, перейдя рѣку, постепенно подымалась къ Пилингскому хребту. Веселыя лужайки смѣнились темными лѣсами. Передъ нашими звонкими колокольчиками все разступается: пѣшеходы низко кланяются, а телѣги съ кладью сворачиваютъ въ канавы. Промелькнули бѣдныя селенія—Нижній и Верхній Армуданы. На краю послѣдняго, на высотѣ 180 метровъ отъ уровня моря, мы смѣнили лошадей и стали подыматься къ перевалу—границѣ округовъ.

Горная дорога вообще красива. Даже голые утесы при утреннемъ или вечернемъ освѣщеніи могутъ показаться въ чрезвычайно эффектной картинѣ. Но здѣсь горы были густо одѣты темно-зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ. Немного мрачно, но тѣмъ рельефнѣе онѣ выдѣлялись на фонѣ яснаго неба.

Тройка бойкихъ лошадей быстро насъ вынесла на самую верхнюю точку перевала. У меня былъ съ собой анероидъ, и я приблизительно опредѣлилъ, что мы взобрались на 200 метровъ выше Армудана.

По дорогѣ мы встрѣтили цѣлый караванъ медленно двигающихся воловъ съ возами казеннаго груза. Большинство извозчиковъ было намъ хорошо знакомо, и мы привѣтливо съ ними раскланивались. И зимой и лѣтомъ Рыковская тюрьма нуждается

въ перевозкѣ пищевыхъ продуктовъ (муки, крупы, соленаго мяса, соли и проч.) и строительныхъ матеріаловъ изъ Александровскаго поста, а потому здѣшняя администрація допускаетъ состоятельнымъ ссыльнымъ въ замѣнъ каторжныхъ работъ перевозить этотъ грузъ на своемъ скотѣ. Для богатаго ссыльнокаторжнаго это есть полное освобожденіе отъ работъ. Если онъ не держитъ собственнаго рабочаго скота, то можетъ нанять за деньги любого поселенца и послать его за грузомъ вмѣсто себя. Такъ это обыкновенно и дѣлается. Я замѣтилъ, что нѣкоторые молодые ссыльные даже съ удовольствіемъ занимаются перевозкою казеннаго груза. Помимо того, что освобождаются отъ тюремнаго надзора, они могутъ еще погулять въ сахалинской столицѣ, гдѣ легче найти всѣ соблазны вольной жизни: вино, карты и проч. Начальство, желая хоть немного придать этой перевозкѣ офиціальный характеръ, только подчиняетъ весь караванъ одному изъ возчиковъ да опредѣляетъ имъ день выѣзда.

Переваливъ хребетъ, еще быстрѣе мы спустились въ Арковскую долину, выходящую къ морю. Въ одномъ мѣстѣ дорога прижималась къ подножью высокой отвѣсной горы. Тутъ же рядомъ текла не большая, но быстрая рѣченка. Оголенныя скалы, ясно показывая расположеніе слоевъ допотопной формаціи, обсыпались большими кусками. Видъ былъ очень дикій, напоминающій мѣста битвъ странствующихъ рыцарей старинныхъ сказокъ. Проѣзжая мимо этихъ скалъ, я мысленно рисовалъ картину, какъ эти камни время отъ времени дробились, попадали въ рѣку и сглаживались быстрою водою въ тотъ голышъ, которымъ наполнены долины Сахалина.

Вскорѣ потянуло прохладой: море близко! Мнѣ вдругъ страстно захотѣлось увидѣть эту подвижную стихію, какъ родного человѣка, съ которымъ давно разстался. Я пересталъ заниматься картинами долины, мало обращалъ вниманія и на встрѣчающіяся селенія Александровскаго округа—три Арково подъ номерами: мнѣ такъ хотѣлось скорѣе выйти изъ тѣсныхъ горъ на свободный просторъ моря. Всегда сдержанный, спокойный докторъ любовался моею ажитаціею.

— Вотъ смотрите сюда. Видите эту сѣрую полоску?

И онъ указалъ мнѣ мелькнувшій между горъ горизонтъ Татарскаго пролива. Мы высказали одновременно одно и то же желаніе—ѣхать по берегу моря, если на наше счастье сейчасъ вода на отливѣ.

Въ первомъ Арковѣ, ближайшемъ къ морю, встрѣтился намъ надзиратель.

— Ничего, успѣете: у васъ кони хорошіе,—успокоилъ онъ насъ.

Гиляки на наши опросы тоже одобрительно кивали головой.

Здѣсь есть нѣсколько гиляцкихъ юртъ на сваяхъ. Около нихъ виднѣлись всѣ принадлежности для рыбной ловли, все хозяйство гиляковъ, начиная отъ собакъ со стоячими ушами и кончая деревянными лыжами, обтянутыми нерпичьей шкурой. По берегу растянуты были для просушки сѣти, сдѣланныя изъ особаго вида высокой крапивы, въ родѣ конопли. Юрты оживлялись женщинами и ребятишками съ толстыми отвислыми щеками. Попадались знакомыя улыбающіяся лица гиляковъ изъ Тымовскаго округа.

— А, другъ! — привѣтствовали мы ихъ: — много корюшки наловилъ?

— Мало-мало есть.

Сюда они перекочевываютъ на весну и лѣто для ловли морской рыбы, а къ началу хода кэты опять возвращаются въ свои зимнія юрты на берегу рѣки Тыми.

Море было тихо. Приливъ только что начинался, и мы поѣхали по влажной песчаной полосѣ, кое-гдѣ усѣянной камнями. Здѣсь отроги горъ подходили къ морю крутыми обрывами. Они постоянно обсыпались, загромождая береговую линію массою камней. Только и можно было проѣхать нѣсколько поодаль отъ скалъ по открытой во время отлива песчаной отмели. Чѣмъ больше отливъ (а случалось наблюдать во времена сизигій до семи футовъ слишкомъ), тѣмъ шире открывается дорога и легче проѣхать. Когда мы поравнялись съ небольшою лощинкой, такъ называемою Половинкою, и опять въѣхали колесами въ сырой песокъ, нашъ возница сталъ безпокойно оглядываться на море. Приливная волна набѣгала все ближе и тѣснила насъ къ камнямъ. Были случаи съ иными путниками, когда волны совершенно прижимали ихъ экипажъ къ скаламъ и, обдавая его, держали въ плѣну во все время прилива. Этого и боялся нашъ кучеръ. Но немного оставалось намъ ѣхать до города. Уже видны зданія на берегу и пароходы на рейдѣ. Да и приливъ былъ довольно слабый, хотя намъ все-таки пришлось немного проѣхаться по водѣ.

Кое-гдѣ на отмели встрѣчались двухстворчатыя раковины, широкія толстыя ленты темнозеленой морской капусты (родъ

водоросли) да шершавыя морскія звѣзды, медленно пошевеливающіяся, когда возьмешь ихъ въ руку.

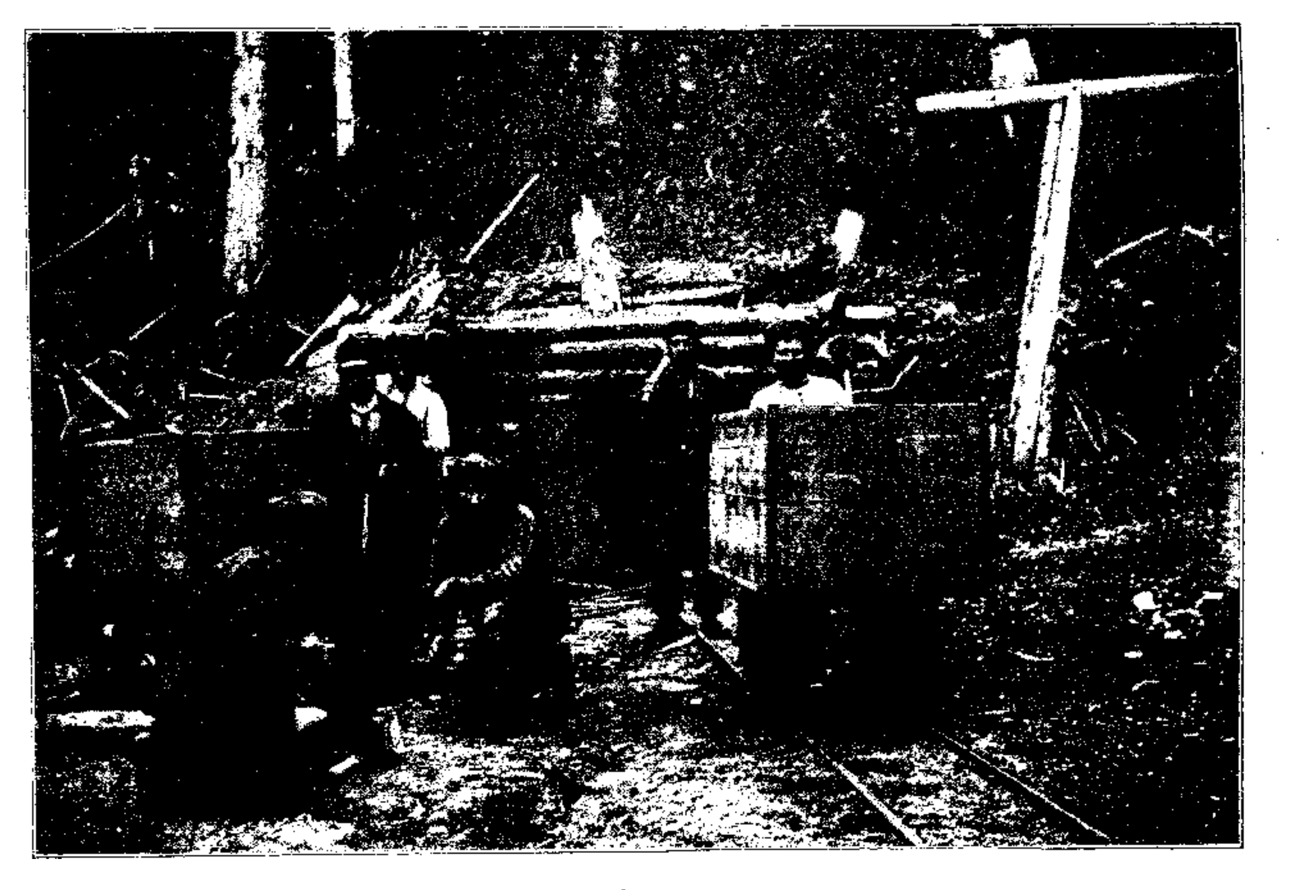
Переѣхавъ въ бродъ небольшую лагуну, мы скоро добрались до Александровской слободки—предмѣстья съ сѣверной стороны города. Тутъ нашъ возница хлестнулъ по лошадямъ, подтянулъ вожжи, и мы лихо понеслись на пригорокъ, гдѣ стояли церковь, губернаторскій домъ, управленіе, почта и другія казенныя зданія.

XIV.

Ферма интеллигентнаго ссыльнаго Пл.—Среди александровскихъ чиновниковъ.—Предложеніе новой работы.—Землемѣръ Карауловскій.—Его любознательность и эксцентричность.—Вегетаріанство.—Горе П. С. Карауловскаго.—Тріангуляція и съемка Александровскаго поста.

Меня приняли въ Александровкѣ съ распростертыми объятіями. Гостепріимные хозяева (ихъ было трое: Пл—ій съ женою и Сѣр—ій, тоже ссыльный) для моего помѣщенія предоставили мнѣ весь мезонинъ и выказывали чрезвычайное вниманіе и радушіе. Несмотря на то, что Пл—ій окончилъ университетъ и имѣлъ здѣсь въ канцеляріи начальника округа хорошую службу, по своему содержанію вполнѣ обезпечивающую ихъ скромную жизнь, онъ не стѣснялся наравнѣ съ простыми наемными работниками ухаживать за скотомъ, копаться въ огородѣ и вообще заниматься грязными работами. Они втроемъ создали довольно обширную ферму, и ихъ молочные продукты славились не только на Сахалинѣ, но и по ту сторону Японскаго моря—во Владивостокѣ. Домъ ихъ былъ, какъ говорится, полная чаша. Любо было смотрѣть на нихъ, молодыхъ, здоровыхъ, всегда дѣятельныхъ.

На другой день я поспѣшилъ представиться начальнику округа, исполнявшему, за отъѣздомъ генерала К., и обязанности начальника острова. Меня пригласили на веранду, гдѣ я засталъ за столомъ почти всѣхъ чиновниковъ Александровки. Здѣсь вошло въ обычай каждое утро собираться всѣмъ къ чаю на квартиру начальника округа и тутъ же сообща рѣшать дѣла и составлять программу дѣйствій на текущій день. Такимъ образомъ многіе вопросы разработывались прямо при личномъ свиданіи безъ проволочки времени и безъ канцелярской переписки.

Рудничныя работы каторжныхъ.

Начальникъ округа, перезнакомивъ меня со всѣми чиновниками, передалъ мнѣ желаніе генерала К., чтобы, кромѣ дальнихъ поѣздокъ на новомъ пароходикѣ, я сдѣлалъ имъ морскую карту Александровскаго рейда и составилъ лоцію Татарскаго пролива.

— Мы постоянно слышимъ жалобы отъ командировъ судовъ,—продолжалъ окружной начальникъ,—что у нихъ нѣтъ вѣрной карты Сахалина и въ частности Александровскаго рейда, между тѣмъ какъ плаваніе въ Татарскомъ проливѣ очень опасно. Вотъ почему желательно было бы имѣть промѣръ нашей бухты. Все, что надо, будетъ къ вашимъ услугамъ. Можете пользоваться паровыми катерами; возьмите рабочихъ, сколько потребуется; въ вашемъ распоряженіи казенная лошадь для поѣздокъ на пристань; инструменты найдете у здѣшняго землемѣра Карауловскаго. У насъ есть здѣсь дѣльный человѣкъ—чертежникъ Загаринъ. Онъ тоже поможетъ вамъ, если надо что нибудь начертить...

Я нашелъ лишнимъ описывать ему весь трудъ промѣра на открытомъ рейдѣ и молча принялъ предложеніе. Морская съемка для меня хорошо знакомое дѣло, и я разгорался желаніемъ отличиться и показать имъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, когда ему даютъ соотвѣтствующую работу.

Въ тотъ же день я пошелъ искать инструменты у землемѣра Карауловскаго, проживавшаго въ Александровской слободкѣ.

Иванъ Семеновичъ,—такъ звали землемѣра,—былъ человѣкъ почтеннаго возроста, но розовое полное лицо его подъ густыми черными кудрями дышало юностью. И на самомъ дѣлѣ, онъ поражалъ своими юношескими увлеченіями, обличающими его, какъ человѣка съ чрезвычайно мягкой душой, который сознательно никому не можетъ причинить зла. Цѣлыми днями просиживая дома и мало обращая вниманія на жизнь Александровскаго поста, онъ въ то же время сильно интересовался всѣмъ, что дѣлалось вообще на свѣтѣ. Каждая почта привозила ему кипы журналовъ и книгъ. И какихъ тутъ только не было! И строго научныя медицинскія книги, и народные лѣчебники, и фоліанты древнихъ святыхъ отцовъ, и проповѣди современныхъ реформаторовъ, и книги по всѣмъ отраслямъ хозяйства, и всевозможные самоучители и практическія руководства. Среди мелкихъ книженокъ для народа вдругъ попа-

далась соціологія Спенсера или философія Шопенгауера. Я увѣренъ, что ни одинъ отдѣлъ каталога не былъ оставленъ имъ въ покоѣ. Его любознательность готова была обнять весь міръ. Но если онъ и интересовался науками, то безъ всякой системы, урывками и крайне поверхностно. Объ этомъ можно было судить и по внѣшнему виду его рабочаго кабинета. Всѣ столы и этажерки завалены книгами, чертежами, нотами, картинами, письмами, инструментами и даже игрушками. Въ углахъ этой комнаты еще большій безпорядокъ. Если ему надо что нибудь найти у себя среди этого хаоса, онъ бросается отъ одного стола къ другому, отъ шкафа къ шкафу, все перевернетъ, все перероетъ, пока не наткнется на какую нибудь новую интересную вещь и, увлекаясь ею, забудетъ, чего онъ искалъ. А увлекался онъ иногда очень сильно. Случилось ему прочесть, что Л. Н. Толстой (кстати сказать, у Ивана Семеновича были его сочиненія не только русскаго изданія, но и заграничнаго) не ѣстъ мясного. Это такъ ему понравилось, что онъ тотчасъ же рѣшилъ самъ не ѣсть мяса и рыбы, и не пить молока, къ великому огорченію его супруги. Потомъ мнѣ не разъ приходилось у него бывать во время обѣда и ѣсть съ нимъ гречневую кашу съ постнымъ масломъ, а вмѣсто чая пить горячую воду съ изюмомъ. Однако, увлекаясь книгами Толстого, онъ былъ въ то же время строгимъ приверженцемъ православной церкви.

Несмотря на множество анекдотовъ, разсказываемыхъ здѣсь про Ивана Семеновича, я любилъ его за простодушіе и откровенность. Это былъ въ сущности превосходной человѣкъ, къ которому стекались ему подобные люди, алчущіе и жаждущіе правды. Его книги и ноты ходили по всему Сахалину, и самъ онъ по характеру службы долженъ былъ разъѣзжать по всѣмъ угламъ русскаго населенія.

Меня привязывала къ нему еще общая любовь къ музыкѣ Страстный любитель хорового пѣнія, Иванъ Семеновичъ подолгу просиживалъ за своимъ великолѣпнымъ органомъ и, медленно перебирая клавиши, казалось, уносился изъ этого міра вмѣстѣ съ гимномъ въ заоблачныя выси. А на колѣняхъ обыкновенно въ это время сидѣлъ у него любимый сынъ, лѣтъ четырехъ, съ большими мечтательными глазами.

Усиленная работа надъ чертежами, съ крайнимъ напряженіемъ глазъ, даромъ не прошла для Ивана Семеновича. Его зрѣніе ослабѣло до такой степени, что онъ перестаъ работать и

подалъ въ отставку. Въ это время надъ нимъ стряслось другое горе: горячо любимыя дѣти сразу одинъ за другимъ умерли отъ дифтерита.

Я нашелъ у него мензулу и всѣ принадлежности къ ней, но въ крайне запущенномъ видѣ. За то, разрывая груды разныхъ вещей въ углахъ комнаты, я наткнулся на нѣсколько интересныхъ книгъ; правда, почти всѣ онѣ были разрѣзаны только до половины.

На слѣдующій день я уже былъ на работѣ. Для переноски инструментовъ мнѣ дали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, въ томъ числѣ одного сосланнаго офицера, не возбуждавшаго во мнѣ симпатіи, и я сейчасъ же предоставилъ ему свободу итти домой.

Приходящимъ пароходамъ на Александровскій рейдъ, для оріентировки своего мѣста, нужны точно назначенные пункты на картѣ выдающихся предметовъ на берегу, напримѣръ, церкви, маяка, тюремной башни и др. Я и началъ съ того, что сталъ связывать ихъ тріангуляціею, предварительно измѣривъ базисъ на прямой, ровной дорогѣ отъ пристани. Первая обходная линія съемки бухты и города немного не сошлась, вслѣдствіе плохого инструмента. Я снова обошелъ всю линію во второй разъ и снова провѣрилъ базисъ, пока не достигъ желаемой точности. Кромѣ дождя и сильнаго вѣтра, мнѣ никто не мѣшалъ, и къ своему удивленію со съемкой береговой черты я покончилъ въ двѣ недѣли. Оставалось сдѣлать промѣръ бухты, и карта Александровскаго рейда готова.

ЧАСТЬ III.

I.

Приглашеніе на морскую прогулку.—Пароходъ «Князь Шаховской».—Въ Татарскомъ проливѣ.—Бурная погода.—Безпокойство спутниковъ.—Берегъ материка.—Заливъ де-Кастри.—Случай бѣжать.—Осмотръ селенія.—Якоря и ядра военныхъ судовъ.

Во время геодезическихъ работъ въ Александровскомъ посту, однажды вечеромъ приходятъ ко мнѣ, завѣдывающій пристанью и разгрузкою пароходовъ, молодой чиновникъ Н. и механикъ Л. и начинаютъ упрашивать меня согласиться на предложеніе начальника округа—сходить завтра на новомъ пароходикѣ «Князь Шаховской» на ту сторону Татарскаго пролива въ де-Кастри.

— Господа, — отвѣчаю имъ, — я ничего противъ этого не имѣю, но надо сперва опредѣлить девіацію компаса. Пойдемте, попробуемте сейчасъ.

Мы отправились на пристань. «Князь Шаховской» стоялъ подъ парами. Это былъ небольшой пароходъ грубой нѣмецкой работы, приспособленный главнымъ образомъ для буксировки судовъ въ устьяхъ морскихъ рѣкъ. Говорили о невѣроятно высокой цѣнѣ, объ обманѣ и плутняхъ, но я больше интересовался его ходомъ. Оказалось, что при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ онъ едва дѣлаетъ 8 миль въ часъ, а въ волненіе значительно теряетъ ходъ и сильно зарывается, такъ что пришлось самимъ поставить на носу фальшбортъ.

Вышли мы на середину бухты. Попробовалъ я что нибудь сдѣлать. Ничего не выходитъ! Отъ сильнаго волненія пароходъ мотается во всѣ стороны, картушка компаса бѣгаетъ кругомъ...

— Поворачивай къ пристани!—скомандовалъ я рулевому.

Мои компаніоны пріуныли, но я ихъ успокоилъ, что пойду, и не повѣряя компаса.

На другой день погода еще хуже. Свѣжій SW вѣтеръ переходилъ въ бурю. Я надѣлъ высокіе сапоги и непромокаемую шапку и явился рано утромъ на пристань. Итти въ такую погоду на новомъ неопробованномъ пароходѣ, съ невывѣреннымъ компасомъ, къ неизвѣстнымъ для меня берегамъ, я считалъ неразумнымъ, но молчалъ, видя, какъ чиновникамъ почему-то хотѣлось совершить прогулку сегодня. Думаю, если объяснять имъ рискованность такого перваго плаванія,—сочтутъ еще за труса, и потому рѣшилъ безмолвно отправиться въ походъ. Намѣтивъ заранѣе по своей картѣ створъ нашего курса, я пошелъ по немъ въ открытое море, на встрѣчу вѣтру и волненію.

Нашъ палубный пароходикъ съ закупоренными люками представлялъ собою плавающую бочку, по которой волна гуляла свободно съ одного конца до другого. Всѣ находились на палубѣ, крѣпко держась за поручни, чтобы не смыло волной.

Продержавшись часа четыре въ морѣ, я до нѣкоторой степени примирился съ своимъ пароходомъ: хотя не очень сильно, но все-таки онъ выгребалъ противъ волны. Сахалинскіе берега стали скрываться. Всѣ напрягали зрѣніе увидѣть материкъ. Проходитъ еще два—три часа. Никакого признака берега. Мои спутники волнуются, дѣлаютъ всевозможныя предположенія, обиняками даютъ мнѣ понять, что я ошибся въ направленіи курса. Тутъ мнѣ пришлось играть роль Колумба и тоже, какъ онъ, успокоивать своихъ спутниковъ надеждою, что скоро откроется земля.

— Господа,—говорю я имъ,—мы слишкомъ медленно подвигаемся. Впрочемъ, и то хорошо, что выгребаемъ въ такую погоду. Имѣйте въ виду еще то обстоятельство, что горизонтъ не чистъ, и мы можемъ увидѣть берегъ только на близкомъ разстояніи.

Но они продолжали малодушествовать и стали открыто увѣрять, что мы идемъ не поперекъ, а вдоль Татарскаго пролива. Очевидно, имъ надоѣло цѣлый день сидѣть на кожухѣ парохода и мотаться со стороны на сторону. Они жаждали скорѣе прійти къ берегу, обогрѣться, обсушиться, а главное—хорошенько покушать, потому что нельзя было и думать объ ѣдѣ теперь, когда

Владимирскій рудникъ на островѣ Сахалинѣ.

ежеминутно обдаетъ съ головы до ногъ соленою водою. Въ каютѣ же тяжело пробыть и десять минутъ человѣку, привыкшему къ морской качкѣ.

Меня огорчало ихъ недовѣріе. Будь я облеченъ какою нибудь внѣшнею властью, я и разговаривать съ ними не сталъ бы. Но въ моемъ зависимомъ положеніи мнѣ нужно было итти на компромиссъ.

— Чтобы васъ скорѣе успокоить,—говорю имъ,—я немного измѣню курсъ, т. е. возьму не прямо къ де-Кастри, какъ я держалъ, а нѣсколько лѣвѣе, по нормальной къ берегу. Мы должны тогда подойти къ указаннымъ на картѣ камнямъ Константина и Елены.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ часовъ, и только къ вечеру мы подошли какъ разъ къ ожидаемымъ камнямъ, рѣзко выступавшимъ въ туманномъ сумракѣ.

Мои расчеты оказались замѣчательно точны. Убѣдивъ такимъ образомъ своихъ спутниковъ, я смѣло повернулъ въ де-Кастри. Ночью, при огняхъ, мы вошли въ глубину залива и стали на якорь недалеко отъ берега.

Намъ надо было послать телеграмму на Сахалинъ о своемъ благополучномъ прибытіи на материкъ, но у насъ не было шлюпки, чтобы съѣхать на берегъ. Стали свистать. Вскорѣ въ темнотѣ послышался плескъ веселъ. Мы окрикнули, и къ намъ подъѣхали знакомые телеграфисты, которые служили раньше на Сахалинѣ. «Все къ лучшему»,—подумали мы, и поспѣшили поужинать: хотѣлось скорѣе отдохнуть послѣ труднаго плаванія.

Утромъ я вышелъ на палубу посмотрѣть де-Кастри. Это довольно большой заливъ, сильно вдающійся въ материкъ. Среди него разбросано нѣсколько острововъ, которые и защищаютъ глубину залива отъ морского волненія. Кругомъ—горы, заросшія лѣсомъ. Напротивъ насъ виднѣется небольшое селеніе съ церковью. Недалеко отъ него, у высокаго обрывистаго берега, стоитъ естественная арка—высокая скала, прорванная водою. Ее здѣсь называютъ въ честь французскаго адмирала «Воротами Лаперуза».

Я съѣхалъ на берегъ.

Вотъ онъ, материкъ—мечта всѣхъ сахалинцевъ! Какою цѣною въ моемъ положеніи ссыльно-каторжнаго иные домогаются этого желаннаго берега! А я вотъ, независимо отъ личнаго желанія, добрался до него безъ особенныхъ усилій и теперь стою

на этой землѣ свободы. Могу и итти, куда мнѣ вздумается. Вотъ отличный случай бѣжать! Отсюда черезъ лѣсъ рукой подать до Амура, а тамъ тебя никто не спроситъ: кто ты такой? Садись на пароходъ и отправляйся. Хочешь въ Россію,—подымайся вверхъ до Срѣтенска. Хочешь за границу,—спускайся до Николаевска, гдѣ пересядешь на иностранное судно. Сладкая мечта для каторжника! Но она въ тотъ моментъ и не приходила мнѣ въ голову. Для меня бѣжать — это, значитъ, погрузиться въ новую ссылку и обречь себя на полное отчужденіе отъ родины, отъ семьи, отъ всего пережитого. Надо похоронить всѣ связи съ русскимъ, похоронить все дорогое прошлое. О, для этого надо слишкомъ большую могилу! Нѣтъ, я не могу забыть, чѣмъ жилъ тридцать лѣтъ, не могу навсегда разстаться съ Россіей и предпочитаю, ради любви ко всему родному, нести неопредѣленное число лѣтъ всевозможныя униженія и стѣсненія.

Первый мой визитъ здѣсь на материкѣ былъ къ моему товарищу, моряку Б. Его не было дома. Осмотрѣвъ его картины (Б. былъ художникъ) и сыгравъ какой-то гимнъ на фисъ-гармоніи, я написалъ ему письмо и отправился дальше осматривать селеніе.

На небольшомъ плацу учили солдатъ. Знакомая картина! Я повернулъ въ другую сторону. Мое вниманіе обратила на себя одна заброшенная избушка у опушки лѣса. Зашелъ. Въ ней стоялъ только большой деревянный крестъ, возвышавшійся до самаго потолка. Говорятъ, какой-то монахъ построилъ ее и, умирая, просилъ жителей поддержать это мѣсто молитвы; но послѣ того, какъ одинъ докторъ позволилъ себѣ сдѣлать въ этой избѣ вскрытіе мертваго тѣла, ее, какъ оскверненную, забросили, и она пришла въ ветхость. Собственно осматривать въ де-Кастри было нечего. Я прошелъ еще немного лѣскомъ, гдѣ укрывались русскіе отъ англійскихъ ядеръ въ 1856 г., и отправился на пароходъ.

Въ эпоху севастопольской кампаніи наши военныя суда, въ томъ числѣ и прославленный Гончаровымъ фрегатъ «Паллада», хотѣли укрыться въ Амурѣ около Николаевска. Но, чтобы пробраться въ устье рѣки, они сняли съ себя всѣ лишнія тяжести и сложили ихъ на одномъ изъ острововъ де-Кастри.

Товарищи фрегата «Паллада» [1]) давно покончили свое су-

---

[1]) Слѣды этого судна еще находятся въ слѣдующей къ югу отъ де-Кастри бухтѣ, такъ называемой Императорской гавани.

ществованіе, а забытое ихъ имущество до сихъ поръ лежитъ на островкѣ, никѣмъ не охраняемое.

Сахалинъ много вывезъ отсюда корабельныхъ ядеръ. Вотъ и теперь мы пришли сюда, между прочимъ, попользоваться чугуномъ. Но ядра всѣ были растащены. Остались гигантскіе якоря да желѣзныя цѣпи удивительныхъ размѣровъ. Попробовали было взять съ собою одно звено на память, но только напрасно иступили два—три зубила о толстое желѣзо.

II.

Въ гостяхъ у воинскаго начальника.—Поѣздка на маякъ.—Переправа каторжныхъ съ Сахалина.—Отъѣздъ изъ де-Кастри.—Ночью въ морѣ.—Туманъ.—Сахалинскій берегъ.—Возвращеніе въ Александровскій постъ.

Воинскій начальникъ въ де-Кастри, узнавъ о нашемъ прибытіи, любезно пригласилъ насъ троихъ на обѣдъ. Не имѣя въ виду здѣсь ходить въ гости, мы не запаслись чистымъ платьемъ и должны были итти къ начальнику въ нашихъ рабочихъ тужуркахъ. Правда, послѣ вчерашняго штормованія онѣ успѣли высохнуть, но зато сдѣлались жесткими и бѣлыми отъ выступившей морской соли.

Офицеръ и его молодая супруга оказались премилыми людьми. Они внимательно слѣдятъ за русскою литературою, выписываютъ и иностранные журналы. Ихъ разговоры еще дышали послѣдними новостями столицы, откуда они недавно прибыли. Посидѣвъ съ ними до глубокой ночи, я весь отдался своимъ прошедшимъ временамъ, забылъ, что нахожусь за далекими горами и лѣсами въ настоящей, глухой Сибири, и мысленно перенесся въ культурную Россію, гдѣ когда-то такъ сильно работала мысль надъ модными идеями, гдѣ такъ увлекался толпою и вмѣстѣ съ нею горячо стремился принять участіе въ борьбѣ со старыми формами жизни.

Они меня упрашивали остаться у нихъ ночевать, но разбушевавшаяся гроза съ сильнымъ вѣтромъ напомнила мнѣ о моихъ обязанностяхъ, и я поспѣшилъ на пароходъ.

На другой день вмѣстѣ съ нашими новыми знакомыми мы предприняли морскую прогулку вдоль залива къ здѣшнему маяку,

въ четырехъ миляхъ отъ селенія. На этомъ переходѣ я хорошо познакомился съ заливомъ, который можно назвать гаванью Сахалина, потому что всѣ морскія суда, стоящія на Александровскомъ рейдѣ, при приближеніи бури съ югозапада или съ сѣвера, сейчасъ же спѣшатъ укрыться въ де-Кастри. Такъ и въ тотъ бурный день, когда мы пересѣкали Татарскій проливъ, вскорѣ послѣ насъ направился туда одинъ пароходъ, получившій небольшую аварію по дорогѣ. Въ де-Кастри норовятъ приплыть и бѣглые ссыльно-каторжные съ Сахалина, потому что отсюда имъ легко добраться до Софійска на Амурѣ.

Смотритель маяка Сп. много разъ былъ очевидцемъ прибытія сюда бѣглыхъ рабочихъ, или бродягъ, какъ обыкновенно здѣсь ихъ называютъ.

— Чаще всего,—разсказывалъ онъ намъ, — приходится видѣть этихъ несчастныхъ весною. Повѣрите ли, иные приплывутъ на льдинѣ. Да, на льдинѣ, къ которой и прикоснуться-то холодно, а онъ лежитъ на ней цѣлую недѣлю и больше! Зато, если и прибьетъ ихъ сюда волной, Боже, на что они похожи! Иззябшіе, мокрые, голодные... Въ чемъ только душа держится? Еще бы! каждый день, каждый часъ находятся на волоскѣ между жизнью и смертью. Если такой бродяга вылѣзетъ на берегъ, онъ не старается бѣжать. Куда тутъ! Онъ еле держится па ногахъ. Опустится безмолвно на землю, дескать, дѣлайте, что хотите. Но мнѣ въ это время и не приходитъ въ голову арестовать ихъ. Во-первыхъ, у меня не кордонъ, не пограничный постъ съ спеціальными солдатами для охраны береговъ, а, во-вторыхъ, всѣ, которые сюда достигаютъ такимъ образомъ, по-моему, воскресшіе мертвецы. Подумайте, какъ можетъ подняться рука на человѣка, отдавшагося на произволъ вѣтра и теченія и на такомъ еще кораблѣ, который ежеминутно таетъ! Какъ вамъ угодно, а, по-моему, онъ прямо на смерть идетъ. И если судьба вынесла его на этотъ берегъ, я смотрю на него, какъ на возвратившагося съ кладбища. Дашь ему поѣсть и отпустишь съ Богомъ.

— А вотъ эта бѣленькая гичка у васъ на берегу, поди, тоже съ Сахалина? Что-то она знакома мнѣ,—замѣтилъ нашъ чиновникъ И—ъ.

— Нѣтъ, батенька, ужъ не отдамъ вамъ! Это мой трофей. Да, тоже каторжные стащили ее тамъ у васъ въ Александровкѣ и приплыли сюда. Бросили ее вотъ въ этомъ мѣстѣ, а сами — маршъ въ лѣсъ и были таковы!

Смотритель маяка разсказалъ намъ еще много характерныхъ случаевъ съ каторжными и выражалъ сожалѣніе, что теперь стало нѣсколько труднѣе доставать прислугу изъ ссыльныхъ, а еще не очень давно почти всѣ чиновники на Амурѣ имѣли каторжныхъ женщинъ.

Мы отвезли нашихъ гостей обратно домой въ селеніе, провели съ ними еще нѣсколько пріятныхъ часовъ и вечеромъ снялись съ якоря.

При выходѣ изъ залива навстрѣчу намъ мелькнули огни военнаго судна. На немъ возвращался домой мой товарищъ по корпусу. Говорятъ, когда увидѣлъ Б—ъ мое письмо и узналъ, что я только что ушелъ на встрѣченномъ имъ пароходикѣ, онъ волосы себѣ рвалъ отъ скорби, что пропустилъ такой хорошій случай повидать товарища, который, платя собою дань времени, сдѣлался за нихъ въ нѣкоторомъ родѣ козломъ отпущенія.

А онъ въ это время, качаясь на легкой зыби, сидѣлъ на палубѣ «Князя Шаховского» и жадно упивался «Крейцеровою сонатою» Толстого, только что полученною въ де-Кастри. Морской просторъ, освѣщенный мягкимъ луннымъ сіяніемъ, тишина ночного воздуха и тысячи сильно мигавшихъ звѣздъ на небѣ съ своей стороны вызывали въ его душѣ торжественную музыку въ этомъ стихійномъ безмолвіи.

Спутники мои спали. Время отъ времени я взглядывалъ на полярную звѣзду для провѣрки курса и опять погружался въ чтеніе. Послѣ полночи вдругъ потянулъ вѣтерокъ; за нимъ на горизонтѣ появилась бѣловатая полоска. Вотъ она все ближе и ближе подвигается къ намъ стѣною. Еще немного, и густая пелена тумана, какъ неосязаемая воздушная вата, облегла насъ со всѣхъ сторонъ. Сразу все скрылось: и море, и небо со звѣздами. Я провѣрялъ свой компасъ въ де-Кастри, но надежда на него была плохая. Окруженный близко стоящимъ желѣзомъ, онъ при всѣхъ поворотахъ парохода, какъ прибитый гвоздемъ, показывалъ только одно направленіе. Чтобы не проскочить Александровскаго рейда и не напороться на камни, которыми такъ богатъ западный берегъ Сахалина южнѣе Дуэ, я повернулъ прямо къ берегу, идя ощупью малымъ ходомъ. Нашимъ указателемъ былъ только одинъ лотъ.

На разсвѣтѣ глубина показала намъ, что мы приблизились къ острову, и какъ разъ въ это самое время полоска тумана разступилась и открыла намъ берегъ. Замѣтивъ мелькнувшіе

По берегу моря во время отлива.

дома какого-то селенія, мы стали подавать усиленные свистки. Намъ отвѣчали ружейными выстрѣлами.

Черезъ полчаса подходитъ шлюпка съ надзирателемъ.

— Какое селеніе?—спрашиваетъ его П.

— Мгачи, ваше благородіе,—отвѣчаетъ маленькій начальникъ селенія.

— Господа, намъ еще осталось тридцать верстъ до Александровки.

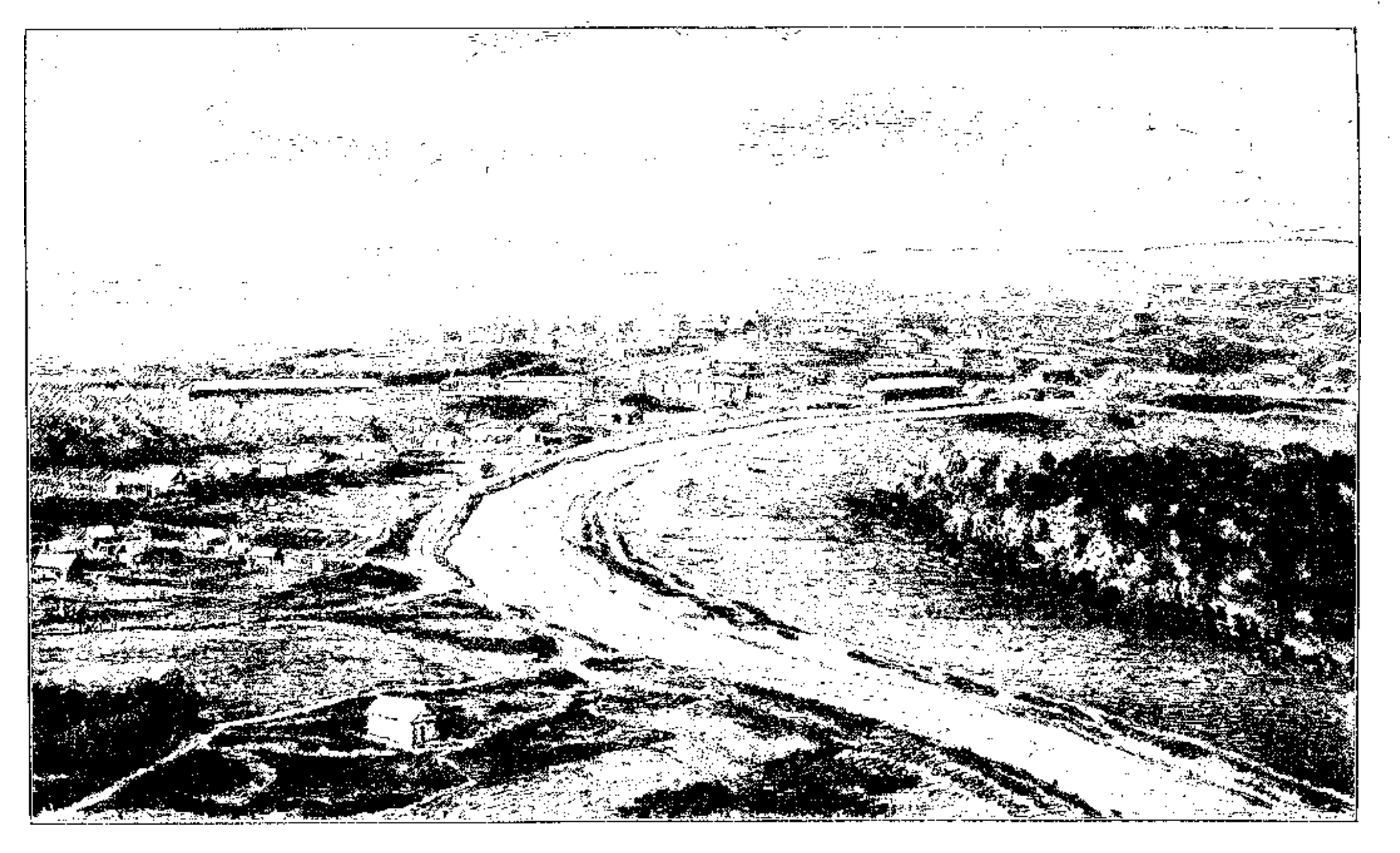
На радостяхъ, что такъ удачно вышли прямо напротивъ жилого мѣста, мы стали на якорь и начали пировать, насколько позволили намъ захваченные консервы, бутылка краснаго вина и самоваръ.

Лѣтніе туманы—это заурядное явленіе въ Татарскомъ проливѣ. Они особенно густы передъ разсвѣтомъ, а съ восходомъ солнца подымаются надъ моремъ и уносятся вѣтромъ въ видѣ облаковъ.

Не разъ случалось видѣть такую картину въ Александровкѣ. На поверхности моря нѣтъ тумана, и горизонтъ совершенно чистъ, а на горѣ Жонкіерскаго маяка, все еще окутанной непроницаемымъ облакомъ, усердно звонятъ въ большой колоколъ для предупрежденія мореплавателей объ опасности. За мое время пребыванія на дальнемъ востокѣ туманы принесли здѣсь много судовъ въ жертву суровому морю.

Мы пустились полнымъ ходомъ вдоль Сахалинскаго берега и часа черезъ три, при чудной солнечной погодѣ, достигли пристани, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ давно поджидалъ начальникъ округа.

Эта поѣздка имѣла большое значеніе для морской команды. Она выдержала свѣжую погоду на новомъ пароходикѣ, а главное—узнала путь въ де-Кастри. Потомъ, когда «Князь Шаховской» не успѣвалъ спрятаться отъ бури у сахалинскаго берега, онъ съ успѣхомъ укрывался не одинъ разъ въ этомъ заливѣ.

Общій видъ Александровскаго поста.

III.

Приготовленіе къ новому походу.—Совѣщаніе на пристани.—Выходъ въ море.—Ночевка въ Хоэ.—Рискованный входъ въ Віахты.—Отдыхъ на берегу.—Съемка и промѣръ рукава озера.—Гиляцкое селеніе Тыки.—Старикъ Оркунъ.—Люлька гилячекъ.

Морское путешествіе очень понравилось моимъ спутникамъ. Своими восторженными разсказами они увлекли и другихъ чиновниковъ на новую поѣздку. Вскорѣ назначенъ былъ объѣздъ береговыхъ селеній сѣвернаго Сахалина.

На пароходъ «Князь Шаховской» мы погрузили съ вечера большой ящикъ всевозможныхъ закусокъ и выпивокъ, или, по выраженію начальника округа, цѣлую бакалейную лавочку.

Утромъ всѣ путешественники собрались въ сторожевомъ домикѣ на пристани. Погода была сырая и сильно вѣтреная. Волны яростно потрясали пристань и брызгами взлетали на крышу дома. На большомъ пространствѣ отъ берега ходили свирѣпые пѣнистые буруны. Нѣкоторые изъ чиновниковъ сразу же заявили, что выходить въ такую погоду не слѣдуетъ. Одинъ только И., въ силу какихъ-то странныхъ соображеній,—пирожки ли засохнутъ, или что-то вареное испортится,—упрашивалъ начальника округа приказать намъ отправляться сегодня. Всѣ обратились ко мнѣ, до сихъ поръ молча сидѣвшему на диванѣ. Я подымаюсь, недовольный настойчивостью И—ва, и немного рѣзкимъ голосомъ очень ясно доказываю имъ, что нѣтъ смысла выходить въ море при NW-омъ вѣтрѣ.

— При такомъ сильномъ прибоѣ,—говорю,—не угодно ли кому сейчасъ пристать къ берегу. А вѣдь такъ по всему Сахалину. Остается трепаться въ морѣ (и мнѣ одному,—думаю про себя,—стоять по колѣни въ водѣ и бороться съ волнами). Зачѣмъ? Зачѣмъ намъ гдѣ-то искать другую бухту отъ NW вѣтра, когда мы тутъ дома и стоимъ спокойно у пристани?

Тогда рѣшено было подождать, пока утихнетъ погода. Послѣ полудня вѣтеръ сталъ стихать, и въ 4-мъ часу мы могли выйти въ море. Встрѣчная зыбь сильно насъ качала. Нѣкоторые изъ молодыхъ путешественниковъ подверглись морской болѣзни и травили, какъ говорятъ моряки.

Поздно вечеромъ мы подошли къ селенію Хоэ и стали на якорь. Чиновники съѣхали ночевать на берегъ, а я съ меха-

никомъ Л. остался на пароходѣ: вѣтеръ свѣжѣлъ, и большая зыбь сильно дергала судно. Всю ночь я не спалъ и время отъ времени выбѣгалъ на палубу смотрѣть, не дрейфуетъ ли насъ. Съ разсвѣтомъ оказалось, что мы порядочно приблизились къ берегу. Наши тревожные свистки разбудили чиновниковъ и заставили ихъ скорѣе собраться на пароходъ.

Въ 5½ ч. утра отправились далѣе на сѣверъ. Въ слѣдующемъ селеніи, Трамбаусъ, изъ-за сильнаго прибоя мы не могли съѣхать на берегъ. Пошли дальше. На очереди было селеніе Віахты, на берегу озера, соединяющагося длиннымъ рукавомъ съ моремъ.

Сюда можно входить только мелкимъ судамъ. Чиновникъ Н—въ съ матросами попробовалъ на пароходной шлюпкѣ измѣрить глубину фарватера, но, встрѣтивъ на барѣ крупное неправильное волненіе, поспѣшилъ скорѣе вернуться на пароходъ. Стали вызывать свистками шлюпку съ берега. Надзиратель безпокойно забѣгалъ по узкой песчаной косѣ, отдѣляющей озеро отъ моря, и понудительными жестами приказывалъ гилякамъ перевезти его на пароходъ, но они упорно отмахивались. Въ этой для насъ нѣмой сценѣ отлично сказалось, что гиляки не моряки. Они преимущественно—рѣчные рыбаки, и лодки ихъ мало приспособлены для морскихъ переѣздовъ.

Однако настойчивость надзирателя и наши частые свистки побороли нерѣшительныхъ гиляковъ. Черезъ устье рукава, гдѣ на мелкомъ барѣ бушевала страшная толчея, они все-таки не пошли, а предпочли въ ручную перетащить свою лодку черезъ косу и спустить ее въ буруны прибоя. Этотъ маневръ имъ вполнѣ удался.

Сильно перемокшіе гиляки подвезли намъ надзирателя.

— Сколько футовъ въ проходѣ? Можемъ ли мы пройти? Какъ проливъ теперь?

Этими вопросами закидали мои спутники бывшаго солдата мѣстной команды, но онъ ничего не могъ отвѣтить на нихъ.

Рѣшено было послать нашего рулевого на гиляцкой лодкѣ. Гиляки наотрѣзъ отказались итти въ устье рукава. Ихъ замѣнили своими матросами.

Всѣ мы, оставшіеся на пароходѣ, внимательно и съ нѣкоторымъ опасеніемъ слѣдили за движеніемъ лодки. Войдя въ толчею на барѣ, она недолго кувыркалась въ бѣшеныхъ волнахъ и повернула къ намъ.

— Ну, что?—спрашиваемъ мы хоромъ угрюмо насупившагося рулевого.

— Намъ нельзя итти: футовъ пять будетъ,—суровымъ голосомъ замѣтилъ старый морякъ.

Всѣ обратились ко мнѣ.

— Нашъ пароходъ,—сказалъ я имъ,—сидитъ въ водѣ немного менѣе пяти футовъ, и на такой волнѣ онъ непремѣнно стукнется о дно. Правда, по характеру берега здѣсь нельзя ожидать камней на барѣ, но и въ песокъ непріятно врѣзаться.

— Я беру на себя всю отвѣтственность,—вдругъ крикнулъ чиновникъ И—въ.—Пойдемте!

— Хорошо,—покорно согласился я, не зная навѣрно, долженъ ли я его слушаться. Потомъ, когда мы вернулись домой, начальникъ округа сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, зачѣмъ я позволялъ вмѣшиваться чиновникамъ въ управленіе судномъ.

Отпустивъ гиляковъ съ ихъ лодкой на берегъ, мы полнымъ ходомъ понеслись къ устью Віахты. Я очень не противился И—у: у меня была надежда, что мы благополучно проскочимъ, потому что приливъ все еще увеличивался.

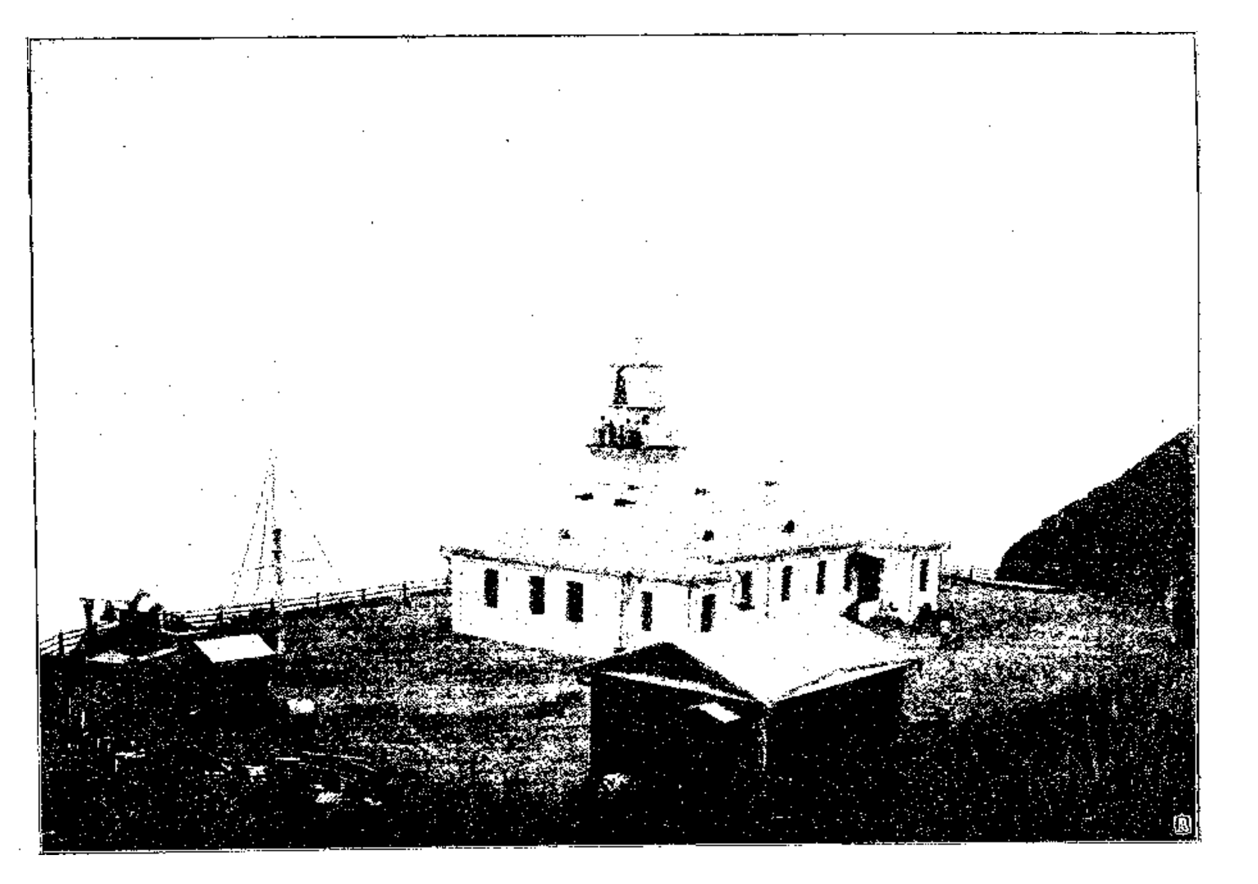
Пароходъ сперва сталъ нырять, какъ утка, а, приблизившись къ пугающему бару, замотался во всѣ стороны.

Вдругъ: трахъ... трахъ... трахъ! Послышались его удары о дно, и онъ вошелъ въ рукавъ озера.

Съ радостными восклицаніями мы стали пробираться по узкому фарватеру все дальше и дальше и остановились у самаго селенія Віахты.

Потушивъ огонь въ печахъ и выпустивъ изъ котла воду, мы всѣ до одного съѣхали на берегъ, гдѣ устроили изъ брезента палатку, разложили на травѣ пледы и подушки, запалили костеръ для приготовленія обѣда и принялись опустошать свою «бакалейную лавочку». Вышло въ полномъ смыслѣ «возлеженіе». Одному мнѣ не пришлось долго кейфовать. Я поторопился закусить и пошелъ шагать по изгибамъ береговъ, нанося ихъ на планъ. Мнѣ хотѣлось основательно обслѣдовать входъ въ озеро. И только поздно вечеромъ я вернулся на лодкѣ къ нашему лагерю, съ трудомъ пробираясь по сильно обмелѣвшему фарватеру: былъ отливъ, и нашъ пароходъ открылся до киля.

Ночевали всѣ вмѣстѣ въ повалку на сѣнѣ въ солдатскомъ кордонѣ.

Жонкіерскій маякъ.

Рано утромъ я поспѣшилъ до нашего отъѣзда сдѣлать промѣръ въ устьѣ рукава. Тамъ я нашелъ, кромѣ вчерашняго, еще два выхода, и одинъ изъ нихъ настолько глубокій, что мы смѣло могли выйти въ море, не опасаясь за свое суденышко. Этотъ проходъ я обозначилъ створными знаками на берегу.

Отъ Віахты къ сѣверу тянулся низкій песчаный берегъ. Часа черезъ три, пользуясь приливомъ, мы завернули за далеко выдающійся въ море мысъ Тыкъ и подошли къ гиляцкому селенію. Насъ привѣтливо встрѣтила цѣлая группа гиляковъ во главѣ съ ихъ уважаемымъ патріархомъ Оркуномъ. Я заглядѣлся на этого высокаго, сѣдовласаго старца, но еще крѣпкаго, съ розовымъ лицомъ и съ чрезвычайно симпатичной улыбкой. Онъ любезно пригласилъ зайти въ его просторную деревянную юрту, гдѣ также проживали его семейныя дѣти. При входѣ, среди вороха посуды и разнаго домашняго скарба копошилась старуха; нѣсколько далѣе молодая гилячка что-то шила и въ то же время покачивала ребенка въ люлькѣ. Мы съ любопытствомъ осмотрѣли стѣны юрты, увѣшанныя разнымъ оружіемъ, одеждою и шкурами животныхъ. Посреди на полу стоялъ большой деревянный ящикъ, набитый пескомъ. Это былъ очагъ съ тлѣющими углями подъ золой. На крышѣ отверстіе для выхода дыма. Кругомъ вдоль стѣнъ тянулись широкія нары. Рядомъ со мной усѣлся на нихъ хозяинъ юрты, старикъ Оркунъ, рѣзко отличавшійся отъ всѣхъ другихъ гиляковъ своими колоссальными размѣрами.

Замѣтивъ маленькую рѣзную фигурку медвѣдя, прикрѣпленную къ его одеждѣ, я попросилъ объяснить мнѣ ея значеніе.

— Шибко боли здѣсь,—указывая на ноги, сказалъ старикъ.— Нашъ шаманъ далъ мнѣ этого медвѣдя, чтобы онъ мало-мало кусай мою болѣзнь.

Подобныя привѣски, въ видѣ рыбъ и животныхъ, какъ симпатическія средства противъ различныхъ болѣзней, очень распространены здѣсь между инородцами..

Изъ всего видѣннаго въ гиляцкой юртѣ особенно понравилась мнѣ дѣтская люлька. Это было маленькое деревянное корытце, выдолбленное по росту малютки. Въ корытце кладется собачья шкура, въ которую завертываютъ совершенно голаго ребенка, протягивая ему руки и ноги. Сверху люлька затягивается тесьмой. Ребенку въ ней и тепло, и удобно. Онъ не чувствуетъ нигдѣ никакого давленія, какъ это случается при нашихъ свиваль-

никахъ, и мать спокойно носитъ это корытце за своими плечами, не боясь за перегибъ спинного хребта младенца. Чтобы люлька всегда оставалась сухою, ребенку подкладываютъ мягкую, въ видѣ желобка, полоску бересты, конецъ которой подходитъ къ небольшому отверстію въ нижнемъ концѣ корытца. На четырехъ длинныхъ ремняхъ люлька можетъ подвѣшиваться горизонтально. Но если ребенокъ бодрствуетъ, два нижнихъ ремня отстегиваютъ, и люлька повисаетъ вертикально только на переднихъ двухъ.

Какъ разъ мы и застали ребенка въ такомъ именно положеніи. Мать ему высвободила ручонки, и онъ, качаясь въ люлькѣ, представлялъ собою видъ топчущагося на нарахъ.

IV.

У мыса Невельскаго.—Лоцманскія замѣтки.—Самое узкое мѣсто пролива.—Погоби.—Побѣгъ каторжниковъ на паровомъ катерѣ.—Отсутствіе каботажнаго флота у сахалинцевъ.—Возвращеніе въ Тыки.—Въ гостяхъ у тунгусовъ.—Послѣ отлива.

У нѣкоторыхъ изъ насъ было тайное желаніе пробраться къ Николаевску на Амурѣ, и потому мы скоро оставили гиляцкое селеніе Тыки. Итти прямо на сѣверъ вдоль сахалинскаго берега нельзя: слишкомъ мелко. Надо было выходить на корабельный фарватеръ, близъ гористыхъ береговъ материка. Къ ночи мы подобрались къ пустыннымъ обрывистымъ скаламъ мыса Невельскаго. Недоступный каменистый берегъ не пустилъ насъ высадиться, и мы всѣ остались па пароходѣ. Здѣсь невольно вспомнился Невельской. Ни французъ Лаперузъ, ни англичанинъ Браутонъ, ни Крузенштернъ, не могли разрѣшить загадки: соединяется ли Сахалинъ съ материкомъ перешейкомъ, или представляетъ изъ себя островъ. Только русскому моряку Невельскому, въ свое время неусыпному труженику на дальнемъ Востокѣ, удалось разрѣшить этотъ спорный вопросъ и присоединить къ Россіи новый край, вопреки желанію высшаго начальства.

Убаюканные легкою зыбью пролива Невельскаго (отсюда къ сѣверу Татарскій проливъ принимаетъ другое названіе въ честь нашего изслѣдователя), мы сладко заснули, кто гдѣ нашелъ удобнымъ. Четверо улеглись въ каютѣ, а для меня нашлось мѣсто на машинномъ кожухѣ подъ открытымъ небомъ. Завер-

пувшись въ дождевикъ, я проспалъ до самаго утра. Удивительно: цѣлые дни ходишь въ мокрыхъ одеждахъ, въ сапогахъ, наполненныхъ водою,—и ничего! Здоровъ, и даже насморка не было.

Чуть солнышко позолотило вершины горъ, не теряя дорогого времени, мы двинулись далѣе на сѣверъ. Хотѣли пробраться къ гиляцкому селенію Уанги на сахалинскомъ берегу, но песчаная отмель и утренній туманъ не допустили насъ къ этому селенію.

Постоянное исканіе фарватера и переходы съ одного берега на другой давали мнѣ отличный матеріалъ для составленія лоціи пролива, то-есть для описанія условій здѣшняго плаванія. Цѣлые дни, не выпуская записной книги изъ рукъ, я или записывалъ свои замѣтки, или рисовалъ виды береговъ.

При взглядѣ на карту Сахалина, мнѣ всегда казалось, что самое удобное мѣсто для переправы бѣглыхъ каторжниковъ съ острова на материкъ—это сѣверный кордонъ Погоби, противъ мыса Лазарева. Здѣсь проливъ имѣетъ ширину около 9-ти верстъ, то-есть приблизительно равняется разстоянію Кронштадта отъ Ораніенбаумскаго берега. На самомъ же дѣлѣ, тутъ-то меньше всего и переправляются бродяги. Ихъ, пожалуй, не испугали бы сотни двѣ верстъ обходнаго пути по тайгѣ изъ Александровскаго поста до Погоби, какъ нибудь миновали бы и гиляцкія селенія, но для нихъ страшенъ здѣшній кордонъ съ солдатами, да и самъ проливъ въ узкомъ мѣстѣ имѣетъ очень сильное теченіе: непремѣнно отнесетъ далеко въ сторону. Кромѣ того, неблагопріятны и противоположные берега для высадки. Одно только и заманчиво, что здѣсь самое узкое мѣсто пролива, и потому недалеко до материка. Горы Лазарева мыса обольстительно выступаютъ, даже и въ пасмурную погоду, и дразнятъ бродягъ своею близостью. Новичекъ, можетъ быть, и сунется сюда попытать счастье; но у большинства сложилось мнѣніе, что Погоби (гиляцкое названіе)—погибельное мѣсто, и старые бродяги предпочитаютъ пройти еще дальше къ сѣверу, гдѣ изъ Николаевска переправляется зимой на нартахъ почта.

Мы подходили къ Погоби въ 10-мъ часу дня. У нѣкоторыхъ явилось опасеніе, пропустятъ ли насъ солдаты.

— Они могутъ подозрѣвать на нашемъ пароходѣ сбѣжавшихъ каторжниковъ и, пожалуй, станутъ стрѣлять,—замѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ.

Лѣтняя юрта гиляковъ.

— Ну, вотъ выдумали! Развѣ у бродягъ есть паровыя суда?— возразилъ его товарищъ.

— А вы развѣ забыли, какъ каторжные убѣжали ночью на паровомъ катерѣ?...

— И что же?—вмѣшался я въ ихъ разговоръ.—Благополучно перебрались?

— Нѣтъ. Обрадовавшись, что удрали незамѣченными, они перепились, разожгли печи, подняли паръ, пошли самымъ полнымъ ходомъ, а воду въ котлѣ упустили. Ну, и взрывъ! Изъ нихъ только одинъ остался цѣлъ, выбрался на берегъ (недалеко было) и разсказалъ о несчастной судьбѣ катера.

Къ нашему удивленію, на пароходные свистки солдаты не только не отвѣчали ружейными выстрѣлами, но не показались на берегу и шлюпки не прислали.

Пришлось ѣхать на своей лодченкѣ. Захватили провизію, чтобы сварить обѣдъ на берегу.

У самаго кордона встрѣтили насъ солдаты. Оказывается, у нихъ нѣтъ своей лодки. Можетъ быть, и тутъ начальство руководилось тѣмъ принципомъ, чтобы уничтожить всѣ средства сообщенія съ материкомъ. Безъ сомнѣнія, если изъ сахалинской столицы каторжные таскаютъ гички и паровые катера, то на кордонѣ они сумѣютъ утащить лодку изъ-подъ самаго носа солдата. Зато эта мѣра крайне тяжело отзывается на поселенцахъ. Обыкновенно всѣ островитяне черпаютъ свое богатство главнымъ образомъ изъ моря, но для сахалинцевъ ихъ Охотское море и Татарскій проливъ служатъ только ненавистною оградою отъ другого міра. Каботажное плаваніе и морскіе промысла для сахалинскаго поселенца и даже для крестьянина не существуютъ, какъ для японцевъ, курильцевъ, китайцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ.

Предпріимчивый С. Гр. Юркевичъ, въ бытность свою учителемъ Дербинской сельской школы, подалъ чрезъ начальника округа просьбу—разрѣшить ему постройку небольшой деревянной шхуны для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ, бондарныхъ и столярныхъ издѣлій съ острова на материкъ. Сахалинское начальство распорядилось положить это прошеніе «подъ сукно». Не дождавшись отвѣта, учитель Юркевичъ уѣхалъ съ Сахалина на материкъ. Въ концѣ концовъ, кажется, рѣшено отказать ему. Въ то же самое время высшее начальство въ Хабаровскѣ и во Владивостокѣ занято соображеніями, какъ бы развить среди рус-

скаго населенія каботажное плаваніе въ Японскомъ и Охотскомъ моряхъ.

Мы не пошли на сѣверъ далѣе Погоби. Тамъ не было ни русскихъ селеній, ни кордоновъ. А итти въ Николаевскъ опасались: угля не хватитъ. Повернули на ночевку опять къ гилякамъ въ Тыки. Недалеко отъ этого селенія расположилось кочевье тунгусовъ. Ихъ конусообразныя юрты среди лѣса напоминали мнѣ индѣйскіе вигвамы въ иллюстраціяхъ эмаровскихъ романовъ. Пройдя мимо оленей и сердитыхъ собакъ, которыхъ удерживали тунгусы, мы наудачу зашли въ одинъ изъ конусовъ. Тамъ сидѣла молодая женщина въ розовомъ ситцевомъ платьѣ городскаго покроя, и сама такая розовая, мило улыбающаяся, съ маленькими бѣлыми ручками.

«Горничная изъ барскаго дома», — подумалъ я про себя. А когда она заговорила совершенно чисто по-русски, нашему удивленію не было границъ. Мои догадки оправдались: она жила въ одномъ изъ амурскихъ городовъ въ услуженіи у какихъ-то господъ.

Вообще тунгусы, въ противоположность гилякамъ, скоро усвоиваютъ русскую культуру и охотно крестятся.

Вечеромъ нашимъ глазамъ представилось невиданное раньше зрѣлище. Тамъ, гдѣ днемъ было необозримое море, теперь во время отлива открылась ровная песчаная равнина, широкая и далекая, куда глазъ хватаетъ, и только узкая полоска воды у самаго мыса казалась каналомъ среди пустыни. Я не утерпѣлъ, чтобы не побродить по влажному песку. Кое-гдѣ попадалась лента морской капусты да забытая моремъ небольшая ракуша. Низкіе берега тоже не могутъ похвастаться разнообразіемъ растительности: тундровая почва покрыта лишь мхами да жидкими низкорослыми деревьями.

V.

Гиляцкіе склады провизіи.—Просьба гиляка.—Селеніе Танги.—Распря русскихъ съ гиляками.—Гиляцкія собаки.—Богачъ Гилелька.—Селеніе Мгачи.—Покинутая баба.—Береговыя селенія.—Промѣръ Александровскаго рейда.—Англичане въ гостяхъ на Сахалинѣ.

Переночевавъ опять на пароходѣ, мы еще разъ съѣхали въ деревню Тыки проститься съ гиляками и запастись отъ нихъ рыбою и живыми лебедями. Они ловятъ молодые выводки гусей и лебедей и выкармливаютъ ихъ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ; а чтобы не могли добраться до нихъ собаки, воздвигаютъ ихъ на высокихъ столбахъ. Въ этихъ же ящикахъ они устроиваютъ склады для рыбы и вообще для всякой провизіи.

На прощанье подошелъ къ намъ одинъ гилякъ и на трудно понимаемомъ языкѣ началъ излагать какую-то жалобу. Лицо его выражало сильное страданіе и принимало морщинистый видъ плачущаго человѣка, но слезъ я не видѣлъ.

Наконецъ, съ помощью другихъ гиляковъ выяснилось, что у него отняли его мамку (жену) и увели въ другое селеніе, а теперь онъ проситъ, чтобы начальство распорядилось ее вернуть ему. Чиновники обѣщались.

Это не первый случай, что гиляки обращаются съ подобною просьбою къ сахалинской администраціи. Такія крупныя дѣла, какъ похищеніе жены, обыкновенно рѣшались у нихъ родомъ, но въ настоящее время немноголюдные и разбросанные на сотни верстъ гиляцкіе роды часто бываютъ безсильны въ своихъ постановленіяхъ. Мало-помалу гиляки утрачиваютъ свое патріархальное самоуправленіе, и уваженіе къ старшимъ въ родѣ замѣняется страхомъ передъ русскими пойонами, т.-е. чиновниками.

Мы выѣхали во время прилива изъ Тыки и направились къ югу. Погода на этотъ разъ намъ благопріятствовала. Теплый солнечный день, спокойное море, близость береговъ дѣлали изъ этого путешествія пріятную морскую прогулку. Чтобы выполнить до конца возложенную на насъ задачу, мы рѣшили теперь, на обратномъ пути, заѣхать въ пропущенныя селенія: въ Трамбаусъ, Танги и Мгачи. Изъ нихъ по мѣстоположенію самое красивое Танги. Въ ущельи, между высокими зелеными горами, на берегу рѣки, лежали рядомъ два селенія: ближе къ морю

Группа гилячекъ.

гиляцкое, а за нимъ — русское. Это сосѣдство возбуждаетъ постоянныя ссоры между ними. Гиляки жалуются, что русскіе пришли въ ихъ селеніе и отѣснили ихъ юрты въ маленькій уголокъ земли, грубо обижаютъ ихъ, портятъ сѣти, обворовываютъ и пр. Русскіе, съ своей стороны, жалуются, что злыя гиляцкія собаки кусаютъ ихъ скотъ и тѣмъ мѣшаютъ ему пастись на расчищенныхъ ими пастбищахъ. Чиновники постарались успокоить ту и другую сторону обѣщаніями, но у самихъ мнѣнія по этому вопросу тоже раздѣлились. Одни обвиняли гиляковъ, которые въ данномъ случаѣ мѣшаютъ развиться сельскому хозяйству нашихъ колонистовъ. Другіе же поддерживали право ихъ на эту землю, захваченную ими, когда о русскихъ на Сахалинѣ еще не было и помина.

Не только здѣсь, но и по всему Сахалину, гдѣ русскіе живутъ по близости гиляцкихъ селеній, возникаютъ жалобы гиляковъ. Сколько разъ они уступали мѣста своихъ юртъ русскимъ! Случалось такъ, что одинъ и тотъ же гилякъ строилъ третью или четвертую юрту.

Собаки — это дѣйствительно слабое мѣсто гиляцкихъ селеній. Онѣ страшно злы и со всею яростью набрасываются на всякаго русскаго, какъ бы въ отместку русскимъ собакамъ, которыя большими стаями и съ сильнымъ лаемъ сопровождаютъ гиляковъ, когда они по какому нибудь дѣлу заберутся въ наше селеніе. Но особенно страшны гиляцкія собаки зимой, на ходу съ нартами. Въ это время онѣ сильно разгорячаются и проявляютъ тогда стадные инстинкты во всей силѣ. Стоитъ лишь первой броситься на человѣка, чтобы вся свора послѣдовала ея примѣру.

Въ Танги живетъ самый богатый гилякъ на Сахалинѣ, Гилелька. Онъ былъ у меня въ домѣ въ Рыковскомъ и поразилъ тогда своею манерою держаться очень развязно. Да и внѣшній видъ его былъ совершенно отличенъ отъ сопровождавшихъ его гиляковъ. Свѣжее розовое лицо и статная фигура говорили о его силѣ и здоровьѣ, хотя онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, судя по сильной просѣди въ волосахъ. Надо было видѣть, съ какимъ подобострастіемъ относились къ нему бѣдные гиляки, въ родѣ нашего добродушнаго друга Канки! Гиляки не имѣютъ своей аристократіи, но они очень уважаютъ богатыхъ людей. Для нихъ Гилелька, казалось, былъ верхъ гиляцкаго счастія. Я въ шутку прозвалъ его «королемъ гиляковъ», и это прозвище ему, какъ видно, очень нравилось.

Въ двѣнадцати верстахъ южнѣе Танги было русское селеніе Мгачи, которое такъ гостепріимно намъ раскрылось въ туманѣ при первомъ путешествіи на «Князѣ Шаховскомъ».

Мы обошли въ немъ нѣсколько избъ. Въ одной изъ нихъ встрѣтила насъ баба среднихъ лѣтъ, повязанная платкомъ ради нашего прихода.

— Ну, какъ поживаешь, тетка? Гдѣ твой мужикъ?—спрашиваемъ ее.

— Уѣхалъ на заработки въ Николаевскъ, да вотъ второй годъ и жду его...

И баба заплакала, утираясь концомъ платка.

— Еслибы мужикъ былъ,—продолжала она изливать давно накипѣвшее горе,—тогда еще можно было бы кое-какъ управиться, а то что я одна? Бросаешься туда—сюда, а какая бабья работа, сами знаете! Обѣщалъ пріѣхать вскорости. Сначала ждала я еще ничего: вотъ, думаю, скоро пріѣдетъ, денегъ привезетъ, а онъ... И опять слезы.

Эта баба нѣсколько охладила наше праздничное настроеніе, и мы скоро окончили нашъ обходъ.

Мгачи, какъ и другія раньше упомянутыя мною селенія— Танги, Хоэ, Трамбаусъ, Віахты и Ванги—построены по берегу моря, какъ станціи почтоваго зимняго тракта въ Николаевскъ. Здѣшніе поселенцы мало занимаются хлѣбопашествомъ, да и при желаніи, кромѣ огородныхъ овощей, здѣсь трудно выростить какой либо хлѣбъ. Главною помѣхою этому—морскіе туманы. Волей-неволей береговые жители стали заниматься извозомъ, немногіе охотою на пушного звѣря да посредничествомъ при обмѣнѣ сахалинскихъ произведеній (главнымъ образомъ мѣховъ) на русскіе товары. Тайная продажа спирта при этомъ служитъ имъ главной прибыльной статьей.

Сдѣлавъ за пять дней около 250 миль плаванія, изъ Мгачей въ тотъ же день вечеромъ мы прибыли въ Александровскій постъ.

Въ промежуткахъ между своими путешествіями по сахалинскимъ берегамъ я занимался промѣромъ бухты Александровскаго поста. Сначала я повелъ промѣръ правильными квадратами, выставляя створныя вѣхи на берегу и на водѣ; но чѣмъ дальше уходилъ въ море, тѣмъ труднѣе было удержать ихъ на бурномъ волненіи рейда. Выставленными вѣхами можно было пользоваться очень короткое время: сильное теченіе, даже въ тихую погоду,

къ вечеру уже уносило ихъ за Жонкіерскій мысъ, а въ бурю, когда бухта представляла изъ себя кипящій котелъ, онѣ были разбросаны по берегамъ. Эта возня съ вѣхами, которыя ставились не на чугунномъ балластѣ, а на остропленныхъ камняхъ, мнѣ надоѣла, и я перемѣнилъ способъ работы. Съ одного парохода мнѣ удалось достать старенькій секстанъ, и, благодаря ему, я могъ опредѣлить мѣсто каждаго измѣренія глубины, независимо отъ створныхъ вѣхъ, по угламъ береговыхъ предметовъ.

Работа пошла поживѣе. Я торопился не потому, что лѣто кончается, сколько ради Маріи Антоновны, оставшейся на метеорологической станціи въ Рыковскомъ безъ моей помощи. У нея и такъ было много своего дѣла въ аптекѣ и въ больницѣ, а тутъ еще вслѣдъ за чахоткой стала развиваться водянка ногъ, и она съ трудомъ двигалась. Но, какъ всегда, когда заторопится человѣкъ, тутъ-то ему и идутъ на встрѣчу препятствія еще въ большемъ числѣ. Все, что было обѣщано мнѣ въ первые дни моего пріѣзда въ Александровку, оказалось не такъ-то доступнымъ. Мнѣ, напримѣръ, обѣщана лошадь на пристань. Но при первой попыткѣ воспользоваться ею я встрѣтилъ множество препятствій со стороны кучеровъ, надзирателей и др., такъ что махнулъ на нихъ рукой и сталъ ходить пѣшкомъ. Обѣщанъ былъ для работъ паровой катеръ, но придешь на пристань, а тамъ говорятъ, что всѣ катера распредѣлены на другія экстренныя работы [1]). И я нанималъ простую гиляцкую лодку. Обѣщаны необходимые матеріалы, веревки, лѣсъ и пр., и кончалось тѣмъ, что я иное покупалъ въ лавкахъ на собственный счетъ, иное, какъ, напримѣръ, секстанъ, лотъ и др., доставалъ черезъ знакомыхъ на пароходахъ.

Особенно обидно было видѣть контрастъ моихъ работъ и иностранцевъ, когда пришло на Александровскій рейдъ англійское военное судно. Я дѣлаю промѣръ на дрянной лодченкѣ, едва удерживая ее на назначенномъ курсѣ, а рядомъ англичане на отличномъ катерѣ быстро промѣрили входъ въ рѣку, потомъ подошли къ скаламъ у мыса Жонкіеръ, къ такъ называемымъ

---

[1]) Въ мое время въ распоряженіи сахалинской администраціи было три-четыре паровыхъ катера и нѣсколько деревянныхъ баржъ. Работы для нихъ всегда было очень много. Кромѣ разгрузки приходящихъ пароходовъ, они развозили провизію и матеріалы по береговымъ селеніямъ острова. Катерами буксировали также плоты новаго лѣса, заготовленнаго на морскомъ берегу нѣсколько сѣвернѣе Александровскаго поста.

«Тремъ братьямъ» и между ними поискали прохода. Очевидно, это дѣлалось не для торговыхъ цѣлей. Я вскользь замѣтилъ нѣкоторымъ чиновникамъ, что англичане не имѣютъ права дѣлать промѣръ бухты. Но сахалинское начальство, съ русскимъ добродушіемъ раскрывъ всѣ двери широкаго гостепріимства, въ это время было только озабочено, какъ бы получше принять и занять своихъ гостей. Откровенность русской души на распашку дошла до того, что показали англичанамъ и заковку въ кандалы и пресловутую «кобылу» тюрьмы, и розги, и позорный кнутъ, называемый здѣсь «плетью». Въ концѣ концовъ одарили ихъ произведеніями сахалинскихъ мастеровыхъ—издѣліями изъ наплывовъ (особенность сырого климата на Сахалинѣ вызываетъ большіе болѣзненные наросты на стволахъ деревьевъ, или наплывы. Въ разрѣзѣ эти наросты представляютъ изъ себя красивые узоры, почему они употребляются для фанеръ. Сахалинскую мебель изъ наплывовъ можно встрѣтить и въ столицахъ у лицъ, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ администраціею острова).

Англичане, обмѣривъ бухту и собравъ нужныя имъ свѣдѣнія, отправились въ де-Кастри, во Владивостокъ и въ другіе заливы Великаго океана, но тамъ, какъ я потомъ узналъ, не такъ легко и просто имъ было сдѣлать промѣръ.

Какъ бы то ни было, я одолѣлъ стихію и на лодкѣ гиляцкаго устройства. Оставалось теперь нанести промѣръ на свою карту, къ чему я уже и приступилъ вмѣстѣ съ чертежникомъ Загаринымъ, какъ вдругъ произошло новое отвлеченіе отъ работъ.

VI.

На пароходѣ «Стрѣлокъ».—Западный берегъ Сахалина. —Бухта Маука.—Мысъ Крильонъ и Камень Опасности.—Крушеніе парохода «Кострома».—Арестанты въ запертомъ трюмѣ.—Спасеніе экипажа.—Человѣческая жертва.

Сахалинское начальство зафрахтовало пароходъ Шевелева «Стрѣлокъ» для отправки груза изъ Корсаковскаго поста въ заливъ Терпѣнія, гдѣ при устьѣ большой рѣки расположился постъ Тихменевскій. Командиръ «Стрѣлка», Иванъ Мартыновичъ Эриксонъ, какъ разъ въ это время заболѣлъ и слегъ въ постель. Ему предложили взять меня на время этого путешествія. Къ

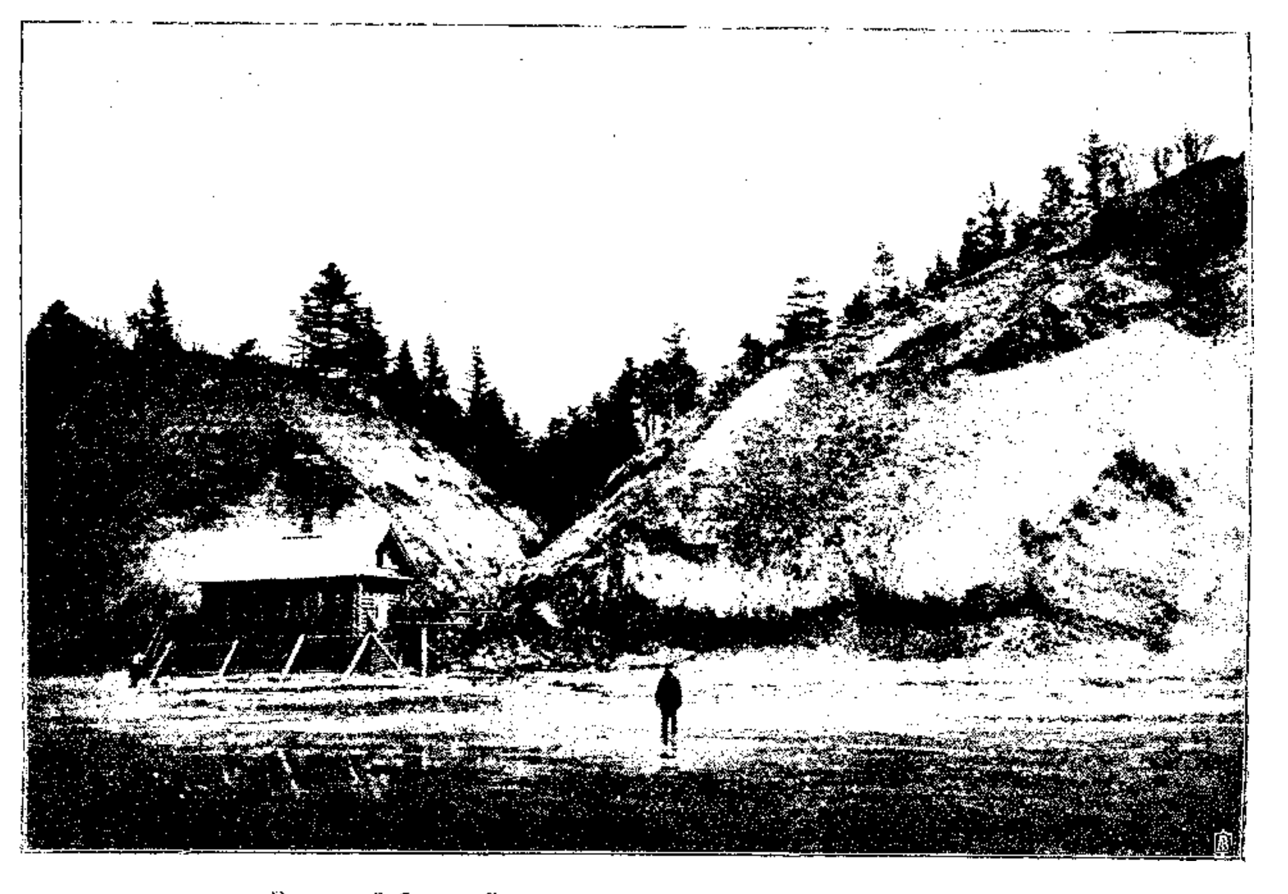
обоюдному удовольствію, вечеромъ я переѣхалъ на пароходъ къ Ивану Мартыновичу, а въ полночь на 6-е августа мы снялись съ якоря и направились на югъ къ мысу Крильонъ. Изъ сахалинцевъ съ нами былъ только одинъ чиновникъ И—въ, неразлучный спутникъ въ моихъ путешествіяхъ по здѣшнимъ морямъ. По уговору съ помощникомъ командира, первая вахта въ морѣ была моя. Миновавъ огни поста Дуэ, мы больше не видѣли ихъ въ продолженіе всей ночи. На западномъ берегу Сахалина, южнѣе Александровскаго поста, на протяженіи сотенъ верстъ, очень мало населенныхъ пунктовъ. Ради угольныхъ копей оживилось мѣстечко у рѣки Сертупой, да въ другомъ мѣстѣ, въ бухтѣ Маука,— главный складъ морской капусты. Вдоль этихъ береговъ идетъ гряда камней. Вотъ на нихъ-то и ловятъ широкія ленты этой водоросли. Цѣпь камней прорывается противъ Маука, благодаря чему образуется проходъ въ то водное пространство, которое защищено отъ бурнаго моря этой грядою. Но и здѣсь представляется опасность отъ сильнаго теченія, развивающагося въ камняхъ при извѣстномъ вѣтрѣ, такъ что нашъ «Стрѣлокъ», какъ-то разъ зайдя туда, потерпѣлъ аварію и едва выбрался цѣлъ.

Сначала погода была сѣренькая, но тихая, а вечеромъ 7-го августа, когда мы подходили къ самому южному мысу—Крильону, насъ встрѣтила огромная волна. Съ этого мыса въ ясную погоду бываютъ видны горы японскаго острова Мацмая.

Нашъ пароходъ справился съ волненіемъ и, благополучно миновавъ Камень Опасности, повернулъ въ заливъ Анива.

Камень Опасности — голый каменистый островокъ — лежитъ среди пролива Лаперуза, т. е. тамъ, гдѣ раздѣляются двѣ имперіи и соединяются два моря—Охотское и Японское. Въ туманную погоду онъ дѣйствительно очень опасенъ для мореплавателей, потому что отъ него на далекое разстояніе тянутся подводные рифы. Впрочемъ, его нельзя назвать голымъ. Онъ всегда покрытъ безчисленнымъ множествомъ огромныхъ сивучей, котиковъ и разныхъ другихъ тюленей, которые служатъ своими криками предупреждающей сиреной объ опасности.

Недалеко отъ этого островка было мѣсто гибели парохода Добровольнаго флота «Кострома» въ 1887 году. Натолкнула его сюда не буря, а туманъ—это страшилище сахалинскихъ береговъ. Пароходъ шелъ съ ссыльнокаторжными въ Александровскій постъ. Погода была тихая, слегка туманная. Наступилъ вечеръ. Случившійся на пароходѣ священикъ спустился въ трюмъ къ ка-

Западный берегъ Сахалина между мысомъ Жонкіеръ и Дуэ.

торжнымъ на молитву. Только что сотни двѣ голосовъ затянули «Отче нашъ», какъ послышался ударъ парохода о камень, и машина остановилась. Мгновенно священникъ выскочилъ на палубу. Люкъ закрыли. Каторжные, смутно предчувствуя что-то недоброе, стали прислушиваться. На палубѣ безпокойная топотня и рѣзкіе крики командующихъ офицеровъ. Разсмотрѣть что либо черезъ иллюминаторъ нельзя было: вечернія сумерки и сгустившійся туманъ скрывали берега острова. Арестанты стали вслухъ дѣлать догадки, что пароходъ пробилъ себѣ днище и потому долженъ пойти ко дну. Нѣкоторые пробовали кричать, чтобы открыли люкъ и выпустили ихъ на палубу. Но на верху было не до каторжныхъ. Тамъ еще не знали, въ какомъ положеніи находится пароходъ, а слѣдовательно—и ихъ жизнь.

И объ арестантахъ въ это время, конечно, меньше всего заботились. Важно, чтобы они не выходили на палубу и не произвели смуты. Люки закрыты, и съ этой стороны администрація парохода была покойна. Но если была еще надежда на спасеніе у свободныхъ людей на палубѣ, то у запертыхъ арестантовъ она совершенно исчезала.

— Отворите! Отворите!—кричали они все сильнѣе и сильнѣе.

Нѣкоторые въ безсильной ярости потрясали толстую желѣзную рѣшетку, отдѣляющую ихъ отъ узенькаго коридора, ведущаго къ выходному трапу. Наступившая тьма еще болѣе увеличивала ужасъ этой тѣсной толпы людей.

Вдругъ раздался рѣзкій пронзительный крикъ:

— Вода! Тонемъ!

И сразу пронесся ужасный вой плачущихъ арестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, хлынувшая вода въ пробитое днище дошла до арестантскаго трюма и съ каждымъ мгновеніемъ подымалась все выше и выше. У всѣхъ мелькнуло въ сознаніи, что еще нѣсколько минутъ, и пароходъ погрузится въ воду. Адскіе вопли, истерическія рыданія и отчаянные крики, сопровождаемые громкими ударами въ верхнюю палубу, наполняли эту страшную тьму. Въ тѣснотѣ люди метались по водѣ изъ угла въ уголъ, давя другъ друга.

— Отворите! Отворите! — все еще слышалось среди этого хаоса. Большинство прощались съ земной жизнью и горячо молились. Нѣкоторые дѣлали петли, чтобы повѣситься и сразу покончить свои муки. Только небольшая кучка политическихъ ссыльныхъ сбилась въ одно мѣсто и безмолвствовала.

Наконецъ на верху опредѣлилось положеніе парохода: получивъ пробоину, онъ основательно сѣлъ на камень, имѣя впереди и позади себя достаточную глубину, чтобы погрузиться на дно морское вмѣстѣ съ трубою. Всѣ медленно благодарили судьбу, что они застряли на камнѣ, а не проскочили черезъ этого виновника ихъ несчастія. Сейчасъ же на шлюпкѣ послали офицера по направленію къ берегу. Къ счастью, онъ оказался довольно близко. Когда объ этомъ узнали на «Костромѣ», всѣ вздохнули свободно: спасеніе обезпечено.

Пришло время вспомнить и о несчастныхъ арестантахъ. Къ ихъ радости открылся люкъ, показался свѣтъ огня, и властный голосъ объявилъ имъ, что бояться больше нечего: пароходъ крѣпко засѣлъ на камнѣ, и вода въ трюмѣ выше не поднимется. Арестантамъ приказано было не кричать и не шумѣть, а для большаго успокоенія пригрозили въ случаѣ непослушанія задушить ихъ горячимъ паромъ изъ трубы, спеціально проведенной на такой случай въ арестантскомъ отдѣленіи.

Всѣ стали завѣрять о своей покорности и обѣщались вести себя смирно, какъ овцы... И въ самомъ дѣлѣ, когда командиръ распорядился перевозить все необходимое и цѣнное на берегъ, арестанты оказали удивительное усердіе, помогая матросамъ до тѣхъ поръ, пока пароходъ не покинули на произволъ ненасытнымъ волнамъ.

Чтобы закончить описаніе этого печальнаго событія, упомяну еще о грустномъ эпизодѣ наказанія одного изъ интеллигентныхъ арестантовъ за то, что онъ, очутившись первый разъ въ своей жизни на берегу моря, осмѣлился нѣсколько отдалиться отъ лагеря для сбора раковинъ [1]). Какъ будто нужна была жертва съ пролитіемъ крови за спасеніе экипажа парохода и 235 человѣкъ каторжныхъ...

Но возвращаюсь къ прерванному повѣствованію о нашемъ путешествіи на «Стрѣлкѣ» въ сахалинскій заливъ Терпѣнія.

---

[1]) Этотъ несчастный молодой человѣкъ, помучившись нѣкоторое время послѣ такого нравственнаго униженія, безслѣдно исчезъ на Сахалинѣ.

VII.

Корсаковскій постъ.—Японская джонка.—Выходъ въ Охотское море.—Инженеръ-угольщикъ.—Киты и морскіе котики.—Тюленій островъ.—Хищники-японцы.—Постъ Тихменевскій.—Переговоры съ японцами.—Выгрузка провизіи.—Ночныя блужданія.

Въ 10 часовъ вечера, мы пришли къ Корсаковскому посту, въ глубинѣ залива Анива, и стали на якорь. Здѣсь «Стрѣлокъ» долженъ былъ забрать муку, крупу, солонину и отвезти все это въ два пункта на восточномъ берегу Сахалина. Начальникъ Корсаковскаго округа Ч. былъ въ отсутствіи, а безъ него намъ ничего не могли выдать. Только на другой день, съ его пріѣздомъ, матросы приступили къ нагрузкѣ провизіи. Я воспользовался этимъ временемъ и, сдѣлавъ нужныя замѣтки для лоціи, обошелъ все селеніе съ чиновникомъ И—ъ.

Корсаковскій постъ—это главный городъ южнаго округа. Расположенный на гористомъ берегу моря, онъ выглядитъ довольно красиво среди густой зелени. Впрочемъ, здѣсь существуетъ только одна главная улица, круто поднимающаяся въ гору и потому вся открытая съ моря; все же остальное, что внѣ этой улицы, какъ-то скрадывается холмами и зеленью. Заглянувъ по дорогѣ въ церковь, въ тюрьму и другія достопримѣчательныя зданія, я поѣхалъ къ японцамъ въ гости.

На рейдѣ стояло нѣсколько джонокъ. Одна была стараго типа, какую теперь трудно встрѣтить и въ самой Японіи. Говорятъ, японское правительство запрещаетъ своимъ подданнымъ совершать на такихъ опасныхъ судахъ далекія плаванія. Мы выбрали именно ее для своего обозрѣнія. По примѣру японцевъ, которыми кишѣла джонка, мы влѣзли въ небольшую бортовую дыру этого чудища, собраннаго изъ малыхъ дощечекъ, съ поднятою кормою и съ дракономъ на носу, и очутились среди комнаты, устланной цыновками. Тамъ немало удивились нашему приходу и принялись угощать зеленымъ чаемъ и рисовыми конфетами. Та комната, или каюта, въ которой мы сидѣли по-японски, на корточкахъ, вся состояла изъ множества лакированныхъ желтыхъ, красныхъ и черныхъ щитиковъ. Все это разборное, подвижное и напоминало что-то игрушечное.

Корсаковскій постъ на южномъ Сахалинѣ.

Намъ пришлось еще сходить къ японскому консулу, проживавшему среди прекраснаго сада, въ сторонѣ отъ города. У него мы запаслись бумагою, которая приглашала японцевъ помочь намъ выгрузить провизію въ Тихменевскомъ посту.

Вечеромъ, мы вышли въ море. Раньше мои вахты были съ полдня и съ полночи, а теперь—съ 8 до 12 часовъ, и утромъ, и вечеромъ. Море было тихо, и вообще погода благопріятствовала моимъ работамъ по лоціи.

Въ нашей каютъ-компаніи появилось еще новое лицо, называвшее себя горнымъ инженеромъ. Поработавъ въ копяхъ около Александровскаго поста, теперь онъ ѣхалъ на берегъ Охотскаго моря поискать новыя залежи угля. Черный отъ угольной пыли, этотъ инженеръ скорѣе напоминалъ собою кочегара. Онъ только объ углѣ и говорилъ. Сначала его слушали съ жаднымъ вниманіемъ, но потомъ его требовательный и заносчивый тонъ сталъ раздражать каютъ-компанію. Кончилось тѣмъ, что на второй или на третій день онъ переругался со всею администраціею парохода и поспѣшилъ при первой возможности выѣхать на берегъ. По пути въ Тихменевскій постъ намъ попадались киты съ своими веселыми фонтанчиками. Охотское море—самое богатое мѣсто морскими животными. Около Шантарскихъ острововъ кишатъ всевозможныхъ видовъ киты, а здѣсь, въ заливѣ Терпѣнія,—морскіе котики. Это богатство жира и мѣховъ привлекаетъ сюда немало хищниковъ изъ Англіи и Америки. Русская инспекція за этимъ моремъ очень слабая. Одинъ военный пароходъ, конечно, не можетъ угоняться за цѣлою толпою иностранныхъ судовъ. Для охраны морскихъ котиковъ посылается еще отрядъ матросовъ съ двумя офицерами на Тюленій островъ у восточнаго берега Сахалина. Этотъ небольшой островокъ—любимое лежбище ластоногихъ животныхъ, и прежде онъ ими кишѣлъ, подобно Камню Опасности въ проливѣ Лаперуза. Несмотря на охрану острова, который въ нѣкоторомъ смыслѣ оказался тоже камнемъ опасности для моряковъ [1]), число морскихъ котиковъ быстро уменьшается, и въ настоящее время предсказываютъ скорое исчезновеніе этой породы тюленей. Полагаютъ, что иностранные хищники прослѣдили морскіе пути котиковъ и истребляютъ ихъ безъ разбора, и самцовъ и самокъ, при періодическихъ передвиженіяхъ ихъ въ открытомъ морѣ.

---

[1]) О томъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ потерпѣли на немъ крушеніе, см. процессъ 1897 г. во Владивостокѣ.

Въ нашихъ же водахъ плаваетъ также много японцевъ-хищниковъ; но у нихъ другой тайный промыселъ—рыба. На своихъ маленькихъ шкунахъ они прокрадываются въ устья сахалинскихъ рѣкъ и безпрепятственно ловятъ въ нихъ здѣшнюю лососину—кэту. Безцеремонность японцевъ иногда доходитъ до того, что, если они не перегораживаютъ буквально всей рѣки, отъ одного берега до другого, какъ подозрѣваютъ ихъ въ этомъ тымовскіе поселенцы, то все-таки употребляютъ такой способъ ловли рыбы, который затрудняетъ ей пройти въ верховья. Какъ только тымовскіе поселенцы не замѣчаютъ кэты въ своей рѣкѣ въ августѣ мѣсяцѣ, такъ ужъ они и знаютъ, что въ устьѣ Тыми работаютъ японцы [1]). Посылаютъ лодку съ солдатами; но пока она пройдетъ 200 верстъ до устья, японцы успѣютъ взять хорошій уловъ рыбы въ лучшую пору ея періодическаго движенія.

Идя полнымъ ходомъ въ тихую погоду ночью, нашъ пароходъ «Стрѣлокъ» легко нагонялъ парусныя шкуны японцевъ и сильно пугалъ ихъ своими огнями.

Полагая, что идетъ военное русское судно, они сворачивали въ сторону и удирали отъ насъ полнымъ вѣтромъ. Точно бѣлыя крылья чаекъ, справа и слѣва непрестанно мелькали распущенные паруса шкунъ и быстро пропадали въ ночномъ сумракѣ.

Рано утромъ, 10-го августа, мы подошли къ устью большой рѣки Поронная и стали на якорь. Въ 1805 г. адмиралъ Крузенштернъ нашелъ въ ней сходство съ петербургскою рѣкою и потому окрестилъ ее Невою, но это названіе удержалось только на географическихъ картахъ. Сильное теченіе этой рѣки, встрѣчая огромную волну съ моря, производитъ страшную толчею на барѣ. На хорошей морской шлюпкѣ мы едва пробрались черезъ него, чтобы высадиться у Тихменевскаго поста. Съ проведеніемъ сюда дороги изъ Рыковскаго и съ развитіемъ торговли рыбою и лѣсомъ это селеніе будетъ имѣть важное значеніе для Сахалина и, вѣроятно, сдѣлается административнымъ центромъ новаго округа, но въ описываемое мною время оно представляло изъ себя собраніе малаго числа жилыхъ домовъ и сараевъ, вѣроятно, для солдатскаго провіанта.

Какъ это мы и раньше предвидѣли, русскаго народа здѣсь очень мало. Туземное племя ороки, или орочены,—не моряки. Для

---

[1]) До 1879 г. рыбопромышленость не была обложена пошлиною, но въ настоящее время берутъ ее въ небольшомъ размѣрѣ съ японцевъ.

выгрузки провизіи пришлось обратиться за помощью къ японцамъ. Въ ожиданіи рыбы въ рѣкѣ стояло нѣсколько японскихъ шкунъ. На хозяина одной изъ нихъ намъ указали, какъ на старшаго. Мы подали ему письмо консула и убѣдительно просили уговорить своихъ собратьевъ перевезти провизію съ парохода на берегъ. Нашимъ переводчикомъ былъ молодой орокъ, удивительно изучившій языки всѣхъ приходящихъ сюда народовъ. Кромѣ родного орочонскаго, онъ зналъ гилякскій, аинскій, японскій и русскій языки. Переговоры, однако, затянулись часа на три. Удивительный лингвистъ оказался при этомъ и хорошимъ дипломатомъ. Ему удалось въ концѣ концовъ собрать толпу японцевъ и понудить ихъ ѣхать на русскихъ баркасахъ на пароходъ за провизіей.

Было довольно прохладно, но подвижные японцы довольствовались тропическимъ костюмомъ: на плечахъ легкая синяя накидка съ широкими рукавами, на головѣ повязанный вѣнкомъ платокъ, да «цѣломудренный поясъ», нецѣломудренно лежащій на голомъ тѣлѣ. Вотъ и все ихъ одѣяніе. Иные сбрасывали съ себя даже верхнюю накидку. Живые и веселые, они все время работали, какъ бы шутя, съ покрикиваніями и пѣснями.

Погода была крайне неблагопріятна для выгрузки. Баркасы, проходя черезъ баръ, были обдаваемы волнами, и мука промокала въ морской водѣ. Я не знаю, былъ ли хоть одинъ мѣшокъ доставленъ на берегъ сухимъ. Но этого мало: случалось, что волны начинали захлестывать баркасъ, и японцы для облегченія его выкидывали мѣшки прямо за бортъ. На замѣчанія судовой команды они дерзко огрызались или смѣялись. Вольный народъ! Кончаютъ работы, когда хотятъ, начинаютъ—когда вздумается. Ни обѣщанія, ни просьбы, ни угрозы пожаловаться ихъ консулу не могли побѣдить упрямства этого низкорослаго, но чрезвычайно способнаго народа. Торопиться съ выгрузкой сахалинскому начальству былъ расчетъ: за каждый день оно платило хозяину парохода 140 рублей и, кромѣ того, давало свой уголь на все время плаванія. Дорого стоила наша мука для Тарайки [1])! Какъ ни бился чиновникъ И—ъ съ японцами, а раньше трехъ дней они не выгрузили провизіи.

По ночамъ мы снимались съ якоря и уходили по направленію къ Тюленьему острову. Это дѣлалось, чтобы внезапно под-

---

[1]) Тарайкою гиляки называютъ всю мѣстность, прилегающую къ устью рѣки Пороная.

Орочены изъ Тарайки у залива Терпѣнія.

нявшаяся буря не застигла насъ ночью вблизи береговъ на открытомъ рейдѣ.

Когда идешь полнымъ ходомъ къ опредѣленному мѣсту, то обыкновенно терпѣливо стоишь на вахтѣ съ сознаніемъ важности своихъ обязанностей. Но если безцѣльно мотаешься въ морѣ самымъ малымъ ходомъ всю ночь до разсвѣта, то время кажется чрезвычайно длиннымъ, какъ въ пріемной въ ожиданіи аудіенціи. У мореплавателей были свои причины назвать эту часть моря заливомъ Терпѣнія, но мы, блуждая здѣсь на «Стрѣлкѣ» и борясь со сномъ всю ночь, теряли всякое терпѣніе.

VIII.

Постъ Мануэ.—Аины Сахалина и Мацмая.—Въ Лаперузовомъ проливѣ.—Морскія птицы.—Сивучи на Камнѣ Опасности.—Островъ Тотомосири.—Возвращеніе въ Александровскій постъ.—Опять въ Рыковскомъ.

Въ полдень, 12 августа, изъ залива Терпѣнія мы отправились на югъ въ постъ Мануэ, къ самому узкому мѣсту острова Сахалина. Послѣ цѣлаго ряда пасмурныхъ и бурныхъ дней наступила ясная и тихая погода. Не желая подходить въ темнотѣ къ неизвѣстной намъ бухтѣ Мануэ, съ двухъ сторонъ скрывающей опасные подводные камни, мы и эту ночь умышленно проболтались въ морѣ. Только на другой день утромъ «Стрѣлокъ» подошелъ къ берегу. Здѣсь мы нашли немного постовыхъ солдатъ да штейгера И—ва, молодого жизнерадостнаго человѣка, командированнаго на берегъ Охотскаго моря, тоже для розыска «уголька». Успокоившееся море отнеслось къ здѣшнимъ солдатамъ болѣе милостиво, и они могли благополучно выгрузить привезенную для нихъ провизію (около 500 пудовъ) на берегъ.

Сдѣлавъ промѣръ и описаніе бухты, цѣлый день я провелъ въ компаніи со штейгеромъ и нашимъ чиновникомъ Н—мъ среди нетронутой еще природы. Мы посѣтили жившихъ близъ Мануэ здѣшнихъ аборигеновъ—аиновъ. Первый аинъ, встрѣтившійся намъ, былъ жалкій старикъ, со множествомъ морщинъ на лицѣ и густо заросшій длинными волосами. Густая борода и усы—непонятная особенность этого племени на Востокѣ. Видѣли мы и здѣшнихъ женщинъ; намъ онѣ показались тоже некрасивыми.

Весь молодой мужской полъ былъ въ отсутствіи на рыбной ловлѣ.

Въ Корсаковскомъ посту намъ случилось видѣть, около дома японскаго консула, айновъ съ острова Мацмая; эти, напротивъ, поражали своею красотою: орлиный видъ, съ большими темными глазами, черные усы, крѣпкая статная фигура. Они казались героями среди низкорослыхъ, некрасивыхъ японцевъ.

Говорятъ, айны на Сахалинѣ таютъ: привольная жизнь ихъ здѣсь стѣснена пришельцами, они предпочитаютъ переселяться на японскіе острова.

Оставивъ Мауэ, всю ночь мы спускались къ югу, къ мысу Анива, а утромъ вошли въ Лаперузовъ проливъ.

Море—совершенный штиль. На небѣ—ни облачка. Далекіе берега скрылись изъ глазъ, но зрѣніе не утомлялось однообразіемъ воднаго пространства: оно было оживлено миріадами морскихъ птицъ. Въ воздухѣ—ни одной; но вся гладкая, какъ зеркало, поверхность моря покрыта стаями утокъ, чаекъ, ырковъ, крахалей, казарокъ. Возьмешь бинокль: кругомъ, куда только глазъ хватаетъ, все море усѣяно плавающими птицами. И какихъ тутъ только не было! И бѣлыя, и пестрыя, и черныя... Всѣ онѣ передвигались на Востокъ.

Но впереди намъ предстояло еще болѣе дивное зрѣлище изъ царства животныхъ. Такъ какъ день былъ ясный, мы увидѣли Камень Опасности миль за шесть. По мѣрѣ приближенія къ острову, его контуры постоянно мѣнялись. Я сидѣлъ съ книжкою въ рукахъ и спѣшилъ зарисовать ихъ. До насъ уже доносились крики сивучей съ Камня, какъ непрерывающееся завываніе вѣтра.

— Смотрите! смотрите!—кричалъ Н—ъ, когда мы были отъ острова въ одной милѣ.—Они кишатъ, какъ черви! А сколько ихъ въ водѣ! Смотрите, какъ они подымаютъ свои морды!..

Занятый рисованіемъ, я ничего этого не видѣлъ. Только странно мнѣ казалось, какъ будто островъ весь изрытъ или усѣянъ большими каменьями. Но приглядываюсь внимательнѣе: камни шевелятся. Я схватилъ бинокль, и предо мной открылась на самомъ дѣлѣ оригинальная картина: сотни, тысячи, десятки тысячъ громадныхъ животныхъ, значительно толще коровъ, облѣпили весь островъ. Одни, какъ бѣловатыя статуи, неподвижно торчали на самомъ верху Камня; другіе, вытягивая свои громадныя шеи, очевидно выли. Немного ниже, на склонахъ Камня, несмѣтныя толпы ихъ дѣйствительно копошились, какъ черви

на трупѣ. На подводныхъ рифахъ кругомъ острова сплошною массою торчали изъ воды все головы, но не однихъ только сивучей, а и котиковъ, нерпъ и другихъ представителей тюленьей породы.

Немного оправившись отъ болѣзни, командиръ парохода тоже вышелъ на мостикъ полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Онъ разсказалъ намъ одинъ безуспѣшный случай покушенія, кажется, англичанъ, на этихъ толстокожихъ животныхъ. Лодкою здѣсь не подойдешь: сивучи моментально разобьютъ ее вдребезги. Отъ кораблей островъ защищенъ подводными рифами. Пожалуй, если открыть канонаду, можно разогнать эту толпу водяныхъ жителей и высадиться на Камень, но до этого, кажется, никто еще не доходилъ.

Обогнувъ мысъ Крильонъ, мы повернули на сѣверъ.

Прекрасная погода, тихій попутный вѣтеръ, легкая волна, а, главное, отсутствіе тумана,—все это помогало намъ быстро подыматься вдоль сахалинскаго берега. На этотъ разъ мы днемъ прошли мимо гористаго острова Тотомосири (верстъ 70 отъ сахалинскаго мыса Нотоpo), почему-то заброшеннаго на произволъ хищникамъ. Цѣлыя сутки еще оставалось намъ плыть въ Татарскомъ проливѣ. По пути можно бы было собрать кое-какіе матеріалы для лоціи, но близость конечной пристани направляла всѣ мои мысли къ дому, и я ждалъ на вахтѣ скорѣе увидѣть огонь Жонкіерскаго маяка. Въ три часа ночи, 16 августа, послѣ десятидневнаго плаванія, мы стали на якорь на Александровскомъ рейдѣ, а еще черезъ часъ я уже сидѣлъ дома и читалъ накопившіяся за мое отсутствіе письма.

Недѣли черезъ двѣ, сдѣлавъ нѣсколько дополнительныхъ линій промѣра въ рѣкѣ и на рейдѣ, я покончилъ съ картой Александровской бухты и сдалъ ее вмѣстѣ съ лоціей сахалинскихъ водъ начальнику округа.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я ѣду въ Петербургъ и тамъ покажу вашу работу генералу.

— Теперь могу я вернуться въ свое Рыковское?

— Можете.

И вотъ финалъ моихъ трудовъ за все лѣто.

На другой день послѣ этого разговора я простился съ александровскими жителями и на казенныхъ лошадяхъ покатилъ въ Рыковское. Опять промелькнули бѣдныя избушки трехъ Арковъ и двухъ Армудановъ. Опять небольшая остановка въ Дер-

Аины на о. Сахалинѣ.

бинскомъ у гостепріимнаго смотрителя, типичнаго представителя дореформенныхъ помѣщиковъ. Къ вечеру лошади остановились у дома метеорологической станціи, гдѣ меня ждала съ нетерпѣніемъ Марія Антоновна, совершенно изнемогшая отъ болѣзни. Будучи въ послѣднемъ градусѣ чахотки и съ отекшими ногами отъ водянки, она рада была сдать мнѣ завѣдываніе станціею.

IX.

Манифестъ 1891 года.—Ожиданіе монаршей милости.—Поздравленія съ окончаніемъ каторги.—Разочарованіе.—Новыя огорченія.—Болѣзнь М. А. Кржижевской.—Ея смерть и похороны.—Плачъ по «матери ссыльныхъ».—Мое сиротство въ ссылкѣ.

Въ бытность мою на Сахалинѣ, ссыльнокаторжнымъ вообще приходилось часто разочаровываться; но въ годъ моего плаванія они испытали еще новое разочарованіе. Съ пріѣздомъ Наслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя) во Владивостокъ, изданъ былъ для ссыльныхъ извѣстный манифестъ 1891 года. Главные пункты его содержанія сначала переданы были на Сахалинъ по телеграфу. Эта неожиданная вѣсть вызвала здѣсь взрывъ восторговъ. Обыкновенно ссыльные въ каторгѣ всегда ждутъ манифеста, и всѣ расчеты на будущее освобожденіе у нихъ бываютъ связаны непремѣнно съ монаршею милостію.

— Вотъ увидите, въ этомъ году будетъ большой манифестъ. У меня осталось каторги пять лѣтъ, какъ разъ одна треть; скинутъ мнѣ ее, и я свободенъ! Вотъ увидите, непремѣнно будетъ манифестъ!

Такъ мечтаетъ каторжный. А почему непремѣнно, онъ и самъ не знаетъ. Иной, для утѣшенія себя и собратій, выставитъ аргументомъ свой сонъ. Но если на самомъ дѣлѣ предвидится какое нибудь обстоятельство, вызывающее манифестъ (коронація, рожденіе наслѣдника престола и др.), то расчетамъ, ожиданіямъ и разговорамъ конца нѣтъ. И я замѣтилъ, что всю радость предстоящаго манифеста они переживаютъ заранѣе, такъ что, когда приходитъ время объявленія его, всѣ принимаютъ новую милость довольно спокойно. Но манифестъ 1891 года объявленъ

былъ совершенно неожиданно, и потому ликованіе народа было особенно восторженное. Тутъ сахалинскіе прозорливцы вспомнили всѣ свои вѣщіе сны. Радость каторжныхъ еще болѣе увеличилась, когда имъ 12-го мая прочитали телеграфное извѣстіе, что сроки работъ по новому манифесту сокращаются до двухъ третей. Обыкновенно манифесты прощали одну треть лѣтъ, назначенныхъ пробыть въ каторгѣ, а тутъ сразу двѣ трети!

— Дай Богъ здоровья нашему Наслѣднику!—искренно молилась вся каторга.

Меня тоже всѣ поздравляли съ окончаніемъ каторги.

— Дождались, наконецъ, и вы званія поселенца,—говорили мнѣ друзья.—Теперь подавайте скорѣе прошеніе на высочайшее имя, чтобы вернули вамъ окончательно всѣ права, да съ Богомъ поѣзжайте-ка въ Россію! Довольно натерпѣлись,—будетъ!

На другой день докторъ спѣшитъ ко мнѣ явиться съ визитомъ—торжественно поздравить меня.

Но это было недоразумѣніе. Вскорѣ выяснилось: все количество лѣтъ, назначенныхъ по суду, сокращается до двухъ третей; иначе сказать, сосланному оставляется двѣ трети лѣтъ каторги, а прощается ему, какъ это было и по другимъ манифестамъ, только одна треть.

Каторжные носы повѣсили отъ разочарованія. И тѣ, которые вчера ликовали, какъ освобожденные изъ тюрьмы, сегодня еще болѣе стали печальны, чѣмъ до объявленія манифеста.

Грустное разочарованіе коснулось и меня. Даже со скидкою одной трети мнѣ оставалось пробыть въ каторгѣ еще нѣсколько лѣтъ, несмотря на то, что прошло восемь лѣтъ, какъ я лишенъ свободы. Сколько за эти годы я пережилъ обманчивыхъ ожиданій! Отправляя на Сахалинъ, мнѣ говорили:

— Вѣдь васъ тамъ продержатъ одинъ годъ, не больше, и сдѣлаютъ поселенцемъ. Поѣдете въ Сибирь и не замѣтите, какъ ужъ и крестьянство дадутъ. Иначе нельзя: порядокъ такой! Необходимо провести васъ по всѣмъ степенямъ до возвращенія въ Россію.

Но вотъ до сихъ поръ я не поднялся еще ни на одну степень.

Просторъ морей и земель и знакомство съ жизнью свободныхъ людей въ моихъ поѣздкахъ на пароходахъ воскресили въ моей памяти забытое прошлое и еще болѣе подчеркнули контрастъ съ тоскливой жизнью въ Рыковскомъ селеніи, гдѣ меня ждали новыя огорченія.

Я уже говорилъ о болѣзни Маріи Антоновны Кржижевской. Бѣдная труженица ужасно страдала. Кровь на платкѣ показывалась все чаще и чаще. Кашель мучилъ ее немилосердно. Отъ постояннаго просачиванія воды чрезъ кожу опухшія ноги ея покрылись язвами. Минуты Маріи Антоновны были сочтены. Но она не жаловалась, старалась перемогаться и попрежнему аккуратно ходила на службу въ аптеку и въ больницу.

Однажды утромъ пришла она къ своимъ больнымъ, но вдругъ сама почувствовала острую боль въ груди и со стономъ опустилась на стулъ.

Послали за докторомъ. Онъ распорядился сейчасъ же отправить ее домой и уложить въ постель. Но Марія Антоновна не могла ни спать, ни лежать. Сидя въ креслѣ, она тихонько стонала отъ боли и задыхалась. На дворѣ стояла засуха. Для увлажненія воздуха въ комнатѣ развѣсили мокрыя простыни и разбрызгивали воду пульверизаторомъ. Сколько ей ни давали хлоралъ-гидрату, она не могла заснуть ни на минуту. Поставили три мушки. Онѣ немного успокоили боль въ груди, однако бѣдная страдалица еще болѣе задыхалась.

— Воздуху, дайте воздуху! — жалобно молила она окружающихъ ее друзей.

Но мы только и придумали махать вѣеромъ около ея лица.

Черезъ три дня непрерывнаго страданія, рано утромъ, она попросила раскрыть окна. Холодный воздухъ вмѣстѣ съ первыми лучами восходящаго солнца ворвался въ комнату. Тутъ она взглянула въ послѣдній разъ на земной міръ. Какъ бы въ отвѣтъ на ея прощальныя привѣтствія, въ это время показалась на дорогѣ длинная вереница испытуемыхъ каторжныхъ. Со звономъ кандаловъ они шумно прошли мимо на работы. Марія Антоновна грустно отвернулась отъ окна: за тридцать восемь лѣтъ она видѣла вокругъ себя только нужду, страданія, неволю...

Похороны этой исключительной женщины на Сахалинѣ собрали все село Рыковское. Каждый считалъ себя счастливымъ оказать покойной то или другое вниманіе. Отъ начальника до послѣдняго каторжника, всѣ понимали, что Тымовскій округъ лишался самаго дорогого человѣка, служившаго не изъ-за денегъ и не ради какихъ либо личныхъ выгодъ для себя, а единственно ради простой идеи — помочь несчастнымъ.

Когда опустили гробъ въ землю, толпа женщинъ навзрыдъ заплакала, вспоминая все добро, которое она имъ оказала. Тутъ

Сахалинскіе аины.

только развязались ихъ языки, замкнутые при жизни Маріи Антоновны ея смиреніемъ: всѣ онѣ на перебой спѣшили повѣдать публикѣ удивительные примѣры самоотверженной любви къ нимъ покойницы.

Какъ бы въ дополненіе дѣятельности Маріи Антоновны на Сахалинѣ, оставшееся послѣ нея небольшое имущество все было роздано бѣднымъ.

Величая покойницу своею матерью, нѣкоторые простодушные люди чуть не боготворили ее, какъ святую.

Помню, вскорѣ послѣ похоронъ Маріи Антоновны, былъ нашъ храмовой праздникъ Казанской иконы Божіей Матери. Я встрѣтилъ у церковной паперти старика сторожа и говорю ему:

— Ну, что, дѣдушка, пригорюнился? вѣдь у тебя сегодня праздникъ!

— Какой теперь праздникъ! Мы похоронили свою «казанскую матушку»...

Для меня смерть Маріи Антоновны была особеннымъ ударомъ. Я въ ней лишился не только друга и товарища по службѣ, но и помощника въ моихъ литературныхъ занятіяхъ [1]).

По странному стеченію обстоятельствъ, мое горе усугубилось одновременною потерею (на одной недѣлѣ съ Маріей Антоновной) еще двухъ дорогихъ пріятелей изъ ссыльныхъ: одинъ, котораго я уважалъ, какъ отца, умеръ отъ простуды, а другой—нечаянно упалъ въ рѣку Тымь и утонулъ. Лишившись ихъ, я сразу осиротѣлъ и почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ среди множества подобно мнѣ сильно тоскующихъ людей въ ссылкѣ.

---

[1]) Только малая часть ея работъ напечатана. Остальная еще ждетъ своего изданія.

X.

Печальные дни каторги.—Наказаніе лишеніемъ хлѣба.—Дорога къ Охотскому морю.—Надзиратель Хановъ.—Его распоряженія на Онорѣ.—Отношенія начальства къ дорожной партіи.—Больные и забитые.—Убилъ рабочихъ у Ханова.—Бѣглецы съ Онора.

Съ моимъ возвращеніемъ изъ плаванія, вообще для всего Рыковскаго селенія, а въ частности для меня, потянулись печальные дни. Сѣрое однообразіе каторжной жизни время отъ времени нарушалось только какимъ нибудь крупнымъ воровствомъ или варварскимъ убійствомъ, возмущавшимъ даже арестантскую среду; но крупныхъ событій другого характера или новыхъ реформъ, оживлявшихъ каторгу, не было. Генералъ уѣхалъ въ отпускъ и проживалъ гдѣ-то далеко за границей, а слуги безъ барина относились къ своей дѣятельности спустя рукава, занимаясь больше устройствомъ пиршествъ, карточныхъ вечеровъ, пикниковъ и другихъ развлеченій. Впрочемъ, чиновники одного не забывали: каждый день пороть каторжныхъ.

— Надо, чтобы арестанты всегда чувствовали надъ собою крѣпкую власть, бдительное око и карающую руку!—въ самоупоеніи говорили они другъ другу.

Но это была неправда. Каторжные хорошо понимали, что они оставлены на произволъ надзирателей, которыхъ легко можно было подкупить и затѣмъ дѣлать многія недозволенныя вещи. Даже при страшномъ смотрителѣ Л—нѣ кто побойчѣе и побогаче позволяли по вечерамъ и въ картишки поиграть и водкой поторговать. Въ утреннюю жертву кровожадности смотрителя обыкновенно шли самые бѣдные, безотвѣтные арестанты. Не имѣя денегъ, чтобы подкупить надзирателей, они несли на своихъ плечахъ всю тяжесть каторжныхъ работъ.

Кромѣ порки и тяжелыхъ работъ, каторжные одновременно терпѣли еще другой видъ наказанія: уменьшеніе дневной порціи хлѣба. Если арестанту по закону полагается три фунта на день,—ему въ наказаніе даютъ два. Въ Рыковской тюрьмѣ особенно любилъ практиковать этотъ способъ наказанія смотритель Л—ъ. Для него двойное удовольствіе: и каторжные наказаны самымъ существеннымъ образомъ, и остается большая экономія хлѣба. Этотъ способъ обиранія несчастнаго арестанта пришелся по душѣ

и надзирателямъ, когда ихъ съ партіей каторжныхъ назначали въ тайгу на дорожныя работы.

По проекту уѣхавшаго генерала, дорогу изъ Александровскаго поста въ Рыковское селеніе надо было продолжить на югъ до Корсаковскаго поста. На исполненіе этого проекта уходили главныя силы каторги. Со стороны Тымовскаго округа была отправлена большая партія рабочихъ съ многими надзирателями, во главѣ съ суровымъ исполнителемъ начальственныхъ предписаній, Алимпіемъ Хановымъ. Этотъ высокій и очень сильный старикъ, вышедшій въ старшіе надзиратели изъ ихъ же среды, носилъ еще слѣды прежняго варварскаго обычая — клейма на тѣлѣ. Хановъ выдержалъ суровую трудную школу, но зато и самъ зачерствѣлъ душою. Умный отъ природы и талантливый на различныя мастерства, онъ былъ строгъ и требователенъ къ другимъ. Арестанты очень боялись его суроваго взгляда изъ-подъ нависшихъ бровей. Мнѣ лично никогда не случилось замѣчать, улыбается ли онъ; и я понимаю, съ какимъ страхомъ шла за нимъ партія каторжныхъ въ тайгу, за 60 верстъ отъ Рыковскаго селенія. Впрочемъ, находились такіе смѣльчаки, которые хвастливо говорили среди рабочихъ:

— Въ тайгѣ мы долго разговаривать съ тобой, Алимпій Иванычъ, не станемъ. Тамъ ты не испугаешь насъ ни уркомъ [1]), ни кулакомъ.

До Ханова доходили эти угрозы, но онъ презрительно замѣчалъ.

— Молоды-зелены они еще обмануть стараго каторжанина.

Хановъ прежде всего раздѣлилъ свою партію рабочихъ на десятки и назначилъ наиболѣе дерзкихъ изъ нихъ десятниками, предоставляя имъ нѣкоторыя льготы. Эти десятники вмѣстѣ съ надзирателями изъ солдатъ составляли довольно внушительную силу противъ остальныхъ каторжниковъ. Толпа, лишенная такимъ образомъ своихъ главарей-крикуновъ, сразу поутихла. Сначала на работахъ Хановъ ограничивался одними замѣчаніями. Если и дастъ милостиво подзатыльника, то развѣ какому нибудь робкому рабочему. Потомъ онъ сталъ все суровѣе и строже покрикивать, иной разъ вытянетъ и палкой по спинѣ, а уроки назначалъ съ каждою недѣлею все больше и больше. Помимо

[1]) Урки на языкѣ каторжныхъ — поденные уроки работъ, задаваемые имъ надзирателями.

Лазаретъ Тымовскаго округа.

того, что земляныя работы сами по себѣ были тяжелы, надо было терпѣть отъ холодной, какъ ледъ, грунтовой воды и одновременно отъ назойливыхъ комаровъ и мошекъ. Къ довершенію всего приходилось ходить за хлѣбомъ къ мѣсту пекарни верстъ за пять, за семь, за десять, по мѣрѣ удаленія работъ отъ первоначальнаго лагеря.

Время отъ времени пріѣзжалъ на Оноръ,—главное мѣсто рабочей партіи,—начальникъ округа. Пройдетъ по тайгѣ съ Хановымъ, посмотритъ работы, сдѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія и—домой! Смотритель Л—ъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло и не ѣздилъ къ Ханову, ссылаясь на свои обязанности при тюрьмѣ, хотя главною причиною было нежеланіе играть здѣсь второстепенную роль. Военный врачъ тымовской команды, временно занимавшій, съ отъѣздомъ В. А. Сасапареля, мѣсто тюремнаго врача, первое время тоже туда не показывался. Такимъ образомъ Хановъ сталъ полновластнымъ начальникомъ надъ сотнею слишкомъ людей, самъ слушая только одного начальника округа. Мужикъ возгордился и далъ волю своему грубому произволу. Его опричнина изъ надзирателей и десятскихъ была крѣпко организована. Теперь можно было свободно бить и дубиной.

— Пикнуть не смѣй: убью!

И безотвѣтный каторжникъ молчитъ.

Пріѣдетъ начальникъ округа.

— Все благополучно!—докладываетъ Хановъ. А рабочіе безмолвно стоятъ, понуря голову, да печально смотрятъ на суровое лицо своего старшаго надзирателя, который въ это время сгоралъ только однимъ желаніемъ: отличиться, выслужиться предъ начальствомъ и прославиться проведеніемъ новой дороги въ сахалинской тайгѣ, какихъ бы жертвъ это ни стоило.

Въ Рыковскомъ стали появляться все чаще и чаще больные отъ Ханова.

— Бьетъ насъ Хановъ немилосердно! — жаловались они въ больницѣ. — А, опричь того, и хлѣба не даетъ полностью. Урки задаетъ большіе. Бьешься, бьешься цѣлый день... Нѣтъ, все-таки къ вечеру не успѣешь кончить. Тутъ тебя хватитъ надзиратель стяжкомъ по спинѣ, а другой разъ и по чему попало, да велитъ еще на фунтъ, а то и на два, урѣзать пайку. А въ тайгѣ что и ѣсть, какъ не хлѣбъ.

Узналъ Хановъ, что о немъ худая молва пошла по Тымовскому округу,—сталъ рѣже отсылать больныхъ въ лазаретъ и оставлялъ ихъ на Онорѣ. Мало того, за дальностію разстоянія, онъ же просилъ разрѣшенія у начальника округа не посылать умершихъ въ Рыковское селеніе, а погребать ихъ тамъ на мѣстѣ, въ тайгѣ.

Какъ-то вечеромъ я увидѣлъ телѣгу, пришедшую съ Онора съ больнымъ человѣкомъ. Онъ едва дышалъ, и отъ него нельзя было добиться ни одного слова. Толпа ссыльныхъ обступила телѣгу и разспрашивала возницу о порядкахъ на Онорской дорогѣ у Ханова. Вдругъ выходитъ изъ воротъ тюрьмы надзиратель столяровъ Любомирскій, большой любитель смѣшить публику своими остротами.

— Ну, чего столпились!—заоралъ онъ на толпу.—Эка невидаль, что съ Онора мертваго привезли! Вотъ, еслибы живого оттуда доставили,—это диво! Стоило бы посмотрѣть!..

Если больныхъ отъ Ханова стали меньше привозить въ тымовскій лазаретъ, то чаще и чаще появлялись отъ него рапорты о погребеніи рабочихъ и даже съ указаніемъ, отъ какой болѣзни кто умеръ. Вскорѣ стали повторяться новыя донесенія — о побѣгѣ каторжныхъ съ дорожныхъ работъ въ тайгу. Партія рабочихъ у Ханова замѣтно порѣдѣла. Начальникъ округа ужаснулся такой убыли народа и написалъ генералу.

Мнѣ рѣдко приходилось вступать въ какія либо объясненія съ Бутаковымъ относительно событій на Онорѣ. Я зналъ, что убыль людей изъ партіи Ханова у него больное мѣсто. И затрогивать этотъ вопросъ значило только раздражать его. Въ послѣднее время онъ сталъ особенно вспыльчивъ и въ запальчивости говорилъ и дѣлалъ иногда несообразныя вещи. Однажды, какъ бы слагая съ себя вину, онъ замѣтилъ:

— Посудите сами, что мнѣ дѣлать? Я пишу генералу, что съ тѣми средствами, которыми теперь располагаю, я не могу въ такое короткое время, какъ онъ хочетъ, провести дорогу черезъ тайгу, болота и рѣки. А онъ на одномъ только и стоитъ: пожалуйста, сдѣлайте дорогу. Не знаю, какъ и быть! Я ему уже два раза писалъ... Еслибы народу было больше, да назначили бы завѣдующимъ партіей спеціальнаго чиновника,—ну, тогда другое дѣло!

Наконецъ, онорскіе бѣглецы показались и въ Рыковскомъ селеніи. Страшный видъ! Изможденные, голодные, исхудавшіе, они покорно явились съ повинной къ смотрителю тюрьмы.

— Ваше высокоблагородіе!—отчаянно умоляли они на колѣняхъ: — не посылайте насъ къ Ханову на смерть! Многіе уже скончались отъ его побоевъ. Бьетъ онъ стягомъ по чемъ ни попало. Невмоготу намъ его урки! Ваше высокоблагородіе! оставьте насъ здѣсь на самыхъ тяжелыхъ работахъ...

Но ихъ, какъ бѣглецовъ, отодрали розгами и опять отослали на Онорь къ Ханову.

XI.

Мой новый слуга.—Его прошлое.—Бѣгство съ Онора.—Разсказъ Андрея.—Положеніе рабочихъ у Ханова.—Самовольное увѣчье.—Онорскіе людоѣды.—Слѣдствіе Д. С. Климова.

Сдѣлавшись единственнымъ наблюдателемъ Рыковской метеорологической станціи, я занялъ казенную квартиру, въ которой жила Марія Антоновна. Въ качествѣ сторожа метеорологической будки мнѣ полагался рабочій. Охотниковъ на это мѣсто, или, какъ говорятъ ссыльнокаторжные, «ваканцію», было много. Мнѣ рекомендовали сбѣжавшаго съ Онора грузина Андрея. Я попросилъ смотрителя, и онъ назначилъ его ко мнѣ въ услуженіе. Андрей не замедлилъ явиться. Еще бы! Съ поступленіемъ ко мнѣ онъ освобождался отъ страшнаго Ханова.

Этотъ грузинъ въ турецкую войну геройски служилъ милиціонеромъ на Кавказѣ и былъ раненъ въ голову. До сихъ поръ остался замѣтный шрамъ надъ бровью. Потомъ онъ находился нѣкоторое время на берегу Чернаго моря на спасательной станціи и, какъ хорошій пловецъ, два раза имѣлъ случай оказать помощь на морѣ, за что получилъ медаль за спасеніе погибающихъ. Въ началѣ армянскаго движенія, которое въ концѣ концовъ разыгралось до кровавыхъ сценъ, Андрей занимался контрабандною перевозкою оружія. Его прослѣдили и, несмотря на храбрую оборону, схватили, а затѣмъ послѣ суда сослали въ каторжныя работы. Попавъ въ партію къ Ханову, онъ не выдержалъ одного только вида звѣрской расправы и убѣжалъ. Счастливый случай попасть на вакансію избавилъ его отъ наказанія. Мнѣ онъ сразу внушилъ довѣріе, и я попросилъ его откровенно разсказать, что дѣлается на Онорѣ.

Сильно волнуясь, временами со слезами на глазахъ, онъ мнѣ повѣдалъ цѣлый рядъ ужасныхъ картинъ грубаго произвола надзирателей. Я передамъ только часть его разсказа.

— Мы тамъ сильно отощали. Намъ, говорятъ, полагался четвертый фунтъ хлѣба: ужъ очень работа тяжелая, а прива-

Надзиратель Хановъ.

рокъ—только слава одна: совсѣмъ плохъ! Но мы не только не видѣли этого четвертаго фунта, но и трехъ-то не всѣ получали. Работа трудная, таежная, въ болотинѣ, съ комарами да мошкою, промнешься за цѣлый-то день,—голодно! А тутъ еще надзиратели съ палками. Задастъ урокъ,—впередъ знаешь, что не сдѣ-

лаешь. Скажешь ему смирненько, что не подъ силу будетъ такой урокъ; гляди, сейчасъ же и влѣпитъ тебѣ въ спину палкой! Одинъ рабочій изъ хорошихъ людей сталъ на колѣни, заплакалъ и началъ просить: «Алимпій Иванычъ, отпусти мою душеньку: вѣдь я совсѣмъ извелся! не дай помереть безъ покаянія, не добивай меня до смерти!» Но нѣтъ! Его не проймешь жалкими словами. Еще больше разсердится! Убѣжалъ бы, да куда безъ хлѣба убѣжишь? Кругомъ Онора пустая тайга. Развѣ вотъ ягодъ кое-гдѣ найдешь. Да съ нихъ толку мало: одинъ поносъ только. Вотъ и я: шатался, шатался по тайгѣ... совсѣмъ изъ силъ выбился! Не хочется съ голоду умирать,—пошелъ тоже въ Рыковское... И знаю напередъ, что тамъ розги ждутъ, а все думается: авось, какъ нибудь Богъ помилуетъ. Но рѣдко кому удалось, какъ мнѣ, остаться здѣсь. Дадутъ тридцать штукъ [1]) обязательныхъ, и опять къ Ханову. Никакъ не придумаешь, что и дѣлать. Много несчастныхъ погибло съ голоду! Тайга кругомъ завонялась отъ труповъ. Такъ смердитъ, такъ смердитъ,— надо носъ затыкать, чтобы пройти по Онорской дорогѣ...

— Неужели они не жаловались начальнику?

— Пикнулъ бы кто нибудь пожаловаться,—показалъ бы имъ Хановъ! Начальникъ, положимъ, зналъ, что Хановъ дерется: онъ ему это позволилъ. А насчетъ умершихъ Хановъ всегда докладывалъ, что скончался, дескать, отъ чахотки, или отъ воспаленія легкихъ, или отъ какой другой болѣзни...

— Вѣдь ихъ много, удивительно, какъ они не сопротивлялись Ханову!

— Какое сопротивленіе! Они, какъ очумѣвшія мухи, едва шевелятся, а надзиратели всѣ съ револьверами да съ палками. Одинъ изъ солдатъ страшный былъ озорникъ: бьетъ, бьетъ, пока не повалится несчастный; и не знаешь—живъ ли онъ, или мертвъ. Разъ тоже Хановъ сильно прибилъ рабочаго и приказываетъ ему: «вставай!» Тотъ лежитъ, какъ трупъ, и не шевелится. — А, такъ-то ты! — кричитъ Хановъ: — вотъ, подожди, сейчасъ очнешься у меня! Обвязалъ его веревкой, да въ рѣчку! и давай его на веревкѣ окунать...

— Не можетъ быть!—вскричалъ я въ негодованіи.

Андрей обидѣлся за выраженное недовѣріе и смущенно замолкъ: онъ говорилъ, что видѣлъ своими глазами.

---

[1]) Тридцать ударовъ розгами.

Это повѣствованіе скоро подтвердилось ужаснымъ образомъ.

— Сейчасъ съ Онора,—докладываютъ мнѣ:—привезли рабочаго, который отсадилъ себѣ топоромъ, кажется, кисть руки.

— Какъ это отсадилъ? Нечаянно?

— Нѣтъ, умышленно. Положилъ руку на пень, да съ размаху и тяпнулъ по ней топоромъ. Лучше, говоритъ, безъ пальцевъ остаться, чѣмъ умирать отъ надзирательскихъ палокъ...

У меня сжалось сердце отъ представленія такой картины. Я побѣжалъ въ лазаретъ, гдѣ врачъ только что обошелъ палаты и спускался съ крыльца.

— Неужели, — говорю ему, — это не краснорѣчивые факты, что тамъ происходитъ что-то ужасное?

— Развѣ это, — отвѣчаетъ мнѣ врачъ, — первый случай въ каторгѣ! Очевидно, онъ не хочетъ работать и предпочитаетъ на правахъ увѣчнаго ничего не дѣлать.

— Нѣтъ, позвольте!—горячо возражаю я.—Вѣдь вы вотъ за милліонъ рублей не отдадите ни одного своего пальца; а тотъ, несчастный, рубитъ ихъ себѣ самъ, чтобы только не быть на Онорѣ. Значитъ, тамъ не легко!.. Это ужасно, ужасно! Отчего начальникъ не обратитъ на это своего вниманія?

— Да, онъ знаетъ, что Хановъ бьетъ ихъ. Иначе и нельзя. Подумайте, какъ ему справиться съ такою отчаянною толпою убійцъ въ глухомъ лѣсу? Тамъ вѣдь не вызовешь на помощь военной команды. Если не держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, нельзя и работать съ ними...

Я ко многому присмотрѣлся и прислушался въ каторгѣ, но этотъ случай всегда возмущалъ мою душу. Сознательно рубить себѣ пальцы и руки!.. Несчастные каторжные, что имѣли своего собственнаго, все приносили въ жертву за свое освобожденіе изъ онорскаго ада. Казалось, дальше этого нельзя итти. Но начальство оставалось глухо и къ этому вызову и даже грозило по излѣченіи наказать ихъ розгами и снова отправить къ Ханову.

Въ 15-ти верстахъ отъ Рыковскаго, по Пилингской дорогѣ, расположилось старѣйшее въ округѣ селеніе Мало-Тымово. Въ описываемое время тамъ еще существовала небольшая тюрьма, смотрителемъ которой былъ молодой чиновникъ Д. С. Климовъ. Однажды приводятъ къ нему двухъ бродягъ, убѣжавшихъ съ Онора. При обыскѣ нашли въ ихъ сумкахъ куски жаренаго человѣческаго мяса. Бродягъ немедленно отправили къ начальнику округа, при рапортѣ о найденномъ человѣческомъ мясѣ.

Бутаковъ назначилъ произвести слѣдствіе, какъ наиболѣе свободному человѣку, Д. С. Климову. До послѣдняго и раньше доходили слухи объ онорскихъ звѣрствахъ; но когда пришлось на мѣстѣ ужасныхъ событій разспрашивать каторжныхъ, у него волосы становились дыбомъ! Климовъ велѣлъ раскопать нѣсколько могилъ. Страшный видъ! у кого голова проломлена, у кого ребро... Всѣ показанія каторжныхъ были тщательно записаны, и такимъ образомъ составилось большое дѣло: о звѣрской расправѣ надзирателей съ каторжными.

Бродяги, явившіеся въ Мало-Тымово, заявили, что они отрѣзали ноги отъ валявшихся труповъ въ тайгѣ и умышленно явились съ человѣческимъ мясомъ въ сумкахъ, чтобы обратить на себя вниманіе начальства.

— Пусть отдаютъ подъ судъ,—говорили они,—пусть увеличиваютъ срокъ каторги, только бы не отправляли насъ къ Ханову!

Желаніе этихъ бѣглецовъ было исполнено: ихъ, какъ людоѣдовъ, отдали подъ судъ, а куски мяса, закупоренные въ банкахъ со спиртомъ, поставили въ сахалинскій музей.

XII.

Отъѣздъ и отставка Л—а.—Смотритель Н. Н. Я—въ.—Цвѣты, поэзія и расправа съ арестантами.—Расширеніе Тымовскаго округа. — Осложненіе дѣлъ.—Закрѣпленіе ссыльныхъ къ Сахалину.—Изба, покрытая тесомъ,—право на выѣздъ.—Сознаніе Бутакова.—Съ кладбища не возвращаютъ.

Смотритель Рыковской тюрьмы Л—ъ, получивъ новое назначеніе въ Корсаковскій округъ, съ радостью уѣхалъ туда отъ приближающагося скандала. Онъ умывалъ свои руки въ онорскомъ дѣлѣ, ссылаясь на то, что Бутаковъ отстранилъ его отъ присмотра за Хановской партіей. На самомъ же дѣлѣ нравственная отвѣтственность отчасти падала и на него: въ Тымовскомъ округѣ онъ былъ главнымъ создателемъ системы суровой расправы, увеличиванія уроковъ и урѣзыванія подъ видомъ наказанія арестантскаго хлѣба. Хановъ прошелъ у него хорошую школу, какъ управляться съ каторжными, и на Онорѣ не замедлилъ показать себя точнымъ его послѣдователемъ.

Лагерь каторжныхъ въ тайгѣ.

Сначала всѣ полагали, что, съ назначеніемъ новаго начальника въ Корсаковскій постъ, Л—ъ вернется назадъ опять смотрителемъ Рыковской тюрьмы, но какъ разъ къ этому времени кончилась для пенсіи его двадцатилѣтняя служба въ Приморской области, и онъ поспѣшилъ покинуть островъ. Впрочемъ, говорили на Сахалинѣ, что слишкомъ много жалобъ было на Л—на отъ чиновниковъ и священниковъ, и это было до нѣкоторой степени причиною его выхода въ отставку.

Вмѣсто Л—на смотрителемъ тюрьмы былъ назначенъ Н. Н. Я—ъ, окончившій Горигорецкое земледѣльческое училище. Пріѣхавъ въ Рыковское, онъ, какъ страстный любитель цвѣтовъ, днемъ сталъ заниматься главнымъ образомъ устройствомъ парниковъ и разведеніемъ цвѣтниковъ, а вечеромъ въ небольшомъ кругу своихъ пріятелей или игралъ въ карты, или декламировалъ стихотворенія русскихъ поэтовъ, такъ что для тюрьмы, для тюремнаго хозяйства у него не оставалось времени. Судя по его словамъ, онъ порывался войти съ арестантами въ дружескія отношенія, хотѣлъ заслужить отъ нихъ кличку отца родного, но, не умѣя владѣть собою, онъ ничего не могъ сдѣлать для нихъ—ни дурного, ни хорошаго. Покинутая на произволъ надзирателей тюрьма, какъ говорится, распустилась. Однако, на Сахалинѣ, въ странѣ контрастовъ, цвѣты и поэзія не мѣшали Я—у пороть арестантовъ и даже ссыльныхъ женщинъ; впрочемъ, онъ всегда въ этихъ случаяхъ старался оправдать себя или предписаніемъ начальства, или какими либо другими соображеніями.

Бутаковъ, подъ вліяніемъ ли онорскаго дѣла, или подъ тяжестью семейнаго горя (къ этому времени умерла горячо любимая имъ жена, а единственный сынъ былъ выгнанъ изъ гимназіи), какъ-то ослабѣлъ въ своихъ требованіяхъ отъ смотрителя Я—ва внимательнаго отношенія къ дѣламъ тюрьмы и махнулъ на нее рукою. И безъ тюрьмы у него было много заботъ по управленію обширнымъ округомъ.

Пока Тымовская долина въ предѣлахъ трехъ-четырехъ селеній представляла изъ себя небольшую земледѣльческую колонію, Бутаковъ отлично справлялся съ нею и даже снискалъ славу хорошаго хозяина. Но когда новыя селенія стали расти, какъ грибы [1], и округъ растянулся далеко на сѣверъ по рѣкѣ Тыми

[1] Въ 1889 году: Вальзе, Воскресенское, Усково; въ 1890 г.: Малыя Лонгари, Таулань; въ 1891 г.: Верхній Поронай, Далдаганъ, Славо, Хамдаса I; въ 1892 г.: Оноръ, Хамдаса II и др.

и на югъ по Онорской дорогѣ, дѣла по управленію сильно осложнились, и Арсеній Михайловичъ принужденъ былъ цѣлыми днями просиживать въ канцеляріи за бумагами. Одинъ изъ дѣятельныхъ реформаторовъ Сахалина, генералъ К—ъ (къ сожалѣнію, покинувшій островъ, когда онъ больше всего нуждался въ умномъ администраторѣ), своими распоряженіями поднялъ цѣлую кучу новыхъ вопросовъ. Бутаковъ едва поспѣвалъ отписывать на нихъ, а новыхъ помощниковъ ему не давали. Съ отъѣздомъ генерала К—а, временно управляющіе островомъ, быстро смѣняемые одинъ за другимъ въ сахалинское междупарствіе до назначенія новаго начальника, внесли нѣкоторый сумбуръ въ сложную машину управленія ссыльными. Помимо приказаній высшаго начальства, надо было соображаться еще съ ихъ личными требованіями. Бутакову, какъ человѣку безъ образованія, привыкшему только «слушаться и исполнять» канцелярскія предписанія относительно арестантовъ, трудно было уловить новыя вѣянія, приходящія съ каждой почтой изъ Петербурга, и потому онъ не разъ попадался впросакъ.

Въ такомъ грандіозномъ и живомъ дѣлѣ, какъ насажденіе новыхъ колоній въ дѣвственныхъ лѣсахъ Сахалина на протяженіи слишкомъ двухъ сотъ верстъ, надо быть человѣкомъ со смѣлою иниціативою и, не дожидаясь кабинетныхъ инструкцій, дѣйствовать по своимъ соображеніямъ. Но Бутаковъ въ послѣднее время весь ушелъ въ бумаги, которыя и подавили его умъ и сердце. Ему, напримѣръ, предпишутъ укрѣпить ссыльное населеніе въ округѣ. Онъ и укрѣпляетъ. Но какъ?

Придетъ къ нему поселенецъ, который лѣтъ десять состоитъ въ этомъ званіи и уже обзавелся домомъ и небольшимъ хозяйствомъ.

— Ваше высокородіе! Нельзя ли меня представить въ крестьяне?..

— Ты избу сперва покрой тесомъ, тогда и думай о крестьянствѣ,—скажетъ ему Бутаковъ и прогонитъ отъ себя.

Иному замѣтитъ, что онъ скота не имѣетъ или земли не пашетъ.

Странныя требованія! Человѣкъ стремится вырваться на волю изъ сахалинскаго ада, гдѣ онъ во всѣхъ званіяхъ—каторжнаго, поселенца, крестьянина,—чувствуетъ себя подневольнымъ, съ позорной кличкой ссыльнаго; ему хочется снова быть полноправнымъ гражданиномъ съ свободою передвиженій: а ему го-

ворятъ: живи среди ненавистныхъ тебѣ горъ, живи, гдѣ тебя били, гдѣ ты носилъ кандалы и позорное платье... Какъ хорошо ни обставляй неволю, человѣкъ всегда будетъ рваться изъ тюрьмы, какъ птица изъ клѣтки. Поселенецъ ждетъ не дождется, когда минуютъ необходимыя шесть лѣтъ (а по манифесту четыре), чтобы получить крестьянство и съ нимъ право выѣзда на материкъ. Если и есть у него кое-какія деньжонки, то, конечно, онъ постарается сберечь ихъ для заведенія новаго хозяйства тамъ, гдѣ онъ сядетъ крѣпко, навсегда. А ему говорятъ: крой здѣсь избу тесомъ, заводи скотъ, пахатную землю и пр. Онъ благополучно прожилъ десять лѣтъ въ избѣ, покрытой корьемъ или соломой, и кормилъ себя своимъ ремесломъ, которое еще дороже будетъ цѣниться въ новомъ Уссурійскомъ краѣ, гдѣ сразу воздвигается такая масса построекъ; а ему говорятъ: заводи теперь здѣсь полное хозяйство и занимайся несвойственнымъ для тебя дѣломъ—паши землю, и тогда можешь все это бросить и уѣхать на материкъ. Одно время придумали новыя препятствія и для крестьянина.

— Избу можешь продавать,—говорятъ ему, — но не землю; земля казенная.

Тоже непонятное препятствіе. Человѣкъ своими руками корчевалъ землю нѣсколько лѣтъ, построилъ на ней избу, развелъ огородъ; а ему говорятъ: земля казенная, а избу можешь продать или перенести, куда тебѣ вздумается. Но, кажется, это требованіе далѣе канцелярій не пошло.

Я не одинъ разъ ходатайствовалъ за поселенцевъ предъ Бутаковымъ.

— Да равнѣ я самъ не понимаю,—говорилъ онъ мнѣ,—что насильно милъ не будешь? Никакими средствами не удержишь ссыльнаго на Сахалинѣ. Ужъ на что были хорошіе хозяева (здѣсь онъ помянулъ нѣсколько извѣстныхъ фамилій въ Рыковскомъ) Ловягинъ, Скубко и др.. Какія у нихъ были пашни, сколько скота! Своими руками создали здѣсь прекрасныя хозяйства... И все это бросили и уѣхали. Мнѣ жаль было выпустить ихъ на материкъ: они были украшеніемъ нашего селенія. А нельзя: давно имѣли право на крестьянство. Вотъ Палевскихъ поселенцевъ я съ удовольствіемъ бы выгналъ вонъ изъ округа. Отъ нихъ никогда толку не будетъ. А не могу: приказываютъ удерживать народъ отъ выѣзда,—я и держу. Иной, самъ знаю, поселенцемъ лѣтъ четырнадцать! И человѣкъ-то смирный, а я

все-таки держу его. Не имѣю права отпускать такихъ, кто здѣсь не обзавелся хозяйствомъ.

А между тѣмъ вопросъ, кого выпускать на материкъ, разрѣшается справедливѣе, если взять за критерій не богатство ссыльнаго, а его нравственное состояніе. Бутаковъ достаточно зналъ своихъ поселенцевъ, чтобы опредѣлить, кто безусловно испорченный человѣкъ и опасный для общества, и кто напротивъ могъ бы быть прекраснымъ, честнымъ гражданиномъ на материкѣ. Вѣдь, кто раньше всѣхъ покроетъ крышу тесомъ?— Пройдоха, кулакъ, торговецъ запрещеннымъ товаромъ, ростовщикъ. Эти развязные господа какъ-то быстро освобождаются отъ работъ и иногда завоевываютъ почетное положеніе среди другихъ ссыльныхъ. Они скорѣе получаютъ крестьянство и чаще всего немедленно уѣзжаютъ на материкъ для новыхъ преступленій. И худо то, что изъ-за этихъ «сахалинскихъ гражданъ», какъ ихъ съ ироніей называютъ во Владивостокѣ, худая слава распространяется на всѣхъ сахалинцевъ. Одинъ, напримѣръ, пріѣхалъ на материкъ и въ казначействѣ по подложному талону получаетъ десятки тысячъ рублей, другой берется позолотить куполъ церкви и оклеиваетъ его золотою бумагою, которая смывается при первомъ дождѣ; еще хуже, когда дерзкая кража сопровождается убійствомъ. Подобные поступки не разъ вызывали сильныя репрессаліи со стороны мѣстной власти противъ выѣзда сахалинцевъ на материкъ и, конечно, ложились новымъ гнетомъ на ссыльное населеніе.

Грузинъ Андрей, бывшій на онорскихъ работахъ.

Система насильственнаго удерживанія поселенцевъ на Сахалинѣ, сверхъ назначеннаго закономъ срока, страшно вооружила ихъ противъ Бутакова. Нѣкоторые пробовали обойти его подачею прошеній на высочайшее имя.

Случилось мнѣ однажды написать такое прошеніе хорошему мужику, за котораго хлопотали родные въ Россіи. Они прислали на Сахалинъ приговоръ сельскаго общества, съ просьбою вернуть къ нимъ этого ссыльнаго. Онъ пошелъ къ начальнику округа. Бутаковъ едва взглянулъ на прошеніе и съ ироніей сказалъ ему.

— Съ кладбища не возвращаютъ!

XIII.

Выходъ съ Сахалина. — Каторжные на постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги.—Жалобы рабочихъ.—Тяготѣніе къ Амуру.—Развитіе пароходства.—Заработная плата.—Пьянство матросовъ.—Худая слава сахалинцевъ.—Зависимость отъ каторжнаго острова.—Окончательный разрывъ съ Сахалиномъ.

Когда для нѣкоторыхъ ссыльныхъ закрыты были и законные пути для выхода изъ Сахалина, судьба какъ будто сжалилась надъ массою тоскующихъ людей въ неволѣ и дала имъ выходъ инымъ путемъ.

Для ускоренія постройки Уссурійской желѣзной дороги рѣшено было привлечь на земляныя работы, кромѣ китайцевъ, военныя команды и ссыльныхъ. Эта вѣсть быстро облетѣла весь Сахалинъ и взбудоражила все населеніе. Вотъ выходъ на материкъ!— мелькнуло у сахалинцевъ, и они толпой повалили къ начальнику округа проситься на желѣзную дорогу. Несмотря на то, что ихъ предупреждали о тяжести земляныхъ работъ, о стѣснительныхъ условіяхъ, и что, по окончаніи работъ, ихъ снова вернутъ на островъ, ссыльные не унывали.

— Ладно, говори тамъ!—утѣшали они себя.—У меня къ тому времени и срокъ кончится... Тамъ будетъ новое начальство,— авось, оно милостивѣе!... Что мнѣ тутъ дѣлать на посельѣ? Тамъ нашъ братъ мастеровой во какъ нуженъ!... Можно хорошую деньгу зашибить... и т. д.

Съ такими радужными иллюзіями уѣхали большія партіи рабочихъ во Владивостокъ. Сортировалъ народъ, конечно, самъ Бутаковъ.

Многіе, дѣйствительно, окончили во время работъ свои сроки и устроились въ Уссурійскомъ краѣ довольно хорошо; но нѣко-

торымъ пришлось вернуться назадъ на Сахалинъ и разсказать про уссурійскую жизнь на линіи дороги. И замѣчательно: тяжесть работъ почти всегда ставилась въ зависимость не отъ мѣстныхъ условій, а отъ распорядителя ихъ. Оказывается, и тамъ нашелся суровый чиновникъ, въ своемъ родѣ Л—ъ, который поражалъ своею жестокостью. О его звѣрскихъ расправахъ разсказывалось даже на Сахалинѣ, какъ о чемъ-то изъ ряда выходящемъ. Каторжные очень жаловались на крутыя обращенія съ ними и передавали, что будто бы и тамъ, въ Уссурійскомъ краѣ, нашелся для нихъ «островъ» наказанія—небольшой камень въ глубинѣ Амурскаго залива, недалеко отъ Владивостока. Поселенцы тоже обижались на стѣснительныя для нихъ мѣры на желѣзной дорогѣ. Вообще большинство вернувшихся были недовольны этимъ новымъ «отхожимъ промысломъ» и своими разсказами сильно расхолодили стремленія другихъ къ поѣздкѣ въ Уссурійскій край на подневольныя работы.

Гораздо охотнѣе сахалинцы уѣзжали на пароходѣ не во Владивостокъ, а по проторенному пути въ Николаевскъ и выше по Амуру. Оно и понятно. Для бѣднаго поселенца и шестнадцать рублей большія деньги; онъ, конечно, предпочтетъ добраться до материка за три рубля ближайшей дорогой черезъ Николаевскъ. Къ тому же въ этомъ городѣ сахалинецъ чувствуетъ себя въ своей средѣ. Здѣсь, смѣло можно сказать, болѣе половины населенія изъ каторжныхъ, и потому прибытіе новаго ссыльнаго не вызываетъ ни призрѣнія, ни удивленія. Главное же, что тянетъ сахалинца на Амуръ, это—вѣрный заработокъ, на который онъ сейчасъ же можетъ разсчитывать, какъ только ступитъ на берегъ. Если у него есть скопленныя деньжонки, онъ спѣшитъ въ устьяхъ Амура засолить на продажу первый уловъ кэты, которая дорого цѣнится во всей Приморской области, какъ низовая рыба; а нѣтъ денегъ—идетъ рабочимъ на сборку пароходовъ или матросомъ на плавающія суда.

Съ постройкою Сибирской желѣзной дороги рѣки Восточной Сибири, особенно Амуръ и Уссури, сильно оживились. Для перевозки милліоновъ пудовъ желѣзнодорожнаго груза нужно было создать нѣсколько казенныхъ и частныхъ пароходствъ, а съ ними явилась громадная потребность въ рабочемъ людѣ. Цѣна простого матроса на баржѣ поднялась до тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ! Нѣкоторые телеграфные чиновники нашли выгоднымъ бросить свою службу и поступить матросами или при-

казчиками на суда. Очень цѣнились въ этомъ краѣ также мастеровые. Обыкновенный плотникъ, напримѣръ, получалъ по 1 р. 80 к. въ день. Наконецъ, если не на рѣкѣ, то можно было хорошо заработать на золотыхъ пріискахъ. При умѣренномъ образѣ жизни простой рабочій на рѣкѣ Уссури могъ откладывать по 25 рублей въ мѣсяцъ сбереженія.

Къ сожалѣнію, съ увеличеніемъ заработка на Амурѣ развилось страшное пьянство. Особенно жадны были до водки сахалинцы. Дорвавшись до кабака, котораго иные не видѣли лѣтъ пятнадцать-двадцать, они быстро спускали весь свой богатый заработокъ. На моихъ глазахъ погибло отъ пьянства немало способныхъ работниковъ.

Чтобы не быть въ зависимости отъ безшабашныхъ сахалинцевъ, нѣкоторые пароходовладѣльцы обратились къ отставнымъ солдатамъ, къ крестьянамъ поселенцамъ и къ иностранному элементу—къ японцамъ и китайцамъ. Въ послѣднее время на Амурѣ стали бояться сахалинцевъ, такъ что даже трезвымъ и честнымъ сахалинскимъ выходцамъ надо было скрывать свою связь съ островомъ каторжныхъ.

«...Когда пріѣдете сюда,—писали съ того берега уѣхавшіе счастливцы своимъ оставшимся товарищамъ на Сахалинѣ,—нигдѣ не говорите, а особенно въ Хабаровскѣ и въ Благовѣщенскѣ, что вы сахалинцы, иначе трудно найти въ городѣ уголъ у квартирной хозяйки. Нашего брата сторонятся здѣсь, какъ заразы».

Всѣ блуждающіе по Амурскому краю сахалинскіе крестьяне и поселенцы и неуспѣвшіе еще приписаться къ какой либо деревнѣ Восточной Сибири крѣпко привязаны къ острову каторжныхъ своими паспортами. Сахалинъ держитъ ихъ какъ бы тремя пучками невидимыхъ веревокъ, исходящихъ изъ трехъ административныхъ центровъ: Александровскаго поста, Корсаковскаго и Рыковскаго. При встрѣчѣ «сахалинскаго гражданина» на материкѣ, прежде всего замѣчаешь въ немъ безпокойство относительно паспорта.

— Я послалъ свой билетъ въ Александровку и просилъ прислать мнѣ новый еще на годъ, да вотъ пять мѣсяцевъ жду. Ужъ и не знаю, вышлютъ ли мнѣ его...

— Да вы какъ послали? Вложили ли деньги за перемѣну паспорта?

— Послалъ заказнымъ письмомъ, но денегъ не клалъ. Я не зналъ.

Селеніе Малое Тымово.

— Надо было. Изъ-за этого-то и задержка.

Только тогда этотъ человѣкъ перестаетъ быть для другихъ страшнымъ сахалинцемъ, когда онъ перерѣжетъ эту послѣднюю нить, то-есть когда онъ порветъ свою паспортную зависимость отъ острова. А это не такъ легко: надо много извести бумаги, времени и денегъ! Зато, если успѣетъ приписаться къ обществу сибирскихъ крестьянъ или мѣщанъ, онъ сразу становится здѣсь полноправнымъ обывателемъ, и позорная кличка «сахалинца» снимается съ него навсегда.

XIV.

Пріѣзжіе въ Рыковскомъ селеніи.—Программа занимать гостей.—Церковь.—Тюрьма.—Школа. — Конюшня. — Картофельный дворецъ. — Мельница. — Огороды.—Поля.—Тымовская военная команда.—Столкновеніе солдатъ съ ссыльнымъ населеніемъ.—Между двухъ огней.

Большіе начальники время отъ времени наѣзжали въ Рыковское и всегда оставались въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго. Но это и понятно. Гости они не долгіе, заѣдутъ въ наше селеніе дня на два, на три—не больше; а за это короткое время легко можно было занять человѣка въ такомъ обширномъ округѣ, какъ Тымовскій. На этотъ счетъ была выработана особая программа. Каждый разъ, какъ пріѣзжаетъ свѣжій человѣкъ съ того берега (генералъ, большой чиновникъ, корреспондентъ и другіе), мы напередъ знали, куда его повезутъ и что покажутъ.

Прежде всего почетныхъ гостей вели въ церковь. Просторная и свѣтлая, съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ мѣстнаго ильмоваго дерева, она производила пріятное впечатлѣніе. Особенно восхищались инкрустаціей изъ разныхъ деревьевъ на царскихъ дверяхъ, сдѣланной самимъ Бутаковымъ. Если случался праздникъ, хорошее пѣніе хора каторжныхъ во время богослуженія окончательно подкупало гостей истинно расхваливать здѣшнюю церковь.

— И все это, вы говорите, дѣло каторжныхъ? Удивительно!..—замѣчали гости.

Поражала ихъ своими большими размѣрами новая школа съ массою дѣтей обоего пола.

Тюрьма обыкновенно показывалась въ то время, когда каторжные расходились изъ нея по работамъ. Камеры на этотъ случай декоративно украшались свѣжими елками и пихтами, а полъ усыпался хвоей, чтобы смолистымъ запахомъ ихъ перебить невыносимую вонь, присущую арестантскимъ помѣщеніямъ. Тутъ же на тюремномъ дворѣ проведутъ гостей по мастерскимъ. Въ столярной обязательно покажутъ столы, шкафы, шкатулки изъ сахалинскихъ наплывовъ, и при этомъ заинтерессованнымъ гостямъ что нибудь подарятъ на память. Затѣмъ шелъ обходъ тюремнаго хозяйства. Ферма и хозяйство въ образцовомъ порядкѣ. У лошадей обширное помѣщеніе, чистое, сухое и не съ такимъ противнымъ запахомъ, какъ въ арестантскихъ казармахъ. Цѣлый рядъ казенныхъ лошадей, сытыхъ, здоровыхъ, лоснится тщательно вычищенною гладкою шерстью. Въ сараѣ разнообразіе блестящихъ экипажей.

— А это тоже работа каторжныхъ? — спросятъ гости.

— Все здѣшняго производства...

Недалеко отъ больницы, въ которую мимоходомъ тоже заглянутъ, находится грандіозное зданіе. Домъ—не домъ, сарай—не сарай...

— Что это такое? — спросятъ гости.

— Картофельный дворецъ...

— Что-оо?!...

Но вмѣсто объясненія ихъ вводятъ внутрь.

Средина въ два этажа занята обширными складами картофеля. Кругомъ ихъ подѣланы просторные коридоры, уставленные кадками съ кислою капустой. Кое-гдѣ стоятъ желѣзныя печи для поддержанія въ сильные морозы соотвѣтствующей температуры.

Все это для гостей такъ интересно, такъ ново и на этотъ случай такъ чисто, что они, искренно восторгаясь всѣмъ, уносятъ съ собою самое прекрасное впечатлѣніе отъ селенія. При этомъ ихъ окружаютъ изысканнымъ вниманіемъ, а послѣ обхода въ домѣ начальника ихъ ожидаютъ вкусный обѣдъ и мягкая постель.

На другой день—продолженіе програмы. Въ прекрасной коляскѣ бойкія лошади везутъ гостей по естественной аллеѣ изъ гигантскихъ тополей и ивъ къ рѣкѣ Тыми. Въѣзжаютъ на длинный деревянный мостъ. Широкій, прочный, красивый, онъ вызываетъ удивленіе гостей.

— И такія постройки дѣлаютъ каторжные безъ участія архитектора!—восторженно замѣчаютъ они.

У второго моста сдѣлана плотина, сдерживающая довольно обширное озеро. Съ края плотины высится водяная мельница. Вода кипитъ ключомъ, жернова кружатся, одинъ мѣшокъ зерна за другимъ исчезаетъ въ пасти воронки...

— Построена ссыльнокаторжнымъ,—предупредительно говорятъ гостямъ.

— Прекрасно! прекрасно! А видъ здѣсь какой! Будь это въ Петербургѣ—здѣсь были бы самыя дорогія дачи. Какой чудный воздухъ! Сколько воды, зелени! А какія красивыя горы кругомъ по горизонту!..

Но программа еще не закончена. Гостей везутъ въ одно изъ ближайшихъ поселеній, а по дорогѣ показываютъ длинныя вереницы грядъ капусты, картофеля и другихъ овощей. Между грядъ въ разныхъ мѣстахъ курятся коренья выкорчеванныхъ деревьевъ для отогнанія капустной бабочки. За огородомъ открывается волнующееся море желтыхъ колосьевъ. Куда ни оглянешься направо или налѣво отъ дороги,—во всю ширину долины до самыхъ горъ переливаются золотистыя волны хлѣба подъ яркимъ горячимъ солнцемъ.

— Вотъ это голый ячмень,—поясняетъ услужливый хозяинъ округа.—А это рожь. Въ этомъ году, если Богъ дастъ ведро при уборкѣ, надо полагать, будетъ хорошій урожай. А вотъ зеленая полоса пшеницы. Тоже скоро должна выколоситься.

— Говорятъ, на Сахалинѣ хлѣбъ не растетъ; но вѣдь это настоящая житница!—восклицаетъ изумленный гость.

Самодовольно улыбаясь, начальникъ округа предлагаетъ проѣхаться на заимку или на рыбалку.

— Довольно, довольно! Всего не пересмотришь. Я и такъ загостился у васъ. Очень, очень вамъ благодаренъ! Какой порядокъ, чистота... Я совершенно забываю, что нахожусь въ самой срединѣ острова-каторжныхъ.

Если это корреспондентъ русскаго или иностраннаго журнала, ему покажутъ еще нѣсколько сахалинскихъ знаменитостей, въ родѣ «Золотой ручки», и даже одарятъ фотографіями.

Мѣстная военная команда, занимая своими солидными сооруженіями особый кварталъ въ самомъ центрѣ Рыковскаго селенія, также немало занимала большихъ гостей военнаго званія и парадною встрѣчею, и разводомъ съ церемоніей, и гимна-

Каторжникъ Гусевъ, обвиняемый въ людоѣдствѣ.

стикою, и другими воинскими затѣями. У солдатъ также было обширное хозяйство, свой скотъ, огороды и луга. Въ первые годы своего пребыванія въ Рыковскомъ селеніи, они несли тѣ же самыя работы, что поселенцы и каторжные: та же расчистка земли для покоса травы, та же заготовка лѣса зимою, сооруженія новыхъ зданій, заготовка соленой рыбы, огородныхъ овощей и прочее. Только при второмъ воинскомъ начальникѣ, когда хозяйство команды болѣе или менѣе было налажено, стали обращать вниманіе и на фронтовое ученіе.

Холостые солдаты занимали обширную казарму въ своемъ кварталѣ, а женатые жили въ отдѣльныхъ избенкахъ среди поселенцевъ. Какъ ни старались офицеры изолировать нижнихъ чиновъ отъ общенія съ ссыльными, они волей-неволей сталкивались и на прогулкахъ, и въ лавкахъ, и на работахъ.

Обыкновенно солдаты держатъ себя очень нахально съ поселенцами, какъ съ безправными людьми, надъ которыми постоянно виситъ угроза въ видѣ розогъ за попытку защитить свое человѣческое достоинство. За всѣ восемь лѣтъ въ Рыковскомъ селеніи только одинъ разъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ поселенцы осмѣлились было унять трехъ пьяныхъ буяновъ изъ мѣстной команды; но это поставило на ноги чуть ли не всю роту, которая, прибѣжавъ къ мѣсту драки, обрушилась на одного пьянаго рабочаго и такъ его избила, что надо было нести бѣднягу прямо въ лазаретъ.

Въ Александровскомъ посту были болѣе крупныя столкновенія, но о нихъ я знаю только по разсказамъ.

Мнѣ самому случилось испытать на себѣ непріязненное отношеніе солдатъ къ поселенцамъ. Каждый день вечеромъ, въ 9 часовъ, по окончаніи метеорологическихъ наблюденій, я проходилъ мимо домовъ воинскаго начальника и начальника округа. Перваго охранялъ часовой съ ружьемъ, а второго — свора громадныхъ злыхъ собакъ. Время отъ времени раздавались жалобы, что онѣ искусали то одного, то другого поселенца; тѣмъ не менѣе, каждый вечеръ спускали ихъ съ цѣпи, и какъ разъ въ то время, когда я шелъ домой. Всегда мнѣ стоило большого труда пройти мимо этой своры; но однажды зимой, яростно набрасываясь на меня, злыя собаки заставили податься отъ нихъ къ дому воинскаго начальника. Часовой, видя при яркомъ лунномъ освѣщеніи мое безпомощное положеніе, вышелъ мнѣ навстрѣчу, взялъ ружье на перевѣсъ и грубо крикнулъ:

— Куда идешь!

Тѣсное положеніе пришлось мнѣ тогда испытать! Но недолго я находился между двухъ огней: ярость цѣпныхъ собакъ утихла раньше, чѣмъ у солдата, и онѣ убѣжали, открывъ для меня дорогу домой.

XV,

Первыя извѣстія въ печати объ онорскихъ жестокостяхъ.—Поиски сахалинскаго корреспондента.—Обидныя угрозы начальника.—Арестъ Н. П—а.—Двѣ судьбы.—Отношеніе чиновниковъ къ ссыльнымъ.—Самоубійства К—а и Д—аго.

Лѣтомъ 1892 года, пріѣзжалъ на Сахалинъ профессоръ Красновъ. Желая ближе познакомиться съ природою острова, онъ избралъ заброшенную дорогу въ Рыковское черезъ Пилингу и далѣе по рѣкѣ Поронай въ заливъ Терпѣнія. Его сопровождали, какъ проводники и носильщики, ссыльнокаторжные, которые откровенно разсказали ему о послѣднихъ происшествіяхъ въ Тымовскомъ округѣ. По пріѣздѣ въ Россію, профессоръ подѣлился своими впечатлѣніями въ «Книжкахъ Недѣли», между прочимъ помянулъ и о звѣрской расправѣ Ханова съ обезсиленными голодомъ людьми. Какъ бы въ подтвержденіе его разсказовъ, время отъ времени стали появляться корреспонденціи съ Сахалина во «Владивостокѣ». Наконецъ, объ онорскомъ дѣлѣ заговорили и за границею. Администрація встревожилась. Казалось бы, надо скорѣе затушить пожаръ, то-есть, изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, прогнать Ханова, установить новые порядки и обратить особенное вниманіе на избитыхъ; но сдѣлали какъ разъ наоборотъ: Ханова попрежнему оставили надзирателемъ на Онорѣ, а удалили чуть не со скандаломъ Д. С. Климова; начатое послѣднимъ «онорское дѣло» положили «подъ сукно», еще съ болѣе строгою цензурою отнеслись къ письмамъ ссыльныхъ и стали искать среди нихъ корреспондентовъ «Владивостока».

Корреспонденты, правду сказать, немного пересаливали. На ряду съ описаніемъ онорскихъ происшествій, они затрагивали интимную жизнь чиновниковъ, не брезгали и мелкими скандальными исторіями среди поселенцевъ. По характеру статей сразу можно было догадаться, что писала ихъ не рука интеллигент-

наго человѣка, а какого нибудь малообразованнаго писаря. Тѣмъ не менѣе начальство рѣшило про себя, что корреспондентъ находился среди интеллигентныхъ ссыльныхъ Рыковскаго селенія.

Однажды пріѣзжаетъ начальникъ въ нашъ округъ. По извѣстной программѣ ему показали всѣ достопримѣчательности Рыковскаго селенія. Конечно, онъ остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ.

Послѣ его объѣзда сосѣднихъ селеній, позвали меня и моихъ товарищей въ канцелярію полицейскаго управленія. Полагая, что начальникъ желаетъ съ нами лично познакомиться, мы спокойно вошли въ присутствіе; но, взглянувъ на суровое лицо его, я сейчасъ же понялъ, что бесѣда предстоитъ не совсѣмъ мирнаго характера.

Спросивъ у Бутакова наши фамиліи и чѣмъ мы занимаемся, начальникъ сдѣлалъ намъ строгое внушеніе, что если мы будемъ писать корреспонденціи съ Сахалина, онъ сошлетъ насъ на сѣверъ. И при этомъ энергично погрозилъ пальцемъ.

Оскорбленный рѣзкою рѣчью начальника и этимъ грозящимъ пальцемъ (ни раньше, ни послѣ, въ продолженіе всего моего мытарства въ тюрьмахъ и ссылкѣ, ни одинъ чиновникъ не позволилъ по отношенію ко мнѣ ничего подобнаго), я не могъ произнести въ отвѣтъ ни одного слова: отъ обиды и волненія спазмы сжимали мнѣ горло и грудь. Товарищи тоже хранили гробовое молчаніе. Мы сами не только не знали корреспондента «Владивостока», но и не сочувствовали характеру его писаній.

Совершенно подавленнымъ я вышелъ изъ канцеляріи. Вѣроятно, не лучше чувствовали себя и мои товарищи, потому что одинъ изъ нихъ, Н. Л. П—ъ, не выдержалъ и пошелъ объясняться на квартиру начальника. Тотъ, подозрѣвая въ немъ корреспондента, раскричался на него, приказалъ сейчасъ же арестовать и продержать на гауптвахтѣ цѣлый мѣсяцъ.

Между тѣмъ корреспондентъ «Владивостока» не унимался и продолжалъ разоблачать сахалинскіе порядки.

Строгое отношеніе начальника къ намъ, ссыльнымъ, сейчасъ же отразилось и на обращеніи съ нами нѣкоторыхъ чиновниковъ и офицеровъ.

Былъ такой характерный случай со мною.

Мѣсяца за два до пріѣзда къ намъ начальника, меня вызвали въ Александровскій постъ устроить тамъ метеорологическую станцію. На возвратномъ пути въ Рыковское селеніе я

Ссыльнокаторжные на постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги.

ѣхалъ съ однимъ изъ сахалинскихъ офицеровъ. Длинная дорога заставила насъ разговориться. Найдя въ нашемъ прошломъ нѣсколько общихъ знакомыхъ, мы довольно откровенно разсказали другъ другу о своей прошлой жизни. Оказалось, мы были почти одныхъ лѣтъ. Юношей онъ былъ на худомъ счету у начальства, всегда съ плохимъ балломъ изъ поведенія и, кажется, былъ исключенъ изъ военнаго училища. Но все-таки какъ-то выбрался въ офицеры. Зато потомъ довольно скоро завоевалъ себѣ сравнительно хорошее положеніе на службѣ. Я же, напротивъ, прекрасно учился, никогда не имѣлъ изъ поведенія менѣе двѣнадцати балловъ, пользовался на службѣ прекрасною аттестаціею начальства и... попалъ въ каторгу. Теперь мы сошлись въ одномъ мѣстѣ, сидимъ рядомъ въ одномъ тарантасѣ, но на самомъ дѣлѣ стоимъ на ступеняхъ общественной мѣстницы далеко другъ отъ друга. Поражаясь капризами судьбы, мы мирно доѣхали до дома и довольно тепло разстались. Онъ просилъ заходить къ нему по вечерамъ.

Послѣ посѣщенія начальникомъ Рыковскаго селенія, этотъ офицеръ, встрѣчаясь со мною, сталъ показывать видъ, что не знакомъ со мною. Конечно, и я не узнавалъ въ немъ того милаго собесѣдника, какъ мнѣ казалось, съ русскою душею на распашку, который ѣхалъ со мною еще такъ недавно изъ Александровскаго поста.

Не желая имѣть такихъ временныхъ знакомствъ съ чиновниками и получать отъ нихъ внѣшніе знаки вниманія, какъ милостивую подачку, я старался держаться на Сахалинѣ въ сторонѣ отъ ихъ круга. Только неотложныя дѣла заставляли меня посѣщать ихъ квартиры.

Одинъ изъ моихъ сожителей по тюрьмѣ, студентъ М. Н. К—ъ, напротивъ, употреблялъ всѣ усилія войти въ ихъ общество. Онъ скоро достигъ своей цѣли. Да это было и не такъ трудно, стоило лишь каждый день проводить съ чиновниками и офицерами мѣстной команды или на охотѣ, или просто въ пріятельской бесѣдѣ. Удовлетворило ли это его? Нѣтъ. Онъ не выдержалъ четырехъ лѣтъ такой жизни и кончилъ страшнымъ самоубійствомъ: одновременно принялъ стрихнину и прострѣлилъ себѣ грудь изъ ружья. Несмотря на такое безповоротное рѣшеніе разстаться съ здѣшнимъ міромъ, бѣдному страдальцу пришлось ждать смерти въ продолженіе десяти часовъ при полномъ сознаніи.

Лишь только извѣстіе о самоубійствѣ К—а достигло Александровскаго поста, какъ тамъ другой нашъ товарищъ, тотъ самый П. Д—й, который такъ гостепріимно принималъ насъ при нашемъ прибытіи на Сахалинъ, послѣдовалъ его примѣру и однимъ выстрѣломъ сразу покончилъ съ собою.

Я умышленно упоминаю объ этихъ двухъ самоубійствахъ. Они были вызваны главнымъ образомъ тоскою въ неволѣ и сознаніемъ, что они люди, безповоротно оторванные отъ общества.

XVI.

Положеніе интеллигентныхъ людей на островѣ.—Сахалинская семья.—Обманчивыя ожиданія.—Пьянство.—Раздача водки.—Спиртные напитки.—Разгулъ надзирателей.—Сахалинскія мѣры къ отрезвленію.

Самое ужасное наказаніе здѣсь—когда отнимаютъ всякую надежду на освобожденіе или растягиваютъ ее на столько лѣтъ (послѣ окончанія каторги надо пробыть шесть лѣтъ поселенцемъ и десять крестьяниномъ, чтобы получить право возвращенія въ предѣлы Европейской Россіи), что человѣкъ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и осахалинивается.

Одни изъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, послѣ мучительныхъ колебаній, наконецъ, рѣшаются основательно засѣсть на островѣ и берутъ къ себѣ въ домъ каторжную бабу. Тамъ пойдутъ дѣти, а съ ними появится естественная привязанность къ сахалинской семьѣ. Другіе крѣпятся, ведя нормальную жизнь и мечтая о будущемъ семейномъ счастьѣ въ Россіи. А между тѣмъ лучшіе годы уходятъ, показывается преждевременная сѣдина, наглядно приближается старость. Это сознаніе, что почти вся жизнь проходитъ въ какомъ-то обманчивомъ ожиданіи, сильно гнететъ человѣка. Онъ дѣлается болѣзненнымъ, нервнымъ, недовольнымъ, раздражительнымъ. Страшно видѣть, какъ ссыльный на Сахалинѣ мучится и нравственно и физически! И вотъ, если смерть не подкрадется въ видѣ чахотки или какой другой болѣзни, несчастный страдалецъ кончаетъ съ собой пулей, стрихниномъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгаютъ къ общепринятому утѣшенію въ горѣ—къ водкѣ. Если свободные люди и притомъ

семейные, хорошо обезпеченные, занимающіе почетное положеніе на Сахалинѣ, не выдерживаютъ здѣшней жизни и запиваютъ свою тоску водкою, то что же можно требовать отъ ссыльнаго!

Въ Тымовскомъ округѣ нѣтъ открытой продажи спирта. Его привозятъ для ссыльныхъ поселенцевъ только наканунѣ большихъ праздниковъ изъ Александровскаго поста. Привозъ спирта въ Рыковское—цѣлое событіе! Въ одинъ мигъ со всѣхъ концовъ соберется толпа мужиковъ и бабъ съ бутылками въ общественную избу. Каждому отольютъ по мѣркѣ, сколько назначено начальникомъ. Я зналъ только одного человѣка на Сахалинѣ, который не пользовался своимъ правомъ купить бутылку спирту изъ казны, остальные всѣ домогались получить какъ можно больше всеутѣшающаго напитка, если не для себя, то для продажи. На Сахалинѣ для непьющаго человѣка спиртъ самая доходная статья. Самъ онъ платитъ по казенной расцѣнкѣ, а беретъ съ другого ссыльнаго въ четыре, пять разъ дороже, особенно если онъ попридержитъ свой спиртъ къ концу праздниковъ. Иногда въ Рыковскомъ селеніи еще далеко до окончанія святокъ или свѣтлой недѣли выпивается весь запасенный спиртъ, тогда идутъ въ лавку еврейки Манихи и покупаютъ у нея одеколонъ. На Сахалинѣ пьютъ всякую мерзость, лишь бы чувствовался спиртъ. Лакъ, политура, духи и даже аптечныя тинктуры—все годится здѣшнему пьяницѣ. Отъ иного ссыльнаго мужика разитъ одеколономъ за нѣсколько шаговъ.

Случилось, что у одного надзирателя изъ ссыльныхъ русская душа разошлась во всю ширь. Пилъ онъ и спиртъ съ водою, и политуру, и одеколонъ. Вдругъ увидѣлъ на полкѣ дорогой флаконъ съ духами.

— Давай духовъ! Знай нашихъ!..

А на другой день на немъ лица не было: такъ разнесло его отъ всѣхъ этихъ «спиртныхъ» напитковъ.

Если какой нибудь надзиратель позволитъ себѣ напиться въ одномъ изъ административныхъ центровъ (Александровскій постъ, Дуэ, Рыковское и др.) и начнетъ буйствовать среди поселенцевъ и каторжныхъ, то это половина горя: здѣсь есть кому съ нимъ управиться. Но вотъ бѣда, когда въ какомъ нибудь отдаленномъ поселеніи напьется пьянымъ надзиратель, представляя изъ себя тамъ единственное начальство. Что съ нимъ могутъ сдѣлать беззащитные поселенцы?!

Работы каторжныхъ при постройкѣ моста на р. Хорѣ.

Въ Рождественскіе праздники 1893 года былъ, напримѣръ, возмутительный случай въ начинающемъ селеніи Тауланѣ, когда пьяный надзиратель Т—ій вздумалъ стрѣлять изъ револьвера въ проходящихъ поселенцевъ.

Смотритель Л—ъ, самъ всегда трезвый, преслѣдовалъ пьянство въ своей тюрьмѣ всѣми возможными средствами. Однажды онъ отодралъ за пьянство одного ссыльнаго, когда-то бывшаго въ учительской семинаріи. Этотъ молодой, здоровый человѣкъ въ пьяномъ видѣ оскорбилъ, кажется, священника. Узнавъ объ этомъ, Л—ъ сейчасъ же распорядился засадить семинариста въ кандальную. На другой день вывели его для экзекуціи.

— Простите! — взмолился семинаристъ: — я позволилъ себѣ оскорбить неумышленно въ пьяномъ видѣ.

— Я тебя не наказываю за дерзость, а за пьянство. За дерзость я съ тобой не такъ бы расправился. Ложись!

— Простите!—продолжалъ умолять семинаристъ:—я со второй рюмки не могу владѣть собою и не помню, что я дѣлаю...

— Я тебя за вторую рюмку и не наказываю, а за первую. Не пей первой, никогда не будешь пить и второй. Ребята,— обращается смотритель къ старостамъ:—кладите его!

Для надзирателей, которыхъ Л—ъ не имѣлъ права наказывать розгами, онъ придумалъ другой способъ скораго отрезвленія.

— Какъ только у меня,—разсказывалъ онъ другимъ чиновникамъ:—Л—ій напьется, сейчасъ велю тащить его на полокъ въ жаркую баню, да продержу его тамъ подъ рядъ нѣсколько часовъ,—скоро приходитъ въ себя!

ЧАСТЬ IV.

I.

Въ новомъ званіи поселенца.—Упадокъ состоянія духа.—Извѣстіе о пріѣздѣ генералъ-губернатора.—Встрѣча барона Корфа въ Рыковскомъ.—Пріѣздъ Н. И. Гродекова. — Сахалинскіе флаги. — Простота обстановки генерала. — Его путешествіе по селеніямъ округа.—Подача прошеній.—Недовольство чиновниковъ

Время идетъ безостановочно. Борешься съ днями... Глядишь, ихъ набралось уже мѣсяцы и годы! Потихоньку подкрался и срокъ моей каторги. Потому ли, что ожиданіе этого момента было такъ долго, или потому, что новое званіе поселенца почти не измѣняло моего внѣшняго положенія, я не особенно радовался. Новое званіе даже было хуже прежняго въ матеріальномъ отношеніи: мнѣ перестали выдавать пищевой паекъ (1 пудъ 27 фунтовъ муки, 12½ фунтовъ мяса и 5 фунтовъ крупы), который полагается ссыльнокаторжному, а вмѣстѣ съ тѣмъ—обувь и сукно для одежды. Я попрежнему былъ лишенъ свободы передвиженія, а главное—не имѣлъ права выѣзда на материкъ: надо еще потерпѣть неопредѣленное число лѣтъ на Сахалинѣ. Ожиданіе чего-то новаго какъ будто еще ярче подчеркнуло всѣ невзгоды ссыльной жизни. Послѣдніе годы были особенно тяжелы потерею многихъ близкихъ людей. Оставшіеся мои товарищи тоже ослабѣли духомъ и сильно изнервничались. Интересъ ко всему сахалинскому сталъ замѣтно ослабѣвать. Да и общій фонъ жизни Тымовскаго округа въ эти годы омрачался частыми убійствами и самоубійствами.

Стало всѣмъ тяжело, душно. Послѣ инфлюенціи, измучившей лѣтомъ 1893 года поголовно все населеніе Рыковскаго, настало какое-то нравственное угнетеніе, духовная инфлюенція... Чувствовалась нужда въ сильномъ дуновеніи свѣжаго воздуха извнѣ, чтобы разогнать скопившіяся испаренія этого невылазнаго болота—каторжной сахалинской жизни.

Такимъ свѣжимъ воздухомъ пахнуло извѣстіе о пріѣздѣ къ намъ помощника пріамурскаго генералъ-губернатора, Николая Ивановича Гродекова.

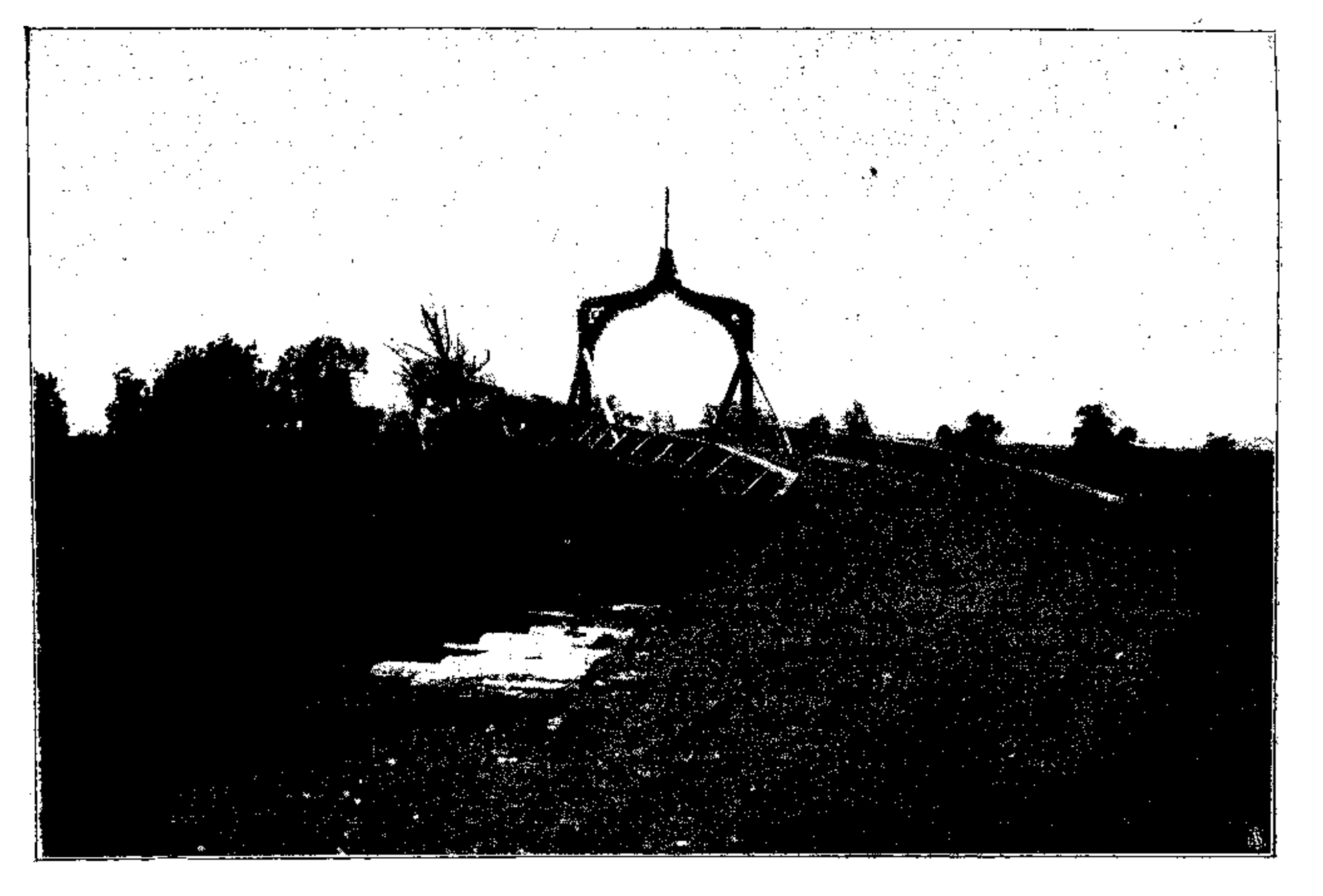
Начальство засуетилось и стало готовиться къ пріему важнаго гостя. Всѣмъ еще памятно было посѣщеніе Сахалина покойнымъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Н. А. Корфомъ. Это былъ настоящій праздникъ для всѣхъ. Къ намъ, въ Рыковское селеніе, онъ пріѣхалъ въ ясный, теплый іюльскій день. Поселенцы и бабы съ ребятами въ яркихъ ситцахъ двумя огромными толпами обступили спеціально построенныя для гостя тріумфальныя ворота—высокую деревянную арку, украшенную зеленью. Здѣсь барона встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью благообразный поселенецъ и сказалъ отъ лица всего ссыльнаго общества краткую рѣчь [1]), въ отвѣтъ на которую Николай Андреевичъ поспѣшилъ поздравить его съ крестьянскимъ званіемъ. Затѣмъ, принявъ почетный караулъ отъ мѣстной команды, онъ сталъ бесѣдовать съ поселенцами. Частныхъ просьбъ почти не было. Говорили объ общихъ нуждахъ и главнымъ образомъ—объ условіяхъ здѣшняго хлѣбопашества. Если и раздавались жалобы, то только по адресу погоды.

---

[1]) Вотъ она дословно:

«Ваше высокопрѣвосходительство!

«Нерадостная судьба наша заставляетъ позабыть свою родину, свое происхожденіе и поселиться на краю свѣта, среди непроходимыхъ лѣсовъ. Богъ помогъ намъ. Въ короткое время построили дома, очистили долину подъ поля и луга, развели скотъ, воздвигли храмъ, и, вы сами теперь видите, здѣсь Русью пахнетъ. Но, скрываясь за горами и лѣсами отъ людей, мы и думать не смѣли, чтобы посѣтилъ насъ, когда-то отверженныхъ отъ общества, кто нибудь изъ высокопоставленныхъ въ Русскомъ государствѣ. Господь увидѣлъ наше смиреніе,—и вотъ ваша нога первая вступила со властью и покровительствомъ царя, съ милостью и вниманіемъ отца страны преступныхъ изгнанниковъ. Ваше высокопревосходительство! Радостно встрѣчаемъ васъ! Радуемся надеждою, что вы оставите намъ по себѣ память своимъ вниманіемъ къ нашимъ нуждамъ и просьбамъ и не погнушаетесь нашею деревенскою встрѣчею съ хлѣбомъ и солью».

Мость на рѣкѣ Тымѣ.

Послѣ небольшого отдыха, барону и его многочисленной свитѣ стали показывать тюремное хозяйство по извѣстной программѣ. Все, конечно, расхваливалось, все награждалось. Настроеніе у чиновниковъ было самое праздничное, веселое, довольное.

Полагали встрѣтить такимъ же образомъ и новаго генералъ-губернатора. Опять стали соображать объ устройствѣ тріумфальной арки, опять заказали рѣзчику дорогое блюдо для подношенія хлѣба-соли, нашили множество новыхъ флаговъ... какъ вдругъ извѣщеніе: по желанію генерала, никакихъ арокъ, подношеній и вообще парадной встрѣчи не дѣлать.

Раннею весною, 29 апрѣля, Н. И. Гродековъ пріѣхалъ въ Рыковское. Въ сопровожденіи небольшой свиты онъ быстро подкатилъ къ толпѣ поселенцевъ, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль (рѣзного блюда не принялъ) и тотчасъ направился въ тюрьму, а оттуда въ лазаретъ.

Увидя вывѣшенные флаги изъ бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ полосъ (синяя бумажная матерія была настолько темна, что издали казалась совершенно черною), генералъ спросилъ начальника округа:

— Эти флаги какого государства?

Смущенный начальникъ ничего не могъ отвѣтить на вопросъ и обѣщалъ перешить ихъ.

Меня тоже возмущали эти «сахалинскіе» флаги. Еще до пріѣзда генерала я попробовалъ замѣтить окружному начальнику, что въ русскомъ флагѣ синяя полоса находится въ серединѣ, а не съ края, но тогда простодушный начальникъ не придавалъ большого значенія порядку полосъ.

Бутаковъ приготовилъ помѣщеніе для Николая Ивановича въ своемъ домѣ, но генералъ, какъ настоящій ревизоръ, отклонилъ и это предложеніе и попросилъ себѣ какую нибудь свободную избу. Ему указали на недавно построенную обширную школу. Въ ней онъ помѣстился со своимъ единственнымъ слугою, который былъ для него всѣмъ: и лакеемъ, и поваромъ.

Такая простота жизни озадачила рыковскихъ чиновниковъ, но на другой день имъ пришлось еще болѣе удивляться, когда генералъ изъявилъ желаніе ѣхать на Оноръ.

— Туда ѣхать нельзя теперь,—замѣчаетъ ему начальникъ округа.—Недавно снѣгъ стоялъ, а потому рѣки вышли изъ береговъ, да и мокрыя мѣста еще не просохли.

— А поселенцы? Ходятъ же они какъ нибудь?

— Да; они пробираются по вязкой дорогѣ пѣшкомъ, и мѣстами имъ приходится мѣсить грязь по колѣно и выше.

— Дойдемъ и мы!

Генералъ-губернаторъ быстро собрался и поѣхалъ въ тарантасѣ въ селеніе Палево и далѣе по новой дорогѣ, насколько это было возможно.

Это путешествіе вышло совсѣмъ внѣ программы живыхъ картинъ благосостоянія Тымовскаго округа. По дорогѣ очамъ генерала представились несчастныя новыя селенія во всемъ ихъ ужасающемъ видѣ. Среди тощихъ лиственницъ кое-гдѣ торчали бѣдныя лажучки. Небольшая кучка понурыхъ поселенцевъ робкимъ голосомъ попробовала было говорить о погибшей «картошкѣ», которую они сажали въ холодную тундристую землю...

Жалкая нищета! Эти насильственно насажденныя селенія на безплодной почвѣ, разные Тауланы и Далдаганы, въ настоящее время по распоряженію высшаго начальства покинуты и вычеркнуты изъ списковъ.

Скрѣпя сердце, генералъ побрелъ дальше по болотистой землѣ на Оноръ.

При выѣздѣ изъ Рыковскаго, начальникъ округа надѣялся, что Николай Ивановичъ остановится предъ трудностью многоверстнаго пути по непросохшей дорогѣ; но энергичный генералъ, котораго не могли остановить безплодныя степи Средней Азіи, упорно подвигался впередъ все дальше и дальше.

Начальникъ округа окончательно упалъ духомъ. И было отчего! Онъ зналъ, что дальше раскроются еще болѣе грустныя картины.

Николай Ивановичъ и на Онорѣ остановился въ простой избѣ поселенца, а не у страшныхъ надзирателей, создавшихъ «онорское дѣло». Всѣ ссыльные имѣли свободный доступъ къ генералу и откровенно поразсказали ему о своихъ невзгодахъ.

На другой день поздно вечеромъ генералъ вернулся въ Рыковское. Какъ видно, онъ хотѣлъ основательно познакомиться съ Тымовскимъ округомъ, потому что утромъ уже опять покатилъ съ Бутаковымъ по долинѣ рѣки Тыми на сѣверъ. Въ этой сторонѣ селенія Дербинское, Воскресенское, Усково и другія были расположены болѣе удачно: обширные луга вперемежку съ красивыми рощами и пашнями до нѣкоторой степени примиряли съ этими деревушками пріѣзжаго человѣка изъ Россіи.

Казалось бы, генералъ все обозрѣлъ въ округѣ, но онъ и не думаетъ объ отъѣздѣ. Онъ хочетъ узнать всю изнанку здѣшней жизни и не по малоговорящимъ бумагамъ канцеляріи, а отъ самой дѣйствительности. И вотъ онъ гостепріимно раскрываетъ двери своего обширнаго помѣщенія въ школѣ для всѣхъ желающихъ съ нимъ поговорить. Это былъ истинный праздникъ ссыльныхъ Сахалина! Съ утра до вечера одна толпа просителей смѣняла другую. И мужчины, и женщины, ссыльные и свободнаго состоянія, всѣ обрадовались случаю разсказать свою нужду и подать прошенія. Кто просилъ увеличить размѣръ кормовыхъ денегъ для дѣтей, кто о перечисленіи въ крестьяне, а кто подавалъ прошеніе о помилованіи на высочайшее имя. Но чаще всего встрѣчалась просьба поселенцевъ о примѣненіи къ нимъ послѣдняго манифеста, по которому они получили бы званіе крестьянина съ правомъ выѣзда на материкъ.

Генералъ терпѣливо выслушивалъ каждаго просителя, быстро дѣлалъ вѣрную оцѣнку и не медлилъ рѣшеніемъ. Его помощники, капитанъ С. Г. Леонтовичъ и прикомандированный чиновникъ А. А. Куломзинъ, работали днемъ и ночью, едва успѣвая разобраться въ массѣ накопившихся дѣлъ. Весь грамотный людъ въ округѣ былъ занятъ составленіемъ прошеній для поселенцевъ. Меня тоже упрашивали написать знакомые и незнакомые.

По какому-то поводу мнѣ надо было взять справку въ полицейскомъ управленіи. Всегда вѣжливый и любезный со мной чиновникъ Б—хъ вдругъ грубо дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, зачѣмъ я пишу прошенія для поселенцевъ. Не желая скрывать или дѣлать что либо тайно, я обратился къ начальнику округа.

— Да, правда,—сказалъ онъ мнѣ:—незачѣмъ имъ писать, потому что будутъ общія положенія о перечисленіи всѣхъ поселенцевъ въ крестьяне.

Это было сказано такимъ упавшимъ и въ то же время грустнымъ голосомъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать:

— Восемь лѣтъ я былъ старательнымъ служакой. Иногда съ болью въ сердцѣ удерживалъ поселенцевъ отъ выѣзда изъ Сахалина, но это дѣлалось по распоряженію начальства. Теперь, съ этимъ несчастнымъ онорскимъ дѣломъ, я сильно упалъ во мнѣніи генерала, и чужіе грѣхи приписываютъ одному лишь мнѣ.

Водяная мельница близъ сел. Рыковскаго.

II.

Моя встрѣча съ генераломъ Гродековымъ.—Ложный слухъ о нашемъ родствѣ.—Золотая Ручка.—Исповѣдь съ слезными рыданіями.—Энергія генерала.—Рыковское подъ русскимъ флагомъ. — Воскресеніе мертвыхъ. — Прощальная рѣчь Н. И. Гродекова.—Просьба старухи Марьи.

На пятый день своего пребыванія въ Рыковскомъ, генералъ Гродековъ неожиданно приходитъ ко мнѣ на домъ осмотрѣть метеорологическую станцію. Поговоривъ немного о погодѣ, онъ просилъ меня написать для него краткую характеристику климата здѣшней долины и ушелъ.

Это посѣщеніе вызвало немалое удивленіе среди поселенцевъ, которые смотрѣли на мой домъ, не какъ на офиціальное учрежденіе, а исключительно какъ на жилое помѣщеніе, данное мнѣ отъ казны.

— Генералъ,—говорили они,—не былъ ни у начальника округа, ни у смотрителя, а къ нему, поселенцу, пошелъ. Это не спроста! Не иначе, онъ родственникъ ему, или они раньше служили вмѣстѣ...

Эта вѣсть быстро распространилась по селенію. Ссыльные еще болѣе стали осаждать меня просьбами—походатайствовать за нихъ у генерала.

Дня черезъ два послѣ моего свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ приходитъ ко мнѣ принарядившаяся женщина еврейскаго типа, съ сильно раскрашенными щеками.

Я не узналъ ея, но она сама поспѣшила рекомендоваться:

— Блюфштейнъ. Меня называютъ здѣсь «Золотою Ручкою», но это несправедливо: настоящая Золотая Ручка въ Одессѣ, а меня ложно выдали подъ этимъ именемъ.

И вдругъ заплакала.

Я поспѣшилъ предложить ей стулъ.

— Чѣмъ я могу вамъ служить?—спрашиваю ее.

Ничего не отвѣчая, она сидитъ и плачетъ.

Издали мнѣ часто приходилось видѣть эту пресловутую «Золотую Ручку» въ сопровожденіи ссыльнаго Богданова, тоже въ своемъ родѣ сахалинской знаменитости за свои преступныя продѣлки. Эта парочка, всегда возбуждая во мнѣ непріятное чувство, свободно разгуливала по селенію и разными незаконными путями

эксплуатировала здѣшнихъ простаковъ. Только теперь я имѣлъ возможность поближе разсмотрѣть эту женщину.

Еслибы Софья Блюфштейнъ захотѣла, она легко могла найти себѣ здѣсь пособниковъ на всякое преступное предпріятіе. Не знаю, насколько справедливо, но народная молва въ Александровскомъ посту нѣсколько случаевъ крупнаго воровства называетъ дѣломъ ея «золотыхъ ручекъ». Послѣ ея вторичной попытки бѣжать съ каторги ее наказали и перевели за Пилингскій хребетъ въ нашъ Тымовскій округъ.

— Можетъ быть, вы желаете, чтобы я написалъ для васъ прошеніе?—снова ее спрашиваю.

Она отрицательно мотнула головой и продолжала плакать. Я совершенно растерялся предъ такимъ обильнымъ потокомъ слезъ. Вперемежку съ рыданіями она, наконецъ, подробно стала разсказывать, какъ съ ней грубо обращались въ Александровкѣ, какъ заковали ее въ кандалы и звѣрски наказали розгами...

Выслушавъ ея грустную исповѣдь, я все же недоумѣвалъ: что ей надо отъ меня?

Не отвѣчая прямо на мой вопросъ, она стала жаловаться на начальника Тымовскаго округа.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ я ей,—начальникъ, напротивъ, относится къ вамъ слишкомъ снисходительно. Ему, напримѣръ, извѣстно, что вы сдѣлали изъ своего дома шинокъ, и однако онъ смотритъ на это сквозь пальцы. И еслибы вы продавали одну чистую водку, а то вѣдь у васъ какое-то особенное пиво съ дурманомъ. Какъ стаканъ выпьешь, говорятъ, такъ цѣлый день въ головѣ точно гвоздь сидитъ.

— Ахъ, что вы?! что вы?! Я вамъ принесу сейчасъ. Вы сами увидите, что вамъ неправду сказали.

— Нѣтъ, благодарю! Мой сторожъ попробовалъ выпить у васъ стаканъ пива, но потомъ всю ночь промучился съ страшною головною болью... Если вы не желаете, чтобы я вамъ написалъ прошеніе, то что же вы хотите отъ меня?

— Говорятъ, вы родственникъ генералу... Не скажете ли ему за меня нѣсколько словъ?..

Пришлось ее разочаровать, какъ и многихъ другихъ ссыльныхъ, приходившихъ съ подобными просьбами.

Тюремные чиновники пытались было остановить свободное движеніе народа къ генералу, пробовали вмѣшаться въ слишкомъ откровенные разсказы поселенцевъ, но то и другое имъ

не удалось. Николай Ивановичъ категорически попросилъ ихъ не мѣшать выслушать всѣ просьбы ссыльныхъ.

Насъ поражала энергія генерала: неусыпно работая весь день, онъ мало отдыхалъ и ночью. Между прочимъ, онъ попросилъ посмотрѣть «онорское» дѣло въ изложеніи Д. С. Климова. Говорятъ, описаніе надзирательскихъ звѣрствъ ужаснуло его. Да, это было видно и по лицамъ тюремныхъ чиновниковъ. Начальникъ округа и смотритель тюрьмы до того растерялись, что вдругъ ни съ того, ни съ сего, публично на площади въ присутствіи самого генерала стали громко обвинять другъ друга. Эта уличная сцена сильно запечатлѣлась въ моей памяти. Еще недѣлю тому назадъ это были сахалинскіе князья, передъ кото рыми трепетали безправные рабы каторги. А теперь они сами потеряли изъ-подъ ногъ почву и чувствуютъ себя жалкими, несчастными, осужденными и безсильными.

Наступилъ праздникъ 6-го мая. Рыковское селеніе расцвѣтилось флагами. На этотъ разъ они были настоящіе русскіе.

— Вотъ оно, когда наступило у насъ Русское царство!—радостно восклицали поселенцы. И имъ было отъ чего ликовать. До сихъ поръ въ глазахъ начальства они считались, за малымъ исключеніемъ, какъ мертвые на кладбищѣ.

— Съ погоста не возвращаютъ!—сурово говорили имъ.

Нуженъ былъ въ своемъ родѣ властный мессія, который пришелъ бы въ этотъ сахалинскій адъ и воскресилъ обреченныхъ на вѣчную смерть.

Долго его ждали ссыльные. Многіе сѣдовласые старцы, пробывъ поселенцами болѣе десяти лѣтъ, такъ и не дождались своего избавителя. И дѣйствительно, они навсегда упокоили свои кости на здѣшнемъ погостѣ. И вотъ вдругъ является человѣкъ, который подаетъ имъ надежду уже тѣмъ только, что принимаетъ ихъ прошенія.

— Ну, слава Богу,—говорилъ забытый народъ,—и мы еще свѣтъ увидимъ!..

Простившись очень тепло съ поселенцами, Н. И. Гродековъ подошелъ къ чиновникамъ и сказалъ имъ:

— Ошибки, недосмотры, промахи — все это можно простить; но у васъ, господа, сердца нѣтъ! сердца нѣтъ!..

Съ отъѣздомъ генерала наступило удивительное затишье въ въ тюрьмѣ. По утрамъ не было слышно ни криковъ, ни плача наказываемыхъ, и даже кобылу съ розгами убрали, хотя по

Казарма Тымовской военной команды.

этому поводу не было слышно никакого распоряженія. Голоса чиновниковъ и надзирателей не были такъ громки и дерзки. У всѣхъ стоялъ вопросъ:

— Что-то скажетъ главное начальство въ Хабаровскѣ?..

Плетется ко мнѣ маленькая старушка, но еще бодрая, выносливая.

— Здравствуйте, Марьюшка! Что скажете?

— Да слышала, что будутъ пускать насъ съ Сахалина. А у меня дочка есть. Пріѣзжай, говоритъ, маменька, ко мнѣ: я теперь замужемъ, живу хорошо. И вотъ мнѣ захотѣлось къ дочкѣ. Хоть при смерти посмотрѣть, какъ она тамъ, голубушка... Пожалуйста, — кланяется мнѣ старуха, — напишите генералу прошеньице!

— Опоздали, Марьюшка: онъ уѣхалъ. Да теперь все равно: васъ и безъ прошенія отпустятъ. Вѣдь вы, поди, лѣтъ десять, какъ считаетесь поселенкой?

— Больше, больше! Я ужъ и счетъ потеряла.

Проходитъ послѣ отъѣзда генерала мѣсяцъ, другой, третій, а о какихъ либо общихъ распоряженіяхъ о перечисленіи поселенцевъ въ крестьяне ничего не слышно. Только и приказано было ускорить слѣдствіе по «онорскому дѣлу».

Вѣроятно, распространившаяся молва въ Россіи и за границей объ онорскихъ звѣрствахъ заставила въ это же время пріѣхать еще другихъ начальниковъ.

На этотъ разъ старуха Марья не прозѣвала и одному изъ нихъ подать свое прошеніе. Вернулась ко мнѣ вся сіяющая, довольная.

— Ну, что,—спрашиваю ее,—принялъ прошеніе?

— Принялъ, принялъ... Да какой же онъ хорошій да ласковый! Тебѣ, спрашиваетъ, бабушка, зачѣмъ на старости лѣтъ двигаться отсюда? — Да какъ же не хотѣть, говорю я ему: тутъ я одна, а тамъ у меня дочка родная. Все же упокоитъ меня, старуху, да и похоронитъ, Богъ дастъ, какъ слѣдуетъ быть.—Ну, хорошо, хорошо, говоритъ. Такой ласковый, пріятный генералъ!..

— А прошеніе-то ваше принялъ онъ? Передалъ адъютанту?

— Бумагу-то мою? Взялъ. Взялъ ее въ свои ручки, да вотъ этакъ, вотъ этакъ, пока говорилъ со мною, все и комкалъ; а потомъ положилъ комочекъ въ свой карманъ и говоритъ мнѣ: хорошо, бабушка, иди! Какъ же принялъ, принялъ!

— O sancta simplicitas!—подумалъ я.

Все остальное время, пока я былъ на Сахалинѣ, Марья поджидала отвѣта на свое прошеніе, которое такъ ласково было принято. Дождалась ли она его и уѣхала ли къ своей дочери, или до сихъ поръ продолжаетъ читать сорокоусты по сахалинскимъ покойникамъ, какъ это она дѣлала раньше въ продолженіе десяти лѣтъ,—мнѣ неизвѣстно.

III.

Поселенка Елизавета К.—Пріѣздъ ея дочери изъ Россіи.—Разсказъ Маши о своемъ путешествіи.—Сватанье жениховъ.—Сожительство съ рабочимъ.—Жертва ревности.—Болѣзнь Маши.—Разрывъ сожительства.

Другая рыковская поселенка, Елизавета К., распорядилась не такъ, какъ старушка Марья. Безпокоясь о судьбѣ оставшейся въ Московской губерніи взрослой дочери, она надумала пригласить ее на Сахалинъ и здѣсь выдать замужъ за надзирателя или вообще «хорошаго» человѣка.

Елизавета приходитъ ко мнѣ посовѣтоваться.

— Моя Маша,—разсказывала она,—все время, какъ меня увезли на Сахалинъ, живетъ въ услуженіи по чужимъ людямъ. Теперь ей пошелъ девятнадцатый годъ. Кто ее тамъ убережетъ? Вотъ еслибы здѣсь со мной жила, долго не засидѣлась бы въ дѣвкахъ: здѣсь невѣстъ хорошихъ мало. Только не знаю, можно ли мнѣ выписать ее сюда на казенный счетъ.

— Если дочь ваша согласна пріѣхать на Сахалинъ, то можно.

Я боялся отговорить Елизавету отъ ея намѣреній. Она, думаю, сама прекрасно знаетъ условія здѣшней жизни. Это правда, на Сахалинѣ мало женщинъ, и скромная дѣвушка можетъ вполнѣ разсчитывать на хорошую партію, потому что нѣкоторые тюремные чиновники и интеллигентные ссыльные сдѣлали простыхъ каторжныхъ бабъ не только сожительницами, но и законными женами. Наконецъ, надо принять и то во вниманіе, что если взрослая грамотная дѣвушка согласна ѣхать къ каторжнымъ на Сахалинъ, то, вѣроятно, ей несладко живется въ Москвѣ.

Я написалъ необходимыя бумаги и разсказалъ Елизаветѣ, что надо сдѣлать.

Мое прошеніе увѣнчалось неожиданнымъ успѣхомъ. Съ первымъ пароходомъ изъ Одессы съ ссыльными Маша прибыла въ Александровскій постъ. Вмѣстѣ съ вновь прибывшими каторжными женщинами заключили и ее на нѣсколько дней въ карантинъ. Мать, какъ только услышала о прибытіи Маши, сейчасъ же поѣхала встрѣчать ее въ сахалинскую столицу и вскорѣ вернулась съ нею въ Рыковское. Первый визитъ ихъ былъ ко мнѣ.

Я полагалъ, что Маша болѣзненная или некрасивая женщина, которая въ отчаяніи за свою судьбу рискнула искать счастья за тридевять земель у каторжныхъ; но, къ моему удивленію, она оказалась очень миловидною, живою дѣвушкою, съ полными розовыми щеками. Взвинченная массою новыхъ впечатлѣній по дорогѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, она съ жаромъ принялась мнѣ разсказывать о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, о путешествіи по «арапскимъ», индѣйскимъ и китайскимъ странамъ, о прибытіи на Сахалинъ и про свою жизнь въ карантинномъ сараѣ.

— Меня всѣ уговаривали не ѣхать на Сахалинъ. Стращали меня, что здѣсь и холодъ непомѣрный, и ѣсть-то здѣсь нечего, и каторжные-то меня погубятъ... Пугали и дорогою по морю. Пришла къ приставу, и тотъ отговариваетъ меня. Ужъ я вамъ и сказать не знаю, какъ я рѣшилась ѣхать такую даль. Въ Москвѣ исповѣдывалась, причащалась, а пріѣхала въ Одессу—снова пошла къ священнику исповѣдываться, чтобы не осталось ни одного грѣшочка. Мнѣ говорили, что грѣшный человѣкъ не можетъ переѣхать моря. А какъ пріѣхала на Сахалинъ,—жениховъ здѣсь... отбою нѣтъ!

— Съ женихами-то вы не торопитесь,—замѣчаю я ей.—Поживите, поприглядитесь къ здѣшнему народу, тогда вамъ и разсказывать не надо будетъ: сами все узнаете.

Но не прошло недѣли, какъ Елизавета опять приходитъ ко мнѣ со своею дочкою. Маша—попрежнему сіяющая.

— Посовѣтоваться пришли,—торжественно заявляетъ мать.—Сватается много жениховъ, и одинъ очень понравился Машѣ, да я боюсь ее отдать ему: пьяница! Я-то хотѣла, чтобы она вышла за ключника при складѣ съ провизіей. Вы не слышали про него?

— Нѣтъ, не знаю.

— На хорошей вакансіи человѣкъ и доходы большіе... Недавно домъ купилъ здѣсь, въ Рыковскомъ. И не пьющій. Только... Ужъ не знаю, какъ вы посовѣтуете. Онъ не можетъ сейчасъ вѣнчаться: у него срокъ черезъ три мѣсяца[1]). Какъ вы скажете?

— Подождите три мѣсяца. Немного! А тѣмъ временемъ лучше узнаете, что̀ онъ за человѣкъ.

— Мы-то согласны подождать, да онъ не хочетъ. Или сейчасъ иди къ нему, или онъ другую возьметъ. Мнѣ, говоритъ, надо на службу ходить, и оставлять домъ безъ призора не годится. Здѣсь, говоритъ, и всѣ такъ живутъ. Ужъ и не знаю, что дѣлать...

— Правда,—отвѣчаю я,—здѣсь многіе живутъ не въ законномъ бракѣ, потому что имъ нельзя вѣнчаться, и ихъ никто за это не осуждаетъ. А вѣдь вашему ключнику остается всего три мѣсяца. Если ему нравится ваша дочь, подождетъ немного-то! И вамъ спокойнѣе. А разъ онъ грозитъ взять другую женщину, то и Богъ съ нимъ!

Дожно быть, мать очень прельстилась доходами ключника, потому что вскорѣ послѣ нашего разговора она водворила свою дочку въ его домѣ.

Наступила зима. Приходитъ ко мнѣ фельдшеръ и разсказываетъ, что оба молодые находятся въ лазаретѣ, въ палаткахъ накожныхъ болѣзней.

— Что такъ?—спрашиваю.

— Онъ говоритъ, что Марья его заразила, а Марья говоритъ, что онъ ее. Кто ихъ разберетъ!

По выздоровленіи Маша приходитъ ко мнѣ одна, безъ матери, блѣдная, печальная. Особенной причины не было ко мнѣ придти. Видно было, что ей хотѣлось оправдаться предо мною, и бѣдная женщина стала разсказывать свою грустную исторію временнаго замужества.

— Что же, думаю, пріѣхала не для того, чтобы сидѣть на маменькиной шеѣ. Надо свой домъ устроивать. Я и пошла къ нему.

---

[1]) По закону каторжный имѣетъ право жениться, когда онъ поступитъ въ разрядъ исправляющихся, и то спустя нѣкоторое время. Напримѣръ, осужденный на пятнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ имѣетъ право вступить въ законный бракъ только по прошествіи двухъ годовъ въ разрядѣ испытуемыхъ и трехъ годовъ въ разрядѣ исправляющихся. Если каторжный состоялъ въ бракѣ до осужденія въ ссылку, то по новому закону, въ случаѣ отказа жены слѣдовать за своимъ супругомъ, онъ расторгается.

Не скажу, чтобы онъ мнѣ нравился. Всегда суровый, молчаливый, нелюдимый такой. Къ намъ никто не смѣлъ придти въ гости, и самъ онъ уходилъ только на службу. И то какъ: запретъ меня иной разъ на ключъ, а пальто или платокъ запрячетъ куда нибудь. Чуть только освободится въ складѣ, сейчасъ же бѣжитъ посмотрѣть, дома ли я. Все боялся, какъ бы я не ушла отъ него. Даже ночью не вѣрилъ мнѣ. Проснется утромъ.

— Ты выходила?—спрашиваетъ.

— Никуда я не ходила.

— Нѣтъ, врешь! Ты къ любовнику бѣгала.

Придумалъ завязывать двери веревкой. Если стукнетъ гдѣ нибудь ночью, опять на меня набрасывается:

— Это тебя любовники вызываютъ?

Итакъ каждый день: ругаетъ, бьетъ, а потомъ начнетъ прощенія просить. Я уже отъ него не разъ къ матери бѣгала. Придетъ, начнетъ упрашивать, клянется, что не будетъ больше обижать, цѣлуетъ ноги, а чуть немного заподозритъ что, опять, какъ звѣрь, накинется на меня. Разъ что же случилось. Кололъ это онъ вечеромъ лучину.

— Ложись, говоритъ, Маша, и я сейчасъ лягу.

Какъ всегда, заперъ дверь на ключъ и обвязалъ ручку веревкой. Легъ и онъ по-хорошему. Заснули. Вдругъ среди ночи будитъ меня.

— Марья, это что?—кричитъ онъ.

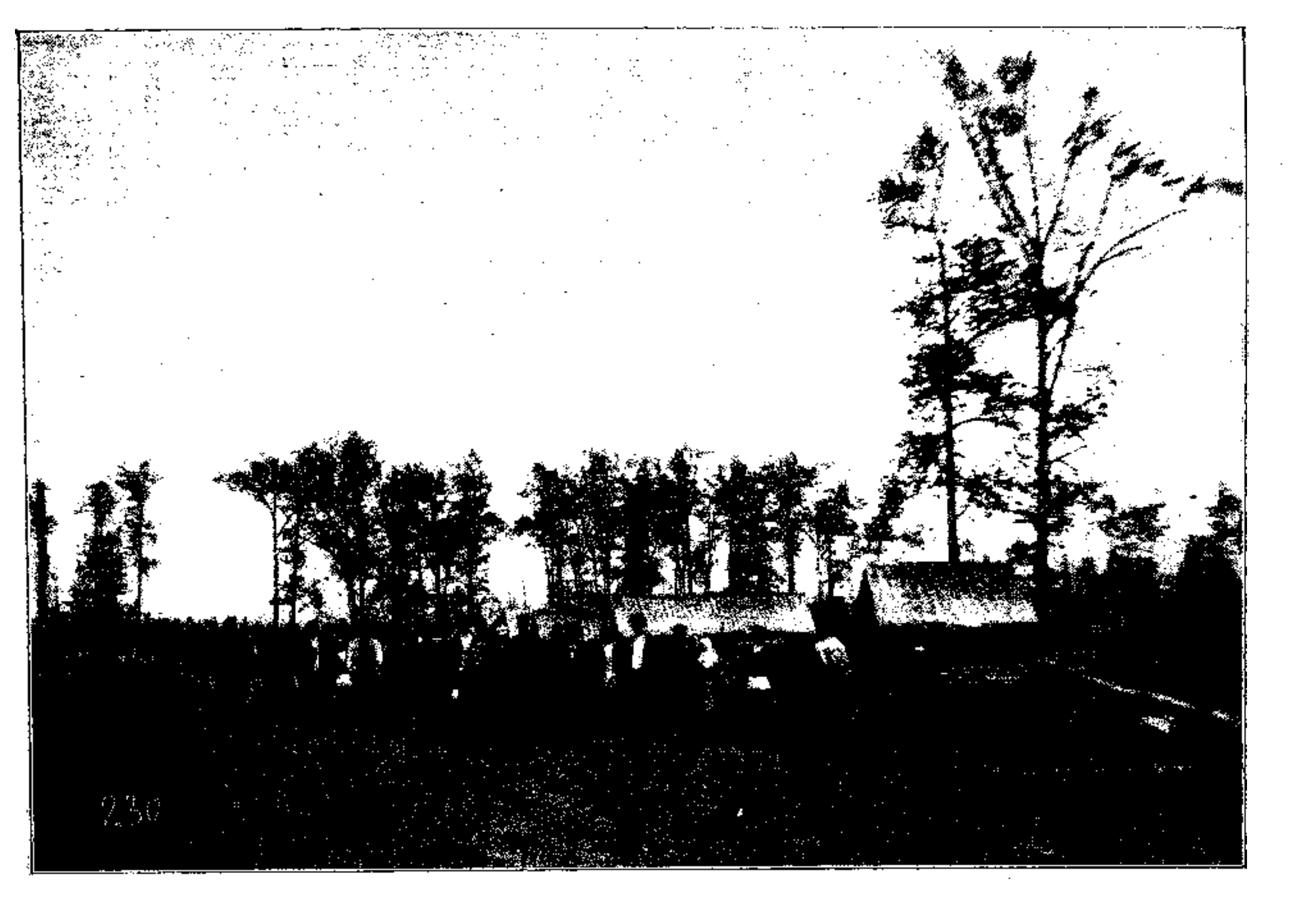
Я ни жива, ни мертва, ничего не понимаю.

— Это ты зачѣмъ, говоритъ, положила на постель ножъ? Зарѣзать меня хотѣла?

И не успѣла я ему слова отвѣтить, какъ схватилъ меня за косу, стащилъ съ кровати на полъ и принялся бить по чемъ ни попало... Потомъ открылъ подполье, да и сбросилъ меня въ одной рубашкѣ, какъ была въ постели, на холодную землю. Вся избитая, тѣло ноетъ, морозъ... Ну, думаю, смерть моя пришла... Какъ вдругъ отворяетъ онъ подполье, вытаскиваетъ меня на верхъ, кладетъ на кровать и начинаетъ цѣловать мои ноги.

— Прости, говоритъ, Машенька, я тебя напрасно билъ. Я вспомнилъ: ножъ-то я самъ вчера положилъ на постель, когда лучину кололъ.

До самаго утра все цѣловалъ меня и просилъ прощенія. Но я рѣшила уйти отъ него. Лишь только онъ вышелъ изъ дому, я въ одномъ платьѣ выскочила на улицу и, сколько еще оста-

Селеніе Опоръ.

валось силы, побѣжала по задворкамъ черезъ огороды прямо къ маменькиному дому. И уже немного оставалось, какъ смотрю, бѣжитъ онъ за мной. У меня и ноги подкашиваются. Спасибо, сосѣдъ тутъ близко былъ, такъ онъ не позволилъ ему насильничать надо мною...

Очевидно, окончательный разрывъ произошелъ у нихъ, когда имъ пришлось обоимъ пойти въ лазаретъ; но она объ этомъ по скромности умолчала, и я не настаивалъ на продолженіи грустнаго разсказа.

IV.

Женщины на Сахалинѣ.—Ссыльнокаторжныя. — Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Разнузданность и щегольство каторжанокъ.—Преимущество каторжной женщины передъ свободной.—Законныя жены. — Потеря стыда.—Картежная игра.—Пѣвчій Ѳ—ъ.

Въ поселеньяхъ на Сахалинѣ живутъ два разряда женщинъ: однѣ—какъ сосланныя за преступленія, другія—свободнаго состоянія, добровольно послѣдовавшія сюда за своими мужьями, осужденными на каторжныя работы.

Между ними громадная разница.

Сосланная женщина, очень часто нравственно испорченная сожительствомъ съ другими преступницами въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ, скоро познаетъ свою силу на Сахалинѣ. Она нужна тутъ. Какая бы она ни была,—хорошая или худая, здоровая или больная, молодая или старая, красивая или некрасивая,—она всегда здѣсь найдетъ себѣ сожителя. А коль скоро она поступила въ домъ къ какому нибудь мужику, начальство сейчасъ же освобождаетъ ее отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1893 г. ссыльныхъ женщинъ освободили отъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія.

Такъ какъ весь режимъ на островѣ поддерживается плетями и розгами, то, съ уничтоженіемъ для женщинъ грубыхъ наказаній, онѣ стали какъ бы внѣ закона. Сахалинское начальство сдѣлалось безсильно по отношенію къ нимъ. Ужъ если уничтожать тѣлесное наказаніе, то слѣдовало бы это сдѣлать сразу для всего населенія острова, для мужчинъ и женщинъ безразлично, и выработать другія сдерживающія начала отъ повторенія пре-

ступленій. Объ этомъ я скажу нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, Катька [1]), теперь намъ самъ чортъ не страшенъ! — разнузданно кричитъ одна баба другой, грубо раскачивая руки со стороны на сторону.

И въ самомъ дѣлѣ были примѣры поразительной наглости. Одна каторжанка, говорятъ, убила своего сожителя и тутъ же бахвалится, что ей ничего не сдѣлаютъ:

— Прибавятъ десять лѣтъ каторги? Пусть! Мнѣ же лучше: еще десять лѣтъ буду паекъ получать.

Съ освобожденіемъ женщинъ, сожительствующихъ съ поселенцами, отъ каторжныхъ работъ, ихъ не лишаютъ пищевого довольствія и казенной одежды во все время, пока не окончится назначенное имъ число лѣтъ каторги.

Насколько каторжныя бабы высокомѣрны, разнузданны, щеголихи, настолько задавлены, забиты и жалки женщины свободнаго состоянія, пришедшія сюда или по любви къ мужу, или по бѣдности и претерпѣннымъ униженіямъ дома въ деревнѣ. Ихъ и внѣшній видъ настолько различенъ, что сахалинцы съ одного взгляда вѣрно опредѣляютъ: каторжная прошла или свободная.

— Ахъ, ты, шлюха,—ворчитъ про себя поселенецъ вслѣдъ каторжанкѣ:—въ Россіи, поди, въ лаптяхъ ходила, а здѣсь, вишь, какъ щеголяетъ: высокіе сапожки съ мѣдными подковками!

Конечно, каждая ссыльная женщина норовитъ попасть въ сожительницы къ болѣе состоятельному надзирателю или поселенцу. И пока молода и считается «рабочею», она разборчива и мѣняетъ, случается, не одинъ разъ своего сожителя; но съ годами женщина и на Сахалинѣ старается потѣснѣе связать свою судьбу со своимъ избранникомъ и довести союзъ съ нимъ до законнаго брака.

Съ экономической стороны для поселенца гораздо выгоднѣе имѣть хозяйкою въ домѣ каторжанку, чѣмъ свою россійскую законную жену, потому что послѣдняя, какъ женщина свободнаго состоянія, не получаетъ казеннаго продовольствія. Правда, если

---

[1]) За восемь лѣтъ моего пребыванія на островѣ у меня смѣнилось много прачекъ и поломоекъ; но невольно я и мои товарищи обратили вниманіе, что значительное большинство изъ нихъ были съ именемъ Екатерины. Однажды случилось мнѣ просмотрѣть списокъ вновь прибывшихъ женщинъ въ каторгу, и въ немъ также чаще всего встрѣчалось имя Екатерины.

у нея есть дѣти, ей дают для нихъ отъ казны небольшія кормовыя деньги, но этого права не лишается и ссыльнокаторжная.

Обыкновенно мужья сами, еще съ дороги на Сахалинъ, начинаютъ письмами вызывать къ себѣ своихъ женъ, оставленныхъ въ Россіи. А пріѣдутъ онѣ на островъ, ихъ мужья, загрубѣвшіе въ каторжной обстановкѣ, вмѣсто благодарности, примутся возмутительно ругать несчастныхъ женщинъ:

— Къ чему сюда пріѣхала, да еще охапку дѣтей привезла?! Чѣмъ я васъ буду кормить? Умѣла пріѣхать, умѣй и копейку заработать!... Законная! А что мнѣ толку въ тебѣ, законной?

Въ концѣ концовъ, послѣ ежедневно повторяющейся ругани и колотушекъ, «законная жена» идетъ съ плачемъ и рыданіемъ зарабатывать позорнымъ ремесломъ двугривенные.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ грустныхъ картинокъ законнаго сожительства на Сахалинѣ.

Мужъ сидитъ на лавкѣ и штопаетъ протоптанныя чуни. Двое маленькихъ ребятишекъ завтракаютъ картошкой съ солью. Мать возится съ жестяными котелками у печки. Вдругъ отворяется дверь, и вваливается солдатъ мѣстной команды въ большой черной папахѣ на головѣ.

— Здорово будете!—гаркаетъ солдатъ и, растопыривъ ноги, становится фертомъ посреди избы.

Хозяйка еще усерднѣе захлопочетъ около печки, отвернувшись отъ солдата, а мужъ, тоже не глядя на него, недовольно подымается, натягиваетъ на себя тулупъ и затыкаетъ за поясъ топоръ.

— Ну, мнѣ пора въ тайгу за бревномъ,—бурчитъ онъ сквозь зубы, ни къ кому собственно не обращаясь, и выйдетъ изъ избы.

И такая торговля женою среди бѣлаго дня!

Покойная М. А. Кржижевская, побывавшая на родахъ почти въ каждой семьѣ Рыковскаго селенія, хорошо была знакома съ бытомъ здѣшнихъ поселенцевъ. Сравнительно богатые изъ нихъ жили, по ея замѣчанію, еще довольно сносно, но несчастнѣе судьбы женъ бѣдныхъ поселенцевъ она ничего себѣ не представляла. Это какое-то сплошное страданіе, если онѣ окончательно не утратили еще совѣсти и человѣческаго достоинства.

— Вотъ эти «русскія женщины»,—говорила Марія Антоновна,—должны бы возбудить въ публикѣ самое горячее участіе къ ихъ несчастной долѣ.

Я и самъ былъ не разъ свидѣтелемъ крайне печальныхъ картинъ здѣшней семейной жизни и всегда ужасался за участь

Тюрьма, лазаретъ и дома чиновниковъ въ сел. Рыковскомъ.

сахалинскихъ дѣвочекъ. Если мужъ сознательно толкаетъ на позоръ свою жену, то про дѣтей и говорить нечего. Да и весь сахалинскій бытъ таковъ, что поневолѣ приходится мириться съ своеобразнымъ понятіемъ о цѣломудріи.

Напримѣръ, въ общественныхъ баняхъ Рыковскаго селенія мужчины и женщины моются вмѣстѣ.

Правда, въ тюрьмѣ женщины ходятъ въ баню особо отъ мужчинъ, но зато отхожее мѣсто на дворѣ общее. Мнѣ кажется, надо потерять женщинѣ остатки всякаго стыда, чтобы позволить себѣ войти сюда въ толпу мужчинъ... Ко многому я пригдядѣлся на Сахалинѣ, но эти картины всегда меня возмущали. Впрочемъ, въ мое время нельзя было требовать отъ смотрителей уваженія цѣломудрія женщины, когда они могли во всякое время приказать мужикамъ публично наказать ее розгами.

На Сахалинѣ, съ отсутствіемъ свободныхъ кабаковъ и дешевой водки, пьянство для бѣдныхъ поселенцевъ до нѣкоторой степени недоступно, но зато здѣсь развита среди нихъ другая ненасытная страсть—картежная игра. Бѣда, если у сахалинской матери семейства мужъ картежникъ! Въ азартѣ онъ спуститъ не только всѣ ея сбереженія, привезенныя изъ Россіи, но и платья ея, и паекъ свой, и даже казенныя сѣмена, выданныя для посѣва.

Въ Рыковскомъ селеніи мнѣ пришлось познакомиться съ С—ой, очень заботливой и трудящейся женщиной. Мужикъ у нея тоже былъ смирный и хорошій работникъ. Къ несчастью, онъ сильно пристрастился къ картежной игрѣ. Что было можно,—все спустилъ въ карты. Бывало не знаешь, какъ имъ и помочь. Если дашь женѣ денегъ,—мужъ отниметъ и проиграетъ. Пошлешь къ празднику кулекъ муки,—и тотъ тихонько утащитъ въ майданъ. Бѣдная баба изъ слезъ не выходила.

Ни уговоры, ни розги, никакія лишенія не могутъ здѣсь остановить пристрастившагося къ азартной игрѣ. Былъ въ рыковской тюрьмѣ прелестный теноръ, ссыльный Ѳ—ъ. Съ нимъ нянчились и смотритель, и регентъ, и товарищи. Ничего не могли подѣлать. Какъ начнетъ проигрывать, то спуститъ не только всѣ деньги, сапоги, халатъ, шапку, но и казенное пѣвческое платье. На спѣвку являлся въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, позаимствованныхъ на время у другихъ. А то и вовсе не явится въ хоръ, за неимѣніемъ одежды. Иной разъ заглянешь въ тюремную камеру,—на нарахъ сидитъ въ одномъ бѣльѣ Ѳ—въ и

ждетъ случая у кого нибудь занять, чтобы отыграться. Онъ самъ сознаетъ, что дѣлаетъ нехорошо, но не можетъ справиться съ собою, въ виду непрестаннаго соблазна въ камерахъ тюрьмы. Во всѣхъ остальныхъ своихъ проявленіяхъ онъ очень симпатичный, смирный, трезвый человѣкъ.

V.

Уваженіе личности нравственно подымаетъ человѣка.—Сравненіе русскаго съ иностранцами.—Приниженное положеніе нашего мужика.—Ссыльнокаторжный Шалаевъ.—Отказъ отъ работы.—Добровольное лишеніе зрѣнія.—Что дѣлаетъ вниманіе къ ссыльнымъ.—Хорошіе люди на Сахалинѣ.—Причины осужденія въ каторгу.

Меня не одинъ разъ обступали съ разспросами.

— Цѣлесообразны ли въ каторгѣ тѣлесныя наказанія?

Мнѣ кажется, этотъ вопросъ лучше всего разрѣшаютъ сами же каторжные, испытавшіе на себѣ страшныя плети или розги.

Когда ссыльный видитъ, что его человѣческое «я» не уважается другими, и онъ не имѣетъ никакой возможности заставить уважать его личность, тогда онъ самъ перестаетъ цѣнить себя, махаетъ рукою на весь раньше выработанный имъ нравственный кодексъ и еще болѣе опускается, оскотинивается. Такого человѣка дѣйствительно можно пронять и заставить что либо дѣлать только дубиной, розгами. Но стоитъ лишь этому же ссыльному показать, что его считаютъ за человѣка, что его личность уважается наравнѣ съ другими людьми, какъ тотчасъ же въ немъ просыпается его «я», и онъ уже начинаетъ крѣпко дорожить своимъ именемъ. Съ развитіемъ чувства собственнаго достоинства человѣкъ не только бережетъ себя отъ внѣшнихъ оскорбленій, но и хранитъ свой нравственный обликъ отъ всевозможныхъ пороковъ и преступленій.

Непріятно слушать русскаго барина, когда онъ, вернувшись изъ-за границы, начнетъ сравнивать съ иностранцами своего русскаго мужика и, конечно, къ невыгодѣ послѣдняго. И пьяница-то онъ, и подлый мошенникъ, и лжецъ, и грубый неразвитый рабъ... Однимъ словомъ, въ его устахъ, гаже, презрѣннѣе нашего мужика, кажется, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Если даже допустить, что это такъ, то кто же виноватъ въ этомъ? Отчего нѣмецкій или англійскій крестьянинъ такъ привлекателенъ для путешествующаго русскаго барина?—Оттого что у иностранца не заглушено сознаніе человѣческаго достоинства, онъ не позволитъ себя ни ругать, ни бить. Онъ въ глазахъ нашего барина человѣкъ, а не скотина. Посмотрите на иностранца, какъ онъ цѣнитъ себя, какъ дорожитъ своею честью и не хочетъ допустить даже подозрѣнія въ его честности. Говорятъ, нѣмецъ перенесетъ выговоръ за неумѣнье, за нерадѣнье, но ни за что не потерпитъ унижающаго «ты».

— Alles, alles,—страшно волнуясь, говоритъ онъ негодующему на него барину,—nur mit «sie» (все, все говорите, но только съ «вы»)!..

Какъ это не похоже на русскаго мужика, котораго обижаютъ, ругаютъ, бьютъ! А ужъ про грубое «ты» съ покрикиваніемъ, съ наглымъ невниманіемъ къ его словамъ и говорить нечего! Рѣдко случается, чтобы нашъ мужикъ вышелъ изъ своего крайне приниженнаго положенія. Чаще всего онъ становится покорной скотиной, а требованія человѣческой личности заглушаетъ въ себѣ водкой. Впрочемъ, нѣкоторые съ заснувшей совѣстью выбиваются изъ своей среды путемъ противнаго кулачества, и потомъ сами дѣлаются попирателями человѣческаго достоинства въ другихъ.

На Сахалинѣ, гдѣ личность ссыльнаго въ окончательномъ загонѣ, все это выступаетъ особенно ярко.

Въ рыковской тюрьмѣ, напримѣръ, былъ здоровый молодой рабочій Шалаевъ, сосланный сюда сравнительно на недолгій срокъ. Онъ не меньше другихъ ссыльныхъ могъ разсчитывать, по окончаніи каторги, устроиться гдѣ нибудь на Сахалинѣ и дождаться своего освобожденія въ среднихъ лѣтахъ. Но, получая за каждый пустякъ розги, колотушки и другія различныя оскорбленія, Шалаевъ махнулъ рукою на свое человѣческое достоинство и опустился до степени скота.

— Не стану и работать!—порѣшилъ онъ.

Въ это время страшный смотритель тюрьмы Л—ъ уѣхалъ, и его обязанности временно исполнялъ недавно прибывшій сюда молодой человѣкъ Р—нъ. Онъ принялся было уговаривать Шалаева, обѣщалъ посылать его только на легкія работы, потомъ сталъ грозить наказаніями, оставлялъ его не разъ безъ обѣда, приковывалъ цѣпью къ одному мѣсту. Шалаевъ упорно отказы-

Золотая Ручка (Софья Блюфштейнъ).

вался работать. Узнавъ объ этомъ, я пришелъ къ нему въ камеру. Съ безразличнымъ выраженіемъ лица, грязный, съ накинутымъ на плечи арестантскимъ халатомъ, Шалаевъ сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ, и пальцемъ ковырялъ въ доскѣ на полу. На мои вопросы онъ отвѣчалъ нехотя и больше не словами, а какимъ-то страннымъ мычаніемъ.

— Психически больной, — говорю про него помощнику смотрителя.

Въ отвѣтъ на это Р—нъ загадочно улыбнулся.

Въ концѣ концовъ Шалаева какъ-то сумѣли выгнать на работы. Нѣкоторое время я потерялъ его изъ вида. Но однажды, при новомъ смотрителѣ, попадается мнѣ на улицѣ медленно выступающій арестантъ, съ поднятой головой и ощупывающій дорогу палкой. Вглядываюсь: Шалаевъ! И слѣпой на оба глаза! Услышавъ мой голосъ, онъ протянулъ руку и попросилъ милостыню.

Оказывается, чтобы не ходить на работы, Шалаевъ натиралъ свои глаза смѣсью извести съ какимъ-то снадобьемъ, пока не ослѣпъ. Ради полнаго удовлетворенія животныхъ инстинктовъ—ѣсть, пить, спать и валяться безъ дѣла,—онъ предпочелъ лишиться наилучшаго органа тѣла и добровольно погрузиться во тьму.

— Что же онъ дѣлаетъ теперь?—полюбопытствовалъ я у его товарищей по камерѣ.

— Да что ему дѣлать! Надоѣстъ валяться, — идетъ милостыню собирать, а вечеромъ въ карты играетъ.

— Въ карты!!... Какъ же это такъ? Вѣдь онъ слѣпой!

— Каждую ночь играетъ. Посадитъ около себя на нарахъ кого нибудь изъ товарищей, да во все время игры и командуетъ имъ. Выиграетъ, — денежки себѣ. Ну, малая толика перепадетъ и товарищу.

Такъ вотъ и пропадаютъ молодые, здоровые люди...

Но стоитъ лишь показать имъ маленькое вниманіе, приблизить ихъ къ себѣ, поставить рядомъ на одну доску, хотя бы на недолгое время, какъ этотъ забитый, загнанный людъ сразу преображается. У меня было нѣсколько живыхъ примѣровъ на Сахалинѣ.

Въ продолженіе моей жизни на островѣ изгнанія мнѣ приходилось имѣть постоянныя сношенія съ каторжными и въ тюрьмѣ, и въ церкви, и въ своихъ разъѣздахъ по порученію

начальства. Внѣшнее вниманіе я оказывалъ имъ всѣмъ равное. Всегда предупредительный, вѣжливый, словоохотливый, я старался своимъ видимымъ уваженіемъ вызвать въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства.

Тѣ ссыльные, которые чаще другихъ видѣлись со мною, невольно потянулись на мою ласку и искали еще болѣе сблизиться со мною. Но, какъ бы чувствуя себя нравственно испорченными каторжною жизнью, они сначала робко переступали порогъ моего дома. Въ ихъ словахъ и дѣлахъ проявлялись иногда пугливость и недовѣріе ко мнѣ подъ покровомъ лжи, обмана и лукавства, то-есть тѣхъ унижающихъ человѣческое достоинствъ качествъ, которыя свойственны безправнымъ рабамъ. Потомъ, видя мое не фальшивое и слащавое, какъ у нѣкоторыхъ благотворительницъ, а серіозное и неизмѣнное вниманіе къ нимъ, они стали довѣрчивѣе, чище и правдивѣе. Подъ моимъ вліяніемъ они начинали уважать въ себѣ человѣка и уже боялись сдѣлать что нибудь непристойное не только на показъ, но и противъ своей совѣсти. Такимъ образомъ сама собою образовалась около меня группа людей всѣхъ возростовъ и различныхъ вѣроисповѣданій, которая стремилась достигнуть евангельской святости.

Нравственное улучшеніе ихъ было такъ замѣтно, что они быстро завоевали себѣ уваженіе среди другихъ ссыльныхъ. И на самомъ дѣлѣ такіе хорошіе мужики, какъ Александръ Катинъ, Николай Скороходовъ [1]), Михаилъ Барановъ, Петръ Кобчикъ, Евдокимъ Савельевъ, Михаилъ Рюхинъ, Александръ Лоцинъ и др., сдѣлали бы честь любой странѣ. Я искренно полюбилъ и уважалъ этихъ людей, несмотря на то, что они прошли сахалинскую каторгу со всѣми ея страшными послѣдствіями.

Теперь, вспоминая картины каторжной жизни на островѣ, я могу сказать, что позорныя тѣлесныя наказанія еще дольше держатъ человѣка въ состояніи скотины. И если только мы имѣемъ въ виду исправлять сосланныхъ людей, непремѣнно надо уничтожить всю обстановку, которая унижаетъ достоинство человѣка. Я допускаю, что среди каторжныхъ найдется десять процентовъ страшныхъ извергов-убійцъ, почти неисправимыхъ людей, но зачѣмъ же изъ-за нихъ подвергать остальные 90 процентовъ жестокимъ мѣрамъ убивающимъ въ нихъ все человѣческое?

---

[1]) Недавно вернулся на родину, въ деревню Никитинскую Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Вѣдь, если послушать ихъ откровенную исповѣдь, за что они сосланы сюда!.. Одинъ, напримѣръ, прямо признается, что онъ на праздникахъ въ пьяномъ видѣ повздорилъ съ сосѣдомъ и въ дракѣ высадилъ ему ребро, другой хотѣлъ стащить у богатаго купца кулекъ муки и взломалъ у него амбаръ, третій въ пьяномъ видѣ «далъ сдачи» оскорбившему его офицеру, четвертый попалъ сюда за участіе въ бунтѣ, пятый въ горькой обидѣ на барина поджегъ у него домъ, шестой, сосланный на короткій срокъ въ Сибирь, своими побѣгами дошелъ до двадцати лѣтъ каторги, седьмой, подкупленный дѣлателями фальшивой монеты, пускалъ ее въ обращеніе среди публики и т. д. И какъ присмотришься внимательнѣе къ ихъ преступленіямъ, то поймешь, что большинство изъ нихъ пришли на Сахалинъ изъ-за водки и изъ-за нужды. Нѣкоторые же старики, давно окончившіе срокъ каторги, говорили, что они наказаны по ложному обвиненію. И я имъ вѣрю. Нельзя не вѣрить человѣку, который одною ногою стоитъ въ гробу и сводитъ съ жизнью окончательные счеты.

VI.

Потеря лучшей поры жизни.—Тяжелое положеніе въ ссылкѣ.—Одиночество среди людей.—Отъѣздъ друзей.—Смерть Бутакова.—Его честность и довѣріе къ людямъ.—Опорское дѣло.—Новый составъ чиновниковъ.—Конецъ терпѣнію.

Послѣдній годъ на Сахалинѣ я страшно тяготился ссылкою. Да и не я одинъ мучился сознаніемъ, что время отъ 23 до 35 лѣтъ, эта самая лучшая пора, когда закладывается фундаментъ всей остальной жизни, дѣлается служебная карьера, и завязывается брачный узелъ для своей собственной семьи, прошла въ жалкомъ прозябаніи сначала въ удушливой вонючей камерѣ, а потомъ въ атмосферѣ непрестанныхъ нравственныхъ униженій. Если бы у насъ не оставалась въ памяти прошлая жизнь среди бодрыхъ, здоровыхъ, довольныхъ людей, если бы мы раньше не извѣдали счастья женской любви и не услаждались театромъ, музыкой и другими искусствами, наконецъ, если бы мы не ожидали въ будущемъ опять вернуться къ культурной жизни городовъ, гдѣ протекла наша юность, то мы, вѣроятно, дали бы волю нашимъ грубымъ инстинктамъ на Сахалинѣ и, примирив-

Полотье хлѣба на полѣ Рыковскаго селенія.

шись съ обстановкой своего стойла, скоро приблизились бы къ безсловеснымъ животнымъ. Но въ томъ-то и трагизмъ нашей ссылки, что мы въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ постоянно пережевываемъ обрывки воспоминаній нашего прошлаго, и спимъ и видимъ опять вернуться къ нему, а въ то же время отлично понимаемъ, что годы уходятъ, «все лучшіе годы», а съ ними—молодость, сила, энергія. Какъ взглянешь, бывало, на свое слабое болѣзненное тѣло, какъ подумаешь о своей отсталости отъ культурной жизни, о своихъ разстроенныхъ нервахъ, о своемъ невысокомъ положеніи среди другихъ людей,—и на душѣ еще горше станетъ. И тѣ, которые въ началѣ съ нетерпѣніемъ высчитывали чуть ли не минуты ссылки, подъ конецъ срока сильно колебались въ рѣшеніи вопроса,—ѣхать ли имъ въ Россію или оставаться на Дальнемъ Востокѣ.

И чѣмъ дольше было наше пребываніе на островѣ, тѣмъ глубже чувствовалась скорбь изгнанія и отчужденности. Ссыльному крестьянину или мастеровому было значительно легче: онъ здѣсь находится въ обществѣ такихъ же простыхъ рабочихъ людей, какъ онъ самъ, онъ скоро находитъ себѣ земляковъ, друзей и даже подругу жизни изъ ссыльныхъ женщинъ, для него и обстановка поселенческой жизни не представляетъ много новаго, и физическая работа не чужда ему. Другое дѣло интеллигентнаго ссыльнаго. Его ненормальное положеніе, насильственно холостое, безъ соотвѣтствующаго общества, безъ постояннаго угла, безъ какихъ либо улыбающихся перспективъ въ будущемъ, съ постоянной тоской по родинѣ, ложилось страшнымъ гнетомъ на душу страдальца. Ему даже нельзя и бѣжать съ острова, какъ это дѣлаютъ простые рабочіе: для него подобная попытка была бы равносильна самоубійству.

Сколько образованныхъ людей въ городахъ Россіи жалуются на свое одиночество! На Сахалинѣ эта обособленность чувствуется еще тяжелѣе и сильно вліяетъ на психическое состояніе человѣка. Многіе мои товарищи не выдержали этого одиночества среди людей и душевно заболѣли. Большой процентъ изъ нихъ умерли въ молодыхъ годахъ, а иные кончили самоубійствомъ...

Меня сильно поддерживали письма моихъ родныхъ и знакомыхъ изъ Россіи. Они постоянно внушали мнѣ, что я еще не умеръ для нихъ, и что для меня еще возможно воскресеніе для лучшей жизни. Къ тому же на восьмой годъ моего пребыванія

на островѣ стала улыбаться надежда на выѣздъ въ Россію. Въ это время зародившіяся симпатія къ нѣкоторымъ сахалинцамъ начали порываться одна за другою. Какъ будто судьба желала облегчить мою новую пересадку и заранѣе рвала недавно пущенные корни: нѣкоторые дорогіе для меня люди умерли, другіе выѣхали изъ Сахалина на материкъ, а оставшіеся старики поселенцы ушли въ богадѣльню въ другое селеніе. Наконецъ, свалился могучій дубъ, не разъ укрывавшій меня отъ здѣшнихъ житейскихъ бурь, А. М. Бутаковъ. Смерть его для всѣхъ была неожиданностью. Правда, инфлюенція, свирѣпствовавшая здѣсь лѣтомъ 1893 года, уложила и его въ постель, но черезъ недѣлю, двѣ, онъ оправился и попрежнему казался крѣпышемъ, для котораго ничего не значило пройти по тайгѣ пѣшкомъ половину своего обширнаго округа. И вдругъ его не стало. Сахалинская молва заподозрѣла, что его убило нравственное угнетеніе, которое онъ испытывалъ послѣ возникновенія дѣла объ онорскихъ происшествіяхъ. Вѣроятно, это отчасти имѣло свое вліяніе на его здоровье, но главною причиною его внезапной смерти было воспаленіе легкихъ.

Я искренно любилъ Бутакова, какъ человѣка съ честными принципами, трудолюбиваго и заботливаго хозяина. Онъ могъ бы по примѣру другихъ сахалинскихъ чиновниковъ скопить разными законными и незаконными путями большое состояніе, но на самомъ дѣлѣ, послѣ его смерти, осталась очень ничтожная сумма, едва достаточная на первое время для его большого семейства. Несчастное онорское дѣло совершенно не вяжется съ его характеромъ. Мнѣ извѣстно много случаевъ его тайнаго благотворенія бѣднымъ поселенцамъ, и потому думаю, что самъ по себѣ онъ былъ добрый и сердечный человѣкъ. Такое впечатлѣніе онъ дѣлалъ и на многихъ начальствующихъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ его округъ. Если онъ допустилъ совершиться такимъ звѣрствамъ въ своемъ округѣ, то не по жестокости, а скорѣе по своей слабости и довѣрчивости къ людямъ. Вѣроятнѣе всего, онъ сначала самъ долго не зналъ, что происходитъ на Онорѣ, а когда ему раскрыли глаза, онъ, жалѣя чиновниковъ, виновныхъ невнимательностью къ жалобамъ рабочихъ, употреблялъ всѣ мѣры затушить дѣло.

Вслѣдъ за Бутаковымъ умираютъ его помощникъ Б—хъ и смотритель рыковской тюрьмы Я—въ. Остальные сослуживцы Бутакова, смотритель дербинской тюрьмы О—въ, секретарь управленія М—нъ и врачъ тымовскаго лазарета Т—нъ, вышли въ

отставку. Такимъ образомъ сразу обновился весь составъ чиновниковъ Тымовскаго округа.

Устанавливать новыя отношенія съ наѣхавшимъ начальствомъ мнѣ не хотѣлось, и еще сильнѣе потянуло меня вонъ изъ Рыковскаго. Здѣсь все мнѣ приглядѣлось. Сѣрый колоритъ арестантской жизни давно надоѣлъ. Извѣстія о кражахъ, убійствахъ и другихъ преступленіяхъ уже не возбуждали ни удивленія, ни негодованія. Прислушались даже крики наказываемыхъ (съ отъѣздомъ Н. И. Гродекова, послѣ небольшого промежутка, розги опять стали входить въ свою силу). Жизнь потянулась тяжелымъ колесомъ, медленно ворочающимся по глинистой грязи. Съ каждымъ новымъ оборотомъ оно все болѣе и болѣе вязнетъ, а грязь все гуще и гуще облѣпляетъ и спицы, и шину... Еще немного, и сахалинское болото совсѣмъ бы затянуло въ свою невылазную тину.

— Больше нѣтъ силъ оставаться здѣсь!—сказалъ я своимъ товарищамъ и подалъ прошеніе о выдачѣ мнѣ билета на выѣздъ въ Уссурійскій край.

VII.

Поѣздка въ Александровскій постъ зимою.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Визиты товарищамъ.—Обстановка ссыльныхъ.—Пахарь-дворянинъ.—Свадьба экспромтомъ.—Сельскій пиръ.—Веселый обходъ по избамъ.

Въ началѣ ноября снѣгъ уже залегъ на Сахалинѣ толстымъ покровомъ. Санная дорога такъ и манила къ поѣздкѣ. А тутъ еще товарищи стали убѣждать меня съѣздить въ Александровку къ губернатору для личныхъ переговоровъ съ нимъ, если я хочу покинуть Сахалинъ съ первымъ весеннимъ пароходомъ.

Мои сборы были не долги; къ тому же скоро нашелся удобный попутчикъ, секретарь полицейскаго управленія, только что начавшій здѣсь свою чиновничью карьеру.

Мы быстро помчались на парѣ лошадей, запряженныхъ гуськомъ по-сибирски. Такой способъ ѣзды здѣсь необходимъ въ снѣжные заносы. Пристяжная, т. е. передняя лошадь, прорываетъ своею грудью толщу наметаннаго снѣга, а коренникъ уже везетъ сани по раздѣланной дорогѣ.

Зимой я еще никогда не переваливалъ черезъ Пилингскій хребетъ и не видалъ обмерзшихъ береговъ Татарскаго пролива, а потому эта поѣздка представляла для меня еще и интересъ новизны. Только три цвѣта царили во все продолженіе дороги: голубое небо, бѣлый снѣгъ да темнозеленый лѣсъ. Въ этомъ

Арсеній Михайловичъ Бутаковъ, начальникъ Тымовскаго округа.

сочетаніи хвоя елокъ и пихтъ казалась еще темнѣе, а снѣгъ еще чище и свѣтлѣе.

Съ поднятіемъ на снѣжныя горы приподымалось и наше настроеніе. Что-то торжественное было въ бѣлой дорогѣ, упирающейся, казалось, въ самое небо. Тихо, чисто, свѣжо.

Море еще бушевало и непривѣтливо раскинулось широкою сѣрою полосою вдоль бѣлѣющагося берега. Всѣ мысы, нѣжно

одѣтые снѣгомъ, выступали въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ лѣтомъ; но въ общемъ картина была холодная, безжизненная.

Въ Александровкѣ я немедленно поспѣшилъ къ военному губернатору острова. Хотя былъ непріемный часъ, онъ встрѣтилъ меня очень любезно и терпѣливо выслушалъ мою длинную исповѣдь о сахалинской жизни въ ссылкѣ.

Генералъ, между прочимъ, много разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ на островѣ. Узнавъ, что мнѣ ничего не заплатили за мои труды по съемкѣ Тымовскаго округа и за промѣръ Александровской бухты, онъ возмутился.

— Это выходитъ, что мы безцеремонно васъ эксплуатировали!—громко воскликнулъ губернаторъ.—Моя нравственная обязанность исправить ошибки моихъ предшественниковъ. Составьте списокъ вашихъ работъ за все время пребыванія на Сахалинѣ и помимо начальства адресуйте прямо ко мнѣ «въ собственныя руки», а я распоряжусь, чтобы вамъ непремѣнно выдали, по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти. И мѣсячное жалованье вамъ тоже надо увеличить... А что касается вашего отъѣзда на материкъ, вы не безпокойтесь: теперь уже ничто не можетъ васъ здѣсь задерживать. Въ любую минуту можете уѣхать съ острова!

Я вышелъ отъ него успокоенный относительно моего освобожденія. Мнѣ было дорого и то, что такой суровый генералъ, какимъ мы всѣ считали Мерказина, отнесся ко мнѣ внимательно и сочувственно.

Дня два я дѣлалъ визиты знакомымъ чиновникамъ и товарищамъ по изгнанію, а на третій поѣхалъ въ сосѣднее селеніе Ново-Михайловское, гдѣ составилась небольшая колонія (съ женщинами и дѣтьми душъ двѣнадцать) интеллигентныхъ ссыльныхъ. У каждаго былъ свой собственный домъ. Даже старикъ Д—скій, и тотъ завелъ себѣ маленькую избушку и озабоченно хлопоталъ около нея. У Б—скаго внутренность просторной избы поражала своею пустотою. Воображаю, какъ тоскливо было жить этому молодому человѣку! Впрочемъ, онъ большую часть времени проводилъ внѣ дома: или въ тайгѣ на охотѣ, или въ гостяхъ у александровскихъ товарищей. Семейные Хм—въ и Сл—къ имѣли вполнѣ хозяйственную обстановку, особенно первый, женатый на дочери здѣшняго крестьянина Ч—ы.

Дольше всего я провелъ время у М—ра. У него на первомъ планѣ лежала на полу колоссальная тыква, какъ наглядное доказательство его трудолюбія и успѣха въ огородническомъ искус-

ствѣ. Кромѣ сельскаго хозяйства, онъ занимался еще обученіемъ здѣшнихъ ребятъ грамотѣ и поэзіей. Прочитавъ вслухъ книжку своихъ стихотвореній, М—ръ вырвалъ изъ нея страницу и подарилъ мнѣ на память. Грустно звучали они. Это были скорѣе отчаянные крики сильно измученной души, а не сладкіе звуки молитвъ.

Веселѣе всего выглядывала изба ссыльнаго К—на, бывшаго офицера. Онъ всецѣло увлекся идеей заниматься крестьянскимъ трудомъ, и его дворъ наполненъ былъ всѣми атрибутами сельскаго хозяйства. Невысокаго роста, слабый здоровьемъ, бѣлоручка, какъ сынъ предводителя дворянства, онъ къ удивленію всего населенія лѣтомъ настойчиво проводилъ цѣлые дни съ плугомъ или съ бороной, съ косой или серпомъ, а зимою заготовлялъ дрова и лѣсъ для построекъ.

Сначала ему съ трудомъ давалась крестьянская работа, но мало-помалу онъ сталъ обходиться безъ помощи другихъ, и къ тому времени, какъ я у него былъ, всѣ тяжелыя и легкія работы онъ производилъ лично самъ. Для полноты его жизни недоставало только хозяйки въ домѣ. И вотъ его выборъ палъ на красивую, здоровую дѣвушку, дочь ссыльнаго крестьянина Ч. Они разсчитывали получить разрѣшеніе на вѣнчаніе не раньше рождественскихъ святокъ, и потому не торопились съ приготовленіями къ свадьбѣ, какъ вдругъ при мнѣ приходитъ желанная телеграмма.

Оставался только одинъ день до рождественскаго поста, когда можно было вѣнчаться. Ради моего присутствія въ Александровскомъ округѣ, рѣшено было не откладывать свадьбы, и женихъ немедленно поѣхалъ въ городъ выполнить необходимыя канцелярскія формальности. Благодаря телефону и товарищамъ, служащимъ въ здѣшнихъ канцеляріяхъ, къ тремъ часамъ пополудни все было готово. Теперь надо было спѣшить жениху и поѣзжанамъ въ селеніе невѣсты, гдѣ была назначена свадьба.

Въ саняхъ, не останавливая лошадей, мы принялись одѣвать жениха. Товарищи захватили съ собою все необходимое къ свадьбѣ, потому что у К—а ничего не было готоваго: ни новаго платья, ни обручальныхъ колецъ, ни свѣчей, ни другихъ вѣнчальныхъ принадлежностей. Это переодѣванье на ходу всѣхъ насъ забавляло. Веселье охватило самое свадебное. До Ново-Михайловскаго было недалеко, и черезъ часъ наша шумная вереница саней уже въѣзжала во дворъ невѣсты. Народу собралось

такъ много, что нельзя было пройти въ передній уголъ горницы. Даже не нашлось свободнаго мѣста для одѣванья невѣсты къ вѣнцу, и она пріютилась въ углу передней комнаты, гдѣ толпа женщинъ прикрывала ее собою, какъ бы живою стѣною.

Послѣ вѣнчанія въ церкви, въ которомъ я участвовалъ, какъ шаферъ невѣсты, начался свадебный сельскій пиръ. Поспѣшные сборы и приготовленія всѣхъ насъ сильно расшевелили. Жениховская сторона, т. е. товарищи по ссылкѣ, внесли съ собою молодое оживленіе, а крестьяне съ невѣстиной стороны, блюстители старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, руководили порядкомъ пира. Смѣхъ, шутки, говоръ, пѣсни, игры, танцы продолжались почти всю ночь. Только передъ разсвѣтомъ рѣшено было немного заснуть. Всѣ раздѣлились на двѣ части. Пріѣзжіе мужчины заняли просторную избу В—аго, а женщины вмѣстѣ съ невѣстой ночевали въ домѣ жениха. Но лишь только взошло солнце, какъ женщины, ни на минуту не смыкавшія глазъ, снова подняли всѣхъ на ноги, чтобы продолжать вчерашнюю оргію.

Придумали обойти шумною толпою поочередно всѣ избы товарищей, поселившихся въ Ново-Михайловскомъ селеніи. Картина была довольно забавная, и, вѣроятно, она надолго останется у меня въ памяти. Неожиданно для хозяина дома вдругъ врывается къ нему толпа молодежи съ музыкой и пѣньемъ и, не снимая шубъ и валенокъ, начинаетъ танцовать. Иныхъ заставали въ рабочемъ костюмѣ, другихъ только что поднявшихся съ постели,—все равно, всѣхъ подхватывали и увлекали въ общій вихрь отплясывающихъ.

Снѣгъ и морозъ не мѣшали веселиться. Напротивъ, молодежь, въ переходахъ по улицамъ, играла въ снѣжки, шалила, валила другъ друга въ сугробы, пѣла и хохотала. Можно сказать, веселье распространилось на все село. Такъ было до самаго вечера, когда я съ небольшою группою поѣзжанъ отправился домой. Молодые проводили насъ въ саняхъ до Александровскаго поста, гдѣ они своимъ появленіемъ среди товарищей снова увлекли ихъ къ пиршеству съ танцами и пѣніемъ.

Селеніе Ново-Михайловское, или Пашия.

VIII.

Скрываемая скорбь ссыльныхъ.—Больной вопросъ на Сахалинѣ.—Страхъ быть женою каторжнаго.—Судьба двухъ Марій.—Сестра—супруга брата.—Романъ, прерванный на десять лѣтъ.—Канцелярская ошибка.—Переѣздъ невѣстъ на пароходѣ.—Незаслуженныя оскорбленія.—Прибытіе двухъ Марій во Владивостокъ.

Послѣ моего отъѣзда въ Рыковское свадебный пиръ продолжался по желанію родителей невѣсты еще нѣсколько дней.

Это исключительное веселье странно было видѣть среди ссыльныхъ на Сахалинѣ; оно стоитъ какимъ-то яркимъ пятномъ на фонѣ здѣшней сѣренькой жизни. Эти смѣющіеся, танцующіе люди на видъ беззаботно веселы, на самомъ же дѣлѣ глубоко скорбны. Даже здоровый, женатый Пл—скій, у котораго я всегда останавливался въ Александровкѣ, всегда занятый дѣлами своего большого хозяйства, значительно лучше другихъ обезпеченный, и тотъ жилъ съ глубокою скорбью въ сердцѣ. Дня за четыре до свадьбы К—на, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и желалъ смерти. Его жена, вся ушедшая въ молочное хозяйство, дѣятельная, энергичная особа, тоже представляла изъ себя типъ человѣка съ разстроенными нервами. Всѣ разговоры съ нею о религіи ли, объ исторіи, наукѣ, искусствѣ или о хозяйствѣ одинаково кончались рыданіями. Много разъ, бывало, она схватитъ меня за руки и, не выпуская ихъ, часъ или два разсказываетъ со слезами на глазахъ о невыносимой обстановкѣ жизни на Сахалинѣ. Такую нервозность можно объяснить только ихъ долгимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ и неволею въ ссылкѣ.

Но это люди, повторяю, матеріально обезпеченные, женатые и съ надеждою на скорый выѣздъ съ Сахалина. Каково же положеніе холостыхъ, и при томъ такихъ, у которыхъ срокъ каторги кончается, по ихъ ироническому выраженію, «въ будущемъ столѣтіи» [1])!

Я же говорилъ, что для интеллигентныхъ ссыльныхъ женитьба—самый больной вопросъ на Сахалинѣ. На комъ здѣсь жениться? На каторжной, чтобы связать себя навѣки!..

---

[1]) Воспоминанія относятся къ концу восьмидесятыхъ и началу девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія.

Одна добрая женщина, понимая тяжелое положеніе ссыльныхъ, пробовала письмами вызывать сюда своихъ знакомыхъ дѣвицъ изъ Россіи. Но, кажется, на ея призывъ никто не откликнулся. Это и понятно. Какъ птица въ пору любви спѣшитъ сначала устроить гнѣздо для своихъ будущихъ птенцовъ, такъ и женщина, при первой попыткѣ выйти замужъ, инстинктивно заботится объ устройствѣ семейнаго угла. А на Сахалинѣ на что она можетъ разсчитывать? Да и, помимо заботы о матеріальномъ обезпеченіи, немногія женщины рѣшатся принять на себя страшное названіе «жены ссыльнокаторжнаго».

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ хронологическомъ порядкѣ и разсказать о двухъ Маріяхъ, рискнувшихъ поѣхать, какъ, невѣсты, на Сахалинъ къ своимъ знакомымъ ссыльнокаторжнымъ.

У одной Маріи былъ въ ссылкѣ на Сахалинѣ двоюродный братъ. Родные, и особенно мать, упрашивали его въ письмахъ не связывать себя съ семьей на Сахалинѣ, а терпѣливо дождаться возвращенія въ Россію, гдѣ онъ можетъ найти для себя хорошую партію.

Когда ему стукнуло тридцать два года, прошло только семь лѣтъ каторги, но еще столько же оставалось ея въ будущемъ; значитъ, только къ сорокъ-пятому году жизни онъ могъ разсчитывать быть крестьяниномъ. Если прикинуть еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ званіи, необходимыхъ до полученія права возвращенія въ Россію, то онъ могъ вернуться домой пожилымъ человѣкомъ, а то и сѣдымъ старикомъ.

Все это хорошо сообразила Марія и написала своему брату: не желаетъ ли онъ, чтобы она пріѣхала къ нему теперь въ качествѣ неразлучной супруги? Братъ согласился. Энергичная дѣвушка немедленно стала хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи повѣнчаться съ ссыльнокаторжнымъ на Сахалинѣ, а одновременно въ Римѣ у папы просила благословенія на вступленіе въ законный бракъ съ двоюроднымъ братомъ (оба они были римско-католическаго исповѣданія).

У другой Маріи была болѣе сложная исторія. Будучи шестнадцатилѣтней дѣвушкой, она полюбила своего учителя N., котораго вскорѣ арестовали и сослали на Сахалинъ. Марія собралась ѣхать къ нему, но прежде попробовала послать письмо на Сахалинъ. Никакого отвѣта. Сколько она ни писала ему, почтальонъ не принесъ ей ни одного письма съ каторги.

Прошло лѣтъ десять. Измученная дѣвушка уже готова была похоронить въ своей памяти дорогого учителя, какъ приходитъ къ ней его братъ и приноситъ отъ него цѣлую пачку писемъ съ помѣтками первыхъ годовъ ссылки.

— Откуда они у васъ? Почему я теперь ихъ получаю? — спрашиваетъ брата встревоженная Марія.

Оказывается, года четыре подрядъ N. писалъ своей ученицѣ черезъ одну особу, но та не пожелала передавать полныя пламенной любви письма по адресу, и они пролежали у нея въ шкатулкѣ до ея смерти.

Влюбленные списались, съ радостію нашли другъ друга, но... десять лѣтъ—большой промежутокъ времени! Испытавъ многолѣтнюю каторгу на Сахалинѣ, учитель N. уже не съ такимъ жаромъ звалъ къ себѣ дорогую Марію. Ему жаль было вовлекать дѣвушку во всѣ ужасы ссыльной жизни.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Марія наконецъ рѣшила поѣхать на островъ каторжныхъ, но прежде отправилась въ Петербургъ исхлопотать разрѣшеніе вступить въ законный бракъ съ N.

— Сударыня,—говорятъ ей въ столицѣ, —указываемый вами ссыльный N. давно женатъ.

Это извѣстіе, какъ громомъ, поразило бѣдную дѣвушку.

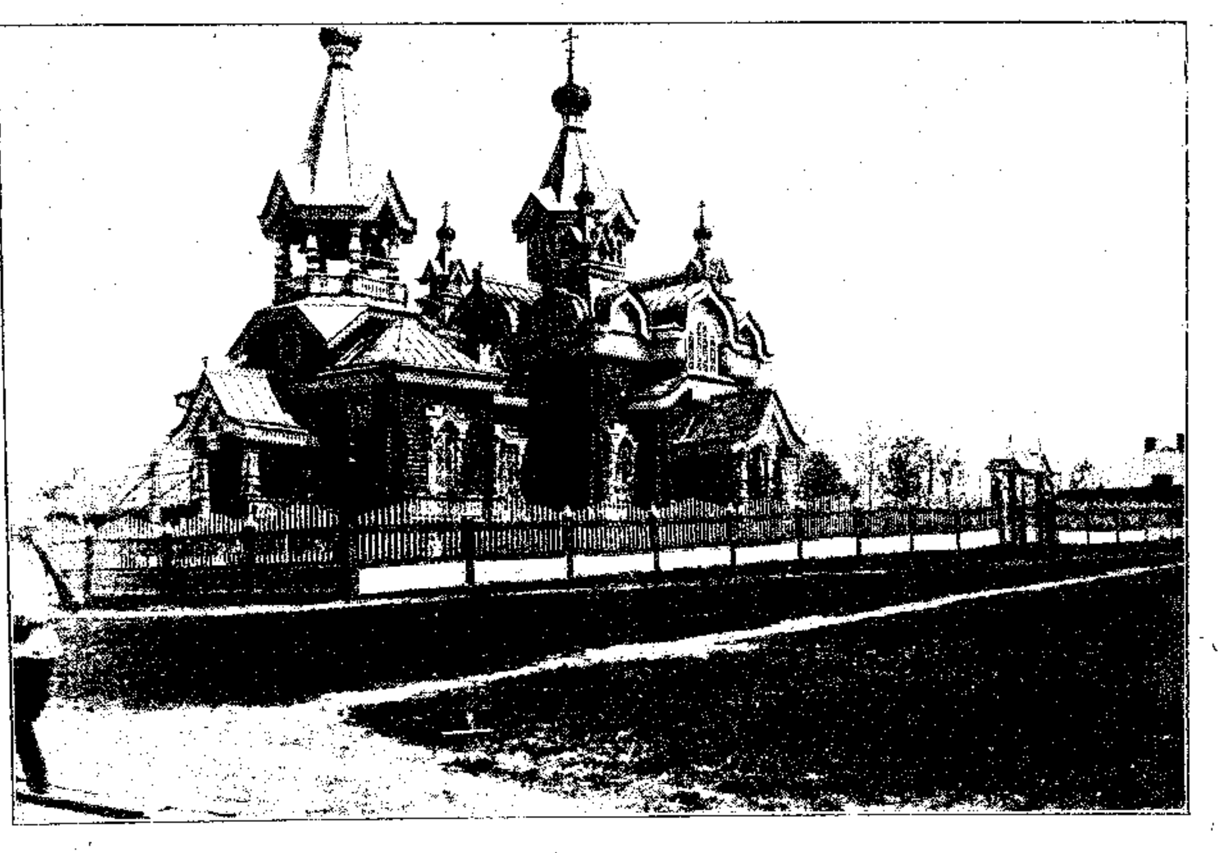
— Это неправда! Этого не можетъ быть!—заливаясь слезами, истерично кричала Марія. — Вотъ его письма, гдѣ онъ зоветъ меня къ себѣ! Я ему вѣрю!..

Ей показываютъ списки сахалинскихъ ссыльныхъ, въ которыхъ она сама читаетъ, что ея дорогой учитель N. дѣйствительно уже нѣсколько лѣтъ «проживаетъ въ домѣ своей жены».

— Если вы и этимъ бумагамъ не вѣрите,—говоритъ чиновникъ совсѣмъ убитой женщинѣ,—то потрудитесь подождать дня два-три, и я спрошу сахалинскаго губернатора телеграммой.

Проходятъ не дни, а недѣли, но отвѣта съ Сахалина не даютъ никакого. Это еще больше возбудило подозрѣніе Маріи, и она написала письмо брату своего учителя. Тотъ тоже въ сильномъ недоумѣніи телеграфируетъ самому N., прося разъяснить вопросъ.

Получивъ телеграмму, учитель N. офиціальнымъ путемъ въ канцеляріи ничего не добился, но одинъ маленькій чиновникъ выдалъ ему тайну. Изъ Петербурга сдѣлали запросъ относительно его семейнаго положенія. По справкамъ оказалось, что въ спискахъ по ошибкѣ поставили его вмѣсто другого ссыль-

Новая церковь въ Александровскомъ посту.

наго, съ подходящей фамиліей. Тотъ дѣйствительно женатъ и проживаетъ въ домѣ своей жены. Чиновники боялись доложить о своемъ промахѣ строгому губернатору и рѣшили подождать, когда онъ уѣдетъ обозрѣвать другой округъ, чтобы въ его отсутствіе послать отвѣтъ въ Петербургъ. Вотъ причина, почему держали телеграмму подъ сукномъ.

Разсердился X. на чиновниковъ и тотчасъ побѣжалъ къ губернатору съ жалобой. Генералъ, конечно, не замедлилъ отвѣтить въ Петербургъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Эти двѣ невѣсты, Маріи, послѣ долгихъ хлопотъ, наконецъ очутились на одномъ и томъ же пароходѣ, выходившемъ изъ Одессы во Владивостокъ. Имъ отвели мѣсто въ общей женской каютѣ такъ называемаго улучшеннаго третьяго класса. Дѣвицы со всею довѣрчивостью и откровенностью разсказывали всѣмъ, что онѣ ѣдутъ на Сахалинъ вступить въ бракъ съ ссыльно-каторжными. Пассажирки отнеслись къ нимъ очень сочувственно, и первое время всѣ онѣ составляли одну согласную дружную семью. Но и тутъ нашелся свой «уродъ», который отравилъ имъ интересное путешествіе вокругъ Индіи, Китая и Японіи. Одного пассажира перваго класса сопровождала молоденькая дамочка во Владивостокъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ ей неудобно было находиться въ первомъ классѣ, въ которомъ ѣхалъ ея знакомый, и она помѣстилась въ общей каютѣ, гдѣ были обѣ Маріи. Кичась своими связями съ первокласснымъ пассажиромъ, она третировала своихъ случайныхъ компаньонокъ и держала себя по отношенію къ нимъ заносчиво и грубо. Дѣвушки терпѣли отъ нея всевозможныя дерзости. Наконецъ, чаша терпѣнія переполнилась, и одна изъ нихъ позволила себѣ скромно замѣтить дамочкѣ, что онѣ не заслуживаютъ такихъ оскорбленій, какія имъ приходится терпѣть отъ нея почти ежедневно.

Дамочка вскипятилась и тотчасъ поплыла съ жалобой къ своему знакомому. Лишь только дѣвушка показалась на палубѣ, какъ первоклассный господинъ, грозя кулаками, набрасывается на нее съ криками и руганью:

— Каторжная! Сахалинка!.. Да я тебя сейчасъ же прикажу выпороть здѣсь на палубѣ!..

Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось; но кто-то во время донесъ командиру парохода, и тотъ остановилъ не въ мѣру расходившагося господина.

Тутъ только Маріи поняли, что значитъ связать свою судьбу съ сахалинцемъ. Этотъ случай сразу подрѣзалъ имъ крылья восторга, и онѣ въ страшно угнетенномъ состояніи и съ трепетомъ подвигались къ острову отверженныхъ.

Я тогда находился во Владивостокѣ и, предупрежденный телеграммою, встрѣтилъ ихъ на пристани. Блѣдныя, дрожащія отъ холода (это было въ срединѣ октября), нравственно измученныя, бѣдныя дѣвушки производили тяжелое впечатлѣніе. Когда невѣстъ привели въ общество друзей ихъ будущихъ супруговъ, накормили, обогрѣли и оказали имъ неподдѣльную ласку и вниманіе, онѣ не выдержали всей этой душевной теплоты незнакомыхъ людей и расплакались. Ужъ очень много горькихъ пилюль поглотали онѣ по дорогѣ!..

А сколько еще предстояло имъ всевозможныхъ мытарствъ на самомъ Сахалинѣ!..

IX.

Владивостокъ на военномъ положеніи.—Толки о войнѣ.—Фельдфебель Кобчикъ.—Его наказаніе.—Воинскіе отряды изъ каторжныхъ.—Ссыльные въ Крымскую кампанію.—Смерть Арсенія Кобчика.—Разсказы о военныхъ походахъ.—Царскій смотръ.—Сахалинскій паспортъ.—Новое препятствіе къ выѣзду.

Лишь только миновала Пасха, и показались первые весенніе ручьи, какъ я заторопился со своимъ отъѣздомъ. Точно перелетная птица, почувствовавъ свое время, я не могъ уже спокойно сидѣть въ Рыковскомъ за стѣною Пилингскихъ горъ, и меня потянуло поближе къ свободному морю.

— Съ первымъ же пассажирскимъ пароходомъ уѣду!—говорилъ я, прощаясь задолго до отъѣзда съ тымовскими поселенцами.

Но вотъ приходитъ первый грузовой пароходъ и объявляетъ сенсаціонную новость: Владивостокъ на военномъ положеніи, и весь край готовится къ войнѣ!

— Пожалуй, во Владивостокъ-то вамъ и не попасть,—скептически замѣчали мнѣ чиновники.—Ужъ придется вамъ измѣнить свой маршрутъ: сперва въ Николаевскъ, а потомъ по Амуру. А то, чего добраго, васъ и въ мобилизацію зачислятъ...

При этомъ извѣстіи всѣ личные расчеты отошли на второй планъ. Среди каторжниковъ и чиновниковъ поднялись толки: какое положеніе будетъ занимать Сахалинъ во время военныхъ дѣйствій?

— Его не тронутъ. Онъ, какъ островъ каторжныхъ, останется нейтральнымъ,—замѣчаетъ одинъ чиновникъ.

— Нѣтъ,—горячо возражали другіе,— Сахалинъ, какъ угольная станція, будетъ лакомымъ кускомъ для флота. Скорѣй всего иностранцы высадятся на островъ и заберутъ всѣхъ каторжныхъ въ плѣнъ, а это имъ на руку! Мѣстныя команды не въ силахъ будутъ дать отпоръ.

Каторжные тоже не отставали въ смѣлыхъ предположеніяхъ. Немногіе увлекались мыслію быть забранными въ плѣнъ. Большинство мечтало стать въ ряды войска и тѣмъ заслужить полное помилованіе.

Въ Рыковскомъ жилъ мною очень любимый ссыльный, Петръ Осиповъ, онъ же Арсеній Кобчикъ [1]). Это былъ старый вояка николаевскихъ временъ. Онъ выдержалъ страшную школу въ образцовомъ полку, гдѣ, по его выраженію, девять человѣкъ заколачивали, а десятаго дѣлали солдатомъ; потомъ совершилъ три трудныхъ похода въ Венгрію, за Дунай и подъ Севастополь (участвовалъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ). Вскорѣ послѣ Крымской кампаніи, будучи фельдфебелемъ Витебскаго полка, Кобчикъ въ нетрезвомъ видѣ осмѣлился дать отпоръ молодому офицеру. За это полевымъ судомъ его приговорили на двадцать лѣтъ въ каторжныя работы. Весь полкъ и генералы (а онъ былъ многимъ извѣстенъ) очень его жалѣли и постарались, насколько возможно, смягчить ему наказаніе шпицрутенами. За побѣгъ изъ Николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода ему прибавили еще десять лѣтъ каторги. Со всѣми сокращеніями онъ пробылъ въ работахъ на Карѣ и на Сахалинѣ около двадцати шести лѣтъ. Года за два до конца его каторги Россія готовилась къ войнѣ съ англичанами. Тогда на Сахалинѣ рѣшено было составить изъ арестантовъ небольшіе отряды и обучить ихъ военному дѣлу. Собрали всѣхъ ссыльнокаторжныхъ на дворѣ Александровской тюрьмы, а одинъ изъ представителей

---

[1]) При побѣгѣ каторжные обыкновенно мѣняютъ свою фамилію, и съ новымъ водвореніемъ въ каторгу они числятся иногда подъ двойными фамиліями.

Богадѣльня на Сахалинѣ.

мѣстной власти обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой кратко описалъ положеніе страны и при этомъ сказалъ, что кто изъ нихъ желаетъ вступить въ ряды ратниковъ, тотъ пусть заявитъ объ этомъ сейчасъ.

— Я желаю! — выскакиваетъ изъ рядовъ 64-хъ-лѣтній старикъ, весь сѣдой, какъ лунь, и молодецки вытягивается по-военному.

Это былъ Кобчикъ.

За нимъ шарахнулась вся сѣрая толпа каторжныхъ и восторженными криками заявляла свою готовность.

Такъ какъ дружескія отношенія къ Англіи скоро возстановились, то тогда и не оказалось надобности въ отрядѣ арестантовъ; но извѣстно, что раньше, въ годину Крымской кампаніи, ссыльные на русскихъ берегахъ Великаго океана наравнѣ съ солдатами стойко держались противъ непріятеля.

Кстати о Кобчикѣ. Когда его поселенцемъ перевели въ Рыковское селеніе, онъ приписался половинщикомъ къ одному холостому крестьянину и старательно служилъ ему работникомъ. Въ благодарность крестьянинъ оставилъ Кобчику избу въ пожизненное владѣніе и уѣхалъ на материкъ. Сначала старикъ кое-какъ перебивался, копаясь въ своемъ огородѣ, но наконецъ принужденъ былъ и отъ этой работы отказаться: старость брала свое, да и двадцатишестилѣтняя каторга давала о себѣ знать нытьемъ въ старыхъ костяхъ. Я выхлопоталъ Кобчику казенный паёкъ муки и поддерживалъ его, насколько могъ. Но вдругъ вышло распоряженіе: всѣхъ слабыхъ стариковъ, зачисленныхъ въ богадѣльню, собрать въ одну изъ упраздненныхъ тюремъ (сначала богадѣльня была въ бывшей Воеводской тюрьмѣ, потомъ въ Малотымовской, а теперь она въ Дербинской) [1]. Закручинился мой дѣдъ.

— Хочешь получать паекъ, то иди,—говоритъ начальникъ,— въ богадѣльню. А если хочешь остаться въ своемъ домѣ,—пайка не получишь. Такой приказъ, говорятъ, вышелъ. Господи, почитай всю жизнь я былъ въ тюрьмѣ, и опять гонятъ въ тюрьму!..

Заплакалъ страдалецъ.

Пока я хлопоталъ, чтобы оставили его въ покоѣ въ своемъ домѣ и не лишали пайка муки, бѣдный Кобчикъ заболѣлъ.

---

[1] Дербинская тюрьма была закрыта съ отъѣздомъ съ о. Сахалина 600 ссыльнокаторжныхъ на Уссурійскую жел. дорогу.

Поздно вечеромъ онъ позвалъ меня къ себѣ и передалъ давно спрятанные три рубля на похороны, а ночью его не стало. Онъ умеръ семидесяти трехъ лѣтъ.

Это былъ удивительный человѣкъ долга! Его идеалъ: сгорѣть на часахъ, но не тронуться съ мѣста. Въ то же время онъ поражалъ меня мягкостью своего сердца.

Когда бывало увижу издали этого широкоплечаго старика, съ окладистою бородой и съ громадною шапкою бѣлыхъ волосъ на головѣ, не утерплю, чтобы не позвать его къ себѣ. Онъ былъ для меня живою книгою николаевскихъ временъ. Въ интересныхъ картинахъ проходили предо мною всѣ перипетіи войны съ турками, когда онъ начнетъ разсказывать про свои походы.

— Вѣдь самъ государь предсказалъ мнѣ быть въ каторгѣ.

— Какъ такъ?—спрашиваю его.

— Когда я кончилъ ученіе въ образцовомъ полку, собрали насъ на царскій смотръ. Я былъ тогда такой стройный, ловкій, а мундиръ на мнѣ сидѣлъ въ обтяжечку, какъ вылитый. Входитъ Николай Павловичъ. Быстро пошелъ по фронту. Глазъ у него былъ зоркій, — сразу все замѣтитъ! Вдругъ остановился около меня, пощупалъ на груди и говоритъ:

— А что, братецъ, мундиръ-то узокъ у тебя?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество!—отвѣчаю ему.

Онъ прошелъ дальше. Тутъ всѣ генералы обступили меня, давай разспрашивать: что говорилъ государь? Я сказалъ имъ. А вѣдь мундиръ потомъ и впрямь оказался узокъ для меня: только тринадцать лѣтъ и отслужилъ царю вѣрой и правдой.

За неимѣніемъ новыхъ свѣдѣній объ ожидаемой войнѣ съ Японіей, сахалинскіе обыватели создали множество фантастическихъ предположеній. Слухи распространялись одинъ другого невѣроятнѣе. Теперь уже не я одинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пассажирскаго парохода: всѣмъ хотѣлось услышать новости съ того берега.

Наконецъ, я получилъ паспортъ отъ тымовскаго полицейскаго управленія, съ правомъ поселиться въ Восточной Сибири, но безъ указанія званія. По паспорту я не былъ ни дворяниномъ, ни мѣщаниномъ, ни крестьяниномъ, а просто ссыльный. Чтобы я могъ приписаться къ какому нибудь обществу села или города на материкѣ, мнѣ дали еще другую бумагу — офи-

ціальное удостовѣреніе о моемъ поведеніи и дѣятельности на островѣ.

Казалось бы, все готово, но было еще одно препятствіе перебраться въ Александровскій постъ. На вершинахъ Пилингскаго хребта зимою скапливается много снѣгу. Онъ пролежитъ иногда весь май, пока не стаетъ. И, конечно, нельзя и думать на саняхъ перевезти весною кладь по толстому слою снѣга, который проваливается подъ ногою лошади.

Только въ маѣ рѣшился я тронуться въ путь. У меня нашелся попутчикъ — довѣренный фирмы «Кунста и Альберса», А. О. К., изъ Москвы.

Наканунѣ вечеромъ еще разъ я обходилъ своихъ знакомыхъ и снова прощался съ ними. Ночь провелъ въ задушевной бесѣдѣ съ своими товарищами. Богъ знаетъ, придется ли гдѣ-нибудь еще увидѣться намъ!

X.

На кладбищѣ.—Прощаніе со стариками.—Проводы и разставаніе съ товарищами. — По снѣгу чрезъ Камышевый перевалъ.—Пустынность острова.—Горѣлая тайга.—Встрѣча съ гиляками.—У военнаго губернатора.—Прибытіе парохода «Байкалъ».—Опять среди товарищей.

Передъ отъѣздомъ изъ Рыковскаго мнѣ хотѣлось уединиться и сосредоточиться въ себѣ хоть на одну минуту, и я на разсвѣтѣ побѣжалъ на ближайшую гору, гдѣ находилось сельское кладбище.

Мысленно прощаясь съ своими умершими друзьями, я окинулъ въ послѣдній разъ обширное селеніе. Снѣгъ въ долинѣ внизу стаялъ. Онъ блестѣлъ только подъ красноватыми лучами солнца на вершинахъ горъ. Оголенная земля вмѣстѣ съ крестьянскими избушками приняла однообразный сѣрый колоритъ. Среди нихъ одинъ куполъ церкви выдавался яркимъ зеленымъ цвѣткомъ. Вдали надъ рѣкою легкая дымка тумана придавала картинѣ особую свѣжесть, которая чувствуется въ природѣ раннею весною.

— Если хочешь проститься съ Сахалиномъ, — сказалъ я себѣ:—то простись здѣсь. Тамъ внизу ты будешь много гово-

Похороны ссыльнокаторжнаго.

рить, хлопотать, шумно обниматься, плакать... но все это будетъ отрывочно, неглубоко, разсѣянно, а главное—на людяхъ.

Я медленно обошелъ нѣсколько могилъ и вспомнилъ нерадостную жизнь этихъ страдальцевъ. Предо мною воскресали грустныя картины каторжнаго острова, въ которыхъ и я былъ подневольнымъ рабомъ...

— Сохрани меня, Боже, отъ чего либо подобнаго!—воскликнулъ я, прерывая свое тяжелое раздумье, и бѣгомъ пустился съ горы въ селеніе.

У моего дома уже стояла куча каторжныхъ, поселенцевъ и богадѣльщиковъ. Всѣ они пришли проститься со мною.

— Здравствуйте!—привѣтствую ближайшаго старика Евдокима Савельева—точная копія Тургеневскаго Касьяна съ Красивой Мечи.

Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Я самъ едва сдерживалъ слезы и не зналъ, какъ его успокоить.

— Больше я васъ не увижу!..—говоритъ онъ, все громче и громче рыдая.

— На томъ свѣтѣ всѣ мы увидимся,—началъ было я утѣшать религіознаго старика, какъ вдругъ на встрѣчу мнѣ изъ моего дома выходитъ группа товарищей по ссылкѣ.

Чтобы скрыть свое волненіе, я сталъ озабоченно спрашивать, уложены ли мои вещи, и все ли готово къ отъѣзду.

Товарищи изъявили желаніе проводить меня пѣшкомъ, такъ какъ мой спутникъ К. нѣсколько замѣшкался съ тарантасомъ.

Пока мы шли по селенію, изъ домовъ и изъ церкви, гдѣ началась обѣдня, выбѣгали знакомые поселенцы, и каждый старался сказать мнѣ нѣсколько сердечныхъ пожеланій на дорогу. Но вотъ селеніе кончилось, и я пошелъ по Дербинскому шоссе въ кругу только своихъ ближайшихъ друзей. Среди нихъ была одна женщина—учительница рыковской школы.

Я остановился, чтобы бросить послѣдвій прощальный взглядъ на Рыковское, какъ замѣтилъ еще бѣгущаго человѣка. Это былъ портной армянинъ, испытавшій, въ бытность свою военнымъ, знаменитое Баязетское сидѣніе. Онъ тоже хотѣлъ со мною проститься. Меня очень тронуло такое вниманіе со стороны малознакомаго человѣка.

На пятой верстѣ насъ нагналъ мой спутникъ К. Надо было разстаться. Сквозь слезы, среди горячихъ объятій и поцѣлуевъ, чаще всего высказывалась надежда увидѣться опять въ Россіи...

Лошади быстро помчали меня на западъ, а товарищи, махая платками и фуражками, долго стояли на одномъ мѣстѣ, пока мы не скрылись изъ вида... Я былъ среди нихъ первою ласточкой, улетавшей въ родные края, и своимъ отъѣздомъ сильно оживлялъ въ нихъ надежду, что скоро и они потянутся вслѣдъ за мною; но въ то же время сколько грусти отъ сознанія, что они остаются здѣсь еще на неопредѣленное число лѣтъ. Я пишу сейчасъ объ этомъ разставаньѣ, какъ о давнопрошедшемъ для меня событіи, а нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще на Сахалинѣ ждутъ своей весны...

Пообѣдавъ въ Дербинскомъ селеніи у здѣшняго священника, отца Николая, мы выѣхали отъ него при шумныхъ пожеланіяхъ собравшихся здѣсь тымовскихъ чиновниковъ. Въ Верхнемъ Армуданѣ перемѣнили лошадей, потому что далѣе дорога шла круто въ гору на такъ называемый «Камышевый перевалъ» по рыхлому снѣгу. Лошади часто проваливались по брюхо и едва подвигались впередъ. Мы выскочили изъ тарантаса и съ трудомъ пробирались по колѣно въ мокромъ снѣгу. Здѣсь намъ пришлось полюбоваться прекраснымъ и оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди кучъ ослѣпительно бѣлаго снѣга выступали большія и густыя заросли бамбука. Омытые прошлогодніе листья его были еще зелены и свѣжи, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось убѣдить своего спутника К., что это старые всходы.

Когда наша тройка пробилась сквозь полосу снѣга, мы опять сѣли въ тарантасъ и стали спускаться въ Арковскую долину. Встрѣчныхъ—ни одной души. Ни птицы, ни звѣря. Несмотря на обиліе видовъ животныхъ на Сахалинѣ, центръ острова не можетъ похвастаться числомъ особей. Однажды лѣтомъ трое изъ моихъ товарищей совершили экскурсію въ дѣвственную тайгу по направленію къ Охотскому моря и за цѣлую недѣлю убили только четыре пары рябчиковъ.

Чѣмъ ниже мы спускались въ долину, тѣмъ картины тайги становились все печальнѣе: мы въѣхали въ полосу горѣлаго лѣса. Оголенная отъ травы почернѣвшая почва и сѣрыя скалы были покрыты, какъ поднятою щетиною, темными стволами обгорѣвшихъ деревьевъ. Что-то отчаянно-безжизненное было въ этомъ страшномъ ландшафтѣ. Мнѣ кажется, трудно придумать другую обстановку для выраженія всего ужаса проклятой страны. Я часто ходилъ по пожарищу въ тайгѣ. Вблизи это не такъ мертвенно: кое-гдѣ пробивается свѣжая трава, и мѣстами обго-

рѣлая почва закрашена розовыми цвѣтами Иванъ-чая (Epilobium angustifolium). А взглянешь издали: на сѣромъ фонѣ только торчатъ, какъ спички, черные стволы горѣлаго лѣса.

Здѣсь лѣсные пожары происходятъ ежегодно. Сосѣднія горы около Рыковскаго селенія всѣ выгорѣли. Мнѣ случилось наблюдать картину хаотическаго пожара на горахъ вокругъ Александровскаго поста. Особенно поразительный видъ былъ ночью, когда надъ горящимъ лѣсомъ висѣла зловѣще красная полоса зарева. Огонь быстро перебѣгалъ съ дерева на дерево, выдѣляясь яркими вертикальными полосками, и подошелъ къ самому морю у Жонкіерскаго маяка. Это огненное кольцо держало въ осадѣ жителей города нѣсколько дней. Никто и не порывался тушить. Каждый домовладѣлецъ, день и ночь сидя на крышѣ, старался только оберегать свою избу отъ залетавшихъ искръ.

Въ Тымовскомъ округѣ ежегодно, въ періодъ іюньскихъ засухъ, всегда есть гдѣ нибудь лѣсной пожаръ. Къ этому сахалинцы приглядѣлись, привыкли и пока довольно спокойно относятся къ потерѣ строевого лѣса: его еще много на островѣ. Причина пожара чаще всего — брошенный бродягами костеръ. И тутъ уже трудно отъ нихъ уберечь тайгу. Если посчитать всю площадь земли, опустошенной пожарами, то она представитъ огромную пустыню въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ!

Подъѣзжая къ Арковскимъ селеніямъ, мы снова встрѣтили нѣкоторое оживленіе на дорогѣ и на прилегающихъ къ ней поляхъ. Попалась недалеко отъ моря семья гиляковъ съ посохами въ своихъ маленькихъ изящныхъ рукахъ. За спиною гилячки была подвязана люлька съ ребенкомъ. У мужчины тоже торчалъ какой-то грузъ. У обоихъ пазухи, набитыя всевозможными запасами, начиная отъ огнива и кончая табакомъ и юколой, отвисали большими мѣшками ниже пояса. Съ ними были ихъ собаки съ характерными стоячими ушами. Какъ у насъ рогатый скотъ, такъ у гиляковъ собаки служатъ и рабочею силой и лакомою пищей. Этотъ неприхотливый народъ не брезгуетъ даже падалью и съ удовольствіемъ кушаетъ мертвыхъ китовъ и сивучей, выброшенныхъ на берегъ волнами.

Гиляки всегда приковывали мое вниманіе своеобразными обычаями, одеждою, оригинальнымъ русскимъ жаргономъ, но теперь, при отъѣздѣ съ Сахалина, я старался насколько возможно сильнѣе запечатлѣть каждую подробность, каждую мелочь, чтобы унести съ собою воспоминанія о нихъ для людей другого міра, далекихъ отъ острова каторжныхъ.

Селеніе Дербинское Тымовскаго округа.

Еще послѣднее усиліе лошадей по берегу моря, и мы въ Александровкѣ.

На другой день рано утромъ я пошелъ дѣлать прощальные визиты и прежде всѣхъ къ военному губернатору острова, Мерказину. Его домъ находился въ лучшемъ углѣ селенія на плоской возвышенности, круто спускающейся къ рѣкѣ Александровкѣ. Съ одной стороны примыкалъ къ нему большой садъ, лучше сказать, расчищенный паркъ, а съ другой — обширная площадь съ церковью и казенными зданіями.

Хорошо знакомый съ сибирскою жизнью, губернаторъ мало довѣрялъ служащимъ и потому былъ съ ними довольно строгъ и требователенъ. Такимъ образомъ, становясь въ оппозицію чиновникамъ, онъ невольно дѣлался защитникомъ интересовъ ссыльныхъ. Въ немъ была прекрасная черта для населенія острова—доступность. Всякій, и свободный, и каторжный, кто только имѣлъ нужду видѣть губернатора, свободно шелъ къ нему съ 7-ми часовъ утра (генералъ любилъ рано вставать) и обстоятельно излагалъ ему свою просьбу.

Губернаторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, какъ знакомаго. Расхваливъ мою послѣднюю литературную работу, онъ разспрашивалъ о моихъ намѣреніяхъ. Такъ какъ со дня на день ждали пассажирскаго парохода «Байкалъ», то, прощаясь со мною, онъ самъ рекомендовалъ мнѣ ѣхать на немъ. Но пароходъ запоздалъ вслѣдствіе бушевавшей снѣжной бури на морѣ.

9-го мая погода измѣнилась: опять голубое небо, яркое солнце и тишина на морѣ. Наконецъ раздался давно ожидаемый свистокъ: «Байкалъ» пришелъ! Это извѣстіе такъ сильно меня взволновало, что я почувствовалъ въ себѣ новыя силы и радостно поспѣшилъ укладываться. Тутъ повторилась рыковская сцена прощанія. Также большой гурьбой товарищи провожали меня нѣсколько верстъ до берега. На длинную пристань пропускались только тѣ счастливые обыватели острова, которымъ было разрѣшено уѣхать съ него. Я скоро устроился на пароходѣ, познакомился съ капитаномъ и пассажирами, сдалъ свой багажъ и мысленно уже прощался съ Сахалиномъ, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ капитанъ Л—скій и объявляетъ, что ночью пароходъ будетъ нагружаться углемъ въ Дуэ.

Мнѣ представлялась возможность провести еще одну ночь среди своихъ товарищей, и я вернулся на берегъ. Тамъ было сильное оживленіе по поводу только-что полученной почты съ

парохода. Между прочимъ въ одномъ изъ журналовъ былъ найденъ новый разсказъ Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ». Несмотря на поздній часъ, мы всѣ усѣлись, чтобы послушать новое произведеніе уважаемаго писателя; но хлопоты цѣлаго дня такъ сильно утомили меня, что я при всемъ своемъ желаніи не могъ долго слушать чтеніе и поспѣшилъ проститься съ товарищами. Къ тому же предчувствіе чего-то непріятнаго нагнало на меня непонятную грусть.

— Во всякомъ случаѣ,—успокоивалъ я себя, ложась въ постель,—завтра ты разстанешься-таки съ Сахалиномъ.

XI.

Задержать!—Объясненіе съ губернаторомъ.—Стараніе товарищей развѣять меня.—Постройка баржъ.—Японскіе торговцы.—Мнѣніе Хасевава о предполагаемой войнѣ.—Кустарный промыселъ у японцевъ.—Мои занятія въ ожиданіи отъѣзда.—Поѣздка въ Дуэ.—Жалкій чиновникъ.

Только что я поднялся съ постели на другой день утромъ, какъ меня зовутъ на телефонную станцію.

— Что такое?—спрашиваю.

— Генералъ приказалъ,—отвѣчаетъ мнѣ съ пристани дежурный чиновникъ И—въ,—немедленно васъ задержать, если вы на пароходѣ.

Въ страшной тревогѣ я бросился къ губернатору.

— Вамъ ошибочно данъ билетъ на выѣздъ,—говоритъ мнѣ генералъ:—мы не имѣемъ права васъ выпустить съ острова безъ разрѣшенія изъ Петербурга.

— Такъ дайте, пожалуйста, телеграмму!

Огорченный новымъ препятствіемъ къ выѣзду, я поѣхалъ за своими вещами на пароходъ. Пассажиры, сочувствуя моему горю, очень жалѣли обо всемъ случившемся и недоумѣвали, что это значитъ. Я тоже ничего не понималъ. Между тѣмъ генералъ успѣлъ уже сдѣлать замѣчаніе по телеграфу начальнику округа, который выдалъ мнѣ билетъ. Тотъ съ своей стороны телеграфируетъ въ Александровку, чтобы задержали меня и препроводили въ Рыковское.

— Часъ отъ часу не легче!—подумалъ я.—Точно я бѣглецъ какой нибудь, или виноватъ въ выдачѣ билета. Еще въ прошломъ году я подалъ прошеніе о выдачѣ паспорта съ разрѣшенія самого губернатора, а теперь—«задержать!».

Конечно, поспѣшное требованіе тымовскаго начальника не было выполнено, и генералъ разрѣшилъ мнѣ дожидаться отвѣта на его телеграмму въ Александровкѣ.

Минувшею осенью выѣхалъ во Владивостокъ одинъ мой знакомый ссыльный изъ евреевъ. Вступивъ на почву материка, онъ въ восторгѣ телеграфируетъ мнѣ: «Я перешелъ море, какъ Израиль, и изъ Египта работы и неволи вступилъ въ обѣтованную землю на азіатскомъ материкѣ». А на другой день, по приказу сахалинскаго губернатора, его арестовали, якобы по ошибкѣ выпущеннаго, и съ первымъ пароходомъ вернули на Сахалинъ.

Слава Богу, что меня хоть здѣсь, у пристани, задержали, а то было бы совсѣмъ скандально возвращаться изъ Владивостока подъ конвоемъ, подобно бродягѣ!

Потянулись тоскливые дни. Сколько было разочарованій и обидныхъ притѣсненій за восемь лѣтъ на Сахалинѣ, все снова вспомнилось, еще болѣе усиливая мои нравственныя муки.

Товарищи старались разсѣять меня и днемъ придумывали различныя прогулки по окрестностямъ Александровки, а вечеромъ устроивали литературные вечера.

Одна изъ моихъ любимыхъ прогулокъ была на берегъ моря, потому что здѣсь всегда замѣчалась жизнь. Даже въ совершенный штиль приливная или отливная волна измѣняла картину берега, усѣивая его различными видами морской флоры или фауны.

Недалеко отъ устья рѣки Александровки мнѣ пришлось познакомиться съ новымъ видомъ сахалинскаго производства—съ постройкою деревянныхъ баржъ. Даровой лѣсъ и даровыя руки здѣсь даютъ возможность сравнительно очень дешево строить эти суда не только для своихъ надобностей, но и по заказу Амурской пароходной компаніи.

Однажды, прогуливаясь, мы зашли къ пріѣхавшимъ сюда японскимъ торговцамъ. Ссыльное населеніе очень желало, чтобы они открыли на Сахалинѣ торговлю въ большихъ размѣрахъ и понизили бы существующія здѣсь цѣны на товары, но русскіе купцы и сама администрація острова препятствуютъ имъ открывать здѣсь магазины, чтобы они не сдѣлали конкуренціи казенной лавкѣ колонизаціоннаго фонда.

Горѣлая тайга.

Японцы оказались прелюбезными хозяевами, и одинъ изъ нихъ, Канезироо Хасекава, удивилъ насъ своею интеллигентностью. Онъ вообще много читалъ, выписываетъ японскіе и англійскіе журналы и былъ au courant всѣхъ новостей, относящихся до японской политики. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, онъ являлся крайне интереснымъ собесѣдникомъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ нѣсколько эпизодовъ японо-китайской войны и при этомъ показалъ множество фотографій и патріотическихъ картинъ, которыми такъ усердно иллюстрировали свои журналы его соотечественники.

— А что, если будетъ у японцевъ война съ Россіей? — полюбопытствовали мы.

— Для насъ,—отвѣчаетъ японецъ съ снисходительною улыбкой,—это пустяки. Воевать съ Россіей намъ гораздо легче, чѣмъ съ Китаемъ.

— Какъ такъ?! — въ одинъ голосъ воскликнули мы, удивляясь самоувѣренному тону этого маленькаго человѣчка.

— Да великъ ли у васъ флотъ въ Великомъ океанѣ?!—продолжаетъ поражать насъ японецъ.—А крѣпостей только одна и есть на всемъ берегу, да и та можетъ держаться самое короткое время. Если мы взяли Портъ-Артуръ, то овладѣть Владивостокомъ—совершенные пустяки. У васъ мало защищенъ ключъ крѣпости—Русскій островъ.

Правда, въ то время мы плохо были приготовлены вести большую войну на Востокѣ, но я изумлялся, съ какою развязностью онъ говорилъ о побѣдѣ уже надъ второй великой имперіей. Въ своемъ воинственномъ азартѣ онъ дошелъ до того, что и Англію сталъ сравнивать съ Китаемъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на бой цѣлый міръ. И это онъ говорилъ на иностранной землѣ, среди русскихъ людей. Воображаю, что они говорятъ у себя дома!..

Похваляя храбрость своего народа, Хасекава вытащилъ двѣ японскихъ шпаги въ лакированныхъ деревянныхъ ножнахъ и съ важностью показывалъ достоинство ихъ клинковъ. Мы видѣли у него еще цѣлую кучу чисто японскихъ вещей. Для меня тогда все это было ново и интересно. Даже самыя простыя вещи изъ соломы, камыша, бумаги, дерева, были сдѣланы удивительно изящно. Какія чудныя плетенія! Все чисто, красиво и чрезвычайно тонко по вкусу и отдѣлкѣ. Я не замѣчалъ ни въ чемъ ни небрежности, ни грубости, но я тогда не зналъ еще, какъ все это въ то же время слабо и непрочно!

Громко расхваливая японскія вещи, я сдѣлалъ маленькую безтактность. Если гость, пришедшій въ первый разъ въ домъ, похвалилъ какую нибудь вещь, то по японскому обычаю надо ему сейчасъ же подарить ее. Чтобы поправить свою ошибку, я хотѣлъ купить себѣ что нибудь на память, но товарищи удержали меня:

— Не торопитесь: этого хлама довольно и во Владивостокѣ, только тамъ онъ вдвое дешевле, чѣмъ здѣсь.

Посѣщая товарищей и осматривая достопримѣчательности Александровскаго поста, къ которымъ надо отнести и начинавшійся въ это время сахалинскій музей, я и самъ старался занять себя какимъ либо дѣломъ, чтобы скрасить томительное ожиданіе. Для меня не надо было искать занятій: ихъ всегда было много здѣсь. Въ это время я успѣлъ установить солнечные часы около дома губернатора, приводилъ въ порядокъ недавно перенесенную сюда матеорологическую станцію и писалъ замѣтки для журналовъ. Врачъ П—ій, офиціальный посредникъ между наблюдателями и Главною физическою обсерваторіей, по своей иниціативѣ взялся выхлопотать мнѣ небольшое вознагражденіе за литературные труды о Сахалинѣ.

— Если само начальство не додумалось до этого, то мнѣ самому неудобно напоминать о вознагражденіи,—сказалъ я врачу П—му.

На другой день я просилъ его письмомъ не подымать этого вопроса, но онъ вопреки моему желанію доложилъ генералу. Тотъ вспомнилъ свои прошлогоднія обѣщанія и сейчасъ же назначилъ сто рублей. Правду сказать, они мнѣ очень пригодились въ первое время моего пребыванія во Владивостокѣ. Въ этотъ же самый день пришло извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ не имѣютъ никакихъ препятствій къ моему выѣзду съ о. Сахалина въ Восточную Сибирь.

— Ну, наконецъ-то!—облегченно воскликнулъ я.

На Дуйскомъ рейдѣ грузился углемъ нѣмецкій пароходъ «Velox», зафрахтованный Добровольнымъ флотомъ.

— Надо хоть на угольщикѣ поскорѣе уѣхать съ несчастнаго острова, — рѣшительно сказалъ я себѣ и отпросился у начальника округа въ Дуэ.

Въ это время туда собиралась ѣхать на паровомъ катерѣ партія чиновниковъ. Присталъ и я къ нимъ. Одинъ изъ нихъ всю дорогу былъ особенно со мной любезенъ, посвящалъ меня

въ тайны своего прошлаго и въ чемъ-то оправдывался предо мною, жалуясь на свое зависимое положеніе.

— Мы—люди маленькіе!—прибавлялъ онъ непрестанно.

Потомъ онъ сталъ обвинять генерала за его грубость, непостоянство и строгость къ чиновникамъ. Я не понималъ, къ чему онъ говоритъ все это мнѣ, почти незнакомому ему человѣку. Впослѣдствіи мнѣ разъяснили: этотъ жалкій чиновникъ, желая выслужиться передъ губернаторомъ, заварилъ всю кашу изъ-за моего паспорта и такъ напугалъ его своими соображеніями, что тому пришлось вторично испрашивать изъ Петербурга телеграммою то, что было сообщено ему раньше письменно.

Узнавъ условія переѣзда на пароходѣ «Velox» во Владивостокъ и сдѣлавъ прощальные визиты знакомымъ дуйскимъ чиновникамъ, вечеромъ я вернулся опять на паровомъ катерѣ въ Александровку, чтобы захватить свои вещи и окончательно распрощаться съ нею навсегда.

Какъ я, однако, ни старался попасть на русскій пароходъ, пришлось воспользоваться услугами нѣмцевъ. И тутъ-то при возвращеніи домой, черезъ двѣнадцать лѣтъ разлуки, родное русское какъ будто все еще отвертывается отъ меня...

XII.

Новое прощаніе съ губернаторомъ. — Тяжелые проводы. — Неоцѣненныя жертвы. — На пароходѣ «Velox». — Мои спутники. — Нагрузка угля каторжными.—Двойной надзоръ.—Борьба съ тайною продажею спирта.—Передача по водѣ.—Лишнія стѣсненія.—Отплытіе.—«Впередъ смотрѣть!»

Мнѣ надо было опять явиться къ губернатору. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшилъ на встрѣчу мнѣ съ поздравленіями, пригласилъ въ свой кабинетъ и долго разговаривалъ о войнѣ, о Пріамурскомъ краѣ, о Манчжуріи и даже о Сахалинѣ. Обѣщалъ мнѣ все зависящее отъ него содѣйствіе на моемъ дальнѣйшемъ пути. Просилъ, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній при сибирскихъ мытарствахъ, телеграфировать ему. На прощаніе насказалъ мнѣ всяческихъ пожеланій.

Долгіе проводы—долгія слезы. Меня двѣ недѣли провожали съ Сахалина. Каждый день не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣ-

По дорогѣ въ Александровскій постъ.

стѣ повторялись поцѣлуи, объятія и пожеланія. Но вотъ послѣднее прощаніе съ товарищами у пристани, и я, не помню, какъ очутился въ паровомъ катерѣ. Одинъ изъ провожавшихъ, А. В., вдовецъ чуть ли не съ перваго года по пріѣздѣ на Сахалинъ, не выдержалъ и громко разрыдался...

Меня сильно подавляла не столько грусть о разлукѣ съ товарищами, сколько жалость къ нимъ. Большинство ихъ были хорошіе, сердечные люди, но, увлекшись идеями о счастьѣ человѣчества, они дали слишкомъ большой просторъ движенію своего сердца и... попали на Сахалинъ. Выкинутые изъ Россіи, они и здѣсь въ глазахъ правящаго класса плохо были оцѣнены. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, у нихъ не было никакой точки опоры, на которой успокоилось бы ихъ растерзанное сердце...

Кромѣ меня, изъ Сахалина уѣзжали на «Velox»'ѣ одинъ молодой человѣкъ, работавшій здѣсь въ конторѣ при угольныхъ копяхъ, и вдова рыковскаго смотрителя Я—ва, съ пятью малыми ребятами, изъ которыхъ двое пяти-мѣсячные близнецы. Мы коекакъ размѣстились по каютамъ служащихъ парохода и мысленно благодарили капитана за его любезность. Впрочемъ, его вниманіе, какъ потомъ оказалось во Владивостокѣ, обошлось довольно дорого.

Я и тутъ поторопился прибыть на судно, лучше сказать, поторопился уѣхать изъ Сахалина: пароходъ простоялъ въ Дуэ еще слишкомъ сутки.

При всемъ своемъ нежеланіи обращать вниманіе теперь на что либо сахалинское, я невольно засмотрѣлся на работу каторжныхъ. Они грузили уголь подъ двойнымъ надзоромъ. Съ одной стороны пароходная прислуга зорко слѣдила, чтобы они не стащили чего нибудь съ собою на берегъ, съ другой—чиновникъ И—въ и тюремные надзиратели внимательно наблюдали, какъ бы кто изъ каторжныхъ не купилъ у матросовъ бутылки водки.

Тайный провозъ спирта въ это время былъ злобою дня на Сахалинѣ. Губернаторъ издалъ цѣлый рядъ строгихъ приказовъ объ охранѣ береговъ острова отъ контрабанды, но всѣ они, какъ я убѣдился, мало имѣли значенія. Запретить тайную продажу спирта матросамъ приходящихъ судовъ почти невозможно. Они, напримѣръ, ухитряются передавать спиртъ ночью по приливной волнѣ. Бросятъ боченокъ въ воду за бортъ, а волны гдѣ нибудь прибьютъ его къ берегу прямо въ руки каторжнымъ. Мнѣ

Старѣйшій на Сахалинѣ постъ Дуэ.

самому лично пришлось уговорить двухъ молодыхъ людей увезти большой ящикъ спирта назадъ во Владивостокъ и сдать его обратно въ магазинъ извѣстнаго сахалинскаго поставщика.

Всѣ распоряженія по этому поводу подымали только ропотъ и на берегу, и на морѣ. Напримѣръ, запрещалось грузить пароходъ ночью, и вслѣдствіе этого суда простаивали нѣсколько дней лишнихъ у негостепріимныхъ и опасныхъ береговъ Сахалина. Были и другія стѣсненія, которыя возбуждали еще большую ненависть къ каторжному острову.

Наконецъ, 19-е мая было тѣмъ счастливымъ днемъ, когда я могъ сказать послѣднее «прости» сахалинскимъ берегамъ: пароходъ поднялъ якорь, и мы поплыли черезъ Татарскій проливъ къ желанному материку.

Случается, что и теперь Харонъ переправляетъ обратно черезъ Стиксъ обреченныхъ въ современный русскій Аидъ. Случается, что покойниковъ возвращаютъ съ кладбища, и мертвые воскресаютъ и въ настоящее время для новой жизни...

Когда очертанія Дуэ и Жонкіерскаго мыса стали уплывать въ туманной дали, въ это время я разсказывалъ одному штурману дальняго плаванія о своемъ восьмилѣтнемъ пребываніи на Сахалинѣ. Было очень кстати вспомнить на прощанье прошлую жизнь на каторжномъ островѣ и подчеркнуть результаты. Но недолго пришлось мнѣ разсказывать: новыя событія, новыя впечатлѣнія заставляли повернуть лицо въ другую сторону. «Впередъ смотрѣть!»... Этотъ бодрящій призывъ моряковъ сразу пресѣкалъ тяжелыя воспоминанія о минувшемъ и направлялъ всѣ думы навстрѣчу новымъ теченіямъ...

Море было сравнительно тихо. Небольшія волны не мѣшали нашему судну итти прямо по намѣченному пути; онѣ, казалось, какъ бы ласкались къ груди парохода. Не вѣрь, говорятъ, тишинѣ моря! Но я, какъ много разъ испытанный кормчій, твердо надѣялся одолѣть всѣ противные вѣтры и счастливо обойти опасныя скалы и коварныя мели и смѣло пустился въ дальній путь.

XIII.

Сахалинцы во Владивостокѣ.—Трудность развязаться съ островомъ каторжныхъ.—Мѣстные сырые туманы.—Письмо С. Г. Юркевича.—Морской промыселъ.—Неурожай отъ засухи.—Первыя пчелы на Сахалинѣ.—Грабежи и убійства.—Тяжелыя условія земледѣльческой колоніи.—Антагонизмъ между каторжными и поселенцами.

Былъ пасмурный день, какіе очень часто случаются весною во Владивостокѣ. Густой туманъ большими облаками тянулся по вершинамъ горъ и сползалъ въ долины, обхватывая верхнія зданія города. Все сѣро, сумрачно и сыро. На скатѣ горы, поднимавшейся у морской слободки, по временамъ проглядывалъ сквозь туманъ небольшой бѣленькій домикъ того самаго сахалинца изъ кавказскихъ героевъ, котораго лѣтъ десять тому назадъ перевезли вмѣстѣ со мною на пароходѣ Добровольнаго флота въ Александровскій постъ. Теперь я сижу у него за столомъ въ небольшой компаніи. Съ нами сидѣла жена хозяина дома, бойкая женщина, тоже прошедшая искусъ сахалинской каторги, да хабаровскій гость, много раньше меня оставившій Сахалинъ, гдѣ онъ былъ учителемъ.

— Господа!—провозглашаетъ хозяинъ,—мы всѣ прибыли съ Сахалина, а потому пью за здоровье сахалинцевъ!

— Да будетъ вамъ!—перебиваетъ его хабаровскій гость.— Пора бы оставить эту позорную кличку. Я давно мѣщанинъ, а отъ сахалинства до сихъ поръ не могу отвязаться. Нѣтъ, нѣтъ, да и напакоститъ оно мнѣ. А вы,—обращается онъ ко мнѣ,— приписались въ мѣщане?

— Нѣтъ,—отвѣчаю,—я еще форменный сахалинецъ: у меня паспортная зависимость отъ Сахалина. Пытался порвать свою связь съ нимъ, но это оказалось не такъ-то легко. Во-первыхъ, въ этомъ краѣ при большихъ разстояніяхъ беретъ много времени офиціальная переписка; а, во-вторыхъ, здѣсь такъ еще мало освоились съ законами и положеніями, что почти при каждомъ вопросѣ приходится, если не для себя, то для другихъ открывать Америку. Всѣ мои хлопоты и личныя объясненія съ губернаторами ни къ чему не привели: я еще до сихъ поръ съ сахалинскимъ билетомъ и въ прежней шкурѣ ссыльнаго. Трудно развязаться съ каторжнымъ островомъ! Я полагалъ, что разъ

съѣхалъ съ него—и сразу похоронилъ все прошлое. Но нѣтъ! нельзя позабыть жизнь стольких лѣтъ, да и окружающіе постоянно напоминаютъ Сахалинъ. Куда ни пойдешь, всюду натолкнешься на сахалинца. Моя квартирная хозяйка—жена смотрителя тюрьмы, который находится подъ судомъ за растрату и сидитъ здѣсь подъ арестомъ; пользуюсь столомъ тоже у сахалинки, служу и работаю съ сахалинцами, мои слуги—сахалинцы. Прячешь при случаѣ свое сахалинское происхожденіе, но это возможно ненадолго. Второй или третій вопросъ новаго знакомаго уже заставляетъ сказать, откуда пріѣхалъ и почему здѣсь очутился. Простой народъ однимъ только видомъ своимъ сейчасъ же выдаетъ себя во Владивостокѣ, особенно если онъ недавно пріѣхалъ съ острова. Привыкнувъ тамъ снимать шапку передъ каждымъ бариномъ, онъ и здѣсь не можетъ спокойно пройти мимо чиновничьей или офицерской фуражки, чтобы не сойти на мостовую и не потянуть руки къ своей шапкѣ.

— Но не будемъ мы,—перебиваетъ меня хозяинъ,—ругать все сахалинское. Посмотрите, бываетъ ли въ Тымовскомъ округѣ такая гнусная погода, какъ здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ? Сегодня я иду изъ управленія,—ничего не вижу на рейдѣ изъ-за тумана! На лицо и платье садится какая-то сырость, да и на сердцѣ становится мрачно и тоскливо...

— Въ Тымовскомъ округѣ,—замѣчаю я,—такихъ погодъ дѣйствительно нѣтъ, но на берегу острова туманъ не рѣдкость. Только онъ тамъ не сопровождается такою высокою температурою, и потому не цвѣтутъ ежедневно сапоги плѣсенью, какъ здѣсь, во Владивостокѣ. А, кстати, я получилъ недавно письмо изъ Рыковскаго селенія отъ бывшаго учителя изъ ссыльныхъ, Юркевича. Онъ всегда горячо отстаивалъ возможность вести прибыльное хозяйство на Сахалинѣ и Тымовскій округъ ставилъ чуть ли не выше береговъ Уссури. Юркевичъ самъ лично много лѣтъ занимался хлѣбопашествомъ, потомъ, съ полученіемъ крестьянства, выѣхалъ на заработки въ Уссурійскій край, а теперь снова вернулся на Сахалинъ, гдѣ у него оставались жена и дѣти. Я вамъ прочту только то, что имѣетъ общій интересъ.

— Пожалуйста, прочтите, прочтите!—съ страстнымъ любопытствомъ запросили сахалинцы.

— Онъ пишетъ: «Меня одолѣваетъ старая мечта—завести свое суденышко, и я снова подалъ прошеніе о разрѣшеніи построить мнѣ въ Арковской долинѣ небольшую шкунку. Думаю

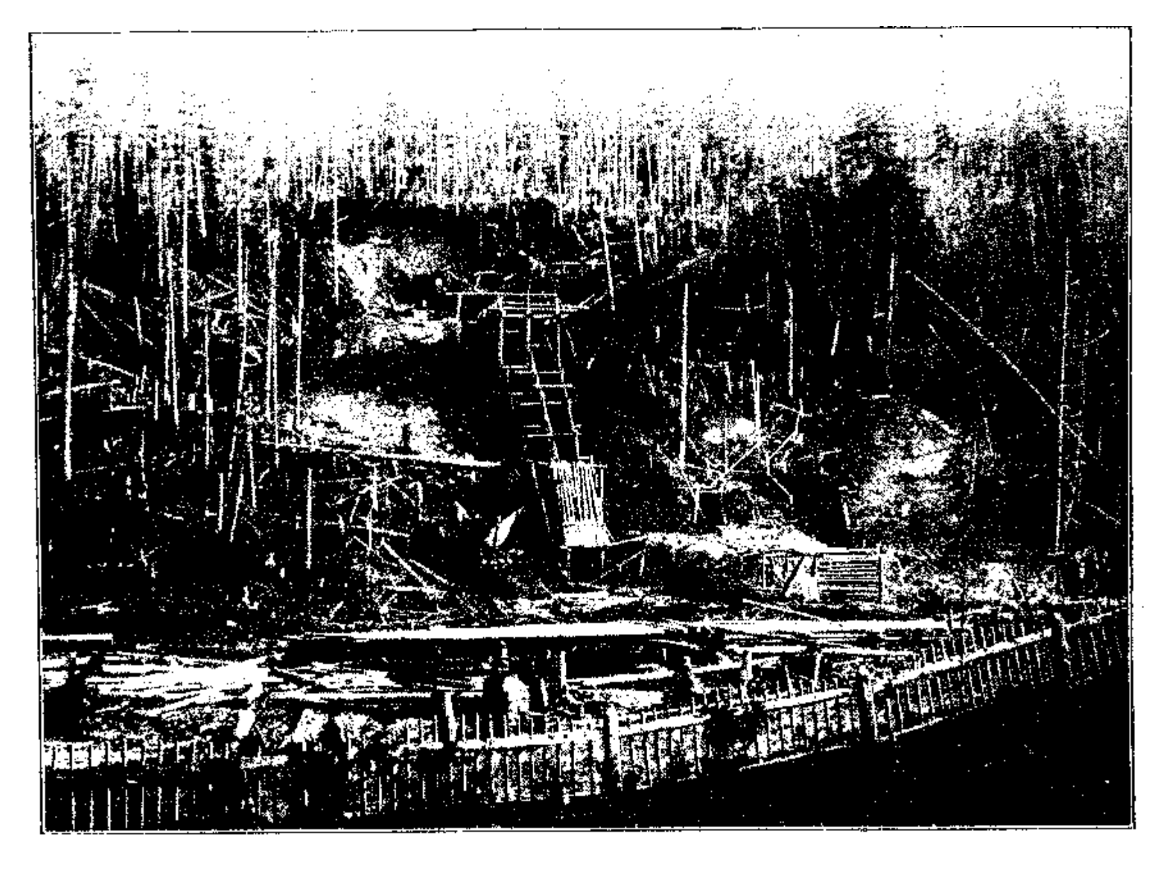
Домъ военнаго губернатора на о. Сахалинѣ.

промышлять рыбой и бочками для Николаевска. Въ сѣверномъ Сахалинѣ, у мыса Головачева, открылась рыбалка такой же хорошей рыбы, какая ловится въ устьяхъ Амура. Кромѣ Зотова и еврея Рубинштейна, многіе поселенцы артелями ѣздили туда на простыхъ лодкахъ и хорошо заработали. Нынѣшній годъ въ въ Рыковскомъ неурожайный. Въ іюнѣ и іюлѣ была сильная засуха, и хлѣбъ, который сѣяли на поляхъ къ Тарайскимъ мостамъ, весь выгорѣлъ; напротивъ, хлѣба на поляхъ къ Дербинскому селенію были хороши. Въ апрѣлѣ я привезъ два улья пчелъ съ материка, а теперь имѣю пять ульевъ, и уже кушали сахалинскій медъ. Пчелы живы [1]. Вѣроятно, вы слышали, М—ръ женился на молоденькой ученицѣ своей, но вскорѣ его жену зарѣзали. Фельдшеръ Г. отравился. Помощникъ окружного начальника помѣшался, и его увезли въ больницу. С—я умерла...».

Пока я читалъ, мои слушатели ахали и охали отъ этихъ извѣстій, но я не останавливаясь продолжалъ чтеніе.

«...Здѣшняя жизнь попрежнему тянется грустно. Грабежи и убійства не прекращаются. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ пять открытыхъ убійствъ съ цѣлью грабежа, а сколько пропало безъ вѣсти—одинъ Богъ про то знаетъ... Кражи по числу ночей, а иногда бываетъ по двѣ и по три въ ночь. У поселенца Зинченки со двора увели большого быка. Нашли его привязаннымъ на дворѣ тюрьмы за кузницей. Много скота пропадаетъ безъ всякихъ слѣдовъ. Если кому посчастливится найти что нибудь изъ украденнаго, то это непремѣнно въ тюрьмѣ. Крали даже казенныхъ быковъ и продавали ихъ въ Александровкѣ. Крестьяне боятся за свое имущество и жизнь. Вспоминаютъ съ сожалѣніемъ правленіе Бутакова. Убійцы Б. и С., осужденные на вѣчную каторгу, свободно разгуливаютъ по селенію. Тайные водочные заводы тоже не переводятся. Начальство между собою не въ ладахъ, особенно, смотритель тюрьмы съ врачемъ. Однажды они позволили себѣ поссориться въ тюрьмѣ публично при арестантахъ. Каторжные, конечно, пользуются этимъ. Чувствуется усиленное давленіе на ссыльный элементъ. Зажиточный крестьянинъ долженъ уѣзжать съ острова, также и торговецъ. Частная торговля ограничивается, а распространяется казенная. Такимъ образомъ прочно обжиться на Сахалинѣ нѣтъ надежды. Вѣроятно,

[1] Письмо писано зимою 1896—1897 г. Ст. Гр. Юркевичу принадлежитъ слава перваго пчеловода на Сахалинѣ.

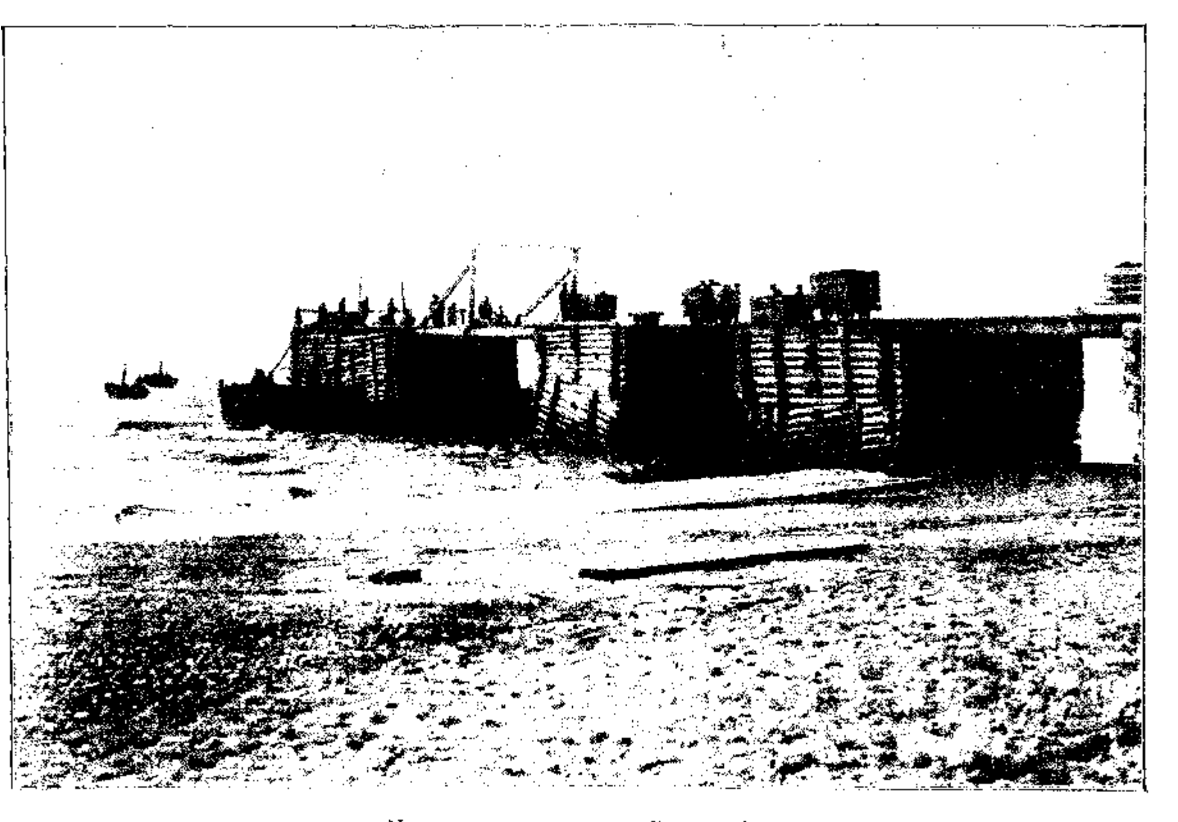
Штольни Владимировскаго рудника.

и мнѣ придется перебираться отсюда со всей семьей въ Камчатку гдѣ подрядчикъ С. предлагаетъ мнѣ мѣсто на довольно выгодныхъ условіяхъ. По-моему, на Сахалинѣ все доброе разрушается. Не бывало раньше, чтобы порядочному учителю изъ поселенцевъ платили пять рублей въ мѣсяцъ и при томъ обязывали бы его заниматься въ канцеляріи (писаремъ) въ каникулярное время. Чѣмъ же ему содержать себя, если онъ къ тому же и семейный? Была жизнь въ Рыковскомъ когда-то, а теперь осталось одно воспоминаніе»...

— Да, нерадостно изъ деревни пишутъ!—заговорилъ хабаровскій гость, когда я кончилъ чтеніе.—Ну, вотъ вамъ и новые порядки, новыя реформы, новые штаты! Отъ нихъ улучшенія что-то не замѣтно. Только и есть, что увеличилось число чиновниковъ. Къ нимъ еще прибавился персоналъ контроля. Какъ видно, всѣ усилія администраціи сдѣлать изъ острова сельско-хозяйственную колонію до сихъ поръ не увѣнчались замѣтнымъ успѣхомъ.

Собесѣдники обратились ко мнѣ, какъ послѣ всѣхъ съѣхавшему съ острова.

— Вамъ я не могу сказать много новаго,—говорю имъ.—Я выѣхалъ съ острова, когда онъ и, въ частности, Тымовскій округъ находились въ періодѣ большихъ измѣненій. Частая смѣна начальствъ, массовое передвиженіе каторжныхъ на желѣзную дорогу и быстрый уплывъ зажиточныхъ крестьянъ на материкъ сильно повліяли на общее настроеніе сахалинцевъ и замѣтно измѣнили картину здѣшней жизни. Все стало какъ-то шатко, неустойчиво. Послѣ Бутакова ни одинъ начальникъ въ Тымовскомъ округѣ не выдержалъ подъ рядъ пяти лѣтъ службы, а смотрители тюремъ мѣнялись еще быстрѣе. Общее движеніе захватывало всѣхъ, дѣйствовало увлекательно и гнало населеніе каторжнаго острова къ тѣмъ пунктамъ новаго края, гдѣ пульсъ жизни бился еще лихорадочнѣе. Сначала, при основаніи поселеній въ Тымовскомъ округѣ, не было замѣтной розни среди населенія, не было еще людей со званіемъ крестьянина, а немногочисленные поселенцы почти сливались тогда съ каторжными. Работы у нихъ были одного и того же характера: расчистка и разработка земли, да устройство домовъ. Поселенцы и матеріальнымъ обезпеченіемъ мало чѣмъ отличались отъ ссыльно-каторжныхъ. Но съ годами положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось. Появилось довольно значительное крестьянство съ хоро-

Угольная пристань на Сахалинѣ.

шими хозяйствами и съ относительнымъ самоуправленіемъ съ начальникомъ округа во главѣ. Съ другой стороны, каторжные рѣзко обособляются отъ нихъ въ отдѣльную группу, строго подчиненную надзирателямъ и смотрителю тюрьмы. Такимъ образомъ явилось впослѣдствіи два ссыльныхъ сословія—каторжныхъ и поселенцовъ,—которыя вступили между собою въ силу мѣстныхъ условій въ глухую борьбу. Каторжные, какъ голодные волки, каждую ночь рыщутъ поживиться чѣмъ нибудь, что плохо лежитъ, а поселенцы за это расплачиваются ужасною монетой. Такое положеніе дѣлъ, конечно, никогда не примиритъ поселенца съ условіями здѣшней жизни. Богатые спѣшатъ уѣхать, и остаются одни бѣдняки, да и у этихъ только и думы. какъ бы покинуть страшный и ненавистный Сахалинъ.

Я еще высказалъ имъ нѣсколько общихъ положеній объ условіяхъ сахалинской жизни, а затѣмъ мы вспомнили оставленныхъ товарищей на островѣ и проговорили о нихъ до самой ночи.

XIV.

Разстояніе и время изглаживаютъ впечатлѣнія.—Сахалинскій калейдоскопъ.—Что добраго въ худомъ?—Школа униженія.—Печальный случай съ Рюхинымъ.—Пустыня для спасенія души.—Страдать—общая участь ссыльныхъ.—Прощаніе съ Сахалиномъ.

Въ настоящее время, когда я пишу свои воспоминанія, меня отдѣляетъ отъ Сахалина и десять тысячъ верстъ разстоянія и порядочно большое время, давшее мнѣ массу новыхъ впечатлѣній въ моихъ странствованіяхъ по Россіи и за границей, заслоняющихъ до нѣкоторой степени все сахалинское. Многое, чѣмъ такъ сильно болѣлъ въ каторгѣ, поизгладилось, залѣчилось, успокоилось. Я уже начинаю забывать имена сахалинскихъ героевъ, какъ предалъ забвенію и свои претерпѣнныя невзгоды, но въ общемъ сахалинскую ссылку всегда буду помнить. Нельзя окончательно забыть эту скверную, адскую и въ то же время единственную въ своемъ родѣ и крайне оригинальную жизнь въ сахалинской каторгѣ.

Когда мысленно перенесешься на край свѣта, гдѣ лежитъ несчастный островъ, то въ воображеніи сейчасъ же замелькаютъ:

казармы, камеры, майданы, каторжные, надзиратели, палачи, кобылы, розги, плети, тачки, кандалы, халаты, чирки, бритыя головы, уржи, пайки, баланда, черемша, кэта, соболи, медвѣди, гиляки, юрты, нарты, бродяги, кордоны, поселенцы, сожительницы, бураны, тайга, угольныя копи... Этотъ сахалинскій калейдоскопъ, такой сложный по своему составу, всю жизнь будетъ торчать у меня предъ глазами. Сахалинъ самъ по себѣ, безъ тюремъ, далъ бы интересную яркую картину; но, къ его горю, пестрота красокъ на немъ подернута сѣрою мглою каторжнаго наслоенія, обезцвѣчивающею этотъ островъ двухъ морей, какъ обезцвѣчиваетъ иногда нашедшій туманъ съ моря восхитительные уголки южной Японіи.

Во всемъ я стараюсь найти полезное и даже въ худомъ ищу хорошее. Что же добраго далъ мнѣ Сахалинъ за восемь лѣтъ жизни на немъ?.. Карьеры себѣ здѣсь я не составилъ, денегъ не пріобрѣлъ, здоровья не получилъ... Можетъ быть, снискалъ славу? О сахалинская слава! какъ на Дальнемъ Востокѣ, тамъ, гдѣ русская жизнь сложилась среди ссыльныхъ, мнѣ нерѣдко приходилось старательно скрывать тебя отъ людей, такъ и теперь въ Россіи я иногда принужденъ бываю прятать тебя, какъ что-то ужасно позорное...

Великій русскій каторжникъ, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, видитъ въ строгомъ наказаніи въ острогѣ и каторгѣ средство къ спасенію преступниковъ. Они, по его выраженію, самоочищаются страданіемъ. И я скажу: суровая жизнь до нѣкоторой степени вырабатываетъ человѣка.

Только тотъ пойметъ горе другого, кто самъ испыталъ его. Только тотъ можетъ посочувствовать голодному, холодному, больному, кто самъ попробовалъ голодъ, холодъ и болѣзнь. Съ этой стороны, конечно, каторга оставляетъ свой слѣдъ и больше побуждаетъ любить ближняго, чѣмъ богатая, сытая, довольная жизнь. Мнѣ случалось слышать, какъ арестанты съ гордостью говорили:

— У насъ въ каторгѣ нищій скорѣй будетъ сытъ, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ.

Это правда. Не только накормятъ, но и одѣнутъ его здѣсь. И это сдѣлаютъ не отъ избытка, а при скудости своихъ средствъ.

Но, кромѣ физическихъ страданій, нужды и терпѣнія, Сахалинъ еще даетъ почувствовать ссыльному крайнее униженіе. Однѣ только плети и розги чего стоятъ! Съ какимъ плачемъ

иногда униженно умоляетъ каторжный смотрителя, чтобы тотъ его не сѣкъ на кобылѣ! Случалось, что боязнь позорнаго наказанія дѣлала человѣка безумнымъ и гнала его въ лѣсъ.

Я помню печальный случай съ камерщикомъ Михаиломъ Рюхинымъ. Однажды онъ нечаянно разбилъ оконное стекло въ казармѣ. Не велико преступленіе (да и преступленіе ли это?). Но Рюхинъ, имѣя передъ своими глазами множество подобныхъ примѣровъ, рѣшилъ, что его будутъ за это наказывать розгами, и въ паническомъ страхѣ ночью бросился бѣжать въ тайгу. Его не остановили ни глубокій снѣгъ, ни трескучій морозъ. Только быстрая, не замерзающая рѣка Тыми могла прекратить его безумный бѣгъ. Но и тутъ онъ не вернулся въ тюрьму и не пошелъ къ мосту, который его переправилъ бы на другую сторону рѣки, а залѣзъ въ первое попавшееся дупло дерева и спрятался тамъ. Случайно охотникъ-поселенецъ набрелъ на слѣды Рюхина по снѣгу, прекращающіеся у самаго дерева. Онъ выволокъ изъ дупла замерзшую фигурку несчастнаго камерщика и представилъ его смотрителю тюрьмы, какъ пойманнаго бродягу. На этотъ разъ Рюхинъ избавился отъ унизительнаго наказанія, но какою цѣною!—его снесли въ лазаретъ.

Сознаніе оскорбительнаго чувства у битаго каторжника чаще всего остается незалѣчимой раной на всю жизнь. Надо имѣть ссыльному особенное христіанское благодушіе, чтобы простить каторгѣ всѣ свои мученія и униженія и не поминать ея лихомъ. Впрочемъ, есть нѣкоторые религіозно-настроенные старики, которые сравниваютъ Сахалинъ съ пустынями, гдѣ спасались Божіи угодники, и считаютъ свое пребываніе на немъ, какъ назначенное особымъ строительствомъ Божіимъ для спасенія души. Но и эти пустынники, я слышалъ, горячо со слезами молились Богу псалмами Давида:

— «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, яко по многу исполнихомся уничиженія. Наипаче наполнися душа наша поношенія гобзующихъ и уничиженія гордыхъ...».

Я былъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе: лучше обезпеченъ, пользовался вниманіемъ и покровительствомъ начальниковъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи казенный домъ среди цвѣтущаго сада, а главное—у меня были разнообразныя занятія, которыя требовали съ моей стороны большого вниманія и дѣятельности и отвлекали меня отъ угнетающихъ думъ и печалованія о своей судьбѣ. Но при всемъ томъ и я много страдалъ

душевно, если не за себя, то за другихъ. Страданіе—такова ужъ нравственная атмосфера на Сахалинѣ! Рѣдко на кого она не положитъ печати угрюмости, которая если потомъ и сойдетъ съ лица, то только послѣ долгихъ лѣтъ сожитія съ жизнерадостными людьми въ Россіи. Во время моего отъѣзда съ острова Сахалина я былъ съ примиреннымъ сердцемъ: мнѣ не пришлось бранить ни судьбу свою, ни людей, въ зависимости которыхъ я находился. Сопровождаемый горячими благословеніями и добрыми пожеланіями, я разставался, какъ другъ, и съ ссыльными, и съ чиновниками. Но... печальный островъ несчастныхъ! при всѣхъ моихъ заочныхъ искреннихъ благожеланіяхъ тебѣ, я не хотѣлъ бы тебя снова увидѣть такимъ же, какимъ я тебя кинулъ. Можетъ быть, ты попрежнему останешься мѣстомъ свалки всѣхъ отбросовъ, всѣхъ отрѣзанныхъ негодныхъ членовъ организма Россіи, или будешь, на ряду съ другими областями, самостоятельнымъ губернаторствомъ, съ развитіемъ промышленной жизни, съ собственнымъ маленькимъ флотомъ, со своимъ металломъ, углемъ, лѣсомъ, рыбою и керосиномъ, или же, наконецъ, ты будешь играть не послѣднюю роль въ грядущихъ событіяхъ Дальняго Востока [1]),—во всякомъ случаѣ я шлю тебѣ издалека свое прощальное привѣтствіе и молю Бога, чтобы оставшіеся у тебя мои товарищи скорѣе послѣдовали моему примѣру и покинули бы тебя навсегда.

[1]) Съ незапамятныхъ временъ цивилизація, начиная отъ Индіи, Ассиріи, Халдеи, Мидіи, Персіи, Греціи, Рима, все время шла на западъ и теперь черезъ Америку она пробирается въ Японію, Китай и Сибирь. Сахалинъ, замыкая собою на сѣверѣ гряду японскихъ острововъ, тоже лежитъ на пути цивилизаціи.